

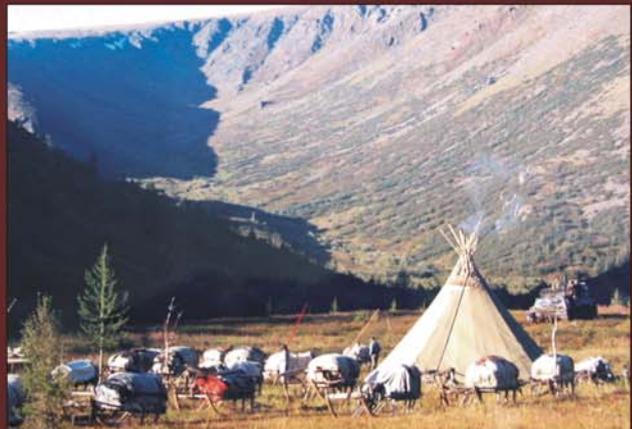

1(24)

2014

ISSN 1811-7465

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

**ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

**№ 1 (24)
2014**

ISSN 1811-7465

Журнал основан в 1997 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
д.и.н. А.Н. Багашев

Редакционный совет:
д.и.н., акад. РАН В.И. Молодин (председатель),
д.и.н., чл.-кор. РАН А.П. Бужилова, д.и.н. С.В. Васильев, д.и.н., чл.-кор. РАН А.В. Головнев,
д.и.н. В.Н. Логвин, д.и.н. Н.А. Миненко,
д.и.н. О.М. Рындина, д.и.н. Н.А. Томилов, д.и.н. Т.Н. Троицкая, д.и.н. Л.А. Чиндина,
д.и.н. Ю.К. Чистов, д.и.н. Л.Т. Яблонский

Редакционная коллегия:
д.и.н. М.Г. Агапов, к.и.н. А.Д. Дегтярева (зам. главного редактора), д.и.н. В.А. Зах,
к.и.н. В.П. Ключева, к.и.н. Н.А. Лискевич (ответственный секретарь),
к.г.-м.н. Н.Е. Рябогина, д.и.н. А.А. Ткачев

Утвержден к печати ученым советом Института проблем освоения Севера СО РАН

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и СМК
Свидетельство № 044577 от 09.03.2004

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 22-93-60, E-mail: ipos@tmn.ru

*Электронная версия журнала (ЭЛ № ФС 77-32570; гос. регистрация № 0421100085; ISSN 2071-0437 (online)) —
режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус.*

© Институт проблем освоения Севера СО РАН, 2014

Тюмень
Издательство ИПОС СО РАН

Содержание

Археология

Чаиркина Н.М., Дубовцева Е.Н. Керамические комплексы эпохи неолита поселения Нижнее озеро III	4
Еньшин Д.Н. Неолитические жилища поселений озера Мergenь	14
Новиков И.К., Дегтярева А.Д., Шилов С.Н. Могильники эпохи бронзы Озерное 1 и Озерное 3 (результаты исследований)	24
Зах В.А., Костомаров В.М., Илюшина В.В., Рябогина Н.Е., Иванов С.Н., Костомарова Ю.В. Коптяковский комплекс поселения Чепкуль 5	36
Зах В.А. Формирование федоровской культуры в Притоболье и пути миграции ее носителей на восток	50
Ковтун И.В. Сова Томской писаницы	61
Троицкая Т.Н., Мжельская Т.В., Борзых К.А. Жилища и хозяйственные сооружения городища Завьялово-5	69
Федорченко А.Ю. Этнографические источники в археологической трасологии: возможности междисциплинарного подхода при анализе каменных индустрий Севера Дальнего Востока	78

Антропология

Шарапова С.В., Ражев Д.И., Курто П. Новое в изучении женских погребений (по материалам саргатской культуры Притоболья)	84
Федотова Т.К., Горбачева А.К. Географические вариации размеров тела новорожденных и грудных детей	96
Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В., Пошехонова О.Е. Особенности погребальной обрядности средневекового населения Северного Приангарья (по материалам могильника Проспихинская Шивера IV)	103

Этнология

Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Поход 1483 г. и его место в истории русско-сибирских отношений	115
Адаев В.Н. Селькупы Верхнего Таза: межкультурные связи и пути сообщения с населением соседних речных бассейнов в XVIII–XX вв.	124
Машарипова А.Х. Детская смертность у коми-зырян Нижнего Притоболья в конце XIX — начале XX в.	133
Лискевич Н.А. К вопросу о ритуальных практиках коми оленеводов Северного Зауралья	138
Петров Д.Д. Сакральная топонимия Республики Коми и ее параллели в географических названиях Русского Севера, Урала и Западной Сибири	147
Темплинг В.Я. Жизненный путь и формирование индивидуального магико-медицинского опыта в практике народного целительства	157

Палеоэкология

Корона О.М., Рудковская М.А. Археоботаническое исследование посада Старотуруханского городища	163
Вниманию авторов	172
Список сокращений	174

На передней стороне обложки: медные ножи из погребений кургана 5 могильника Озерное 1 (Курганская обл.); коми оленеводы и стойбище оленеводов, Приполярный Урал, 1980-е гг. (из семейного архива Хозяинова С.Я., с. Саранпауль).

Contents

Archaeology

Chairkina N.M., Dubovtseva Ye.N. Neolithic pottery complexes from the settlement of Nizhneye Ozero III	4
Yen'shin D.N. Neolithic dwellings from settlements of the Mergen' lake	14
Novikov I.K., Degtyareva A.D., Shilov S.N. The Bronze Age burials of Ozernoye 1 and Ozernoye 3 (the investigation results).....	24
Zakh V.A., Kostomarov V.M., Ilyushina V.V., Ryabogina N.Ye., Ivanov S.N., Kostomarova Yu.V. The Koptyaki complex from the settlement of Chepkoul 5.....	36
Zakh V.A. Formation of the Fyodorovo culture in the Low Tobol basin and migration ways of its media to the east.....	50
Kovtun I.V. The owl of Tomskaya Pisanitsa	61
Troitskaya T.N., Mzhelskaya T.V., Borzykh K.A. Dwellings and household buildings from the hillfort of Zavyalovo-5.....	69
Fedorchenko A.Yu. Ethnographic sources in archaeological trasology: potentials of a cross-disciplinary approach under analysis of stone industries from the North of the Far East	78

Anthropology

Sharapova S.V., Razhev D.I., Kurto P. New in studying feminine burials (after materials of the Sargatka culture from the Low Tobol basin)	84
Fedotova T.K., Gorbacheva A.K. Geographic variations of body dimensions with newborn babies and infants.....	96
Senotrusova P.O., Mandryka P.V., Poshekhonova O.Ye. Features of burial rites with medieval population from the North Low Angara basin (after materials from the burial site of Prospikhino Shivera-IV)....	103

Ethnology

Masluzhenko D.N., Ryabinina Ye.A. The campaign of 1483 and its place in the history of Russian-Siberian relations.....	115
Adayev V.N. Selkups of the Upper Taz: inter-cultural contacts and routes of communication with population of the neighboring river basins in XVIII–XX cc.	124
Masharipova A.Kh. Infant mortality with Komi-Zyryans from the Low Tobol basin late in XIX — early XX century	133
Liskevich N.A. On ritual practices with Komi reindeer-breeders from North Trans-Urals.....	138
Petrov D.D. Sacral toponymy of Komi Republic and its parallels in geographical names of Russian North, the Urals and West Siberia	147
Templing V.Ya. Course of life and shaping of individual magic-and-medical experience in the practice of folk healing	157

Paleoecology

Korona O.M., Rudkovskaya M.A. Archaeobotanical investigation regarding a trading quarter of Staroturukhansk hillfort.....	163
--	-----

Memo to the Authors	172
Abbreviations	174

АРХЕОЛОГИЯ

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ЭПОХИ НЕОЛИТА ПОСЕЛЕНИЯ НИЖНЕЕ ОЗЕРО III

Н.М. Чаиркина*, Е.Н. Дубовцева**

Рассмотрены керамические комплексы эпохи неолита многослойного поселения Нижнее озеро III, расположенного в основании восточного макросклона Уральских гор в южной части северного Урала. Проанализированы типолого-морфологические и технологические признаки двух типов керамики эпохи неолита, залегающих совместно на дне нескольких сооружений. Высказаны предположения об их культурной принадлежности и времени бытования.

Эпоха неолита, тип керамики, типолого-морфологическая и технологическая характеристика.

Поселение Нижнее озеро III расположено в Свердловской обл., на территории МО «Североуральский городской округ», в 2,8 км к ЮЮВ от с. Всеволодо-Благодатское (рис. 1, А). Этот район находится в основании восточного макросклона Уральских гор в южной части северного Урала, на 60° с.ш. Поселение расположено на площадке высотой до 4 м от уреза воды западного берега оз. Нижнее. С западной и северной стороны оно ограничено склоном горы, с востока — озером, с юга — заболоченным берегом озера. Восточная часть поселения размывается. В 2006 г. было исследовано 235 м² площади памятника (рис. 1, Б). Поселение многослойное, неолита — железного века, VI тыс. до н.э. — I тыс. н.э. С эпохой неолита связаны остатки трех котлованов построек № 1–3. Сооружения № 2 и 3, к сожалению, в значительной степени разрушены. Постройка 1 почти полностью зафиксирована по дну котлована. Жилища сооружались по наклонной поверхности, «врезаны» в склон береговой террасы. Котлованы прямоугольной формы с плечиками, ориентированы по линии ССЗ–ЮЮВ.

Котлован **постройки № 1** начал фиксироваться на глубине -181...-190 см. Его размеры на -211...-220 см достигали 6,2×8,2 м. На дне (-290...-295 см), где были зафиксированы канавки и отдельные неглубокие ямки, размеры сооружения сократились до 4,4–5,1×5,9 м.

На глубине -305 см, в восточной части постройки, под полом была обнаружена яма размером 0,6×1,0 м, глубиной 0,25 м, по конструктивным особенностям и характеру заполнения аналогичная яме сооружения № 3. По углю со дна постройки № 1 получена ¹⁴С-дата 6645±140 лет (СОАН-6944), по углю из заполнения — 4580±145 лет (СОАН-6947), 4680±100 лет (СОАН-6946) и 5495±125 лет (СОАН-6945).

Котлован **постройки № 2** начал фиксироваться на глубине -171...-180 см. Его размеры на -231...-240 см — 1,8–2,2×6,1 м. На дне сооружения (-240...-250 см) зафиксированы канавки и отдельные ямки, глубина которых доходит до -274 см, очаг не обнаружен (отсутствовал или располагался в разрушенной части). По углю со дна сооружения получена ¹⁴С-дата: уч. А/6, -250 см — 7120±140 лет (СОАН-6199), по углю из заполнения: уч. А/5, -237 см — 5520±125 лет (СОАН-6198).

Котлован **постройки № 3** начал фиксироваться на глубине -170...-180 см. Его размеры на -181...-190 см — 1,7–2,5×7,5 м; на глубине -261...-270 см — 0,7–2,1×6,1 м. Ниже пола сооружения (-281...-290 см) зафиксированы канавки и ямки, глубина которых доходит до -331 см. Почти на самом дне, рядом с западной стенкой, найдено скопление отщепов и пластин, кусков обожженной глины и обломки трудноопределимых изделий из глины плохого качества. Подобные куски встречены по всему дну постройки. Развалы сосудов или крупные фрагменты керамики не обнаружены, найдены их мелкие обломки. На глубине -300 см почти в центре постройки под полом обнаружена яма прямоугольной формы с закругленными углами. По периметру, стенкам и дну она была выложена камнями. В заполнении фиксировались тонкая прокаленная прослойка, угли, мелкие кальцинированные кости, отщепы и пластины, кусочки обожженной глины. По углю из заполнения и со дна постройки № 3 получены ¹⁴С-даты: уч. В/13, -210...-230 см —

Керамические комплексы эпохи неолита поселения Нижнее озеро III

7500±145 лет (СОАН-6200); уч. В/12–13, -250...-260 см — 7695±170 лет (СОАН-6201); уч. Б/12, яма, -320 см — 7680±110 лет (СОАН-6202); уч. Б/12, яма, -325 см — 7735±90 лет (СОАН-6203).

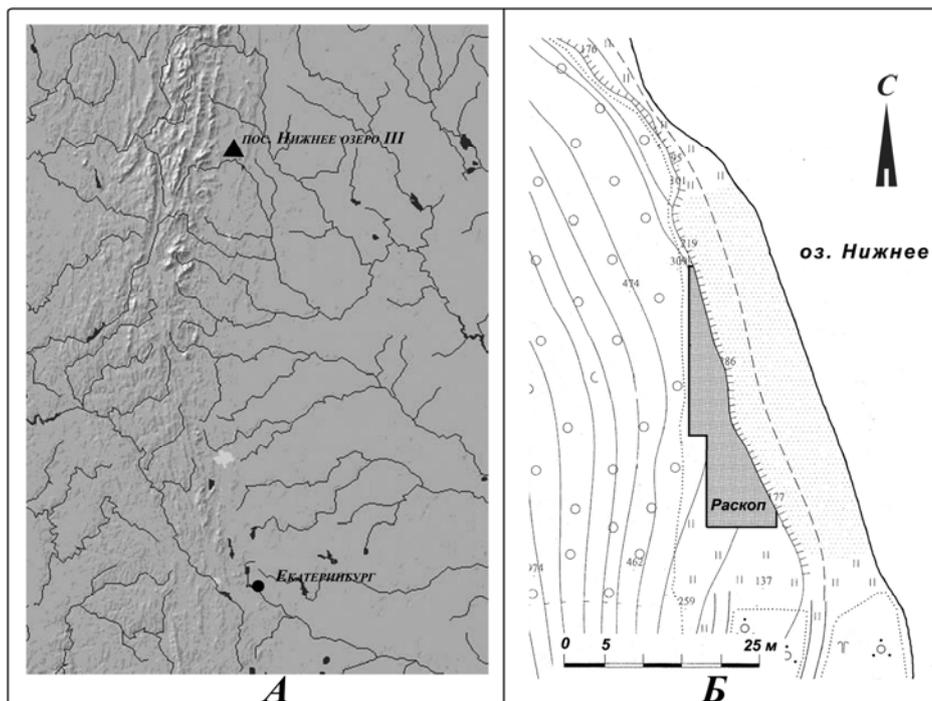

Рис. 1. Схема расположения (А) и топографический план поселения Нижнее озеро III (Б)

В пользу одновременности функционирования котлованов № 1 и 2 свидетельствуют характер находок на их дне и конструктивные особенности построек. Об одновременности или по крайней мере о незначительном хронологическом разрыве в строительстве котлованов № 1 и 3, возможно, свидетельствует однотипность их ям, расположенных под полом. Учитывая изложенные выше факты, мы предполагаем функционирование неолитического комплекса поселения Нижнее озеро III во второй половине VI — первой половине V тыс. до н.э.

На дне котлованов построек № 1–3 зафиксирована только керамика эпохи неолита, представленная несколькими группами. Две из них рассмотрены в предлагаемом исследовании. Их статистическое распределение в заполнении, придонной части и на дне этих сооружений отражено на диаграммах 1, 2 (рис. 2).

Первая группа керамики представлена 31 сосудом (523 фрагмента). Степень сохранности емкостей разная: у большинства сосудов сохранились лишь стенки и венчики (22), только один можно назвать археологически целым. Сосуды баночной формы. Судя по сохранившимся придонным частям и обломкам днищ 12 сосудов, они имели круглое дно. Исключение составляет остродонный сосуд № 22. Преобладают емкости слегка «закрытые» (13) или с прямой верхней частью (13) с горловиной 26–45 см. Сосуд № 5 — чаша «открытой» формы высотой 6,6 см (рис. 2, 3). Обломков профилированных банок не обнаружено. Диаметр устья удалось установить у 23 сосудов (табл.).

Распределение сосудов (кол-во) в группах 1 и 2 по диаметру устья (см)

	6–10	11–15	16–20	21–25	26–30	31–35	36–40	41–45
Группа 1	2	2	5	1	5	—	4	4
Группа 2	—	1	3	2	5	2	—	2

Венчики имели различную форму среза: преобладал заостренный (12), круглый зафиксирован на шести, плоский — на девяти сосудах. На внутренней стороне у шести сосудов фиксиру-

ется «наплыв», у восьми — скос наружу. У трех сосудов волнистое оформление края, два из них относятся к малым ($D = 6-9$ см), а один — к самым крупным ($D = 41-45$ см). Только одна емкость с внутренней стороны орнаментирована волнистой линией, выполненной отступающей техникой.

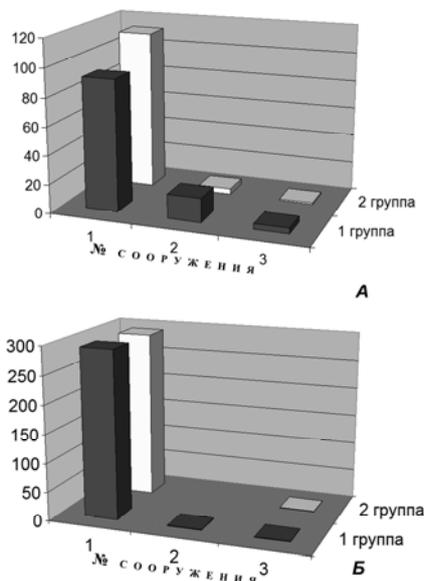

Рис. 2. Диаграммы распределения неолитической керамики в сооружениях пос. Нижнее озеро III: А — в заполнении сооружений; Б — в придонной части и на дне сооружений

Толщина венчиков большей части сосудов составляет 0,4–0,6 см, у некоторых за счет наплыва с внутренней стороны она достигает 0,9–1,2 см. Толщина стенок в основном — 0,4–0,6 см, реже — 0,7–0,8 см, придонных частей — 0,5–0,7 см, немногочисленных днищ — 0,5–0,8 см.

Технологический анализ керамики пос. Нижнее озеро III проводился по методике, разработанной А.А. Бобринским [1978] в рамках историко-культурного подхода. Структура гончарной технологии включает в себя 3 стадии (подготовительную, созидательную, закрепительную) и 12 последовательных ступеней [Бобринский, 1999]. Полная характеристика всех ступеней производства керамики пос. Нижнее озеро III затруднительна из-за сильной фрагментарности источника. Поэтому исследование проводилось по сокращенной программе, основное внимание было уделено анализу исходного сырья и составлению формовочной массы (подготовительная стадия, ступени 1–4), обработки поверхности (созидательная стадия, ступень 8), придание прочности (закрепительная стадия, ступень 9) и орнаментации сосудов (ступень 12). Образцы изучались при помощи бинокулярного микроскопа МБС-10, зафиксированные следы сравнивались с эталонами экспериментальной коллекции археологического музея УрФУ.

Проанализировано 30 образцов от разных сосудов: группа 1 — 13 (41,9 %) сосудов, группа 2 — 17 (77,2 %) сосудов. Для анализа исходного сырья в районе памятника отобраны два образца глины. Образец № 1 взят к Ю от раскопа. Сырье темно-коричневого цвета с примесью угольков и песка от пылевидного до крупного. Большинство в поперечнике около 0,5 мм; песчинки окатанные. Примесь песка составляет 20–50 %. Сырье очень пористое.

Образец № 2 взят к С от раскопа. Сырье светло-желтого цвета с примесью песка (40–55 %) средней размерностью 0,5 мм и гравия. Песок и гравий окатанные.

Из обоих видов глин были изготовлены эталонные образцы, которые затем сравнивались с керамикой. Сырье образца № 1 легко формуется, сохнет без трещин, не дает излишней усадки, т.е. может использоваться без примесей. Достаточное количество песка и гравия должно способствовать и качественному обжигу. Сырье образца № 2 более запесочено, что снижает пластические свойства. При его использовании необходимо применение добавок, улучшающих формуемость изделий. К ним могут быть отнесены примеси органического характера — растворы, некоторые виды растений, рыбий клей и т.п. [Цетлин, 1999; Глушков, 1996].

На полу жилища 3 и в его заполнении обнаружены куски слабообожженной глины. Возможно, это образцы глины, из которой производили керамику, или отходы ее производства. Для

Керамические комплексы эпохи неолита поселения Нижнее озеро III

анализа было отобрано три образца. Образец № 3 (№ 8875) — глина ожелезненная, пористая, в изломе светло-серого цвета, с примесью песка различной размерности (от пылевидного до 2 мм в поперечнике) и костяной крошки.

Образец № 4 (№ 4670) — глина ожелезненная, ярко-желтого цвета, с примесью песка, гравия и железистых включений. Тесто сильно запесочено. Песок и гравий в основном кварцевого состава. Образец № 5 (?) — глина темно-серого цвета, очень пористая, с примесью мелкого песка и гравия.

Таким образом, глина, залегающая в непосредственной близости от поселения и найденная в раскопе, характеризуется ожелезненностью, высокой степенью запесоченности. Основные различия между образцами № 1–5 заключаются в концентрации, размерности и минеральном составе песка и дресвы. Наличие в образцах № 3–5 некалиброванной, окатанной и различной по составу минеральной примеси (песка и гравия), идентичной примеси в образцах № 1, 2, свидетельствует об ее естественном происхождении.

Анализ исходного сырья всех отобранных фрагментов керамики из раскопа показал, что для изготовления керамики всех групп использовалась ожелезненная, сильнозапесоченная глина с естественной примесью кварцевого гравия и слюды, сопоставимая с образцами № 1 и 4. Кроме того для групп 1 и 2 было зафиксировано использование и слабозапесоченной ожелезненной глины с небольшой примесью пылевидного песка, что свидетельствует либо об еще одном источнике глины, либо о специальной подготовке исходного сырья.

Для изготовления посуды группы 1 в основном использовали местную сильнозапесоченную ожелезненную глину (9 экз.), в трех случаях — без примесей. Для улучшения пластических свойств в нее добавляли органический раствор (5), в одном случае — органический раствор и шамот. Реже применялась слабозапесоченная глина (4) с примесью мелкодробленого шамота, изготовленного из подобной же глины, и жидкой органики, которая включала остатки растительности (3).

Посуда изготовлена способом скульптурной лепки. В двух случаях был зафиксирован лоскутно-зональный налеп. Строительные элементы подлеплялись с внешней стороны. Возможно, часть сосудов лепилась на формах-основах. Косвенно об этом может свидетельствовать толщина стенок 3–4 мм. Четкие признаки использования форм-моделей не выявлены, по-видимому, они были уничтожены при обработке поверхности. Поверхность сосудов выровнена и заглажена, у 23 — с помощью гладкого шпателя, у 8 — местами залощена, у некоторых — шероховатая и трещиноватая. Пятна нагара наблюдались на поверхности 15, пригара — 20, возможно, охры — 2 сосудов (рис. 3, 4). На венчике одной емкости отмечены сквозные отверстия диаметром 0,3–0,4 см, просверленные с внешней стороны (рис. 3, 3).

Все сосуды группы 1 были обожжены в костре с кратковременной выдержкой при температуре каления, о чем свидетельствуют черные или трехслойные изломы черепков и пятнистая окраска поверхности сосудов.

Большинство анализируемых сосудов группы 1 декорировано прочерчиванием, реже применялось отступление и накальвание. На шести фрагментах в бордюрной зоне нанесены глубокие ямки округлой или каплевидной формы диаметром 1,5–2 мм, иногда они проходили насквозь или образовывали «жемчужины» на внутренней стороне сосуда. Орнаментами служили стержни со скругленным краем. Ширина рабочей части инструмента не превышала 2 мм, в большинстве случаев равнялась 1,5 мм. Изготавливались подобные орудия, судя по бороздкам, которые они оставляют на ложе, скорее из дерева, чем из кости. На трех сосудах зафиксировано использование двузубого инструмента, им выполнялись прочерченные прямые и зигзагообразные линии. Кинематика при прочерчивании сложная: часто инструмент отрывали от поверхности сосуда, затем орнаментация продолжалась с того же места, прочерченные таким образом отрезки невелики. Такой способ орнаментации не может быть объяснен необходимостью поворачивать сосуд при работе и относится к индивидуальным приемам, связанным со стремлением как можно более точно выполнить мотив. Как правило, он используется для нанесения зигзага или волны. Подобный способ выполнения прочерченных зигзагов характерен для керамики сумпаньинского и боборькинского типов [Крижевская, Гаджиева, 1991; Ковалева, Зырянова, 2010]. На одном из фрагментов тулова нанесен вертикальный столбик из сдвоенных наколов, выполненных одиночным стержнем.

Посуда этой группы орнаментирована отступающей и прочерченной техникой (9) (рис. 3, 2), только отступанием (6) (рис. 3, 3); прочерченными узорами и ямочными вдавлениями (4); кольчатых оттисками и прочерченной техникой (3) (рис. 3, 1); прочерчиванием (3). На трех сосудах зафиксировано сочетание прочерчивания, отступления, кольчатых оттисков и ямок (рис. 3,

5–7). Единично отмечено сочетание отступающей, прочерченной техники и ямок (рис. 3, 4); отступающей, прочерченной и накольчатой техники; а также отступающего и накольчатого способов орнаментации.

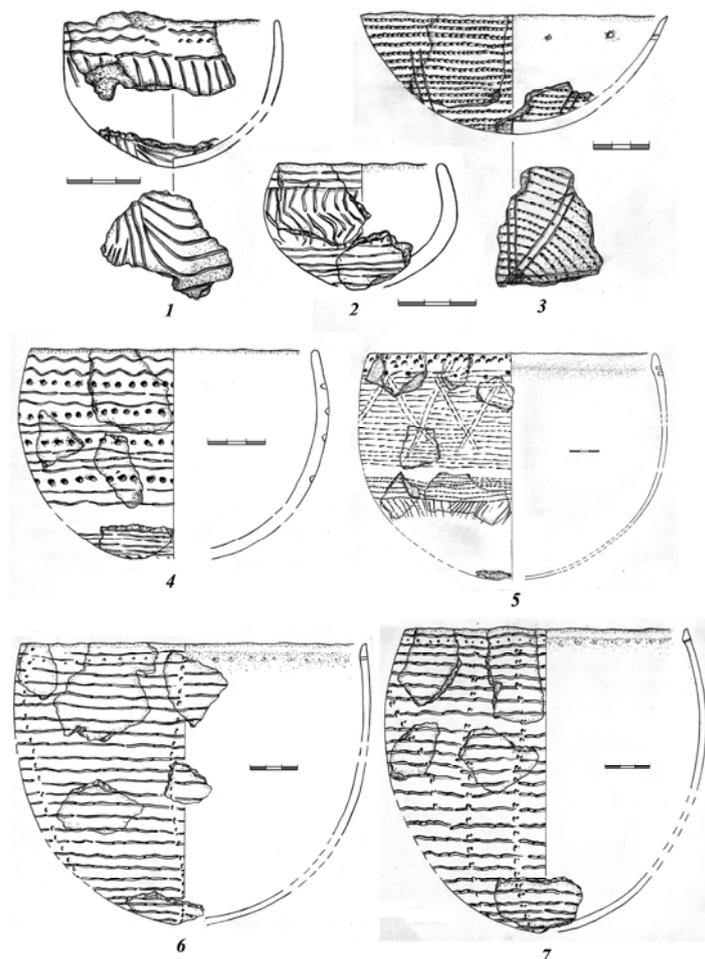

Рис. 3. Керамика группы 1:

1 — сосуд № 25; 2 — № 28; 3 — № 5; 4 — № 1; 5 — № 31; 6 — № 8; 7 — № 6

Судить об общей композиции узоров не всегда возможно из-за разной степени сохранности сосудов. По меньшей мере четыре горшка орнаментированы не полностью либо в их декоре присутствуют широкие «свободные» зоны. Орнаментальные мотивы венчиков и тулова на значительной части сосудов не разделены. Они составляют единые, как правило, горизонтально-линейные композиции, представленные горизонтальными параллельными или волнистыми линиями. Вероятно, к этой же группе можно отнести еще три сосуда, зона венчика которых специально выделена наклонно или горизонтально расположенными волнистыми линиями и ямками (рис. 3, 4). На трех сосудах горизонтальные ряды состоят из треугольных зигзагов, по стилистике и технике нанесения идентичных декору некоторых сосудов группы 2.

Специфику горизонтально-линейным композициям придают одинарные или сдвоенные накольчатые оттиски, образующие вертикальные ряды, зафиксированные на трех сосудах (рис. 3, 6). В качестве вертикальных разделителей также выступали прямые линии или зигзаг, спускающиеся от венчика к дну (рис. 3, 3). Тулово трех сосудов орнаментировано волнистыми линиями или треугольными зигзагами, расположенными вертикально, сходящимися на дне (рис. 3, 2) и образующими иногда своеобразный арочный декор (рис. 3, 1).

На нескольких сосудах отмечены более сложные композиции: параллельные наклонные, вертикальные и волнистые горизонтальные линии; древовидный узор или взаимопроникающие,

Керамические комплексы эпохи неолита поселения Нижнее озеро III

разно «заштрихованные» фигуры, возможно треугольники, напоминающие декор керамики евстунихского и кокшаровско-юринского типа. Орнамент одного из сосудов состоит из горизонтальных параллельных линий, разделенных наклонными сдвоенными линиями на зоны или на заштрихованные фигуры, контуры которых обозначены сдвоенными линиями (рис. 3, 5).

По сосуду № 8 (рис. 3, 6) этой группы из сооружения № 1 (уч. А/2, -265...-270 см; Б/3, -260...-265 см; А/3, -280...-285 см) получена радиоуглеродная дата — 6510 ± 90 (Ki-15394), 1σ 5560–5360 BC; 2σ 5630–5310 BC.

Вторая группа керамики поселения Нижнее озеро III представлена 22 сосудами (533 фрагмента). Степень сохранности емкостей разная. Сосуды баночной формы. У трех — достоверно (рис. 3, 3), у пяти — вероятно, круглое дно (рис. 4, 2; 5, 3). Форма днищ у остальных сосудов не реконструируется. Преобладают (12) слегка «закрытые» емкости, присутствуют сосуды с прямой верхней частью (4) с горловиной 16–35 см. Диаметр устья определен у 15 сосудов (табл.).

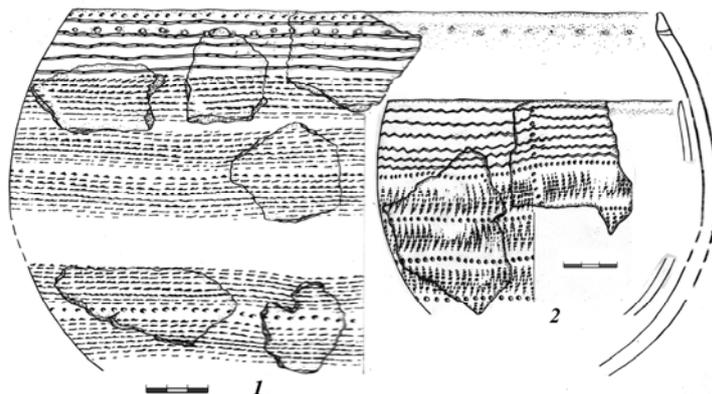

Рис. 4. Керамика группы 2. Сосуды № 1 (1) и 2 (2)

На внутренней стороне венчиков четырех сосудов фиксируется «наплыв», десяти — скос наружу (рис. 4, 2; 5, 2–4). Четыре емкости с внутренней стороны орнаментированы наколами (рис. 5, 3), наклонными оттисками гребенчатого штампа или «шагающей» гребенкой. Преобладал круглый срез (8), заостренный зафиксирован на пяти, плоский — на четырех сосудах. Срез одного сосуда, возможно, декорирован желобчатой линией. Край всех емкостей прямой.

Толщина венчиков составляет 0,3–0,8 см, у некоторых образцов за счет наплыва с внутренней стороны достигает 0,7–1,3 см. Толщина стенок в основном — 0,4–0,9 см, придонных частей — 0,5–0,7 см, немногочисленных днищ — 0,6–0,7 см.

Для группы 2, так же как и для группы 1, характерно использование в качестве исходного сырья сильнозапесоченной ожелезненной глины с естественной примесью кварцевого песка и дресвы, а также слюды и обломков других пород, которая сопоставима с сырьем образца № 4 (14 экз.). Применение слабозапесоченной глины является исключением (3). Выделяется четыре рецепта: глина без примесей (3 образца); глина + органический раствор (9 образцов); глина + органический раствор + шамот (4); глина + шамот (1). Органический раствор фиксируется по белесому налету, обволакивающему крупные пустоты аморфной формы, и комочкам рыхлого белесого или серого вещества, кальцинированной костной крошки. Такие признаки характерны для добавления органического раствора животного происхождения, в качестве которого, возможно, использовался рыбный клей (?).

Таким образом, на поселении зафиксировано три технологических стереотипа в выборе исходного сырья и составления формовочных масс: 1) использование местной сильнозапесоченной ожелезненной глины без добавок; 2) использование сильнозапесоченной ожелезненной глины с примесью органического раствора; 3) использование слабозапесоченной глины с примесью органики и шамота. Навыки отбора исходного сырья и составления формовочных масс у производителей групп 1 и 2 совпадают. Посуда изготовлялась преимущественно из сильнозапесоченной глины с примесью органического раствора. Четкой зависимости вводимых примесей от исходного сырья нет. Подобная рецептура формовочных масс характерна для неолитической керамики Зауралья [Васильева, 2011] и Западной Сибири [Крижевская, Гаджиева, 1991;

Дубовцева, 2010]. Отличия от зауральской керамики связаны с навыками отбора исходного сырья без талька. Причина может заключаться в отсутствии вблизи поселения залежей тальковых и илистых глин, которые являются основным сырьем для зауральских гончаров. От западно-сибирской неолитической керамики эта посуда отличается отсутствием в примесях охры и низким содержанием шамота.

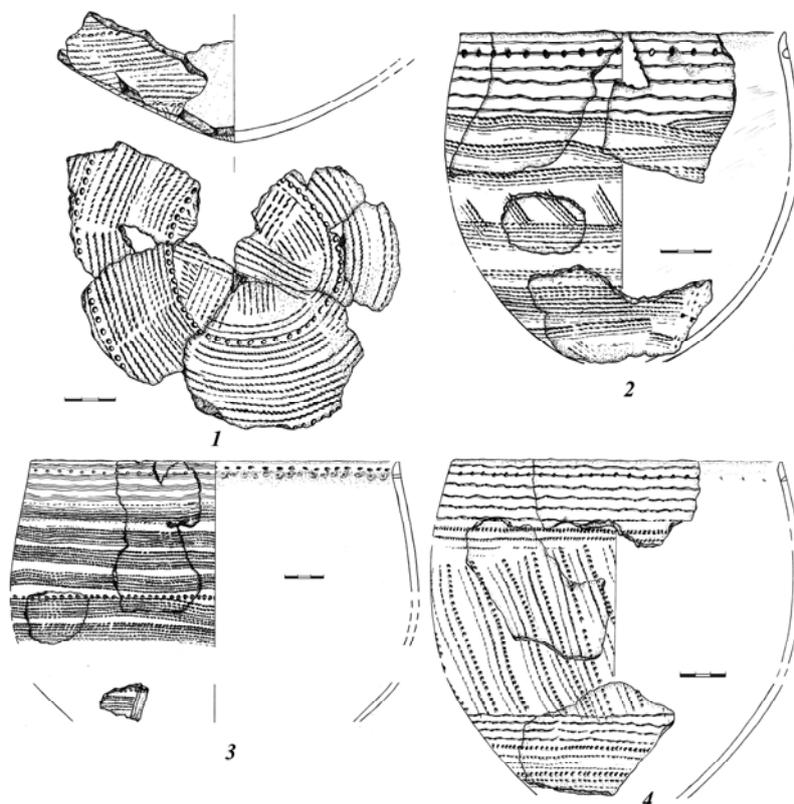

Рис. 5. Керамика группы 2:
1 — сосуд № 11; 2 — № 9; 3 — № 10; 4 — № 8

Как и посуда группы 1, керамика группы 2 изготовлена способом скульптурной лепки. В девяти случаях был зафиксирован лоскутно-зональный налеп. Строительные элементы подлеплялись с внешней стороны. Возможно, часть сосудов лепилась на формах-основах. Поверхность сосудов выравнивалась и заглаживалась с помощью шпателя (13), иногда ложились (7); у некоторых она шероховатая и трещиноватая. На поверхности наблюдались пятна нагара (12), пригара (11), возможно, охры (2) (рис. 4, 4). На одном сосуде фиксируются волосяные следы, которые, возможно, остались от прокладки между ним и формой-моделью или появились в результате орнаментации шнуровым штампом. На двух емкостях отмечены следы папиллярных линий пальцев гончара, еще на двух — насечки ногтевидной формы. Обжиг проводился в костре при температуре 650–700 °С. Фрагменты одного сосуда, залежавшие компактно на дне сооружения № 1, недалеко от очага, свидетельствуют об его гибели во время обжига — он расслоился по строительным элементам, имеет многочисленные следы термического отслаивания.

Керамика этой группы синкретична на уровне элемента и мотива декора, она сочетает орнаментальные черты посуды группы 1 и узоры, выполненные зубчатым орудием, в том числе в технике «шагания». Верхняя часть сосудов декорировалась в прореченной или отступающей манере, которые иногда сочетались при выполнении одного элемента, стержнем или двузубым инструментом — стержнем с раздвоенным концом (3), оставляющим копытообразный след. По морфологии они схожи с инструментами группы 1.

Тулово и днище орнаментировались искусственными гребенчатыми штампами с прямоугольными зубцами и составными орудиями с эластичным рабочим краем. Под составными

Керамические комплексы эпохи неолита поселения Нижнее озеро III

орудиями понимаются основы различных форм, на которые в несколько витков намотан шнур, являющийся рабочей частью орнамента. В данном случае используется шнур, скрученный из двух нитей S-видной круткой. Отсутствие на глине оттисков отдельных нитевидных волокон, четкость отпечатков свидетельствуют о том, что нити были изготовлены из растительного сырья, хотя не исключено и использование жильной нити [Дубовцева, 2011]. Гребенчатые штампы представляли собой слегка выгнутые пластины с прямой нарезкой, как правило, 8–12 зубцов. В одном случае зафиксировано использование в качестве орнамента нижней челюсти хищника в шагающей технике. Естественные челюстные орнаменты, в основном челюсти хищников, использовались для декора некоторых типов зауральской посуды; сумпаньинская керамика украшалась челюстями бобра [Калинина, Гаджиева, 1993].

Восемь емкостей по венчику украшены пояском ямочных вдавлений диаметром 0,3–0,6 см, часто сквозных, в четырех случаях образующих «жемчужины» с внутренней стороны (рис. 5, 2–4). Редкие накольчатые оттиски, служащие разделителями орнаментальных зон, зафиксированы на шести сосудах (рис. 4, 2; 5, 3).

В количественном отношении группы сосудов, орнаментированные разными техническими приемами, распределены следующим образом. На *трех сосудах* оттиски гребенчатого штампа сочетались с прочерченной (2) (рис. 4, 1) или отступающей (1) техникой.

На *восьми сосудах* прочерченная, отступающая и накольчатая техника сочетались с оттисками «шагающего» и/или «шагающего» с протаскиванием гребенчатого штампа. Отступающая техника, накольчатые оттиски и «шагающая» гребенка фиксировались на трех емкостях (рис. 4, 2); отступающая техника и «шагающая» гребенка — на двух; прочерчивание, «шагающие» с протаскиванием оттиски и ямками — на одном; прочерчивание, «шагающие» и «шагающие» с протаскиванием оттиски — на одном. На одном — прочерчивание, «шагающие» оттиски и ямки.

На *одинадцати сосудах* прочерченные, отступающие и накольчатые мотивы сочетались с «шагающими» и «шагающими» с протаскиванием оттисками, нанесенными составным орудием со шнуром. На *трех сосудах* зафиксировано сочетание прочерченной и «отступающей техники», накольчатых оттисков и ямок, прокатывание и «шагание» составного орудия (рис. 5, 3). Два сосуда декорированы штампованными оттисками двузубого гребенчатого штампа, а также «шаганием» и прокатыванием составного орудия, два других — накольчатыми оттисками, «шаганием» и прокатыванием составного орудия. Единично отмечено сочетание отступающей техники, ямок и прокатка составного орудия (рис. 5, 4), а также отступающая и прочерченная техника, ямки, «шагание» и протаскивание составного орудия (1) (рис. 5, 2). Один сосуд декорирован прокатыванием составного орудия и оттисками гребенчатого и фигурного штампа; другой — прочерчиванием одиночного стержня, ямками и «шаганием» составного орудия.

Орнаментировалась, скорее всего, вся внешняя поверхность сосудов. Мотивы и композиции узора, характерные для всех подгрупп этого типа керамики, чрезвычайно однообразны, в целом — монотонны. Они представлены горизонтально-линейными поясами. Верхняя часть почти всех сосудов с венчиками (16) декорирована в прочерченно-отступающей манере горизонтальными параллельными или слегка волнистыми линиями (9) (рис. 5, 2–4), горизонтальными треугольными зигзагами (6) (рис. 4, 1, 2), горизонтальными и наклонными линиями (1). Венчики только двух сосудов орнаментированы оттисками гребенчатого штампа и составным орудием со шнуром. В нижней части емкостей, на тулове, придонных частях и дне располагались оттиски «шагающего», «шагающего» с протаскиванием гребенчатого штампа и отпечатки шнурового штампа. Они образуют горизонтальные параллельные ряды (13) (рис. 4, 2; 5, 2, 3), которые иногда сочетаются с наклонными прочерченными линиями (1) или наклонными полосами, выполненными составным орудием (2) (рис. 5, 2, 4). Круглое дно одного сосуда разделено взаимно пересекающимися линиями из оттисков составного орудия на четыре сектора, заполненных той же техникой (рис. 5, 1). В декоре другой емкости присутствуют горизонтальные пояса оттисков составного орудия и наклонные треугольные сдвоенные зигзаги, иногда нанесенные поверх них. Гребенчатые оттиски служили, вероятно, разделителями зон на трех сосудах, декорированных в прочерченно-отступающей (рис. 4, 2), реже — в прочерченной технике и составным орудием (рис. 5, 3).

Некоторую специфику горизонтально-линейным композициям придают одинарные или сдвоенные накольчатые оттиски, образующие вертикальные (1), вертикальные и горизонтальные (рис. 4, 2) или горизонтальные ряды (4) (рис. 5, 1). По сосуду № 11 (уч. а/2, -280...-285 см;

Б-а/2, 3, -285...-290 см) этой группы (рис. 5, 1) получена ^{14}C -дата — 6250 ± 90 (Ki-15393) 1σ 5320–5200 BC, 5190 – 5060 ; 2σ 5500–4950 BC.

Культурно-хронологическая атрибуция комплексов. Неолитические комплексы Северного Зауралья (Нижнее озеро III, Каквинские печи и др.) и восточной части Свердловской обл. (Усть-Вагильский холм) находят больше аналогий в памятниках севера Западной Сибири [Ковалева и др., 1984; Крижевская, Гаджиева, 1991; Кокшаров, 2003; Клементьева и др., 2012], чем Среднего Зауралья. Материалы этих микрорайонов сближают конструктивные особенности котлованов построек, наличие культовых комплексов — холмов, отчасти — характер каменного инвентаря. Наибольшее количество сопоставлений обнаруживается в керамическом материале. На памятниках, как правило, присутствуют несколько групп керамики (в разных сочетаниях), определяемых исследователями как кошкинский, сумпаньинский, боборыкинский, сатыгинский, немнелский, честыйягский, чилимкинский типы и др. Правомерность выделения этих типов, вопросы их генезиса и даже технико-морфологические характеристики некоторых из них являются объектами острых дискуссий. Они были выделены в 80–90-е гг. XX в. по материалам немногочисленных памятников, когда доминировали однонаправленные схемы развития неолитических культур Зауралья и севера Западной Сибири. Археологический контекст их не всегда ясен, не полон типологический и статистический анализ, что затрудняет культурно-хронологическую атрибуцию памятников. В последние годы исследован ряд неолитических поселений с многокомпонентными керамическими комплексами — Большая Умытья 57, 100, 109, Нижнее озеро III, Усть-Вагильский холм и др., которые по основным типобразующим признакам находят аналогии в уже выделенных для территории севера Западной Сибири типах керамики.

Культурная интерпретация неолитических комплексов севера Западной Сибири и Северного Зауралья является в какой-то степени методологической проблемой, связанной с разными подходами к понятию «тип керамики». Одни исследователи понимают под ним всю совокупность керамического материала, обнаруженного в полузакрытых или закрытых комплексах; другие подразделяют эту совокупность на составляющие элементы — типы, для которых характерны определенные технические приемы декорирования и композиция орнамента. Различных точек зрения на этот счет придерживаются и авторы данной работы, тем не менее согласные в том, что реальным инструментом исследования многокомпонентных комплексов служит, вероятно, выявление отдельных групп (типов) керамики на том или ином поселении, определение их археологического контекста и анализ их взаимовстречаемости на разных памятниках. Выделение таких групп (типов) керамики объективно затруднено многокомпонентностью керамических комплексов и тем, что неолитическая посуда Урала и Западной Сибири не демонстрирует стилистического многообразия: для декорирования использовали схожие мотивы и сюжеты, композиционное построение не столь жестко регламентировано, как в более поздние эпохи, и довольно однообразно. Своеобразие орнаментации типов керамики достигается путем использования разнообразных орудий для декорирования и сочетания различных способов работы ими.

Проанализированные группы рассматриваются нами как разные типы керамики, сосуществовавшие в рамках одного социума. Об одновременности их бытования может свидетельствовать совместное залегание на дне и в заполнении котлованов (рис. 2), идентичность в основных навыках производства посуды, единообразие орудий для выполнения прочерченных, накольчатых и отступающих мотивов.

Посуда группы 1 пос. Нижнее озеро III находит большое количество аналогий в форме сосудов, технике орнаментации и композициях узора с комплексами кошкинского типа Среднего Зауралья и севера Западной Сибири.

Основанием для выделения группы 2 послужило использование для декора посуды зубчатых и составных орнаментов одновременно с прочерченной и накольчатой орнаментацией. Сочетание прочерченных, отступающих узоров и «шагающей» гребенки на одном сосуде — характерная черта лесных культур Урала и Западной Сибири (полуденских, сумпаньинских, быстринских, барсовогорских и других комплексов). Наиболее близкие территориальные и хронологические аналогии прослеживаются с керамикой пос. Сумпанья IV, VI [Ковалева и др., 1984; Крижевская, Гаджиева, 1991]. Сопоставления отмечаются в форме емкостей, характере оформления срезов и краев сосудов, способе обработки поверхности. Однако для сумпаньинской керамики северной части Западной Сибири более характерны «жемчужины», которые иногда наносились с внутренней стороны, что не было зафиксировано на сосудах Нижнего озера III. Отсутствуют здесь и дважды орнаментированные сосуды. Особенностью рассмотренной группы является

Керамические комплексы эпохи неолита поселения Нижнее озеро III

использование для декорирования составных орудий с эластичным рабочим краем. Керамика с подобной орнаментацией выявлена на единичных памятниках бассейна р. Конды, в Сургутском Приобье, Среднем Зауралье и на Андреевском озере близ Тюмени [Дубовцева, 2011], во всех случаях она залегает вместе с керамикой, орнаментированной прочерченной техникой. Различия подобного рода, на наш взгляд, важны, но не являются решающими в определении типа. Они, вероятно, отражают локально-территориальную специфику и хронологическую неодновременность комплексов в рамках существования одного и того же типа керамики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А.А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
- Васильева И.Н.* О технологии изготовления керамики Кокшаровского холма // ВАУ. Екатеринбург; Сургут, 2011. Вып. 26. С. 103–124.
- Глушков И.Г.* Керамика как исторический источник. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 327 с.
- Дубовцева Е.Н.* Технологический анализ неолитической-энеолитической керамики Барсовой Горы // III Сев. археол. конгр.: Тез. докл. Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2010. С. 87.
- Дубовцева Е.Н.* Использование веревки для орнаментации неолитической керамики севера Западной Сибири // РА. 2011. № 2. С. 16–26.
- Калинина И.В., Гаджиева Е.А.* Архаические орнаменты для керамики // Ad Polus: Археологические изыскания. СПб, 1993. Вып. 10. С. 83–94.
- Ковалева В.Т., Устинова Е.А., Хлобыстин Л.П.* Неолитическое поселение Сумпанья IV в бассейне Конды // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984. С. 32–44
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю.* Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. Екатеринбург: Учеб. книга, 2010. 308 с.
- Кокшаров С.Ф.* Предварительные итоги изучения поселения Геологическое XVI на Верхней Конде // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях: Тез. окружной науч.-практ. конф., посвященной 40-летию Сургутского краеведческого музея, 24–27 ноября 2003 г. Сургут, 2003. С. 19–21.
- Крижевская Л.Я., Гаджиева Е.А.* Неолитическое поселение Сумпанья IV и его место в неолите восточного Зауралья // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991. С. 80–99.
- Клементьева Т.Ю., Круземент С.А., Погодин А.А.* Поселения эпохи неолита на Севере Западной Сибири (бассейн р. Конды): Полевые исследования 2007–2011 гг. // Первобытные древности Евразии: К 60-летию А.Н. Сорокина. М.: ИА РАН, 2012. С. 497–524.
- Цетлин Ю.Б.* Основные направления и подходы к изучению органических примесей в древней керамике // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 110–140.

* Екатеринбург, ИИА УрО РАН
chair_n@mail.ru

** Уральский федеральный университет
ket1980@yandex.ru

The article considers Neolithic pottery complexes from a multilayer settlement of Nizhneye Ozero III located at the bottom of the macroslope of the Urals, in the southern part of the North Urals. Subject to analysis being typological-morphological and technological characteristics regarding two pottery types of the Neolithic Age lying down together at the bottom of several structures. The authors come out with suggestions on their cultural identity and time of existence.

The Neolithic Age, pottery type, typological-morphological and technological characteristics.

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ЖИЛИЩА ПОСЕЛЕНИЙ ОЗЕРА МЕРГЕНЬ¹

Д.Н. Еньшин

Проанализированы морфологические особенности жилищ неолитических поселений оз. Мергень в Нижнем Приишимье (ранний и развитый периоды). Выявлены конструктивные особенности, предложена классификация сооружений. На основании полученных данных прослежена динамика развития домостроительных традиций приишимского населения, сделаны графические реконструкции сооружений.

Нижнее Приишимье, неолит, поселение, Мергень 3, Мергень 6, Мергень 7, домостроительство, жилище, конструкция, группа, подгруппа, традиции.

Домостроительные традиции древнего населения Западной Сибири исследуются не один десяток лет [Очерки культурогенеза..., 1994]. Тем не менее строительные навыки и обычаи древнего населения изучены недостаточно. На наш взгляд, это особенно очевидно в отношении неолитического домостроительства из-за крайне малого количества памятников с хорошо выраженными жилищными объектами. В связи с этим интерес представляют материалы неолитических поселений оз. Мергень в Нижнем Приишимье (Ишимский р-н Тюменской обл.) — Мергень 3, 6 и 7.

Поселения существовали хронологически последовательно, а возможно, и на каком-то этапе синхронно (Мергень 6 и 7?) в раннем и развитом неолите, на что указывают заключения по результатам анализа керамического материала. Это может подтверждать и наблюдение за особенностями геоморфологического положения поселений. Наиболее раннее, Мергень 3 (боборыкинский этап боборыкинской культуры), расположено на I озерной террасе высотой 4 м (удаленность от современной береговой линии 150 м). Следующим по хронологии является Мергень 6 (кошкинский этап боборыкинской культуры). Оно находится на оконечности мыса, образованного вытекающей из оз. Мергень протокой Мергенькой, и приурочено к озерной пойме высотой 1 м (удаленность от современной береговой линии около 25 м). Далее следует поселение Мергень 7 (козловско-полуденковский хронологический пласт), приуроченное ко II озерной террасе (удаленность от современной береговой линии 400 м).

Причинами подобного расположения памятников, помимо факторов хозяйственной стратегии, могут быть разные уровни обводненности прибрежной зоны озера на разных этапах ее заселения, что подтверждается и результатами спорово-пыльцевых исследований [Ландшафты..., 2008, с. 10, 12, 52, 53; Рябогина др., 2011, с. 404].

Данные обстоятельства, скорее всего, и определили выбор мест для основания поселков, а также обусловили применение населением всех доступных адаптационных знаний и навыков, что не могло не отразиться в строительной стратегии и практике.

В настоящей работе анализируются морфологические признаки сооружений и делается попытка их реконструкции. В качестве критериев выделения групп и подгрупп жилищ были приняты параметры, определенные З.П. Соколовой как основные при проведении типологии жилищ народов Сибири [1998, с. 187], а также использован опыт классификации археологических объектов [Борзунов и др., 1993]. При вычислении параметров каркасов исходили из следующих условий: угол наклона крыши — 20–40° с некоторыми допусками; высота каркасной конструкции и всей постройки от пола до верхней точки — преимущественно не более 2–2,5 м. Данные условия являются наиболее оптимальными для конструкций с учетом функциональности, возможных нагрузок и доступности для ремонта, а также не противоречат этнографическим наблюдениям [Никитин, 2002; Берлина, 2010, с. 46; Еньшин, Белоногов, 2010, с. 46; Соколова, 1959, с. 15–16]. При расчете площади, наиболее комфортной для передвижения в жилище, был взят нижний порог расстояния до кровли в 1,4 м.

¹ При финансовой поддержке гранта «Механизмы и содержание трансформаций и преемственного развития древних обществ Тоболо-Ишимья» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

Неолитические жилища поселений озера Мergenь

На сегодняшний день на оз. Мergenь полностью исследованы остатки 16 неолитических построек. Они подразделены на две группы: легкие слабо углубленные или наземные сооружения (6 объектов) и полужемлянки (10 объектов). В группах на основании морфологических различий выделены подгруппы.

I группа

Сооружения выявлены только на поселении Мergenь 6 (№ 1, 7, 9, 10, 13, 22) (рис. 1, 1).

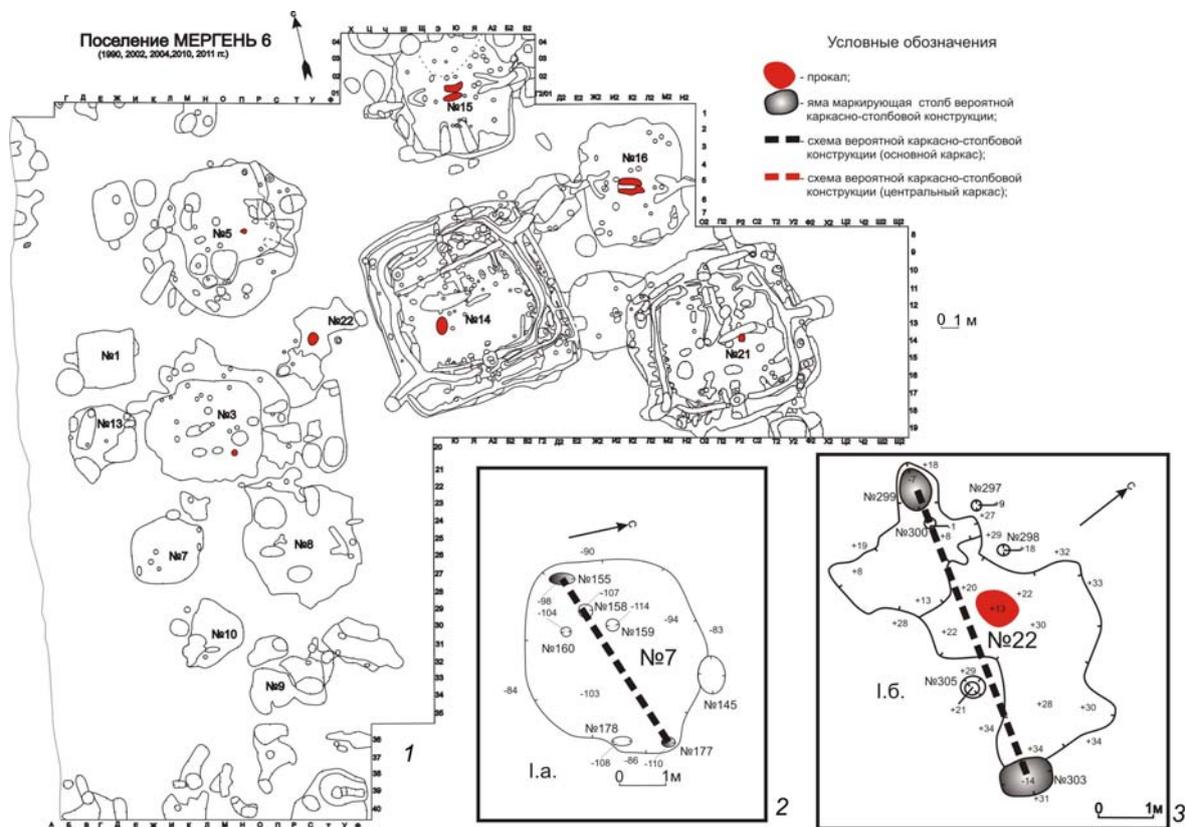

Рис. 1. Схема расположения жилищ I и II групп на поселении Мergenь 6 (1); жилище № 7 подгруппы I.a (2); жилище № 22 подгруппы I.6 (3)

Подгруппа I.a (№ 1, 7, 9, 10, 13). Жилища представляли собой легкие сооружения с каркасно-столбовой конструкцией. Площадь котлованов варьировалась в пределах 9–15 м². Котлованы углублены в материк незначительно — на 0,05–0,15 м. Сложно выделить наиболее распространенную для этой группы жилищ форму котлована. В ряде случаев она слабо уловима, однако в целом, возможно, приближена к подквадратной со скругленными углами. Не исключено, что при подготовке площадки под будущую постройку древние строители выравнивали ее, что приводило в одних случаях к появлению слабо углубленных котлованов относительно правильных форм, а в других, там, где требовались минимальные усилия, — к появлению достаточно аморфных «следов» сооружения. Столбовых ям в котлованах обнаружено немного, их глубина составляет 0,1–0,2 м, диаметр в среднем 0,2 м [Зах, 2005]. Те столбовые ямки, что были зафиксированы, позволяют предполагать простейшие конструкции с двускатной, а возможно, и односкатной крышей. На это может указывать преимущественно один ряд ям, расположенных по центральной оси сооружений либо по одному из краев котлованов. Стены в таких постройках, по всей видимости, ставились с торцевых сторон, а в остальном их функцию выполняла крыша. В основе такой конструкции лежала П-образная рама, на которую одним концом ложились жерди, другим они упирались в дневную поверхность, вероятно, на расстоянии не более 1 м от края котлована, на что косвенно может указывать относительно небольшое расстояние между постройками (рис. 1, 1, 2). Входы выявлены только в двух сооружениях этой группы (№ 1 и 7). В одном случае это выступ (1×0,8 м), направленный к протоке (№ 1). Несколько иной вид имел

вход в сооружение № 7 — прямоугольный выступ в юго-восточной стенке котлована (1×0,2 м), вероятно, в пределах стены жилища. В его углах зафиксированы две столбовые ямы, которые, по всей видимости, и маркируют дверной проем. Выход ориентирован в сторону от протоки (рис. 1, 1). Прокалов в сооружениях этой группы не зафиксировано.

Наиболее «информативное» сооружение данной подгруппы — № 7 позволило восстановить некоторые параметры его устройства: высота опорных столбов могла варьироваться в пределах 1,8–2 м, а длина жердей кровли — от 3,2 до 3,5 м (рис. 1, 2; 3, 1). При таких параметрах общая площадь внутреннего пространства жилища могла составлять около 20 м², при этом площадь относительно комфортного передвижения внутри такой постройки будет равняться приблизительно 8–10 м².

Сооружения данной подгруппы расположены по дуге, в целом повторяющей контур береговой линии протоки Мергеньки (рис. 1, 1).

Подгруппа I.б (№ 22). Котлован сооружения аморфной формы, вытянут по линии З–В (рис. 1, 1, 3). Его площадь 14 м² (4,9×2,8 м), глубина 0,05–0,15 м. Воссоздание конструкции наземной части сооружения (стены и крыша) представляется проблематичным из-за слабой информативности источника. Выявлено всего 6 ям глубиной 0,1–0,15 м, размерами 0,2–1 м [Скочина, 2013]. Их расположение позволяет предполагать легкую двускатную конструкцию, как и в сооружении № 7 (рис. 1, 2). Высота опорных столбов могла быть 1,8–2 м, длина стропил — 3–3,2 м. Общая площадь сооружения составляла 30 м², при этом площадь комфортного передвижения — около 12 м², в эти размеры и укладывается выявленный котлован. В центре него был зафиксирован прокол, углубленный в пол на 0,1 м (0,75×0,6 м). В целом основание жилища, скорее всего, имело вытянутую подпрямоугольную форму (рис. 3, 2).

Сооружение № 22 отличается от объектов подгруппы I.а формой котлована, наличием очага, а также тем, что не вписано в дугу, по которой они расположены (рис. 1, 1). Причиной тому, возможно, является разновременность и принадлежность объектов к разным этапам боборыкинской культуры. С постройками подгруппы I.а соотносится посуда кошкинского этапа, а с жилищем подгруппы I.б — боборыкинская [Скочина, 2013, с. 37].

Наземная часть жилищ этой группы, скорее всего, имела подтреугольную двускатную форму (рис. 3, 1, 2).

Сооружения с подобными конструктивными особенностями известны по археологическим и этнографическим данным. Это постройки 2-й Андреевской стоянки и местонахождения Звездный I, датированные поздним неолитом — энеолитом и ранней бронзой [Ковалева, 1993; Усачева, 2000]. Схожие конструкции выявлены в домостроительной практике различных народов Сибири и Дальнего Востока. Так, у хантов существуют легкие сезонные сооружения с различными вариациями устройства крыши — одно-, двускатной, округло-двускатной и т.д. В подобной технике строились как хозяйственные сооружения, например *кул-кат* («рыбный дом» — использовался для хранения запасов рыбы), так и жилые — *хот-пелек*, а также временные жилища-укрытия, которые чаще всего имели форму заслона-навеса [Соколова, 1998, с. 38–40]. В целом, по мнению З.П. Соколовой, легкие каркасные четырехугольные в плане постройки, бытующие в культурах аборигенных народов, очень древнего происхождения. На это указывает их широкое распространение (от Урала до Дальнего Востока), большое разнообразие форм, а также различия в конструкции отдельных вариантов того или иного типа. Исследователь отмечает, что наибольшую вариативность они имеют у рыболовов (особенно у угров и народов Амура). «Возможно, в далеком прошлом такие жилища были более широко распространены в качестве сезонных и лишь позднее вытеснены чумом» [Там же, с. 202–203].

II группа

Полуземлянки — выявлены на всех трех поселениях. При достаточно большой вариативности основных параметров этих жилищ (формы котлованов, степень углубленности, размеры, одно- или двухкамерность) наиболее удобно рассматривать их по памятникам, выделяя подгруппы сооружений.

Подгруппа II.а. Поселение Мергень 3. Исследовано два сооружения. Котлованы округлой в плане формы с площадями 55 м² (7,8×7 — № 1) и 68 м² (8,5×8 — № 2). Глубина в материке подземной части жилищ варьировалась в пределах 0,5–1,1 м. В постройках выявлено значительное количество столбовых ям. Размеры ям — в пределах 0,2–0,7 м, глубина — 0,2–0,6 м.

Полученные при раскопках данные позволяют реконструировать постройку № 1. В отношении жилища № 2 можно лишь предположить наличие многоугольного каркаса (рис. 2, 1).

Неолитические жилища поселений озера Мergenь

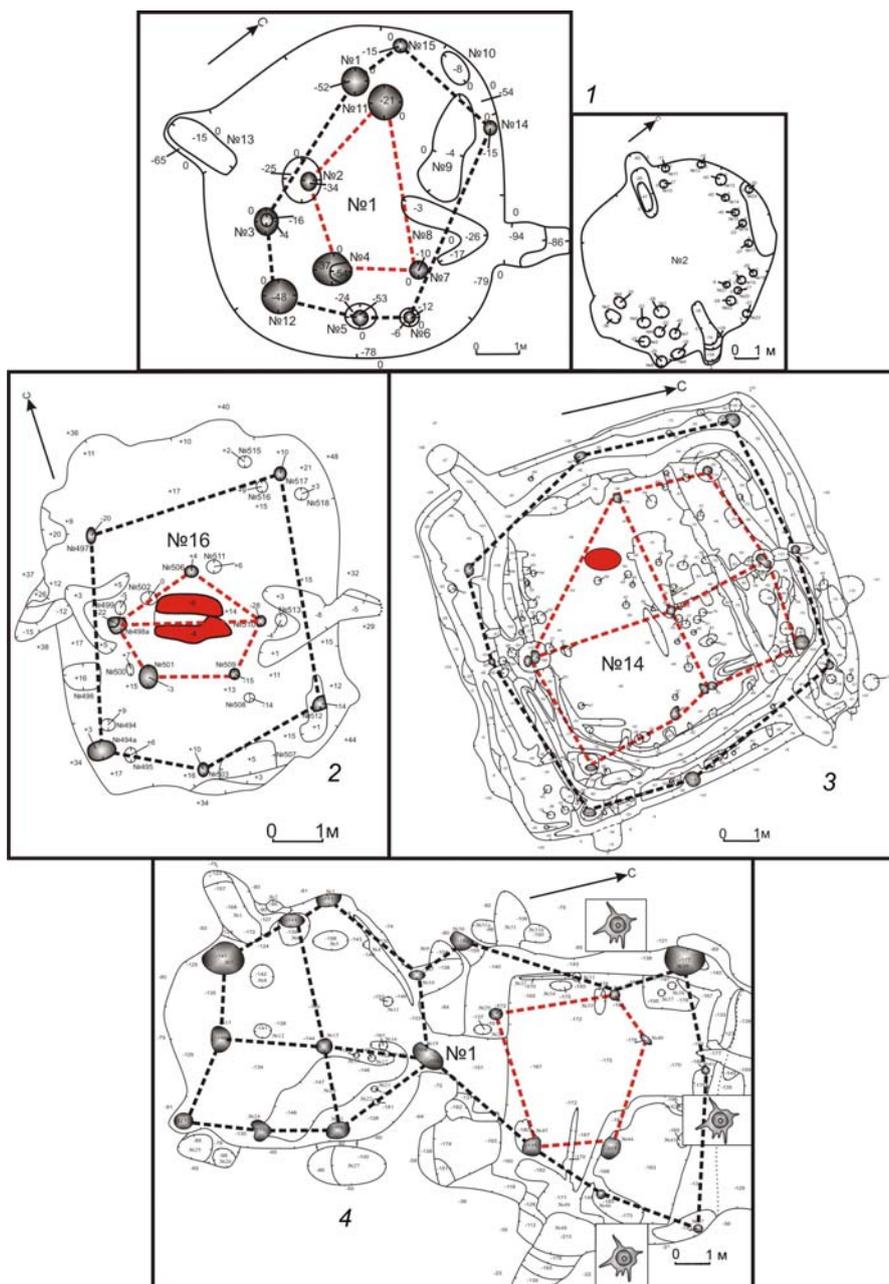

Рис. 2. Жилища № 1 и 2 подгруппы II.а (1); жилище № 16 подгруппы II.б (2); жилище № 14 подгруппы II.в (3); жилище № 1 подгруппы II.г (4)

Расположение ям в жилище № 1, на наш взгляд, свидетельствует об использовании при строительстве двух каркасов — основного и центрального (рис. 2, 1). Высота основного каркаса не превышала 1,5 м, центрального — 2 м. При этом длина несущих балок была в пределах 1,5–4,8 м, а длина жердей, шедших на стропила и обрешетку крыши, — 1–2,5 м. Общая высота жилища над уровнем древней дневной поверхности не превышала 1,3–1,4 м. Площадь комфортного передвижения в таких сооружениях определяется приблизительно в 35–40 м². К сожалению, имеющиеся материалы не позволяют реконструировать устройство выходов. Однако в обоих котлованах выявлены противоположащие выступы-ниши размерами 1,5×1 м (рис. 2, 1). В жилище № 1 они располагались на юго-западной и северо-восточной границе, а в сооружении № 2 — на северо-западной и юго-восточной. Ниши интерпретируются как выходы из жилищ [Зах, Скочина, 2002, с. 39–42]. Что касается очагов, то их следы не зафиксированы даже в виде

прокалов. Однако в сооружении № 1 была выявлена V-образная яма (2×0,6 м, глубина 0,03–0,23 м). Этот объект практически идентичен ямам из сооружений № 8, 15, 16 поселения Мергень 6 (рис. 1, 1), где они интерпретируются как очажные. Соответственно можно предполагать, что в центре жилища № 1 поселения Мергень 3 мог функционировать очаг.

Подгруппа II.б. Поселение Мергень 6. В данную подгруппу выделено 5 сооружений (№ 3, 5, 8, 15, 16) (рис. 1, 1). Котлованы преимущественно подквадратной формы со скругленными углами. Площадь варьируется в пределах 35–50 м². Котлованы углублены в материк на 0,25–0,5 м. В сооружениях выявлено достаточно большое количество столбовых ям округлой и овальной форм, диаметром 0,2–1 м и глубиной 0,1–0,3 м. Анализ их расположения позволяет предполагать использование древними строителями двух вариантов каркасных конструкций: два каркаса; один каркас + центральная опора. Постройка с последним вариантом уже была нами рассмотрена [Еньшин, Белоногов, 2010].

Практически во всех сооружениях этой категории выявлены прокалы или следы конструкции очагов, располагавшиеся преимущественно в центре. В трех из пяти жилищ (№ 8, 15, 16) выявлены V-образные ямы, находившиеся с двух сторон от очагов и углубленные в материк на 0,05–0,2 м. В двух сооружениях (№ 15 и 16) прослежен выход этих ям за пределы котлованов. Их размеры 2×0,4 м (рис. 1, 1). Между V-образными ямами фиксировалось по две параллельные ямы (1,5×0,4 м, глубина 0,05–0,2 м), которые и могли быть остатками очагов [Скочина, 2013, с. 29, 31]. Вся эта система, по всей видимости, маркирует устройство приочажных зон.

Для определения средних параметров сооружений подгруппы, в которых использовалась система из двух каркасов, было выбрано жилище № 16 (рис. 2, 2; 3, 3). В ходе вычислений было получено, что высота основного каркаса не превышала 1,5 м, центрального — 2–2,5 м. Длины стропил и элементов обрешетки предположительно находились в пределах от 1,25 до 2,5 м. Исключение могли составлять балки основного каркаса, длина которых реконструируется в пределах 4–4,6 м. Общая высота данной конструкции, по всей видимости, не превышала 2–2,5 м, причем высота наземной части, скорее всего, была 1,6–1,8 м. У столбов несущих конструкций фиксировались следы подпорок. Внешние границы сооружения, вероятно, не отстояли более чем на 0,5 м от границ котлована. При таких параметрах общая площадь постройки могла составлять около 50 м², при этом площадь комфортного перемещения внутри жилища определяется в 25–30 м². В реконструируемой нами системе опор и балок очаг практически четко располагался под центром рамы, образованной центральным каркасом, где могло находиться дымовое отверстие. Вся конструкция несущего каркаса смещена в южную часть котлована, таким образом, что в северной оставалось свободным пространство площадью около 10 м² (4,8×2 м).

В сооружениях этой подгруппы входы не зафиксированы. Однако исследователи склонны рассматривать в качестве маркеров привходовой зоны параллельно расположенные вытянутые ямы (1×0,6 м), приуроченные к одной из границ котлованов [Еньшин, Белоногов, 2010]. Выявлены в трех жилищах (№ 3, 5, 15). Принимая данное предположение, получаем, что входы сооружений этой категории могли быть ориентированы к центру поселения (рис. 1, 1).

Подгруппа II.в. Поселение Мергень 6. В подгруппу выделено два сооружения (№ 14 и 21) (рис. 1, 1). Котлованы построек подквадратной формы, площадью приблизительно 100 м² (10,06×10,09 м — № 14; 9,95×9,9 м — № 21), углублены в материк на 0,5–0,8 м, имели расположенные по диагонали выступы-ниши 1,5×1,2 м [Скочина, 2013].

Жилища, судя по всему, были связаны крытым переходом в виде небольшой камеры, примыкавшей к юго-восточному углу постройки № 14 с одной стороны и к северо-западному углу постройки № 21 с другой (рис. 1, 1). Ее форма — округлая. Площадь 11 м². Данная камера расположена выше, чем жилища, на 0,25–0,35 м. Можно предположить, что она использовалась не только для перехода между постройками, но и для выхода из них вообще. Не исключено, что выходом могла служить ниша в северо-восточном углу сооружения № 21.

Весьма сложной представляется картина внутреннего устройства этих жилищ. Во всяком случае, на это указывает большое количество объектов, выявленных в полу котлованов. В сооружении № 14 было обнаружено два рва. Первый проходил вдоль стен и, вероятно, использовался для закрепления их обшивки (ширина 0,15–0,3 м, глубина 0,04–0,1 м). Второй ров более ярко выражен. Он пролегал на удалении от стен на 0,5–1,5 м и в целом повторял их контур. Ширина в верхней части варьируется в пределах 0,43–1 м, ниже стабилизируется и составляет около 0,4 м, глубина 0,4 м, стенки пологие, в разрезе сегментовидной формы. Местами ров раздваивается. В районе расположения выступов он входит в них «рукавами» (рис. 2, 3) [Ско-

Неолитические жилища поселений озера Мергенъ

чина, 2013, с. 25]. В сооружении № 21 четко был зафиксирован только ров, аналогичный второму из жилища № 14. От него отходят «рукава» в выступы таким же образом, как и в сооружении № 14. Вдоль стен котлована цельного рва не обнаружено, лишь у восточной выявлена канавка (2×0,3 м, глубина 0,1 м). Однако расположение некоторых столбовых ям косвенно свидетельствует, что и в этом жилище могла быть обшивка стен котлована. Помимо ровов в полу обоих жилищ были также прослежены канавообразные углубления разной длины (1–6 м), ширины (0,1–0,9 м) и глубины (0,15–0,4 м). Относительно друг друга эти объекты располагались параллельно, перпендикулярно, реже по диагонали, накладывались друг на друга, образуя некое подобие решетки. Особенно четко эта картина отмечалась в сооружении № 14 (рис. 2, 3). Скорее всего, это следы настилов, которыми могла быть закрыта как минимум половина пола в этих жилищах. В обоих случаях объекты зафиксированы в северных частях котлованов. Также канавки предположительных перекладин выявлены над большими рвами, что косвенно подтверждает тезис о том, что они были закрыты деревянными конструкциями.

В пределах котлованов обнаружено большое количество столбовых ям (0,1–0,95×0,85 м, глубина 0,1–1,14 м). Судя по их расположению могло быть два каркаса (основной и центральный) (рис. 2, 3). Особенностью данных сооружений могла являться установка центрального опорного столба или столбов вместе с двумя каркасами. Концентрация ям в определенных зонах (в углах, у центров стен, в центре котлованов) указывает на то, что часть столбов использовались в качестве подпорок, в устройстве очагов или в ходе ремонта жилищ.

В процессе реконструкции сооружений данной подгруппы было установлено, что высота основных каркасов могла варьироваться в пределах 1,4–1,5 м, центральных — 2–2,5 м. Длина балок основных каркасов — 2,5–4,5 м, центральных — 2,5–4 м (для жилища № 14) и 1–2 м (для жилища № 21). Высота центральной опоры была не более 3 м. Длина жердей обрешетки крыши при этом определяется в диапазоне 1,5–4 м. В целом высота этих жилищ от уровня пола котлована не превышала 3 м, а над древней дневной поверхностью они возвышались приблизительно на 1,8–2 м (рис. 3, 5, 6). Площадь комфортного передвижения внутри построек определена в 60–65 м².

В центре обоих жилищ (с небольшим смещением) на уровне предматериковых горизонтов (5, 6) были выявлены прокаленные пятна размерами 0,93×0,89 и 0,43×0,28 м (рис. 1, 1) [Скочина, 2013]. Большие рвы, имеющие выходы за пределы котлованов, скорее всего, были полифункциональны, и их назначение связано с поддержанием благоприятного микроклимата внутри домов. Ниши же, в которые выходили «рукава» ровов, по всей видимости, закрывались двускатными конструкциями по типу легких наземных построек.

Подгруппа II.г. Поселение Мергенъ 7. В настоящее время полностью исследовано жилище № 1. Сооружение двухкамерное, с переходом (1,25×1 м). Общая площадь жилища приблизительно 120 м² (рис. 2, 4). Котлован камеры 1 округлой формы, площадью 45 м². Углублен в материк в среднем на 0,6 м. В стенах котлована выявлены три выступа-ниши — в северо-западной (2,1×1,3 м), северо-восточной (1,6×0,9 м) и юго-западной (1,1×1,1 м) стенках [Еньшин, 2013, с. 46]. Выступ в северо-западной стенке идентичен подобным объектам жилищ подгруппы I.а.

Вдоль северо-восточной границы котлована протянулась небольшая канавка (3,4×0,35 м, глубина 0,06 м). Она использовалась для крепления обшивки стенки. Канавка пересекала основание ниши выступа, расположенного в этой стене: возможно ниша была отделена деревянной перегородкой от жилища. В пределах заполнения ямы 20, на уровне предматериковых горизонтов (7, 8), фиксировалось прокаленное пятно (0,45×0,3 м) мощностью до 0,2 м.

Камера 2 — подквадратной формы, площадью 75 м². Котлован углублен в материк на 0,5–1,25 м. Имел чуть более глубокую (на 0,05–0,1 м) внутреннюю квадратную площадку (около 55 м²), возможно, перекрытую в древности деревянным настилом, остатки которого фиксировались в виде пятен и канавок.

В стенках камеры было выявлено два выступа-ниши — в юго-западном углу и в южной стенке. Угловая ниша (2,35×2 м) имела, скорее всего, хозяйственное назначение, другая являлась коридорообразным выходом из жилища (2,7×1,6 м), ориентированным на юго-запад. Пол выхода имел ступенчатый характер. В камере 2 было зафиксировано два прокала. Один из них располагался в юго-восточной части котлована (0,58×0,42 м) и был углублен в материк на 0,07 м, другой — у северо-восточного угла (0,47×0,26 м). Являются ли оба маркерами очагов, определить сложно в силу того, что во всей восточной части сооружения фиксировались следы пожара.

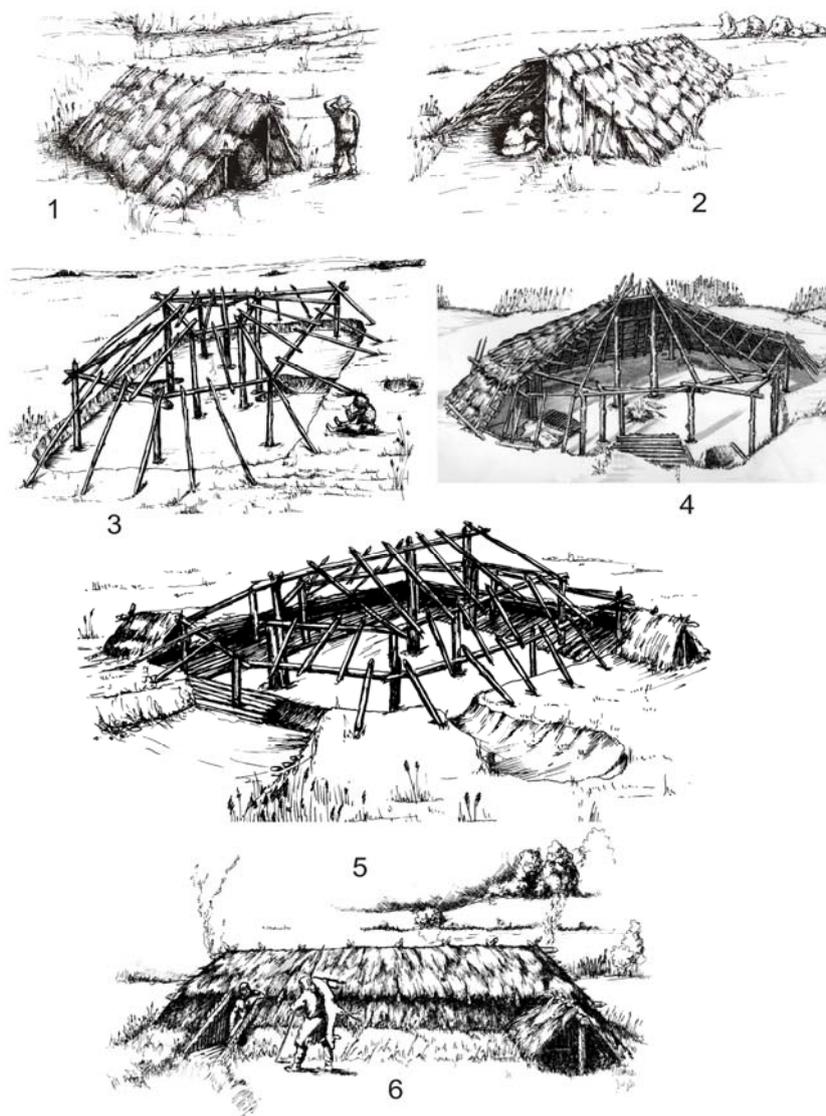

Рис. 3. Графические реконструкции жилищ: 1 — № 7 (подгруппа I.a); 2 — № 22 (подгруппа I.б); 3 — № 16 (подгруппа II.б); 4 — № 5 (подгруппа II.б); 5, 6 — № 14 (подгруппа II.в)

В пределах обоих котлованов выявлено большое количество столбовых ям (0,2–1,2 м, глубина 0,1–0,4 м). Анализ их расположения позволяет предполагать каркасно-столбовые конструкции. Скорее всего, каркасы в обеих камерах были связаны между собой в одну систему. Во всяком случае, на это может указывать близкое расположение камер и потому необходимость крытого перехода между ними. Другой особенностью является использование каркасов в двух вариациях: основной каркас + центральный столб (камера 1), основной каркас + центральный (камера 2) (рис. 2, 4).

Высота каркаса камеры 1 не превышала 1,5 м, центральной опоры — 2,5 м. В такой конструкции длина балок могла варьироваться в пределах 2,5–5 м, а жердей обрешетки крыши и стен — в пределах 2,5–3,5 м. Высота основного каркаса камеры 2 определена в 1,6 м, при этом столбы центрального по высоте в целом совпадали с центральной опорой камеры 1. Длина балок и жердей обрешетки крыши при этом варьировалась в пределах 2,5–5 м.

Общая высота жилища, скорее всего, была не более 2,5 м, при этом высота наземной части — не более 1,6. Местами углубленность жилища в грунт доходила до 1,3 м, но в среднем не

Неолитические жилища поселений озера Мергень

превышала 0,7 м. Площадь комфортного передвижения внутри постройки приблизительно оценивается в 85 м² (30 м² — камера 1 и 55 м² — камера 2).

Жилища II группы демонстрируют использование древними строителями двух основных форм котлованов — округлой и подквадратной, а также вариаций каркасно-столбовой конструкции: два каркаса, два каркаса + центральная опора, один каркас + центральная опора (рис. 2). В устройстве двухкамерного жилища № 1 с поселения Мергень 7 отмечаются смешанные черты, общие с устройством как жилищ подгруппы II.а (камера 1), так и жилищ подгрупп II.б и II.в (камера 2). Это выражается в использовании двух форм котлованов и двух вариантов конструкций. От уровня древней дневной поверхности глубины котлованов построек варьировались в пределах 0,35–1,2 м, но в среднем наиболее распространенной является углубленность на 0,6–0,9 м.

Округлые сооружения подгруппы II.а, а также камера 1 жилища № 1 подгруппы II.г имеют достаточно широкие аналогии и известны с мезолитического времени [Зах, Скочина, 2002, с. 54]. Подобные постройки исследованы на поселении Леуши 9 на Кондинской низменности [Беспрозванный, 1985, 1997], на поселениях быстринского типа (Барсова Гора II/8) [Очерки истории..., 1999, с. 12]. Из наиболее близких аналогов необходимо отметить жилища на оз. Андреевском № 12 на поселении ЮАО IX, часть построек на ЮАО XV, а также жилище 1 на поселении Юртобор 3 в Нижнем Притоболье и жилище 3 на памятнике Боровлянка 2 в Нижнем Пришимье [Алексашенко и др., 1984; Зах и др., 2014; Зах, Скочина, 2002]. Подобные жилища известны и в Среднем Прииртышье (Екатериновка I и II, Ямсыса VIII, XII и т.д.) [Очерки культурогенеза..., 1994, с. 108–109], а также встречаются на территории Казахстана, Средней Азии и т.д. [Зах, Скочина, 2002, с. 55].

Определенные аналогии сооружениям подгрупп II.б и II.в прослеживаются в материалах поселений ЮАО V, IX, XII, XV, Исетское Правобережное, Гилево 8 и т.д. [Алексашенко, Викторова, 1991; Алексашенко и др., 1984; Ковалева, Сериков, 1982; Зах и др., 2014; Кернер, 1991; Дрябина, Пархимович, 1991]. Достаточно близки жилищам подгруппы II.в с поселения Мергень 6 сооружения поселения Исток IV (постройка I). Приводится описание достаточно большого жилища (140 м²), точнее, одной из камер со сложной внутренней структурой [Стефанова, 1991]. Подобные сооружения (с системой рвов/каналов внутри котлованов) исследованы также на поселениях Дуванское V (жилище 2 площадью до 115 м²) [Стефанов, 1991] и Двухозерное 1 (жилище 1 площадью около 50 м²) [Волков, 2001]. Особый интерес представляют результаты исследований и последующих реконструкций жилищ 2–2а с поселения Быстрый Кульеган 66 в Сургутском Приобье [Поселение..., 2006], где были выявлены элементы построек, весьма схожие с устройством некоторых сооружений подгрупп II.б и II.в поселения Мергень 6.

Двухкамерные сооружения известны в Западной Сибири еще с эпохи мезолита. Так, на поселении Геологическое III выявлено жилище с двумя камерами (малой подквадратной и большой прямоугольной), соединенными переходом длиной около 1,5 м. Площадь котлованов — 30 и 50 м², глубина — 0,5 и 0,7 м. По углам и вдоль стен котлованов выкопаны ниши. Вход в жилище имел вид коридора, пристроенного к середине длинной стены большей камеры напротив перехода в малое помещение [Борзунов и др., 1993, с. 14–15]. Для неолита Западной Сибири двухкамерные сооружения также не являются исключением. Они выявлены на таких памятниках, как Юрьинская стоянка, Сосновый остров, Ямсыса XII и т.д. Исследователи отмечают, что камеры могли быть разных размеров и разной степени углубленности и соединялись коридорообразными переходами [Очерки культурогенеза..., 1994, с. 94].

Определенные схожие черты, характерные для сооружений II группы, можно найти и в этнографических материалах. З.П. Соколова в своих классификационных построениях в группе капитальных строений из столбов и жердей выделяет тип жилищ каркасно-столбовой конструкции четырехугольных в плане, углубленных в землю или наземных, постоянных, стационарных, чаще всего зимних, без выраженного деления на стены и крышу. Для них наиболее типичны так называемые каркасные землянки и полуземлянки, имеющие форму обычной или усеченной пирамиды (иногда двускатно-пирамидообразные) с остовом из наклонных или вертикальных столбов. Такую конструкцию имеют углубленные в землю жилища хантов, селькупов, кетов, сибирских татар, ительменов. В особый тип жилищ с каркасно-столбовой конструкцией исследователь выделяет постройки с дополнительными центральными столбами, поддерживающими усеченно-пирамидальное покрытие. Такие жилища углублялись в землю полностью или на 0,5–1 м. З.П. Соколова отмечает, что это очень древний тип сибирского жилища, по-видимому, существовавший еще в неолите [1998, с. 138]. Из наиболее близких можно отметить селькупские и

хантыйские полуземлянки с каркасом из угловых столбов (центральный столб мог отсутствовать), соединенных рамой сверху. Выход — углубленный в землю коридор из вертикальных столбов и жердей с плоской крышей, дверь из плах. У хантов, по З.П. Соколовой, это полуземлянка каркасно-столбовой конструкции — *тяй-мат, пой-мот*. Такие жилища были одно- и двухкамерные. По типологии Г.И. Пелих, это шестой тип селькупских усеченно-пирамидальных землянок, углубленных на 1 м и более, с входным коридором, покрытием на угловых и центральных столбах (последние могли отсутствовать) [Соколова, 1998, с. 24]. Не противоречат этнографическим наблюдениям и приблизительные данные о размерах конструкций, полученные в ходе реконструкций сооружений с мергенских памятников [Соколова, 1959].

Неолитические жилища северо-восточного побережья оз. Мergenь находят определенные аналогии в материалах многих мезолитических и неолитических памятников Зауралья и Западной Сибири, а также в домостроительстве коренных сибирских народов. Высокая степень информативности материалов и исследование значительного количества жилищ на ограниченной территории в пределах одной экологической ниши, выявленная хронологическая последовательность их функционирования позволили проследить эволюцию домостроительной традиции в течение раннего и развитого периодов неолита.

Все рассмотренные постройки озера Мergenь относятся к классу каркасных. Внутри класса выделяется две группы жилищ (по степени углубленности, размерам, конструкции и форме наземной части) — легкие наземные или слабоуглубленные двускатные сооружения с основой из жердей (I группа) и углубленные капитальные пирамидообразные или конусовидные сооружения с основой из столбов, балок и жердей (II группа). В I группе выделяются две подгруппы жилищ (по форме основания): I.a — подквадратные (№ 1, 7, 9, 10, 13) и I.б — подпрямоугольные (№ 22). Во II группе выделены жилища четырех подгрупп (по степени углубленности, форме котлованов, размерам, конструкции): II.a — с котлованами округлой формы, углубленные на 0,6–1,2 м, площадью в 50–70 м², с двумя каркасами; II.б — с котлованами подквадратной формы, углубленные на 0,25–0,5 м, площадью 35–50 м², с двумя каркасами либо с каркасом и центральной опорой; II.в — с котлованами подквадратной формы, углубленные на 0,5–0,8 м, площадью около 100 м², с двумя каркасами и центральной опорой; II.г — со смешанными признаками. По степени углубленности котлованы исследуемых полуземлянок относятся к I (подгруппа II.б) и II (подгруппы II.a, II.в, II.г) вариантам классификации древних полуземлянок Зауралья [Борзунов и др., 1993, с. 9].

Таким образом, на материалах поселений северо-восточного побережья озера Мergenь прослежена вариативность типов неолитических жилищ по основным диагностирующим категориям, с одной стороны, и определенная унификация основных строительных приемов — с другой. Классификация сооружений, выявленных в разных культурах, существовавших в рамках длительных отрезков времени, продемонстрировала тенденцию сохранения и смешения определенных домостроительных традиций от раннего неолита к развитому. На наш взгляд, наиболее ярко это проявилось в материалах жилища № 1 поселения Мergenь 7. Сделанные наблюдения позволяют предположить, что зафиксированные факты могут иллюстрировать процесс смешения различных групп населения и существование их в последующем в рамках одного общества в пределах ограниченной территории, скорее всего, при неоднократном притоке нового населения извне. Признаки таких процессов, вероятно, и должны были проявляться, с одной стороны, в сохранении, а с другой — в смешении различных традиций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексащенко Н.А., Викторова В.Д. Неолитические жилища ЮАО V // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 161–183.

Алексащенко Н.А., Викторова В.Д., Панина С.Н. Жилища Андреевского озера (IX участок) // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1984. С. 15–32.

Берлина С.В. Жилая и оборонительная архитектура населения Западносибирской лесостепи в раннем железном веке (по материалам саргатской культуры): Дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010. С. 402.

Беспрозванный Е.М. Первые мезолитические жилища в таежной зоне Западной Сибири // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск: Изд-во ИИФиф СО АН СССР, 1985. С. 91–95.

Беспрозванный Е.М. Мезолит таежной Западной Сибири: (Предварительные итоги изучения) // Охраняемые археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург: Екатеринбург, 1997. Вып. 1. С. 26–38.

Неолитические жилища поселений озера Мергенъ

- Борзунов В.А., Кирюшин Ю.Ф., Матющенко В.И.* Поселения и жилища эпох камня и бронзы Зауралья и Западной Сибири // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 1993. С. 4–45.
- Волков Е.Н.* Боборыкинский комплекс поселения Двухозерное-1 // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. С. 12–25.
- Дрябина Л.А., Пархимович С.Ю.* Поселение Гилево VIII // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 100–111.
- Еньшин Д.Н.* Отчет о раскопках поселения Мергенъ 7 в Ишимском районе Тюменской области в 2011 году // Архив ЛАЕНМ ИПОС СО РАН. 2013.
- Еньшин Д.Н., Белоногов Д.А.* К проблеме методики изучения жилищ эпох неолита на территории Западной Сибири (на примере реконструкции жилища 5 поселения Мергенъ 6) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2010. № 1 (12). С. 39–49.
- Зах В.А.* Отчет о полевых исследованиях поселения Мергенъ 6 в 2004 г. // Архив ЛАЕНМ ИПОС СО РАН. 2005.
- Зах В.А., Скочина С.Н.* Поселение Мергенъ 3 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2002. Вып. 4. С. 37–56.
- Зах В.А., Усачева И.В., Зимица О.Ю. и др.* Древности Андреевской озерной системы. Т. 1: Археологические памятники. 2014. В печати.
- Кернер В.Ф.* Поселение Исетское Правобережное // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 46–67.
- Ковалева В.Т.* О реконструкции общинных структур древних обществ Среднего Зауралья по раскопкам поселений и жилищ (неолит — начало бронзового века) // ВАУ. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. Вып. 21. С. 5–23.
- Ковалева В.Т., Сериков Ю.Б.* Поселение боборыкинского типа на Андреевском озере у г. Тюмени // ВАУ. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1982. Вып. 16. С. 39–52.
- Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье / В.А. Зах, О.Ю. Зимица, Н.Е. Рябогина и др.* Новосибирск: Наука, 2008. 212 с.
- Никитин В.В.* Эволюция жилищ эпох камня и раннего металла в Марийском Поволжье // Тверской археол. сб.: Материалы 6-го и 7-го заседания науч. семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь, 2002. С. 363–369.
- Очерки истории традиционного землепользования хантов: (Материалы к атласу).* Екатеринбург: Тезис, 1999.
- Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Кн. I: Поселения и жилища.* Томск: Изд-во ТГУ, 1994. 485 с.
- Поселение Быстрый Кульеган 66: Памятник эпохи неолита Сургутского Приобья / Коллективная моногр. под ред. Л.Л. Косинской и А.Я. Труфанова.* Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2006. 192 с.
- Рябогина Н.Е., Иванов С.Н., Якимов А.С.* Реконструкция палеоэкологических условий и среды обитания на многослойном поселении Мергенъ 6 в Тюменском Приишимье // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; М.; Вел. Новгород, 2011. Т. II. 424 с.
- Скочина С.Н.* Отчет о археологических исследованиях поселения Мергенъ 6 в 2010 и 2011 гг. в Ишимском районе Тюменской области // Архив ЛАЕНМ ИПОС СО РАН. 2013.
- Соколова З.П.* Жилища народов Сибири: (Опыт типологии). М.: Триал, 1998. 288 с.
- Соколова З.П.* К вопросу о развитии обско-угорской землянки // Ежегодн. ТОКМ. 1959. Вып. 1. С. 9–26.
- Стефанов В.И.* Неолитическое поселение Дуванское V // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 144–160.
- Стефанова Н.К.* Исток IV — неолитический памятник Тюменского Притоболья // Там же. 1991. С. 132–143.
- Усачева И.В.* Реконструкция одного жилища на Андреевском озере // Ежегодн. ТОКМ. 2000. С. 280–289.

Тюмень, ИПОС СО РАН
Dimetrius666_72@mail.ru

Subject to analysis being morphological characteristics regarding dwellings from Neolithic settlements of the Mergen' lake in the Low Ishim basin (early and advanced periods). The paper identifies structural characteristics, suggesting classification of the structures. Basing on the obtained data, the author traces the development dynamics of the housebuilding traditions with the population from the Low Ishim basin, making graphical reconstructions of the structures.

Low Ishim basin, the Neolithic Age, settlement, Mergen' 3, Mergen' 6, Mergen' 7, housebuilding, dwelling, structure, group, subgroup, traditions.

МОГИЛЬНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ ОЗЕРНОЕ 1 И ОЗЕРНОЕ 3 (РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ)

И.К. Новиков*, А.Д. Дегтярева**, С.Н. Шилов*

Публикуются материалы из погребальных комплексов могильников Озерное 1 и Озерное 3 на территории Курганской области. Особенности погребального обряда, керамики, медных и бронзовых изделий позволили отнести могильник Озерное 1 к памятникам петровской, могильник Озерное 3 — к синташтинской культуре. Приведены результаты аналитического (рентгенфлуоресцентного, металлографического) исследования медного и бронзового инвентаря, которые подтвердили предложенную авторами культурную интерпретацию.

Могильники Озерное 1, Озерное 3, Зауралье, эпоха бронзы, петровская культура, синташтинская культура.

В публикации вводятся в научный оборот материалы раскопок могильников Озерное 1 и Озерное 3, исследованных экспедициями Курганского государственного университета в 2005–2011 гг. под руководством С.Н. Шилова и И.К. Новикова. Могильник Озерное 1 впервые упомянут в своде памятников И.Я. Словцова [1890]. В 1900 г. И.С. Шукшинцев описал могильник, состоящий из 7 курганов, у поселка Озерное, рядом с озерами Поспелово и Горькое [1900]. В 2004 г. С.Н. Ярковым был составлен топографический план могильника с зафиксированными им 5 курганными насыпями.

Могильник Озерное 1 расположен в 3,3 км к северо-востоку от д. Озерное Звериноголовского района Курганской области на первой надпойменной террасе левого берега р. Тобол, на высоте 3 м от летнего уреза воды, на северном берегу озера старичного типа Поспелово, в 4 км к северу от р. Тобол. Старица изгибается, образуя широкий мыс, в основании которого находится цепочка курганов, вытянутая по линии запад — восток. В процессе работ выявлено восемь курганов диаметром 12–32 м, высотой 0,2–1 м (рис. 1).

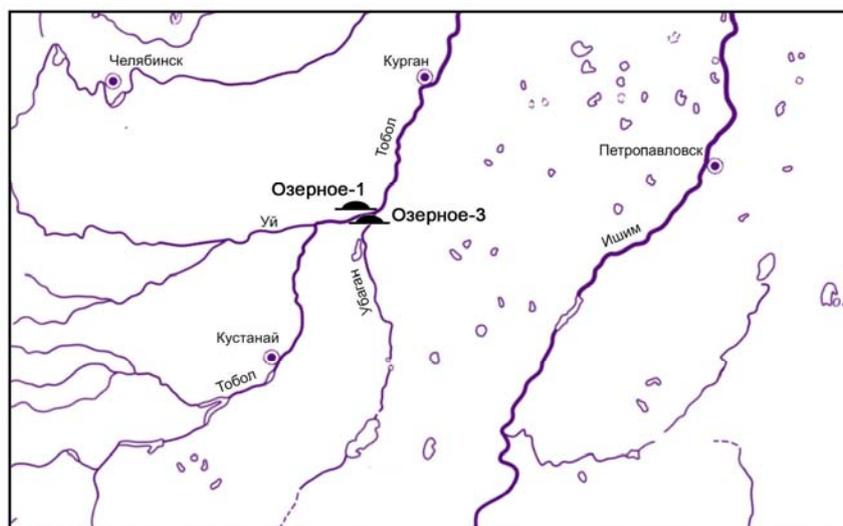

Рис. 1. Расположение могильников Озерное 1 и Озерное 3

Всего за период 2006–2011 г. раскопано 6 из 8 выявленных курганов. К сожалению, все центральные захоронения были ограблены, а часть из них нарушены более поздними впускными погребениями, также, в свою очередь, ограбленными. Материалы были обнаружены в курганах 4, 5, 6.

Курган 4. Центральное захоронение ограблено, в выбросе из погребения обнаружены лишь два медных слитка.

Могильники эпохи бронзы Озерное 1 и Озерное 3 (результаты исследований)

Курган 5, самый представительный в могильнике Озерное 1, достигал в диаметре 34 м, в высоту 0,9–1 м. В процессе раскопок было выявлено 7 жертвенников, 4 скопления сосудов, маркирующие, по всей видимости, впущенные в насыпь детские погребения, и 16 погребений. В процессе расчистки погребений в трех из них обнаружены керамика и предметы из бронзы (погребения 14–16).

Погребение 14 частично разрушено сооружением более позднего рва. После расчистки размеры погребения составили 1,55×1,23 м, глубина ямы — 55 см. В погребении обнаружены остатки деревянной конструкции в виде перекрытия из деревянных плах, уложенных вдоль погребенного. В северо-восточной части могилы на перекрытии располагался жертвенник, состоящий из черепа и конечностей КРС. В погребальной камере обнаружен костяк ребенка, лежавшего на левом боку головой на запад, с подогнутыми ногами и согнутыми руками. Перед скелетом, вдоль него от локтей и до ступней, уложены в зигзагообразную линию астрагалы и альчики (рис. 2).

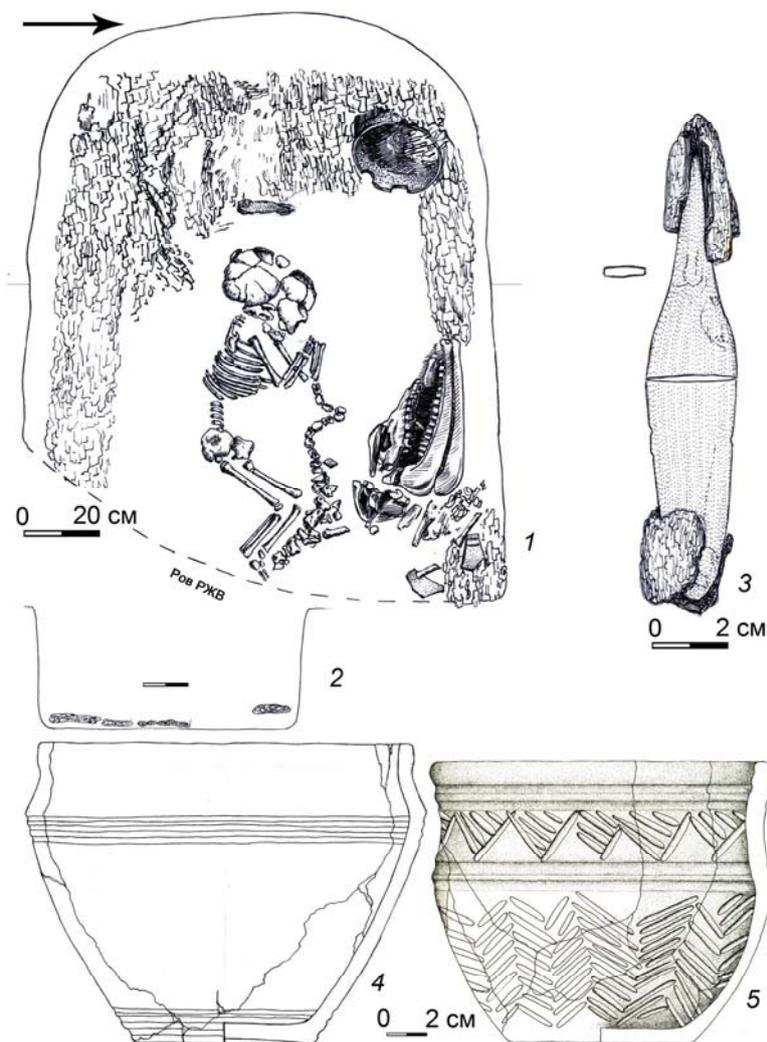

Рис. 2. Погребение 14 кургана 5:
1, 2 — план и разрез погребения 14; 3 — медный нож; 4, 5 — сосуды

Инвентарь могилы представлен керамическими сосудами, медным ножом и бусиной. Первый сосуд находился в северо-западном углу погребения. Сосуд — горшечной формы, плоскодонный, с уступчато-ребристой профилировкой плечика, с уплощенным венчиком и нечетким воротничком по шейке. Орнаментирован в прочерченной технике горизонтальными линиями, по плечу — сильно затертыми оттисками гребенчатого и гладкого штампа.

Второй сосуд обнаружен в северо-восточном углу в развале. Сосуд горшечной формы, плоскодонный, с высокой, чуть отогнутой наружу шейкой, округлым венчиком и едва выделенным уступом на плечике. Орнаментирован в прочерченной технике. По верхней части шейки, сразу под венчиком, расположены две широкие прочерченные горизонтальные линии, ниже которых находится полоса из заштрихованных треугольников вершинами вниз. Уступ подчеркнут двумя широкими прочерченными горизонтальными линиями. Нижняя часть тулова до придонной части украшена широкой полосой горизонтального зигзага. Внутренняя сторона верхней части шейки украшена двумя широкими прочерченными горизонтальными линиями.

Нож с остатками деревянной рукояти обнаружен рядом с теменной частью черепа погребенного. На черешке и частично на окончании клинка обнаружены фрагменты дерева — обкладка рукояти и, видимо, остатки деревянных ножен. Орудие имеет удлиненное лезвие листовидной формы с расширением в верхней части клинка, сужающееся к окончанию и подтреугольный черешок. Лезвие в сечении линзовидное. Длина ножа — 12,1 см, длина рабочей части — 8,5 см, максимальная ширина лезвия — 2,6 см, толщина клинка — 0,25 см; толщина рукояти — 0,35 см. На тазовых костях погребенного обнаружена пастовая бусина.

Погребение 15, разрушенное норой и грабительским ходом, располагалось в центральной части кургана, вплотную примыкая к центральному погребению 16. Погребение впускное, не углубленное в материк, фиксировалось по развалам сосудов. По всей видимости, над погребением было сооружено продольное перекрытие из деревянных плах шириной до 10 см, небольшие фрагменты которых обнаружены при снятии насыпи, а также возле развалов сосудов (рис. 3).

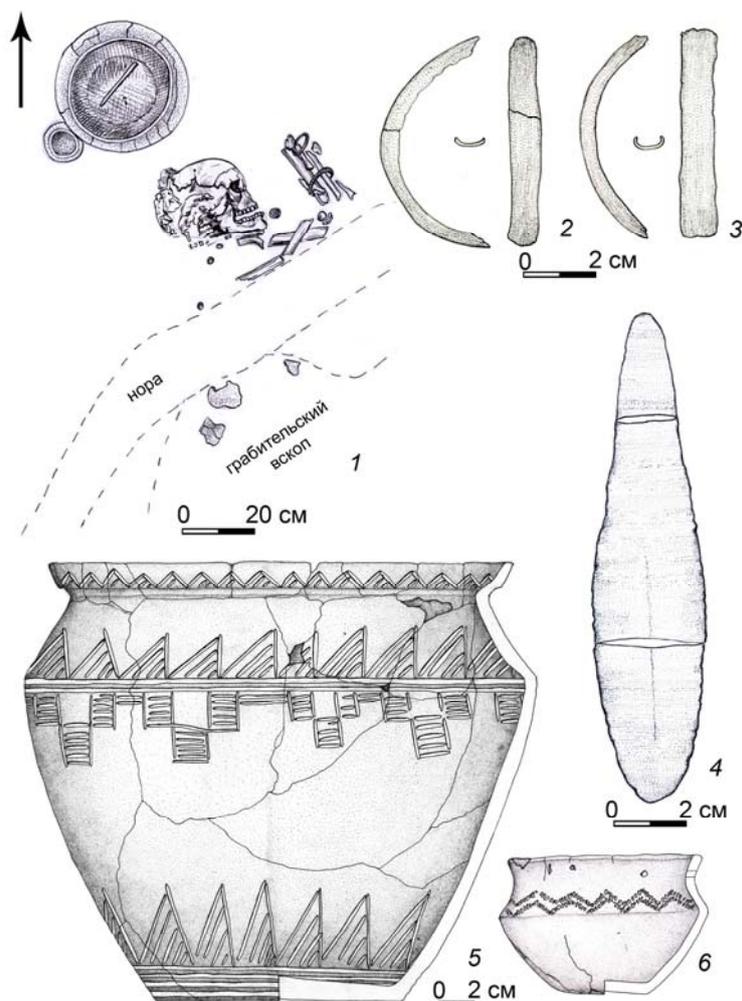

Рис. 3. Погребение 15 кургана 5:

1 — план погребения; 2, 3 — бронзовые браслеты; 4 — медный нож; 5, 6 — сосуды

Могильники эпохи бронзы Озерное 1 и Озерное 3 (результаты исследований)

В северной части погребения обнаружены останки взрослого погребенного — череп плохой сохранности и фрагменты костей рук. Судя по расположению костей, погребенный был уложен на левом боку, головой на север, с руками, согнутыми к лицу. Инвентарь погребения состоял из двух керамических сосудов, медного ножа, бронзовых браслетов, обломков бронзовых украшений, каменных бусин, бронзового слитка.

Первый сосуд, обнаруженный у теменной части черепа погребенного, представлен развалом, но полностью реконструируется. Крупный сосуд горшечной формы имеет уступчато-ребристую профилировку, закругленный венчик, воротничок по верхней части шейки, резко отогнутой наружу, в результате чего на внутренней поверхности шейки образовалось ребро.

Орнаментирован в прочерченной технике по трем зонам — венчику, ребру и придонной части. По воротничку расположен ряд небольших треугольников вершинами вверх, заштрихованных 1–2 линиями. В районе ребра горшок орнаментирован рядом заштрихованных треугольников вершинами вверх, подчеркнутых по основанию двумя горизонтальными прочерченными линиями. Ниже, сразу под линиями, украшен полосой из чередующихся в шахматном порядке заштрихованных прямоугольников, соединенных между собой двумя короткими горизонтальными линиями. Придонная часть орнаментирована рядом вытянутых заштрихованных треугольников вершинами вверх, подчеркнутых по основанию четырьмя горизонтальными прочерченными линиями.

Второй сосуд располагался рядом с первым. Миниатюрный острореберный горшок имел высоту 8 см, диаметр венчика 11 см, отогнутую шейку. В верхней части шейки обнаружены сквозные отверстия диаметром 0,4 см, расположенные друг напротив друга. Сосуд орнаментирован по основанию шейки двойным горизонтальным зигзагом, выполненным отпечатками неровного гребенчатого штампа.

Внутри развала первого сосуда обнаружен медный нож с удлиненным округлым черешком (длина 13,7, ширина лезвия 3,1 см). На лучевых костях погребенного расчищены два бронзовых желобчатых браслета диаметром 6–6,5 см, шириной 1–1,1 см. Рядом с нижней челюстью найден обломок круглой бронзовой тисненой бляшки плохой сохранности с солярным орнаментом (диаметр 1,7 см). На правой стороне черепа обнаружена бронзовая прокоррозированная височная подвеска в 1,5 оборота в обломках.

В районе шейных позвонков обнаружены бусины двух типов: кольцевидные из серо-коричневого камня (6 экз.) и крупные бочонкообразной и уплощенно-бочонкообразной формы из голубого с разводами непрозрачного материала (4 экз.). Диаметр бусин — 1,1–1,6 см.

Погребение 16 (центральное) ограблено еще в древности и впоследствии нарушено впускным захоронением раннего железного века, которое также разграблено.

Курган 6 могильника Озерное 1 находился рядом с курганом 5, примыкая к нему с северо-восточной стороны. В процессе раскопок было выявлено три погребения, из которых только одно, центральное, содержало погребальный инвентарь.

Погребение 1 (центральное) ограблено еще в древности. Могила имела подпрямоугольную форму, вытянута по линии северо-запад — юго-восток, размерами 3×2,5 м (рис. 4). В погребении обнаружены остатки перекрытия из продольных деревянных бревен, под которыми расчищен деревянный сруб из бревен в один венец. Бревна толщиной 20–25 см были уложены на некотором удалении от стенок могилы. Вверху ямы и на дне зафиксированы многочисленные кости лошади и мелкого рогатого скота. Часть костей сконцентрирована в южном углу раскопа: по всей видимости, это был костяк лошади, лежащий на перекрытии, опустившийся впоследствии вовнутрь камеры. В заполнении обнаружены развал сосуда, два небольших слитка окисленной меди, обломок браслета. Горшок имеет уступ в верхней части с плавной профилировкой. Орнаментирован в прочерченной технике и гладким штампом. В выбросе из других могильных ям были найдены еще два сосуда (рис. 4, 3, 4).

Погребальный обряд, типы керамических изделий, медных ножей погребений могильника Озерное 1 находят соответствия в материалах погребальных и поселенческих комплексов петровской культуры или петровского типа в мог. Кривое Озеро, Раскатиха, Кулевчи 6, ранних погребений Верхней Алабуги, поселений Кулевчи 3, Устье [Потемкина, 1985; Виноградов, 1982; 2003, рис. 11, 7, 11; 14, 5; 19, 5; 2011, с. 101–126; Древнее Устье..., 2013, с. 426–428]. Традиционными были сооружения деревянных погребальных камер с поперечными перекрытиями, с широтной ориентацией могильных ям, скорченным положением погребенных на левом боку. Керамические комплексы петровского типа представлены преимущественно сосудами остроре-

берной формы с утолщением-валиком под венчиком, а также изделиями с усеченно-коническим или слабовыпуклым туловом. Орнамент распределяется по двум-трем зонам в виде наклонно заштрихованных треугольников, горизонтальных зигзагов в сочетании с горизонтальными линиями. Два ножа представлены двумя типами: с удлиненным черешком, без перехвата, с клинком листовидной формы, без ребра жесткости, а также с черенком округлой формы, выделенным перехватом и узкой лезвийной частью, без ребра жесткости. Эти типы встречались в большинстве своем в памятниках ранней фазы Евразийской металлургической провинции, в том числе в петровских погребениях [Дегтярева, 2010, с. 103–104, 108].

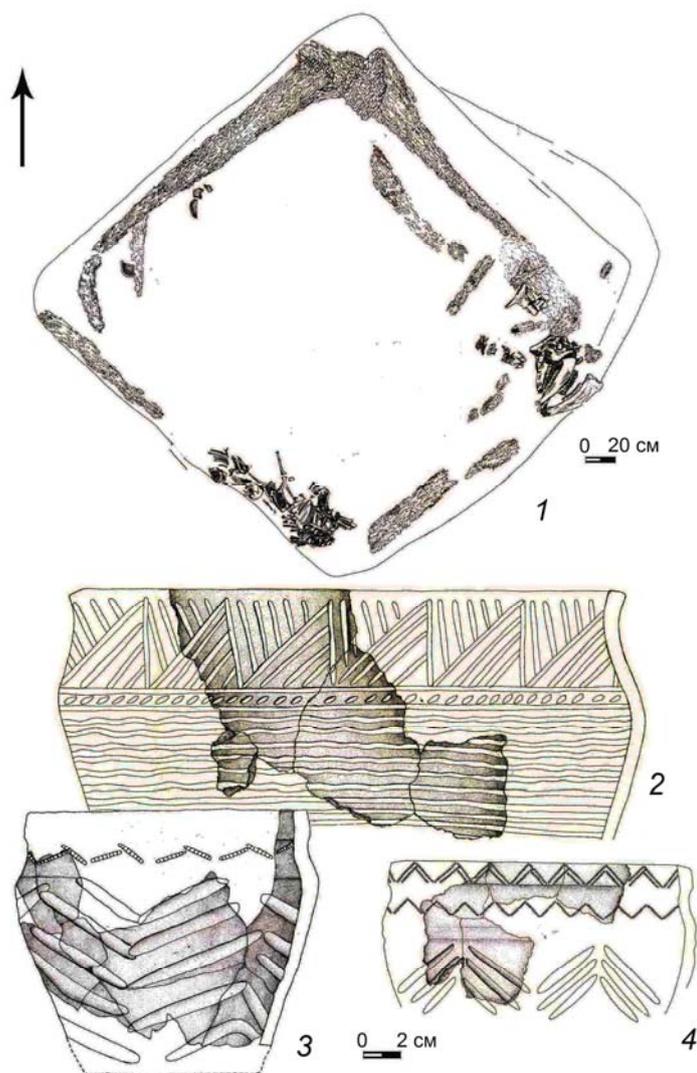

Рис. 4. План погребения 1 кургана 6 и керамика из него (1, 2), сосуды из выброса погребений кургана 6 (3, 4)

Могильник Озерное 3 находится в 3,2 км к юго-востоку от д. Озерное Звериноголовского р-на Курганской обл. В 2011 г. исследованы два разрушенных погребения, которые находились на территории стоянки эпохи мезолита Озерное 3. Культурный слой стоянки в значительной степени был разрушен поверхностной эрозией почвы. Погребения вытянуты в широтном направлении, находились в 1 м друг от друга. Оба погребения были ограблены еще в древности. Из остатков погребального сооружения зафиксирована небольшая полоска древесного тлена в западной части первого погребения, предположительно оставленного доской толщиной до 5 см.

Могильники эпохи бронзы Озерное 1 и Озерное 3 (результаты исследований)

В заполнении погребений обнаружены многочисленные кости животных, среди которых преобладали фрагменты челюстей и конечностей (предположительно мелкого рогатого скота), а также девять керамических сосудов. В одном погребении обнаружены четыре каменных наконечника стрелы, обработанных двусторонней ретушью, подтреугольной формы (рис. 5, 8–11). Один наконечник имеет слегка вогнутое основание, остальные — прямое. Бронзовый инвентарь представлен одним обоюдоострым шилом без упора, квадратным в сечении.

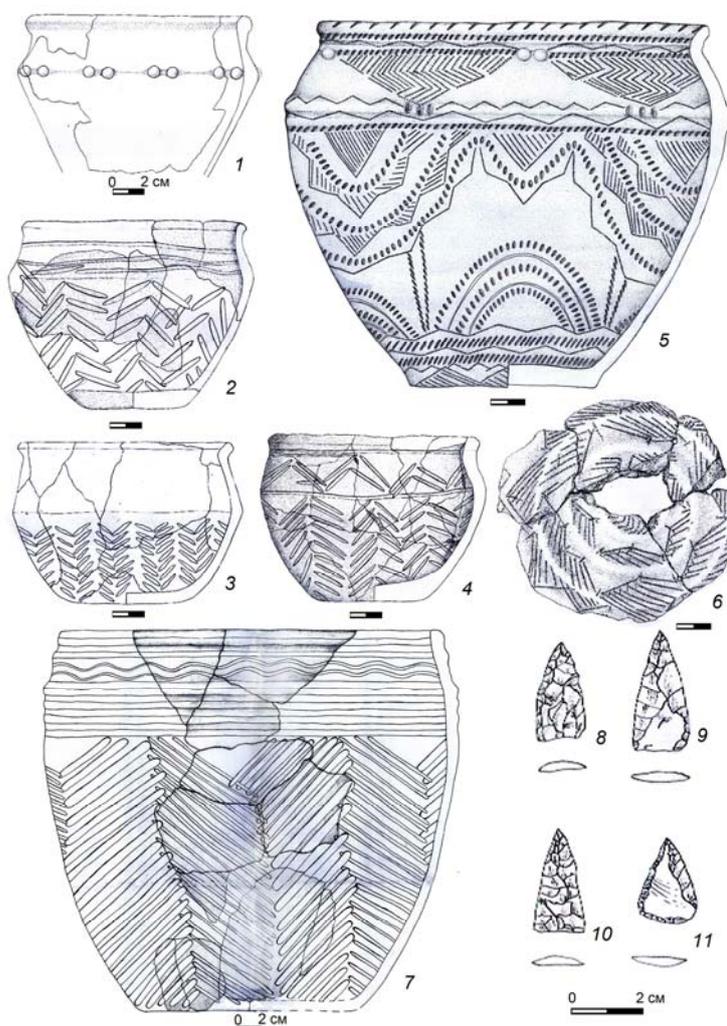

Рис. 5. Керамика, каменные наконечники стрел из погребений могильника Озерное 3

Наиболее массовым материалом в исследуемых погребениях является керамика. Всего обнаружено шесть сосудов и фрагменты трех горшков. Первый сосуд баночно-горшечной формы с плоским венчиком, слегка отогнутым наружу (рис. 5, 1). Плечо отделено от тулова ребром, на котором размещено восемь пар налепных шишечек. Сосуд не орнаментирован. Три сосуда также горшечно-баночной формы, средних размеров, со скошенным венчиком с внешнего края, с выделенным ребром в верхней части тулова (рис. 5, 2–4). Орнамент прочерченный, верхняя зона покрыта горизонтальными линиями или треугольниками, нижняя часть тулова — многорядным горизонтальным зигзагом.

Один сосуд — крупный, горшечной формы, имеет округлый венчик, резко отогнутую наружу шейку, округлое тулово, плоское дно (рис. 5, 5). Украшен сложным орнаментом гладким и гребенчатым штампом — венчик и шейка косыми насечками в три ряда, по низу шейки размещены парные шишечки и свисающие треугольники, внутри которых штамп образует волнообразные линии. Под плечиками нанесен орнамент в виде полукруглых фестонов со вписанными в них треугольниками и

овальными вдавлениями. По придонной части помещены полукруглые фестоны из прочерченных линий и овальных вдавлений. Дно орнаментировано концентрическими кругами в виде желобков и образовавшимися между желобками валиками, на валиках располагаются равнобедренные косозаштрихованные треугольники вершинами в центр дна (рис. 5, 6).

Другой крупный сосуд — баночной формы, имеет плечики, подчеркнутые параллельным желобком и налепным валиком (рис. 5, 7). В верхней части орнаментирован прочерченными горизонтальными желобками и волнообразными линиями, в нижней части — многорядными горизонтальными зигзагами.

Особенности керамического комплекса позволяют отнести погребения могильника Озерное 3 к синташтинской культуре. Подобные сосуды с выделенными уступами, налепными валиками и шишечками, керамика баночной формы с многорядовыми горизонтальными зигзагами, орнаментацией в виде полукруглых фестонов, каменные наконечники стрел обнаружены в закрытых погребальных комплексах синташтинских могильников Кривое Озеро, Каменный Амбар 5, Танаберген 2 [Виноградов, 2003, рис. 40, 4; 44, 4; 90, 2; 92, 6; 93, 4; Епимахов, 2005, рис. 60; 61, 7; Ткачев В.В., 2007, рис. 48, 1–11]. Синташтинские материалы — керамика, бронзовые изделия довольно часто встречаются в Притоболье, они известны в разрушенных погребениях на пос. Убаган 1, могильнике Верхняя Алабуга, в материалах так называемых петровско-синташтинских захоронений Бестамак, Токанай 1, Халвай 3 [Потемкина, 1985, рис. 47, 1, 2; 82, 18, 19; Логвин, 2005; Калиева, Логвин, 2008; Логвин, Шевнина, 2008, 2011; Шевнина, Ворошилова, 2009].

Найденные в погребениях могильников металлические изделия представлены орудиями труда (3 экз.), украшениями (3 экз.), слитками (3 экз.). К числу орудий труда относятся два ножа (мог. Озерное 1, кург. 5, погр. 14, 15) и шило (мог. Озерное 3, разрушенное погребение; рис. 6, 1–3). Первый нож относится к типу орудий с удлинённым узким насадом, плавно переходящим в листовидный клинок, с линзовидным сечением. Ножи этого типа являются реминисценциями металлопроизводства очагов Циркумпонтийской металлургической провинции, где они достаточно широко представлены в ямно-полтавкинских, майкопских, катакомбных памятниках [Chernykh, 1992, fig. 24, 14–16; 28, 14, 17, 18; 29, 6, 7; 45, 13, 14; История..., 2000, рис. 10, 5–10; Гак, 2005, с. 13; Кияшко, 2002, табл. XVIII, 5, XXII, 12, XXVI, 8, 10]. На раннем этапе Евразийской металлургической провинции данный тип ножей был характерен для синташтинской (могильники Синташтинский 2 (3 экз.), Кривое Озеро, Малиновский 2, Синташтинский большой, Синташтинский 1, Большекараганский, Жаман-Каргала 1, поселение Аркаим), петровской (поселения Петровка 2, Акмая, Энтузиаст 1, Талдысай, могильники Бестамак (2 экз.), Кенес, Бозенген), абашевской (поселение Береговское 1, могильники Введенский, Красногорский 3, Метев-Тамак, Альмухаметово), сейминско-турбинской (могильники Сейминский (4 экз.), Юринский) металлообработки, в меньшей степени для потаповских (могильник Потаповский (3 экз.)) и покровских (могильники Покровский, Владимировский) древностей [Генинг и др., 1992, рис. 49, 7; 105, 7; 146, 6; 171, 6, 7; 175, 10; Виноградов, 2003, рис. 88, 30; Халиков, 1969, рис. 57, 5; Аркаим..., 2002, рис. 16, 1; Зданович, 1997, рис. 9, 15; Ткачев В.В., 2007, рис. 23, 4; 26, 5; Кадырбаев, Курманкулов, 1992, рис. 34, 1; Ткачев А.А., 2002, рис. 43, 15; 94, 6; Логвин, Шевнина, 2008, рис. 2, 5; Калиева, Логвин, 2008, рис. 13, 8; Кузьмина и др., 2003, рис. 4, 3; Курманкулов и др., 2007, рис. 7в; Сальников, 1962, рис. 3, 4; 1967, рис. 4, 8; Прягин, 1976, рис. 27, 6; Горбунов, 1992, рис. 18, 1; 26, 35, 49; Черных, Кузьминых, 1989, рис. 57, 12, 13; Зданович, 1983, рис. 3, 16; Аванесова, 1991, рис. 25, 9; Памятники..., 1993, табл. 14, 29; 15, 46; История..., 2000, рис. 9, 1, 13, 16; Соловьев, 2005, рис. 5, 8]. Орудия этого типа в большей степени присущи синташтинской, петровской, абашевской и турбинской металлообработке с концентрацией находок на Южном Урале, а также в Поволжье, Волго-Камье, Тоболо-Ишимье. В системе ЕАМП на последующих фазах ПБВ они известны в небольшом количестве [Tallgren, 1916, pl. IV, 6; Казаков, 1978, рис. 22, 10].

Второй нож относится к типу с удлинённым широким черенком, сужающимся к закругленному окончанию, выделенным перекрестьем. Орудия этого типа, как правило, имеют листовидную рабочую часть, реже подтреугольную. Они появляются в памятниках вольско-лбищенского типа на рубеже среднего и позднего бронзового веков (пещера Братьев Греше на Самарской Луке, Царев курган близ г. Самары) [Черных, Кореневский, 1976, рис. 2, 4; Васильев, 1999, рис. 16, 1, 2]. Однако основное количество ножей данного типа обнаружено в древностях ранней фазы Евразийской провинции. Аналогичные ножи встречены в петровских (могильники Верхняя Алабуга, Нуртай, поселения Кулевчи 3, Ак-Мустафа), синташтинских (могильники Синташтинский 1, Кривое Озеро, Танаберген 2, Жаман-Каргала 1, Большекараганский, поселение Аркаим), реже —

Могильники эпохи бронзы Озерное 1 и Озерное 3 (результаты исследований)

турбинских памятниках (Турбино 1) [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 58, 10; Потемкина, 1985, рис. 80, 12; Виноградов, 1982, рис. 3, 4; Кадырбаев, Курманкулов, 1992, рис. 34, 2; Ткачев А.А., 2002, рис. 68, 16; Генинг и др., 1992, рис. 148, 19; 152, 6; Зданович, 1997, рис. 9, 12; Виноградов, 2003, рис. 39, 11; Аркаим..., 2002, рис. 39, 3; Ткачев В.В., 2007, рис. 11, 14; 17, 3; 25, 16]. Ножи этого типа известны в абашевских (Введенский, Кондрашкинский курганы, хутор Королевский, Масловское поселение) и покровских (могильник Покровский, Бережновский, Натальино 2, Бородаевский, Хрящевский 1 (2 экз.), Давыдовский, поселение Сачково Озеро) памятниках [Черных, 1970, рис. 57, 13; Пряжин, 1976, рис. 27, 11; 1977, рис. 7, 6; Пряжин и др., 1989, рис. 4, 3; Памятники..., 1993, табл. 1, 4; 2, 19; 3, 2; 9, 13; 15, 15; 16, 27; Зудина, Кузьмина, 1999, рис. 10, 4; История..., 2000, рис. 7, 5, 6; Васильева и др., 2008, рис. 4, 1]. Два ножа найдены в потаповских погребениях могильников Потаповский, Утевка 6 [Васильев и др., 1994, рис. 50, 2; История..., 2000, рис. 11, 4]. Единичные экземпляры орудий происходят из алакульских могильников — Ульке, Кожумбердынский, а также из Ерыклинского клада в Закамье финала ранней фазы ЕАМП [Андроновская культура, 1966, табл. XXXVIII, 13, 29; Обыденнов, Обыденнова, 1992, рис. 47, 5]. Ножи этого типа сосредоточены в основном на территории Южного Зауралья и Поволжья в синташтинских, петровских, покровских и потаповских памятниках, а их генезис, вероятнее всего, связан с трансформацией вольско-лбищенского типа орудий.

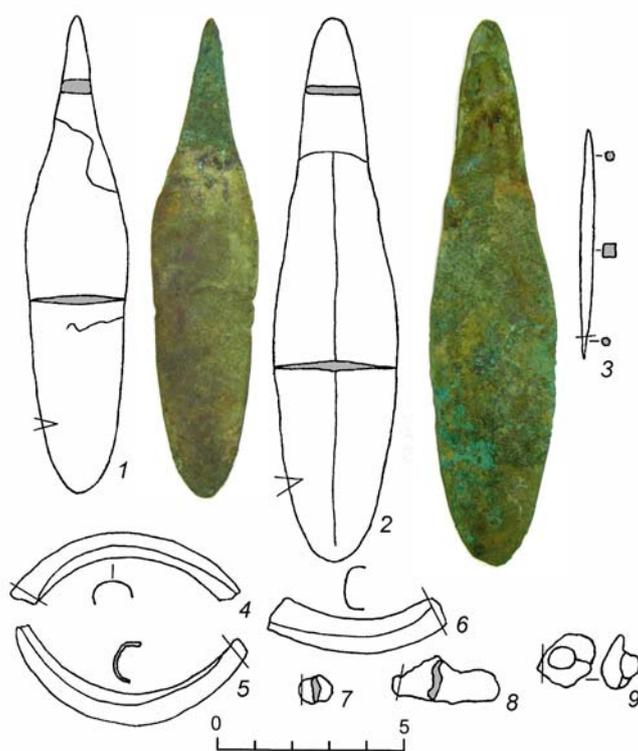

Рис. 6. Металлические изделия могильников Озерное 1 (1, 2, 4–9) и Озерное 3 (3)

(секущими линиями показаны срезы на шлифы):

1, 2 — ножи (ан. 1194, 1193); 3 — шило (ан. 1197); 4–6 — браслеты (ан. 1195, 1200); 7–9 — слитки (ан. 1199, 1198, 1201)

Из разрушенного погребения мог. Озерное 3 происходит только одно бронзовое изделие — шило без упора-утолщения, квадратное в сечении, обоюдоострое, длиной 5,9 см (рис. 6, 3). Бронзовые браслеты обнаружены в погр. 15 кург. 5 (2 экз.), погр. 1 кург. 6 могильника Озерное 1. Браслеты относятся к типу выпукло-вогнутых изделий с широкими боковыми бортиками, отогнутыми под прямым углом. Небольшие слитки весом 3–9 г происходят из погр. 15 кург. 5 и выброса из кург. 4 (3 экз.).

Металлические изделия подвергнуты рентгенфлуоресцентному и металлографическому анализу в лабораториях естественно-научных методов ИА РАН и ИПОС СО РАН. Изделия распределяются на металлургические группы следующие образом: 4 экз. входят в состав группы

чистой меди, 3 — оловянной бронзы, 2 — мышьяковой бронзы (табл.). В составе группы чистой меди — два ножа и два слитка. В группу оловянной бронзы входят три браслета, концентрации олова находятся в пределах 5,82–18,88 %. В группе мышьяковой бронзы — шило и слиток с концентрациями мышьяка 0,68–1,88 %.

Результаты рентгенфлуоресцентного и металлографического анализов металла могильников Озерное 1 и Озерное 3

№	Предмет	№ рис.	№ спектр. ан.	№ структ. ан.	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
1	Нож	6, 1	49872	1194	Осн.	—	0,08	—	0,05	0,04	0,08	—	0,24	—	—	—
2	Нож	6, 2	49871	1193	Осн.	0,03	0,09	—	0,07	0,06	0,14	0,02	0,32	—	—	—
3	Шило	6, 3	49875	1197	Осн.	—	0,07	—	0,03	0,06	0,04	0,68	0,54	0,01	—	—
4	Браслет	6, 4	49873	1195	Осн.	5,82	0,17	—	0,06	0,05	0,04	0,18	0,15	—	—	—
5	Браслет	6, 6	49878	1200	Осн.	10,92	0,07	—	0,05	0,04	0,04	—	0,19	—	—	—
6	Браслет	6, 5	49874	1196	Осн.	18,88	0,08	0,04	0,03	0,04	—	0,06	0,85	—	—	—
7	Слиток	6, 7	49877	1199	Осн.	0,04	0,07	—	0,04	0,04	0,1	0,03	0,11	—	—	—
8	Слиток	6, 8	49876	1198	Осн.	—	0,06	0,02	0,03	0,03	0,06	0,03	0,16	—	—	—
9	Слиток	6, 9	49879	1201	Осн.	0,02	0,27	0,23	0,06	0,03	0,17	1,88	0,13	0,01	—	—

Оба ножа изготовлены по одной технологической схеме — литьем из чистой меди с последующей доработкой в режиме неполной горячейковки при температуре 250–400 °С (ан. 1194, 1193; рис. 7, 1, 2). Судя по сечению орудий, наличию характерных губчатых затеков на поверхности металла, а также первоначальных остаточных литых полиэдров вдали от лезвийной кромки, отливка орудий производилась в односторонние глиняные литейные формы с плоскими крышками. Доработочные операции при низких температурах были направлены на вытяжку и заострение лезвий орудий. Режим термообработки металла подтверждается наличием деформированных волокон с отдельными участками рекристаллизованных зерен, показателями микротвердости металла — 127–128 кг/мм². В заключение лезвийная часть была подвергнута операции упрочнения по холодному металлу.

Шило изготовлено из низколегированной мышьяковой бронзы (содержание As 0,68 %) в процессековки, которая сопровождалась значительными степенями обжата металла порядка 80–90 % (ан. 1197, рис. 7, 3). Судя по наличию отдельных участков рекристаллизованных зерен на фоне волокнистой структуры, доработочные операции протекали при температуре 400–500 °С.

Браслеты изготовлены из средне- и высоколегированной оловянной бронзы с концентрациями олова 5,82–18,8 % в процессековки, сопровождавшейся 70–80 % обжатием металла (ан. 1200, 1195; рис. 7, 4, 5). Судя по профилю украшений,ковка производилась на прямоугольной оправке со сторонами, находящимися под углом 90° друг к другу. Передковкой и в процессе доработки изделия подвергались отжигу гомогенизации — длительному высокотемпературному нагреву с целью возвращения пластичности металлу. Структурно это отразилось в выравнивании сплава — исчезновении дендритной ликвации и рассасывании включений эвтектоида $\alpha + \text{Cu}_{31}\text{Sn}_8$. Ковка браслетов протекала в режиме горячейковки при T 600–800 °С, о чем свидетельствуют как размеры кристаллов, так трещины краснотомкости в одном случае.

Из трех проанализированных два образца слитков представлены чистой окисленной медью (ан. 1198, 1199; рис. 7, 6, 7). В обоих случаях их кристаллизация протекала на открытом воздухе без предохраняющих жидкий расплав засыпок, что привело к избыточному окислению металла кислородом до 0,2–0,28 %. Третье изделие представлено слитком мышьяковой бронзы (ан. 1201, рис. 7, 8). По данным рентгенфлуоресцентного анализа содержание As находится в пределах 1,88 %. Однако, судя по площади, занимаемой включениями эвтектики α -твердого раствора на фоне голубых соединений Cu_3As , концентрации As достигали 5 %.

Данные морфолого-типологического и аналитического изучения металлических изделий подтверждают культурную идентификацию материалов погребений могильника Озерное 1 как оставленных носителями петровской культуры или петровского культурного типа по Н.Б. Виноградову. Об этом свидетельствуют типы ножей из погребений, которые были характерны в достаточном массовом количестве для памятников ранней фазы ЕАМП, в том числе для петровских древностей. Прочие металлические предметы из этих погребений не могут являться надежными индикаторами культурной принадлежности, хотя достаточно своеобразны браслеты с высокими бортиками, отогнутыми почти под прямым углом. Подобные браслеты нам известны лишь по материалам могильника Бестамак [Калиева, Логвин, 2008, рис. 4, 1, 2].

Могильники эпохи бронзы Озерное 1 и Озерное 3 (результаты исследований)

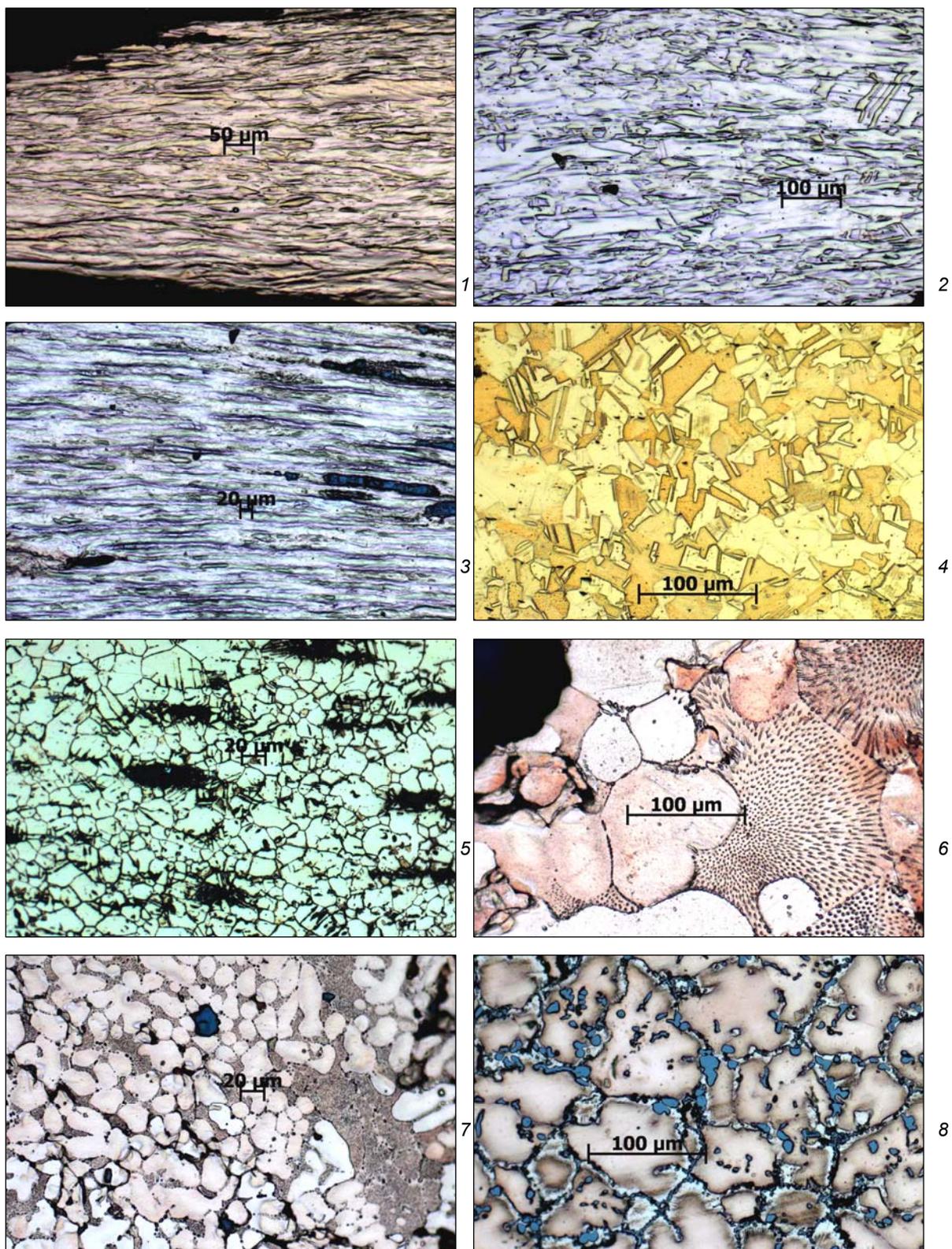

Рис. 7. Фотографии микроструктур цветных изделий могильников Озерное 1 и Озерное 3 (1–3 — увел. 100; 4–8 — увел. 200):

1, 2 — ножи (ан. 1194, 1193, срезы рабочей части); 3 — шило (ан. 1197, срез заостренного окончания); 4, 5 — браслеты (ан. 1200, 1195, поперечные срезы); 6–8 — слитки (ан. 1198, 1199, 1201; поперечные срезы)

Технологические особенности изготовления инвентаря могильника также характерны для традиций петровской металлообработки — использование чистой меди для изготовления орудий труда литьем в разъемных формах с последующей доработкой. В процессе кузнечной формовки использовались в основном низкие температуры начальной стадии рекристаллизации металла 250–400 °С либо ковка по холодному металлу или в холодную с промежуточными отжигами. Режимы горячейковки 600–800 °С, а также предплавильные температуры при 900–1000 °С использовались в обработке давлением металла петровской культуры Зауралья примерно у половины изделий, в основном украшений, которые в подавляющем большинстве изготовлены из оловянной или оловянно-мышьяковой бронзы (63,8 %). Особые варианты технологии обработки петровских зауральских бронз выявлены на примере этнических маркеров носителей петровских традиций — браслетов: использование высоколегированной оловянной бронзы до 18 %, применение отжигов гомогенизации для повышения пластичности металла, горячейковки. В петровском металлопроизводстве довольно часто встречаются слитки и изделия из чистой окисленной меди. Слитки из мышьяковой бронзы, конечно, более характерны для синташтинской культуры, но в петровских и алакульских памятниках они встречаются в единичных случаях (4 экз.; содержание As 0,47–15 %; поселения Кулевчи 3, Камышное 1, могильник Алакульский) [Виноградов и др., 2013, с. 25; Тигеева, 2013, с. 34, 37].

Шило из синташтинского разрушенного погребения могильника Озерное 3 по технологическим особенностям соответствует традициям синташтинского металлопроизводства — изготовление орудий с использованием низколегированной мышьяковой бронзы в процессековки при низких температурах 400–500 °С, что, собственно, является аргументом, подтверждающим синташтинскую принадлежность погребения [Дегтярева, 2010, с. 144].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Андроновская культура* // САИ. 1966. Вып. В3-2. 64 с.
- Аркаим: Некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002. 216 с.
- Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент: ФАН, 1991. 200 с.
- Васильев И.Б. Поселение Лбище на Самарской Луке и некоторые проблемы бронзового века Среднего Поволжья // *Вопр. археологии Урала и Поволжья*. Самара: Изд-во СамГУ, 1999. С. 66–114.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: Изд-во СамГУ, 1994. 208 с.
- Васильева И.Н., Козин Е.В., Кулакова Л.С., Салугина Н.П. Поселение Сачково Озеро // *Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья*. Самара, 2008. С. 58–102.
- Виноградов Н.Б. Кулевчи III — памятник петровского типа в Южном Зауралье // *КСИА*. 1982. Вып. 169. С. 94–100.
- Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. 362 с.
- Виноградов Н.Б. Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э.: (Памятники синташтинского и петровского типа). Челябинск: Абрис, 2011. 175 с.
- Виноградов Н.Б., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Металлургия и металлообработка в жизни обитателей укрепленного поселения Устье 1 // *Вестн. археологии, антропологии и этнографии*. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. № 3 (22). С. 4–30 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.
- Гак Е.И. Металлообрабатывающее производство катакомбных племен степного Предкавказья, Нижнего Дона и Северского Донца: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2005. 27 с.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен урало-казахстанских степей. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. 408 с.
- Горбунов В.Г. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа: Баш. пед. ин-т, 1992. 223 с.
- Дегтярева А.Д. Древнее металлопроизводство Южного Зауралья. Новосибирск: Наука, 2010. 162 с.
- Древнее Устье: Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье / И.П. Алаева, О.П. Бачура, Н.Б. Виноградов и др. Челябинск: Абрис, 2013. 482 с.
- Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии. Челябинск: Чел. дом печати, 2005. 192 с.
- Зданович Г.Б. Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей // *Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья*. Челябинск: БашГУ, 1983. С. 156–207.
- Зданович Г.Б. Аркаим — культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // *РА*. 1997. № 2. С. 47–62.
- Зудина В.Н., Кузьмина О.В. Давыдовский курганный могильник // *Вопр. археологии Урала и Поволжья*. Самара: СамГУ, 1999. С. 115–142.
- История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век*. Самара: Изд-во Сам. ИЦ РАН, 2000. 336 с.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата: Гылым, 1992. 247 с.

Могильники эпохи бронзы Озерное 1 и Озерное 3 (результаты исследований)

- Казakov Е.П. Погребения эпохи бронзы могильника Такталачук // Древности Икско-Бельского междуречья. Казань: Казан. филиал АН СССР, 1978. С. 67–108.
- Калиева С.С., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак: (Предварительное сообщение) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2008. № 9. С. 32–58.
- Кияшко А.В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград: Изд-во Волгогр. ун-та, 2002. 268 с.
- Кузьмина О.В., Михайлова О.В., Субботин И.П. Раскопки Владимировского курганного могильника эпохи бронзы // Абашевская культурно-историческая общность: Истоки, развитие, наследие. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 259–270.
- Курманкулов Ж., Ермолаева А.С., Калиева Ж.С. Археологические исследования на поселении Талдысай // Историко-культурное наследие Сарыарки. Караганда, 2007. С. 93–105.
- Логвин В.Н. Могильник Токанай 1 и проблема соотношения «петровских» и «синташтинских» памятников // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. С. 190–194.
- Логвин А.В., Шевнина И.В. Элитное погребение синташтинско-петровского времени с могильника Бестамак // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: Изд-во ОмГУ, 2008. С. 190–197.
- Логвин А.В., Шевнина И.В. Курган Халвай 3: (Предварительное сообщение) // Маргулановские чтения 2011 г.: Материалы междунар. археол. конф. Астана, 2011. С. 291–296.
- Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т. Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара: Изд-во СамГУ, 1992. 172 с.
- Памятники срубной культуры: Волго-Уральское междуречье. Саратов: Изд-во СарГУ, 1993. 200 с. (САИ; Вып. VI-10, т. 1).
- Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 376 с.
- Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1976. 164 с.
- Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1977. 168 с.
- Пряхин А.Д., Беседин В.И., Левых Г.А., Матвеев Ю.П. Кондрашкинский курган. Воронеж: ВГУ, 1989. 20 с.
- Сальников К.В. К истории древней металлургии на Южном Урале // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1962. Т. 1.
- Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.
- Словцов И.Я. Материалы о распределении курганов и городищ в Тобольской губернии // Изв. император. Том. ун-та. Томск, 1890. Кн. 2. С. 76–97.
- Соловьев Б.С. Юринский (Усть-Ветлужский) могильник: (Итоги раскопок 2001–2004 гг.) // РА. 2005. № 4. С. 103–111.
- Тигеева Е.В. Химико-металлургическая характеристика металла алакульской культуры Среднего Притоболья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. № 3 (22). С. 31–40 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.
- Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: Тюм. нефтегаз. ун-т, 2002. Ч. 1. 289 с.
- Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актюбе: Актюб. обл. центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с.
- Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 394 с.
- Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. 1970. № 172. 180 с.
- Черных Е.Н., Корневский С.Н. О металлических предметах с Царева кургана близ г. Куйбышева // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука, 1976. С. 201–208.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 320 с.
- Шевнина И.В., Ворошилова С.А. Детские погребения развитой бронзы (по материалам могильника Бестамак // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2009. С. 59–63.
- Шукинец И.С. Сведения о курганах Оренбургской губернии // ТОУАК. Оренбург, 1900. Вып. VI. С. 74–127.
- Chernykh E.N. Ancient metallurgy in the USSR. Cambridge: Univ. press, 1992. 335 p.
- Tallgren A.M. Collection Zaoussailov au musée historique de Finlande à Helsingfors. I. Catalogue raisonne de la collection de l'âge du bronze. Helsingfors, 1916.

*Курганский государственный университет,
sherlock2479@yandex.ru
**Тюмень, ИПОС СО РАН
anna126@inbox.ru

The article is devoted to publication of materials from burial complexes regarding burials of Ozernoye 1 and Ozernoye 3 on the territory of Kurgan Oblast. Particulars of a funeral rite, pottery, copper and bronze articles allowed to refer the burial of Ozernoye 1 to the Petrovka culture, while the burial of Ozernoye 3 — to the Sintashta culture. The article quotes results of the analytical (X-ray fluorescent, metallographic) investigation of the copper and bronze inventory, which confirms the cultural interpretation suggested by the authors.

Burials of Ozernoye 1 and Ozernoye 3, Trans-Urals, Bronze Age, the Petrovka culture, the Sintashta culture.

КОПТЯКОВСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ ЧЕПКУЛЬ 5¹

**В.А. Зах, В.М. Костомаров, В.В. Илюшина, Н.Е. Рябогина,
С.Н. Иванов, Ю.В. Костомарова**

Рассматриваются новые материалы коптяковской культуры многослойного памятника Чепкуль 5: планировка поселка, жилые сооружения, керамический комплекс, технологические и орнаментальные традиции, а также орудийный набор. По спорово-пыльцевым данным реконструирована природная обстановка во время обитания поселка в первой половине II тыс. до н.э. Получены свидетельства о возможном существовании земледелия в структуре хозяйства его населения.

Нижнее Притоболье, Андреевское озеро, поселение, коптяковская культура, жилища, керамика, спорово-пыльцевые спектры, пыльца культурных злаков.

В начале II тыс. до н.э. на лесостепных пространствах Урало-Иртышского региона, и в частности Притоболья, происходили климатические изменения, проявлявшиеся в постепенной аридизации. Мигрировавшие на эти территории скотоводы и металлурги вступали во взаимодействие с аборигенным населением. В результате складывались своеобразные симбиозные культуры, одна из которых — коптяковская. Ее ареал простирается от горно-лесного Зауралья на западе до устья р. Ишим на востоке, где на Красноярском городище обнаружена керамика, во многом схожая с коптяковской². Наиболее значительное скопление коптяковских поселений в Нижнем Притоболье отмечается на территории Андреевской озерной системы, некоторые из них исследованы, в том числе многослойный памятник Чепкуль 5, описанию, характеристике и анализу материалов которого посвящена настоящая работа.

Поселение находится на мысовидном выступе гривы, приуроченной к южной части берега оз. Чепкуль, в 6,2 км к востоку от п. Андреевский (Юрты Андреевские), в 6,7 км к юго-востоку от п. Субботино, в 6,1 км к северо-востоку от археологического музея-заповедника на Андреевском озере и в 18–19 км к юго-востоку от г. Тюмени (рис. 1). Открыто в 1988 г. В.М. Каноркиным. В 2007 г. памятник исследовался под руководством С.Н. Скочиной, в результате выявлена постройка эпохи раннего металла и коптяковской культуры [2007]. В 2008 г. работы продолжены В.А. Захом, наряду с байрыкскими и коптяковскими комплексами обнаружены боборыкинские, а также исследованы захоронения позднебронзового времени [Зах, Илюшина, 2011; Зах, 2012]. В 2012 г. изучалась юго-западная часть памятника, в результате выявлены коптяковские и, вероятно, юдинского облика (ранние) материалы, относящиеся к эпохе средневековья.

Всего исследовано около 850 м² площади поселения, выявлено 8 сооружений, из которых 6 связано с коптяковскими материалами (рис. 1, 1).

По углю из жилища № 6 получена радиоуглеродная дата, некалиброванное значение которой составляет 3415±115 лет (СОАН-8895) (по 1σ 65,7 % — 1890–1600 лет до н.э.; 2σ 95,4 % — 2050–1450 лет до н.э.), укладывающаяся в хронологические рамки коптяковских древностей, определяемые в пределах первой половины II тыс. до н.э.

В строении почвенного профиля выделяется дерново-гумусовый горизонт мощностью 0,08–0,1 м, он подстилается культурным слоем из темно-серой супеси мощностью 0,2–0,45 м. Ниже в почвенном слое отмечены линзы и пятна темно-коричневой супеси мощностью 0,25–0,4 м; отложения серо-коричневой супеси мощностью 0,1–0,7 м, заполнявшей хозяйственные и столбовые ямы; светло-коричневая супесь мощностью 0,4 м. Материковая порода представлена плотной бледно-желтой супесью.

Судя по расположению западин и исследованных коптяковских сооружений, поселок располагался вдоль береговой линии и имел, вероятнее всего, линейную уличную планировку (рис. 1, 2).

¹ Работа выполнена по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект «Механизмы и содержание трансформаций и преемственного развития древних обществ Тоболо-Ишимья», а также при финансовой поддержке РФФИ, гранты № 12-06-31044, 12-06-31005.

² Исследования Е.М. Данченко.

Коптяковский комплекс поселения Чепкуль 5

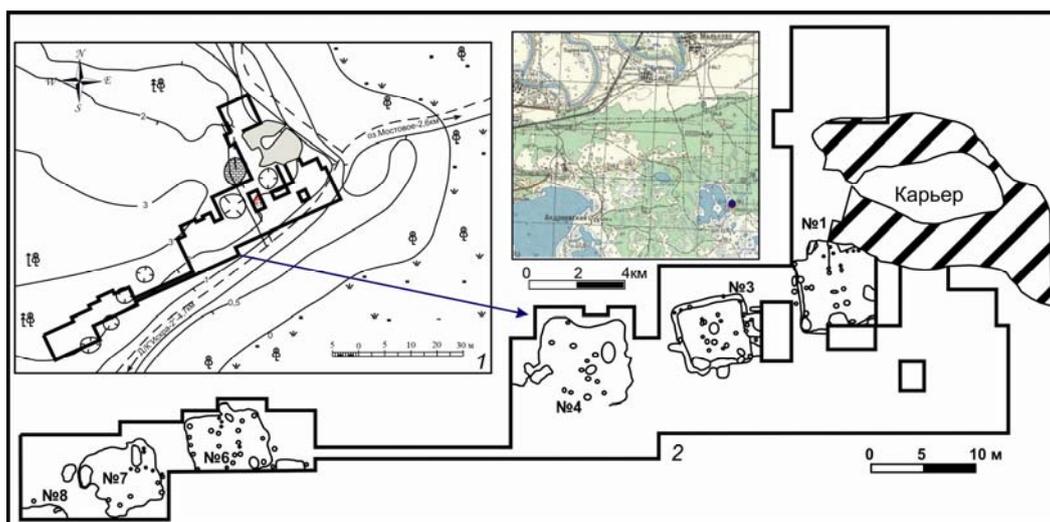

Рис. 1. Местоположение, план поселка (1) и сводный план раскопов (2) поселения Чепкуль 5

Сооружения коптяковской культуры поселения Чепкуль 5 представлены 5 жилищами размерами 7,2×8–7,3×7,4 м, углубленными в материк на 0,4–0,6 м, с котлованами, заполненными супесью серого и темно-серого цветов. Одно жилище исследовано частично. По внешнему периметру по углам котлованов, реже — в середине отмечены столбовые ямки диаметром около 0,3 м, глубиной до 0,5 м. Такие же ямки находились по углам внутри котлованов, а в некоторых жилищах рядами вдоль стенок. В центре сооружений ямки, как правило, располагались в виде квадрата, их диаметр варьировался от 0,17 до 0,4 м, глубина — до 0,4–0,6 м. Здесь же находились очаги в виде небольших кострищ с прокалом мощностью до 0,3 м, площадью около 1,0 м². Котлованы сооружений заполнены двумя видами супесей. Темно-серо-коричневая, мощностью 0,15–0,35 м, вероятно, представляла вторичное заполнение жилища, а темно-серая, мощностью 0,1–0,17 м, фиксировавшаяся на полу, являлась первичным заполнением котлована и основным заполнением столбовых ямок (табл. 1, рис. 2).

Таблица 1

Характеристика коптяковских построек поселения Чепкуль 5

№ постройки	Размеры, м	Глубина котлована, м	Форма котлована	Примечания
1	7×8	0,28	Квадратный	Столбовые ямки в центре сооружения и вдоль края котлована по внутренней его части
3	7×7	0,51	Квадратный	Столбовые ямки сосредоточены в центре сооружения и по углам котлована с внутренней стороны
4	7×8	0,24	Подквадратный, впущен в котлован неолитического сооружения	Сохранились ямки в углу котлована, в северной части, на полу котлована зафиксированы фрагменты сгоревших продольных балок, на которые, вероятно, был уложен настил
6	7×8	0,45	Квадратный	Сохранились столбовые ямки в центре котлована и по периметру котлована во внутренней части, в центре сооружения обнаружен очаг
7	7×7	0,37	Подквадратный	Сохранились отдельные столбовые ямки в центре котлована и по периметру внутреннего края котлована
8	Исследовано частично			

Судя по остаткам сгоревших перекрытий в жилище поселка Чепкуль 20 [Зах, Иванов, 2007], конструкция коптяковских сооружений — полуземлянок, углубленных в грунт на полметра, была каркасно-столбовой. Основу каркаса, скорее всего, составляла центральная рама на опорных столбах, а стены и кровля, видимо, формировались из жердей, опирающихся на каркас. Многочисленные ямки, расположенные вдоль стен котлована, свидетельствуют о поддержке несущей конструкции или укреплении стен. Возможно, наряду с несущей функцией центральная рама выполняла роль дымохода и светового окна.

В настоящее время известно несколько коптяковских поселений с жилищами, аналогичными сооружениям поселка Чепкуль 5. На Андреевском озере близкое по размерам и конфигурации сооружение исследовано В.Т. Юровской на поселении ЮАО 6 [1973, рис. 5]. Подобного ти-

па жилище изучено на поселении Чепкуль 20 [Зах, Иванов, 2007, с. 14]. Сооружение (жилище 34) с котлованом подквадратной формы, общей площадью около 30 м², исследовано на поселении Оськино Болото, расположенном несколько южнее Чепкуля 5 [Ткачев, Илюшина, 2012, с. 36].

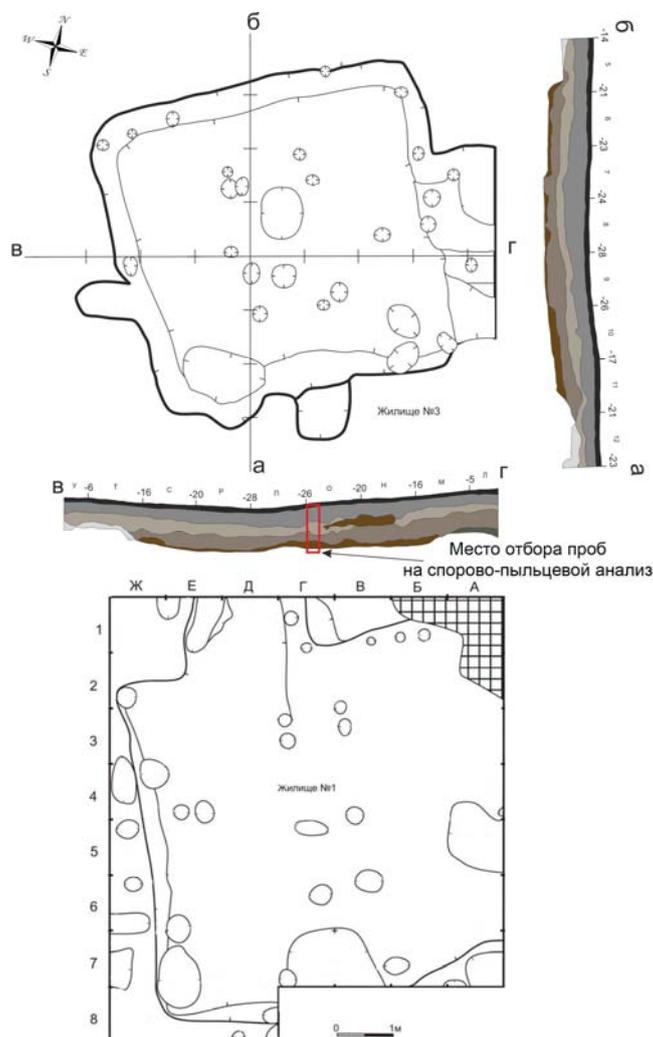

Рис. 2. Планы жилищ № 1, 3 и место отбора проб на спорово-пыльцевой анализ на поселении Чепкуль 5

Сооружения с близкими коптяковским характеристиками исследованы в поселках ташковской культуры, они имеют схожие очертания и размеры котлованов [Ковалева, 1988; Ковалева и др., 2000]. Близкие коптяковским строительные решения отмечаются в алакульских жилищах поселения Ук 3 [Корякова и др., 1991]. Аналогии прослеживаются также в домостроительстве носителей более поздней пахомовской культуры (поселения Пахомовская Пристань, Ботники 1в в лесостепном Тоболо-Ишимье) [Евдокимов, Корочкова, 1991; Матвеев, Костомаров, 2011].

Керамический комплекс коптяковской культуры поселения Чепкуль 5 представлен фрагментами не менее чем 150 сосудов, из которых 89 наиболее крупных верхних частей изделий и развалов подвергнуты технико-технологическому анализу. Для статистического анализа удалось использовать данные по фрагментам только 85 изделий.

В морфологическом отношении сосуды представлены горшками (58,8 %), горшечно-баночными формами (25,9 %) и банками (15,3 %) преимущественно с округлой (69,4 %), уплощенной (23,5 %), реже — приостренной (5,9 %) формой среза венчика. У одного сосуда скошенный наружу срез венчика (1,2 %) (табл. 2). Толщина стенок чаще всего не превышает 0,5–0,6 см (71,7 %).

Соотношение морфологических признаков сосудов из заполнения сооружений, межжилищного пространства и слоя

	Ж. № 1	Ж. № 3	Ж. № 4	Ж. № 6	Ж. № 7	Ж. № 8	Слой
Форма сосудов							
Горшечная	11/84,6*	4/66,7	6/75,0	8/80,0	4/100,0	2/100,0	15/35,7
Баночная	—	—	1/12,5	2/20,0	—	—	10/23,8
Горшечно-баночная	2/15,4	2/33,3	1/12,5	—	—	—	17/40,5
Форма среза венчика							
Округлый	9/69,2	6/100,0	5/62,5	8/80,0	4/100,0	2/100,0	25/59,5
Уплощенный	2/15,4	—	1/12,5	1/10,0	—	—	16/38,1
Приостренный	2/15,4	—	2/25,0	1/10,0	—	—	—
Скошенный наружу	—	—	—	—	—	—	1/2,4
Всего сосудов	13/100,0	6/100,0	8/100,0	10/100,0	4/100,0	2/100,0	42/100,0

* Здесь и далее в числителе указано количество сосудов, в знаменателе — процент от количества сосудов в жилищах и слое.

Технико-технологический анализ сосудов проведен в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским, в соответствии с выделенной им структурой гончарного производства [1978; 1999, с. 9–11]. Данные по особенностям технологии изготовления керамики, полученные по материалам раскопок поселения в 2012 г., существенно дополняют предыдущие, по исследованиям 2007–2008 гг. [Илюшина, 2011, с. 386–388].

Установлено, что гончарами поселения Чепкуль 5 в качестве исходного пластичного сырья (далее — ИПС) использовались природные ожелезненные глины и глиноподобное сырье. Глины (56 обр., или 62,9 %) по степени запесоченности условно разделены на три группы: слабозапесоченные (15 обр., или 16,9 %), среднезапесоченные (35 обр., или 39,3 %) и запесоченные (6 обр., или 6,7 %). В качестве естественных примесей они содержат различное количество кварцевого в основном окатанного песка, железистые включения, оолы бурого железняка, единичные включения обломков лимонита, пылевидных листочков слюды.

Использование глиноподобного сырья зафиксировано по 33 сосудам (37,1 %). Качество и количество песчаной примеси в изломах фрагментов также позволяет выделить основные группы сырья: слабозапесоченное (11 обр., или 12,4 %), среднезапесоченное (16 обр., или 18,0 %) и запесоченное (6 обр., или 6,7 %). Кроме перечисленных выше компонентов это сырье содержит обломки или целые включения чешуи и косточек рыб размером от 0,5 до 5,0 мм (25 обр.), обрывки недеформированных стеблей, листьев растений длиной от 2,0 мм до 1,5 см, единичные отпечатки или обломки раковин речных моллюсков размером от 0,3 до 1,0 мм. В изломах 5 фрагментов обнаружены окатанные комочки чистой глины, комочки глины, засоренные песком и остатками растительности размером до 2,0 мм.

Гончарами поселения в основном отбиралось «тощее» ИПС. Природные глины и глиноподобное сырье, судя по отсутствию признаков предварительного высушивания и дробления, по всей видимости, использовались в состоянии естественной влажности. В качестве искусственных примесей добавлены как минеральные, так и органические добавки. В каждом из исследованных образцов зафиксирован *шамот* (Ш) размером от менее 0,5 до 2,0–2,9 мм, практически в каждом фрагменте фиксируются единичные включения до 5,0–6,0 мм. Концентрация шамота варьируется в пределах от 1:3 до 1:7, но чаще всего составляет 1:4 и 1:5.

Тальк (Т) как компонент формовочной массы представлен в основном включениями до 0,2 мм и реже 0,5–2,0 мм, его концентрация невелика и составляет примерно 1:6/7.

Выжимка из навоза жвачных животных (В) в первую очередь фиксируется по единичным отпечаткам сильно измельченной растительности размером от 0,5 до 2,0–3,0 мм, мелким аморфным пустотам со сглаженными матовыми поверхностями. Иногда наблюдается коричневый «сухой» налет.

Органические растворы (ОР) в керамике представлены разнообразными налетами, углистыми, бесцветными, серыми, ржавыми маслянистыми пленками на участках изломов. Часто фиксируются каверны, размер которых достигает 3,0–4,0 мм, внутри которых также наблюдаются различные по цвету маслянистые пленки. Нередко в изломах фиксируются углистые включения размером 0,1–1,0 мм. Отметим, что ржавые маслянистые или «сухие» налеты и

пленки на участках изломов и на спаях между строительными элементами при исследовании комплексов эпохи бронзы зафиксированы пока только в керамике коптяковской культуры. Кроме того, аналитические данные по 8 сосудам и сравнение их с полученными результатами экспериментальных исследований [Илюшина, 2013] позволяют предположить использование в качестве органического раствора массу, приготовленную из рыбы или ее отходов. В этих случаях с фрагментами чешуи прослеживаются углистые пленки с маслянистым или глянцевым блеском, углистые стеклообразные включения, иногда ржавые налеты.

Таким образом, по исследованному материалу в целом выделено три рецепта составления формовочных масс: ИПС + Ш + ОР (78 обр., или 87,7 %), ИПС + Ш + В (10 обр., или 11,2 %), ИПС + Ш + Т + ОР (1 обр., или 1,1 %).

Технологическому анализу подвергался и шамот как основной компонент формовочных масс, поскольку его состав может указывать на степень устойчивости определенных навыков на разных ступенях технологии [Моргунова и др., 2010, с. 123]. Наблюдения показали, что сосуды, использованные для изготовления шамота, также выполнены в основном из запесоченного сырья, единично встречены обломки раковин речных моллюсков, чешуи рыб. В формовочной массе керамики, шедшей на шамот, в абсолютном большинстве имеется только шамот (79 обр.). В изломах 2 фрагментов шамот содержит только тальк в сочетании с обломками минералов, в 8 фрагментах наблюдается шамот с шамотом и шамот с тальком. К сожалению, по изломам шамота сложно выявить особенности органической примеси в формовочных массах раздробленных сосудов.

Таким образом, анализ естественных примесей в исходном пластичном сырье шамота показывает, что в целом в гончарстве населения коптяковской культуры сосуществовали традиции отбора как природных глин, так и глиноподобного сырья. При составлении формовочных масс традиционным было добавление шамота. Присутствие в изломах фрагментов шамота с дресвой может указывать на контакты местного населения с группами, в гончарстве у которых были распространены данные рецепты.

Данные о навыках конструирования начинов получены лишь для трех изделий, обнаруженных во фрагментированном состоянии и в последующем реконструированных, а также четырех нижних частей емкостей. Конструирование начинов сосудов производилось в соответствии с двумя программами: донно-емкостной (6 сосудов) и донной (1 сосуд). Модель донно-емкостной программы конструирования предположительно определена как мелкая доэлементная. Многослойность изломов всех исследованных донных частей свидетельствует об использовании в качестве «строительных» элементов небольших глиняных лоскутов или коротких жгутиков, наращивание которых производилось по траектории, близкой к спиралевидной. Конструирование полого тела данных изделий, а также еще 21 верхней части сосудов также осуществлялось с помощью спиралевидного лоскутного налёпа. Анализ еще одной шейки сосуда показал, что в качестве строительных элементов применялись неширокие ленты.

Отсутствие четких признаков использования форм-моделей (отпечатки прокладок), а также некоторые особенности спаев между строительными элементами позволяют предполагать, что сосуды изготавливались на плоскости скульптурной лепкой. Форму им, скорее всего, придавали с помощью пальцев выдавливанием в процессе изготовления, а также выбиванием гладкой колотушкой, о чем могут свидетельствовать уплощенные участки на стенках некоторых изделий, деформированность строительных элементов.

Поверхности исследованных сосудов обрабатывались простым заглаживанием инструментами с эластичным или твердым рабочим краем, а также подвергались лощению. Следует отметить, что в ряде случаев выявить приемы обработки и идентифицировать используемое при этом орудие не удалось из-за мощного слоя нагара. В большинстве случаев внешняя поверхность, а нередко и внутренняя подвергались лощению по подсушенной основе галечкой.

Прочности и влагонепроницаемости стенок сосудов достигали путем термической обработки в костре или очаге в условиях смешанной окислительно-восстановительной среды чаще всего при кратковременном действии температур калия глины (не ниже 650 °С).

Орнаментировались сосуды после заглаживания поверхностей. Лишь у 4 изделий орнамент отсутствует. При статистическом анализе учитывались сосуды (по венчикам), происходящие из заполнения котлованов жилищ. Из жилища № 1 взяты 13 сосудов, из жилища № 3 — 6, жилища № 4 — 8, жилища № 6 — 10, жилища № 7 — 4, жилища № 8 — 2 сосуда (всего 43 экз.). Анализ проводился по элементам орнамента, выполненным в технике штампования гребенча-

Коптяковский комплекс поселения Чепкуль 5

тым и гладким штампами, протаскивания гребенчатым штампом, вдавления уголком гребенчатого штампа и орудием с округлым рабочим краем (ямочные вдавления) (табл. 3). Посуда из жилищ сравнивалась с использованием агломеративно-иерархического метода кластерного анализа.

Таблица 3

Техника нанесения и элементы орнамента на сосудах коптяковской культуры поселения Чепкуль 5

	Ж. № 1	Ж. № 3	Ж. № 4	Ж. № 6	Ж. № 7	Ж. № 8	Слой
Штампование гребенчатым штампом	76,9	66,7	62,5	70,0	100,0	50,0	64,3
Штампование гладким штампом	—	16,7	12,5	—	—	—	23,8
Прочерчивание	—	—	—	—	—	—	35,7
Вдавление	61,5	66,7	75,0	70,0	—	100,0	52,4
Протаскивание гребенчатым штампом	15,4	16,7	37,5	10,0	100,0	—	9,5
Элементы орнамента							
Горизонтальный зигзаг, выполненный в технике штампования гребенчатым штампом	53,8	66,7	50,0	70,0	25,0	50,0	35,7
Горизонтальный зигзаг, выполненный в технике протаскивания гребенчатым штампом	15,4	16,7	37,5	10,0	25,0	—	7,1
Горизонтальный зигзаг, выполненный в технике штампования гладким штампом	—	—	12,5	—	—	—	7,1
Ряд вдавлений	7,7	—	12,5	10,0	—	50,0	2,4
Ямочные вдавления сгруппированные	30,7	33,3	12,5	40,0	100,0	50,0	23,8
Горизонтальные линии, выполненные в технике протаскивания гребенчатым штампом	7,7	—	—	—	—	—	7,1
Горизонтальные линии, выполненные в технике штампования гребенчатым штампом	23,0	16,7	12,5	10,0	50,0	—	16,7
Ямочные вдавления, расположенные в ряд	38,5	—	50,0	10,0	—	—	23,8
Наклонные и вертикальные оттиски штампа	15,4	50,0	—	—	—	—	28,6
Ряд вдавлений уголком гребенчатого штампа «Бахрома»	7,7	—	25,0	—	25,0	—	4,7
Ромбы незавершенные	23,0	—	—	30,0	50,0	50,0	4,7
«Ковровый орнамент», выполненный в технике протаскивания гребенчатым штампом	—	—	12,5	—	—	—	—
«Ковровый орнамент», выполненный в технике штампования гребенчатым штампом	7,7	—	—	—	—	—	2,4
«Желобки»	—	—	—	—	—	—	35,7
Треугольники из вдавлений уголком гребенчатого штампа	—	—	—	10,0	50,0	—	—
Треугольники из вдавлений	—	33,3	—	—	—	—	—
Елочка горизонтальная	—	—	—	—	25,0	—	—
Сетка	—	—	12,5	—	—	—	—
Крест	—	—	—	10,0	—	—	—
Треугольники над зигзагом	—	16,7	—	—	—	—	—
Треугольники	—	—	—	—	—	—	9,5
Орнамент на срезе венчика	7,7	—	—	—	—	—	14,3
Орнамент на внутренней поверхности сосуда	—	—	—	—	—	—	14,3
Ромбы завершенные	—	—	—	—	—	—	4,7
Лента	—	—	—	—	—	—	2/4,7
Меандр	—	—	—	—	—	—	4,7
Без орнамента	7,7	—	12,5	10,0	—	—	2,4
Всего сосудов	13	6	8	10	4	2	42

Результаты кластерного анализа посуды из шести жилищ по 22 элементам (признакам), представлены графически (рис. 3, 1). Наиболее тесная связь прослеживается между комплексами сооружений № 1 и 3.

Анализ данных по орнаментам и особенностям исходного пластичного сырья и формовочных масс керамики показал взаимосвязь двух пар жилищ. В первый кластер вошли жилища № 1 и 3, во второй объединились сооружения № 4 и 6 (рис. 3, 2).

По элементам и композициям орнамента, технике его нанесения, морфологическим особенностям керамический комплекс неоднороден и, на наш взгляд, может быть разделен на три группы. Первая группа представлена фрагментами 15 сосудов (рис. 4), имеющих слабопрофилированную, иногда закрытую форму, в одном случае намечено ребро при переходе от шейки к тулову. Орнамент нанесен гладким и гребенчатым штампом в технике прочерчивания, вдавле-

ния и штампования. Узоры простые и состоят из прочерченных неглубоких желобков, насечек по краю венчика, горизонтальных рядов вдавлений гребенчатым или гладким штампами, редки зигзаги, единично представлены ромбы. У некоторых экземпляров орнамент отмечен на внутренней стороне черепка и на срезе венчика. У большей части сосудов данной группы по краю венчика нанесен ряд ямочных вдавлений. Фрагменты данных изделий происходят из слоя, перекрывающего заполнения коптяковских сооружений. Эта группа изделий в целом аналогична материалам из раскопа 5 поселения ЮАО 6 [Стефанов, Корочкова, 2000, с. 14, рис. 4], а также группе сосудов с линейно-прочерченной орнаментацией из культового места Шайтанское Озеро 2 [Сериков и др., 2009, с. 74, рис. 15].

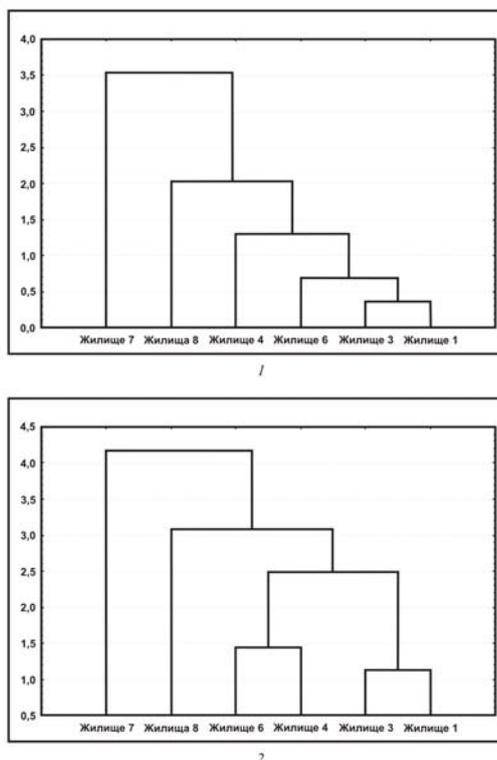

Рис. 3. Дендрограмма керамических комплексов жилищ № 1, 3, 4, 6–8 поселения Чепкуль 5: 1 — по орнаментальным признакам; 2 — по орнаментальным признакам, особенностям исходного пластичного сырья и составу формовочных масс

Вторая группа представлена фрагментами 70 сосудов, происходящих из заполнения 6 исследованных сооружений, а также слоя и межжилищного пространства (рис. 5; 6, 1–13, 15, 16, 20–25). Это сосуды в основном горшечной формы, чаще с плавным переходом от шейки к тулову, реже — с уступчатым плечиком, украшенные гребенчатым штампом в технике штампования и протаскивания. Особенностью данной группы является наличие ямочных вдавлений, сгруппированных по три, четыре, шесть или расположенных в ряд, иногда ямки нанесены на переходе от шейки к тулову. Основные элементы орнамента — зигзаги, горизонтальные линии, иногда обрамленные «бахромой» из вдавлений, наклонные оттиски штампа, реже — оттиски уголка гребенчатого штампа, различные вдавления, незавершенные ромбы. Рассматриваемый комплекс керамики сопоставим с материалами поселений Дуванское 18, керамикой из раскопа 8 поселения ЮАО 6, СБАО, расположенных в системе Андреевских озер, а также с комплексом поселения Оськино Болото. В целом рассмотренная посуда по форме и орнаменту находит аналогии в памятниках горно-лесного Зауралья (Шайтанское Озеро 2 — комплекс с алакульскими чертами, Палатки 1 и др.) [Сериков и др., 2009, с. 75–76, рис. 17, 5, 8–10; 18; Корочкова, Стефанов, 2010, с. 125, рис. 3Б, 20, 30; 2013, с. 93, рис. 5, 5–7; Викторова, 2011, с. 103–104, рис. 4; 5, 1–5], за единственным исключением — керамику поселения Чепкуль 5 отличает наличие оригинально нанесенных ямочных вдавлений, что не характерно для среднеуральских экземпля-

ров.

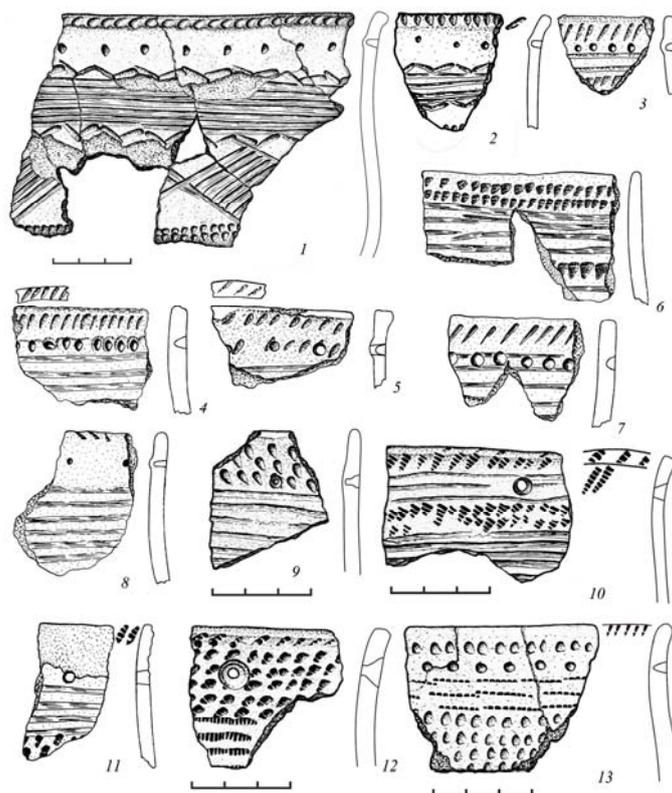

Рис. 4. Керамика поселения Чепкуль 5 коптяковской культуры из слоя, перекрывающего сооружения

Третья группа самая немногочисленная, представлена фрагментами 4 сосудов, обнаруженных в слое, перекрывающем сооружения (рис. 6, 14, 17–19). Это сосуды в основном горшечной формы, с плавной профилировкой, округлым срезом венчика. Орнамент нанесен в основном тонким гребенчатым штампом в технике штампования. Основные элементы узора — треугольники, в одном случае обрамленные «бахромой», горизонтальные линии, меандр, желобки, ленты. Данные изделия сопоставимы с сосудами из заполнения погребения 6 могильника Чепкуль 5, материалами поселений Чепкуль 20, Мохиревское 3 [Зах, Илюшина, 2011, с. 24, рис. 4, 5, 6; Зах, Иванов, 2007, с. 15, рис. 3; Стефанов, Корочкова, 2000, с. 23–25, рис. 8] и в целом имеют довольно большое сходство с федоровской керамикой.

Анализируя керамический комплекс, мы склонны предположить, что рассмотренные группы посуды отражают разные хронологические этапы существования и развития коптяковской культуры не только на поселении Чепкуль 5, но и в целом на территории лесостепного и южнотаежного Притоболья.

Вероятно, коптяковские поселения существовали небольшой промежуток времени, поэтому их керамические комплексы достаточно бедны. На настоящий момент исследовано всего 163 сосуда коптяковской культуры с памятников Тюменского Притоболья. Сравнивая керамику поселения Чепкуль 5 по технологии изготовления с другими изученными комплексами, следует отметить очень высокую степень сходства материалов на всех ступенях гончарного производства [Илюшина, 2013].

Инвентарь с поселения Чепкуль 5, при многослойности памятника, достаточно трудно разделить на культурно-хронологические комплексы. На основании аналогий можно лишь предполагать ту или иную временную принадлежность ряда изделий. Так, глиняные грузила представлены тремя типами: сигаровидными, часть из которых орнаментированы, биконическими и рожковидными. Изделия первых двух типов встречены в разных частях раскопа, скопление рожковидных грузил отмечено рядом с жилищем № 6 (рис. 7, 6–11). Первые два типа характерны для культур эпохи раннего металла лесостепного Тоболо-Ишимья. Грузила рожковидной формы

встречаются с материалами ташковской культуры и являются ее своеобразным индикатором [Шаманаев, Зырянова, 1998, рис. 1, 1, 2; 2]. Если учесть, что коптяковские древности сформировались на основе алакульских и ташковских, то рожковидные грузила могли некоторое время сохраняться в коптяковских комплексах. В скоплении грузил обнаружен керамический диск диаметром 8,4 см со сквозным отверстием в центре, возможно связанный с грузилами (рис. 7, 12). В этом же жилище № 6 найдено небольшое хорошо залощенное грузило подпрямоугольной формы с одним продольным желобком (рис. 7, 5). Аналогичные изделия с одним-двумя перехватами характерны для культур позднего бронзового века — федоровской, черкаскульской, но особенно часто они встречались у пахомовского, бархатовского и сузгунского населения.

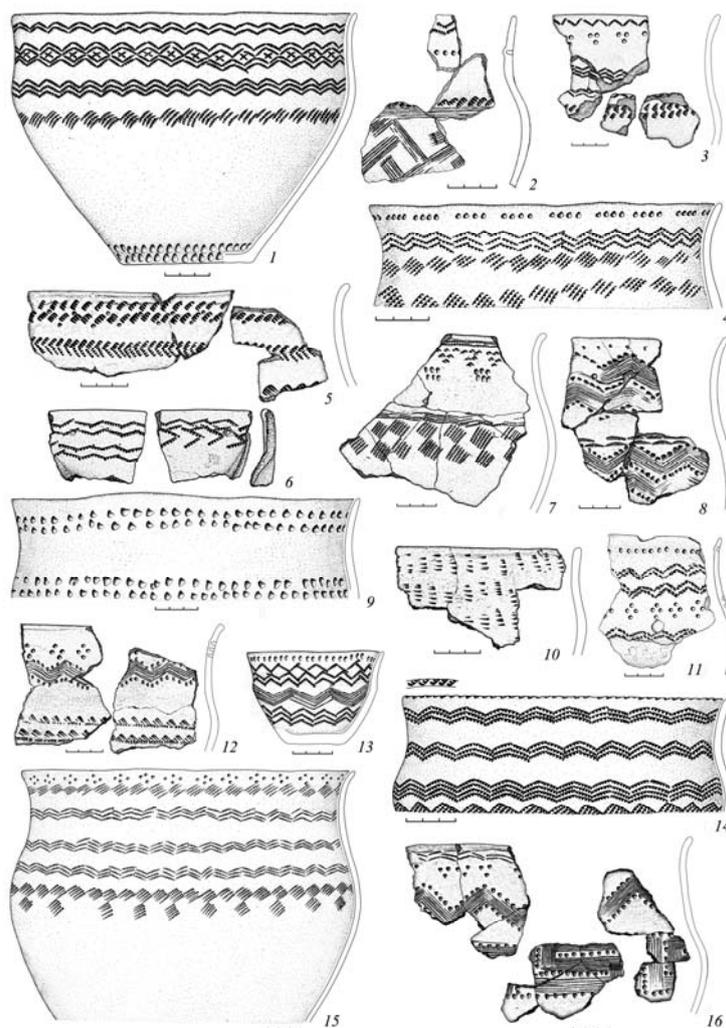

Рис. 5. Керамика коптяковской культуры поселения Чепкуль 5:
11 — жилище № 1; 8, 13, 16 — жилище № 4; 1, 4 — жилище № 6; 5, 7, 12 — жилище № 7; 9, 15 — жилище № 8;
2, 3, 6, 10, 14 — слой и межжилищное пространство

С металлообрабатывающим производством связан фрагмент литейной формы (рис. 7, 13), два лепных ошлакованных обломка неясного назначения, а также подставка-наковаленка (рис. 7, 15) и абразивы.

Более многочисленны изделия из камня: отходы камнеобработки, заготовки орудий и отщепы. В количественном отношении преобладают орудия на ножевидных пластинах и отщепях, в основном это концевые скребки, сверла, ножи, скобели и др. Скорее всего, большинство этих изделий связаны с неолитическим и эпохи раннего металла комплексом.

Из шлифованных орудий отметим абразив (рис. 7, 14) для обработки кости, изготовленный из крупнозернистой породы. По периметру на краях и плоскостях предметов фиксируются узкие

Коптяковский комплекс поселения Чепкуль 5

конусообразные желобки. К коптяковскому комплексу относится кварцитовая галька со следами затертости и заполировкой на 1/3 поверхности, использовавшаяся в кожевенном и керамическом производстве. Аналогичные изделия присутствуют в материалах федоровских и черкаскульских поселков. К эпохе бронзы можно отнести и фрагмент пестообразного орудия (рис. 7, 4), применявшегося для растирания и измельчения мелкозернистого сырья.

Рис. 6. Керамика коптяковской культуры поселения Чепкуль 5:

2, 3, 5, 7, 12, 13, 16, 20 — жилище № 1; 1, 4, 15, 20 — жилище № 3; 9, 21 — жилище № 4; 11, 23 — жилище № 6; 22 — жилище № 7; 8, 14, 17, 19, 24, 25 — слой и межжилищное пространство

Около 10 изделий изготовлены на плитках из различного каменного сырья (рис. 7, 1–3), среди них встречаются и крупные экземпляры, и совсем небольшие фрагменты, залежавшие как в верхних горизонтах культурного слоя, так и в заполнении коптяковских сооружений № 1, 6, 8. Один из обломков использовался как абразив для обработки поверхности металлических изделий, два имеют на поверхности следы в виде параллельных бороздок и мелких выбоинок, что позволяет отнести их к терочникам.

Для реконструкции природных условий на спорово-пыльцевой анализ отобрано 30 проб из заполнения жилища № 3, а также 15 проб на участке между сооружениями (рис. 2). Отбор производился без перерывов, с интервалом 3 см. Образцы обрабатывались по стандартной сепарационной методике [Пыльцевой анализ, 1950] с применением ацетолиза и просмотрены с увеличением 640^x. Морфометрические измерения пыли выполнены при увеличении 400^x в про-

грамме AxioVision Rel 4.6³. Около пыльцевой колонки в стандартном объеме 10 л отобраны пробы для палеоботанического исследования. Флотация проб проводилась с использованием сита с размером стороны ячейки 0,2 мм, анализ выполнен на бинокулярном микроскопе⁴.

Рис. 7. Коптяковский инвентарь поселения Чепкуль 5

Кроме задач восстановления природного фона и локальных особенностей растительности, на этом памятнике был актуален поиск сведений о хозяйстве проживавшего здесь населения, в том числе возможных свидетельств земледелия.

Ранее пыльца культурных злаков была найдена в заполнении колодцев поселения федоровской культуры Курья 1 [Рябогина, Иванов, 2011]. Близкий хронологический диапазон (Курья 1 — 3390±40 л.н., Чепкуль 5 — 3415±115 л.н.) функционирования коптяковского и федоровского поселков и их локализация в системе Андреевских озер позволяли предполагать положительный итог поиска палеоботанических индикаторов земледелия на Чепкуль 5. Кроме спорово-пыльцевого анализа, была выполнена тестовая флотация культурного слоя. К сожалению, две пробы (объемом 10 л) из нижней и верхней части заполнения коптяковского жилища практически не содержали определяемых карпологических находок (за исключением нескольких семян мари белой), хотя и изобиловали угольками. Вероятно, флотация культурного слоя была проведена в недостаточном объеме, и, возможно, памятник перспективен для дальнейшего поиска карбонизированных семян культурных растений и других палеоботанических остатков, о чем свидетельствуют результаты пыльцевого анализа культурного слоя из жилища № 3.

Из заполнения котлована этого жилища на глубине 0,84–0,57 м выделены спектры с крупными пыльцевыми зернами злаков (от 4 до 8,5 % от общего состава спектров) (рис. 8). Дикорастущие представители семейства злаковых, как правило, имеют небольшие размеры, условная морфометрическая граница между средними длинами пыльцевых зерен диких и культивируемых

³ Морфометрические измерения выполнены А.С. Афониним (лаборатория археологии и естественно-научных методов ИПОС СО РАН), за что авторы выражают ему искреннюю благодарность.

⁴ Палеоботаническое исследование образцов проведено О.М. Короной (ИЭРИЖ УрО РАН).

Коптяковский комплекс поселения Чепкуль 5

злаков проведена на уровне 37 μ [Beug, 2004], 38 μ [Федорова, 1959] и более кардинально по рубежу 47 μ [Joly et al., 2007]. В пробах поселения Чепкуль 5 основная масса найденной пыльцы злаков значительно превышает эти пороговые значения, достигая в длину 63 микрон. Вторым важным показателем считается средний диаметр поры с валиком, при условии превышения этого параметра 10,53 μ пыльцу идентифицируют как принадлежащую культивируемым злакам [Joly et al., 2007]. К сожалению, пыльцу как культивируемых, так и дикорастущих злаков затруднительно объективно дифференцировать до рода или вида; кроме того, в ископаемом состоянии она часто смята, разорвана и склеена, в нашем случае по характерным чертам отчетливо выделяется 3 типа пыльцы (табл. 4).

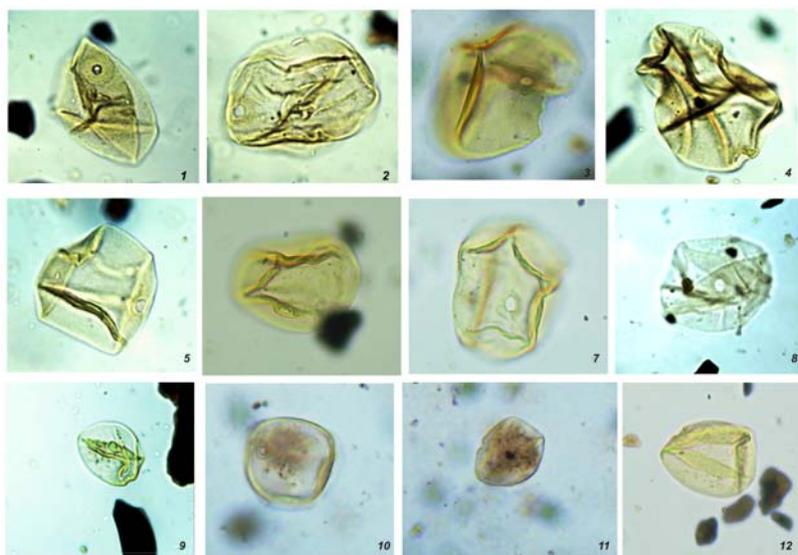

Рис. 8. Пыльца злаков типов I (1–4), II (5–8), III (9–12)

Таблица 4

Морфометрические параметры пыльцы злаков из культурного слоя поселения Чепкуль 5

Тип пыльцы	Параметры зерен пыльцы в микронах (минимальный/средний/максимальный)			
	Длина	Ширина	Диаметр поры	Средний диаметр поры с валиком
I — более крупная пыльца, с отчетливой зернистой скульптурой поверхности и отчетливым приподнятым околопорным валиком	44,9/51,6/63,3	39,1/44,6/57,3	3,1/4,6/5,7	8,9/11,1/13,5
II — более мелкая пыльца, практически гладкая, с более узким и плоским околопорным валиком	38,3/48,4/58,3	36,8/40,7/44,3	2,9/4,5/5,9	7,9/ 10,3/12,7
III — мелкая, шаровидная пыльца	21,6/28,4/34,7	21,1/27,8/32,8	2,4/2,9/3,9	5,8/6,3/7,3

Основываясь на данных Р.В. Федоровой [1959] и Н.-Ж. Beug [2004], изучавших строение пыльцы современных культурных злаков, мы склонны считать, что I тип пыльцы (рис. 8, 1–4) наиболее соответствует описаниям пыльцы пшеницы (*Triticum* sp.), она составляет до 3,6 % спектров из культурного слоя. Более затруднительно идентифицировать II тип пыльцы (рис. 8, 5–8), так как по ряду признаков он одновременно близок к ячменю (*Hordeum* sp.) и овсу (*Avena* sp.). Эта пыльца встречается в пробах чаще (до 4,9 % спектра). Однозначно можно отнести к обширной группе дикорастущих злаков III тип пыльцы (рис. 8, 9–12), он разнообразный, но, что характерно, встречается в меньших количествах и типичен в основном для отложений, перекрывающих культурный слой. В культурном слое в небольших количествах отмечены сорные растения (крапива, подорожник, вьюнок, иван-чай, маревые и крестоцветные), однако не выявлено обилия сорняков, сопровождающих посева. К дикорастущим растениям, которые могли употребляться в пищу, можно отнести лук, пыльца которого встречена в нижней части культурного слоя.

В целом по данным спорово-пыльцевого анализа установлено, что природные условия во время функционирования поселка в бронзовом веке были теплее современных, так как не выявлено растительных сообществ, типичных для подтаежной зоны, полностью отсутствовали сосновые леса. Поселок располагался на открытом месте, но в окружении березовых лесов. Остепненные луга или луговые степи не были типичны для этого района, открытые участки ландшафта были заняты разнотравными лугами, возможно местами, около берега озера, с признаками засоления.

Таким образом, детальный анализ новых материалов из раскопок поселения Чепкуль 5, характеризующих коптяковскую культуру, показал, что в домостроительстве ее носителей прослеживаются традиции как более ранних ташковских и алакульских общин, так и более поздних, пахомовских коллективов. Эта близость традиций, на наш взгляд, в определенной степени подтверждает мысль о формировании коптяковских комплексов на основе слияния ташковского и алакульского населения Тоболо-Ишимья.

Анализ коптяковского керамического комплекса Чепкуля 5 показал, что навыки гончарного производства у коптяковского населения были достаточно устойчивыми. Гончары использовали природные глины и глиноподобное сырье, при составлении формовочных масс всегда добавляли шамот, органические растворы, реже — выжимку из навоза; единично зафиксирован тальк. Начины сосудов конструировались в основном по донно-емкостной программе лоскутным налепом, с помощью которого изготавливалось и полое тело сосудов. Готовые изделия обрабатывались способом простого заглаживания, а также лощения. По особенностям орнамента керамики комплекс Чепкуль 5 разделен на три группы, которые, вероятно, отражают разные хронологические этапы развития коптяковской культуры.

Инвентарь с поселения Чепкуль 5 находит аналогии в материалах однокультурных памятников [Сериков и др., 2009, с. 73]. Некоторые изделия, в частности грузило с желобком, галька-лощило и металлообрабатывающие орудия, вероятно, свидетельствуют о зарождении новых категорий и типов инвентаря, получивших более широкое применение позднее.

В настоящее время данная территория занята подтаежными сосново-березовыми лесами, но во время обитания поселения Чепкуль 5 система Андреевских озер была приурочена к подзоне северной лесостепи с большой долей березовых лесов. Находка пыльцы, скорее всего, культурных злаков в слоях из заполнения жилища, которая по морфометрическим параметрам близка аналогичной пыльце из заполнения колодцев федоровского поселка Курья 1, позволяет говорить о несколько более раннем возможном появлении земледелия в Нижнем Притоболье.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А.А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
- Викторова В.Д.* Генезис коптяковской культуры // Шестые Берсовские чтения: Сб. статей Всерос. археол. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2011. С. 98–106.
- Евдокимов В.В., Корочкова О.Н.* Поселение Пахомовская Пристань I // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень, 1991. С. 50–63.
- Зах В.А.* Коптяковские погребения на поселении Чепкуль 5 // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: От артефактов к прочтению прошлого. Томск: Аграф-Пресс, 2012. С. 107–117.
- Зах В.А., Иванов С.Н.* Комплекс эпохи бронзы многослойного поселения Чепкуль 20 на севере Андреевской озерной системы // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2007. № 7. С. 12–21.
- Зах В.А., Илюшина В.В.* Позднебронзовый могильник Чепкуль 5 в Нижнем Притоболье // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 1 (14). С. 20–29.
- Илюшина В.В.* Технология изготовления посуды коптяковской культуры по материалам поселения Чепкуль 5 // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; М.; Вел. Новгород, 2011. Т. II. С. 386–388.
- Илюшина В.В.* Экспериментальные исследования органических растворов в археологической керамике // Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век: Материалы Междунар. полевой науч. конф. 6–12 августа 2012 г., с. Нов. Беденьга, Ульяновский р-н Ульяновской обл. Ульяновск, 2013. С. 40–45.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И.* Культурный памятник эпохи бронзы на Шайтанском озере под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2008 г.) // РА. 2010. № 4. С. 120–129.
- Корякова Л.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К.* Проблемы методики исследования древних памятников и культурно-хронологическая стратиграфия поселения Ук 3. Препр. Свердловск: Изд-во ИИА УрО РАН, 1991. 72 с.

Коптяковский комплекс поселения Чепкуль 5

Матвеев А.В., Костомаров В.М. Пахомовские древности Западной Сибири // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 1 (14). С. 46–55.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Десярева А.Д. и др. Скворцовский курганный могильник. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. 160 с.

Пыльцевой анализ. М.: Гос. изд-во геол. лит., 1950. 571 с.

Рябогина Н.Е., Иванов С.Н. Древнее земледелие в Западной Сибири: Проблемы аргументации, палеозотоботанические методы и анализ фактов // Археология, антропология и этнография Евразии. 2011. № 4 (48). С. 96–106.

Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И. Шайтанское Озеро 2: Новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. № 2. С. 67–78.

Скочина С.М. Результаты раскопок многослойного поселения Чепкуль 5: (Предварительное сообщение) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2007. № 8. С. 231–234.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Притоболья. Екатеринбург: Полиграфист, 2000. С. 12–41.

Ткачев А.А., Илюшина В.В. Коптяковский комплекс поселения Оськино Болото // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 3 (18). С. 34–43.

Федорова Р.В. Некоторые особенности морфологии пыльцы культурных злаков // Тр. Ин-та географии АН СССР: Материалы по геоморфологии и палеогеографии. Работы по спорово-пыльцевому анализу. 1959. Вып. 77. С. 166–186.

Шаманаев А.В., Зырянова С.Ю. Вторичное использование фрагментов керамики населением ташковской культуры // ВАУ. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1998. Вып. 23. С. 196–204.

Юрская В.Т. Классификация и относительная хронология археологических памятников эпохи бронзы на Андреевском озере у г. Тюмени // ВАУ. 1973. Вып. 12. С. 3–20.

Beug H.-J. Leitfaden der Pollenbestimmung für Mitteleuropa und angrenzende Gebiete. Publisher: Verlag Friedrich Pfeil, Munich, 2004. 542 s.

Joly C., Barille L., Barreau M., Mancheron A., Visset L. Grain and annulus diameter as criteria for distinguishing pollen grains of cereals from wild grasses // Review of Palaeobotany and Palynology. 2007. No. 146. P. 221–233.

Тюмень, ИПОС СО РАН
viczakh@mail.ru
vkostomarov@yandex.ru
vika_tika@mail.ru
ryabogina@rambler.ru
ivasenik@rambler.ru
jvkostomarova@yandex.ru

The paper considers materials of the Koptyaki culture from a multilayer site of Chepkoul 5, including its stratigraphy and paleolandscape environment, planning of the settlement, dwellings, pottery complex, as well as technological and ornamental traditions with the Koptyaki population. Subject to analysis being an implement complex and pollen spectres sampled from sectional layers of the Koptyaki dwelling 3. Of interest being a finding of pollen, most probably of cultural cereals, in the layers from the filling of the dwelling, which, according to its morphometric parameters, being close to the similar pollen from the filling of the wells in the Fyodorovka settlement of Kurya, which makes a possible appearance of arable farming in the Low Tobol basin somewhat more ancient.

Low Tobol basin, the Andreyevskoye Lake, settlement, the Koptyaki culture, dwellings, spore-and-pollen spectres, pollen of cultural cereals.

ФОРМИРОВАНИЕ ФЕДОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРИТОБОЛЬЕ И ПУТИ МИГРАЦИИ ЕЕ НОСИТЕЛЕЙ НА ВОСТОК¹

В.А. Зах

Рассматриваются культурно-исторические процессы, происходившие на территории лесостепной и южно-таежной части Нижнего Притоболья в конце III — начале II тыс. до н.э., связанные с началом глобальной аридизации климата, пик которой пришелся на середину II тыс. С проникновением мигрантов — скотоводов и металлургов на новые территории формировались симбиозные культурные образования, продолжавшие движение на восток, в Барабу, Приобье, вплоть до Енисея. В Нижнем Притоболье на основе пришлых петровских, алакульских и аборигенных ташковских комплексов вначале формируется коптяковская, а затем на ее основе — федоровская культура. Уменьшение обводненности территории сужало к востоку коридор миграционного потока, который, на наш взгляд, сместился в северную лесостепь. Сравнение федоровских керамических комплексов Притоболья, Присалаирья, Сары-Арки Центрального Казахстана и Барабы (Каргат 6) свидетельствует о том, что на территорию Барабы, Приобья и Присалаирья в федоровское время приникали, скорее всего, выходцы из Притоболья и, вероятно, в меньшей степени — из Центрального Казахстана.

Притоболье, западно-сибирская лесостепь, аридизация, миграция, алакульская, ташковская, коптяковская, федоровская культуры.

На рубеже III–II тыс. до н.э. во многом определилось направление культурогенеза в равнинной степной и лесостепной части Северной Евразии. Толчком к изменениям послужило начало новой аридизации в суббореальный период голоцена, пик которой пришелся на середину II тыс. до н.э. Перестройка ландшафтов и засушливость открытых степных пространств к западу от Урала провоцировали подвижки скотоводов и металлургов на лесостепные и южно-таежные территории Западной Сибири. Практически на два тысячелетия население этих территорий оказалось в сфере влияния праиндоевропейского населения, от которого восприняло навыки скотоводства и, возможно, земледелия, а также металлургического производства. Ассимиляционные процессы привели к появлению гибридных комплексов, формированию в середине II тыс. до н.э. федоровской культуры, с ареалом от Урала до Енисея, и в конечном итоге — к ее распаду с образованием ряда культур (бархатовская, сузгунская, еловская, ирменская, карасукская) с разными местными компонентами в основе.

В начале II тыс. до н.э. в лесостепи и южно-таежной части Западной Сибири от Енисея до Урала обитало население, оставившее памятники нескольких археологических культур, объединенных рядом общих признаков (один из наиболее значимых — самусьско-сейминская металлургия) [Черных, Кузьминых, 1989]. Из этих образований лучше других исследованы окуневские, самусьские и кротовские комплексы, распространенные в основном к востоку от Иртыша [Вадецкая и др., 1980; Молодин, Глушков, 1989; Матющенко, 1973; Молодин, 1977, 1985]. В Зауралье доандроновская бронза изучена слабо. Из известных культур в лесостепном и южно-таежном Притоболье наиболее полно исследована ташковская, существовавшая до проникновения в регион андроновского, скорее всего петровского и алакульского, населения [Ковалева, 1988, 1997; Ковалева и др., 2000].

Не касаясь подробно объемной историографии (см., напр.: [Матвеев, 1998]) андроновских и местных доандроновских комплексов, остановимся лишь на вопросах формирования и генезиса федоровской культуры в Нижнем Притоболье.

В свое время К.В. Сальников федоровские материалы в лесостепном Притоболье считал наиболее ранними, предложив трехступенчатую периодизацию андроновской культуры: федоровский (XVII–XVI вв. до н.э.), алакульский (XV–XII вв. до н.э.) и замараевский (XII–VIII вв. до н.э.)

¹ При финансовой поддержке гранта «Механизмы и содержание трансформаций и преемственного развития древних обществ Тоболо-Ишимья» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

Формирование федоровской культуры в Притоболье и пути миграции ее носителей на восток

этапы [Сальников, 1964, 1967]. В 1960–1970-х гг. Э.А. Федорова-Давыдова и В.С. Стоколос пересмотрели концепцию К.В. Сальникова, выдвинув предположение о сосуществовании федоровских и алакульских комплексов. В.С. Стоколос считал материалы трех андроновских этапов (по Сальникову) разнокультурными, не связанными генетически и занимающими разные территории [Федорова-Давыдова, 1960; Стоколос, 1972]. В первой половине 1980-х гг. Г.Б. Зданович, на основе многочисленных стратиграфических наблюдений на поселениях эпохи бронзы Северного, Центрального Казахстана и Южного Зауралья, приходит к выводу о последовательном развитии генетически связанных между собой петровских, алакульских и федоровских комплексов в пределах XVIII–XIII вв. до н.э. [1984]. Аналогичная последовательность андроновских древностей рассматривается и Н.А. Аванесовой [1979, 1991].

Важным является мнение М.Ф. Косарева о формировании федоровских комплексов на основе местных, в частности зауральских, доандроновских культур с гребенчатой орнаментальной традицией под влиянием южного населения. Уже в коптяковских керамических комплексах, которые, по мнению исследователя, складываются на аятской основе, предвосхищены федоровские формы и орнаменты, а ребро на сосудах позволяет синхронизировать коптяковские и петровские (раннеалакульские) материалы [1981, с. 77–84]. Характеризуя черкаскульскую культуру, М.Ф. Косарев отмечал, что ей предшествовала коптяковская, обозначенная им как андронидная, существовавшая в XV–XIV вв. до н.э. [1974, с. 50–51, 57–58]. Орнаментация коптяковской посуды рассматривается им как новый этап в развитии традиции гребенчатого геометризма лесного Зауралья, зародившейся еще в неолитическую эпоху, и он допускает возможность формирования федоровской культуры по соседству с раннечеркаскульским и позднебаланбашским ареалами в Зауралье. Таким образом, генетически преемственный ряд (по Косареву) может выглядеть следующим образом: аятские материалы — коптяковские комплексы — черкаскульская и федоровская культуры.

В.Н. Чернецов [1953, с. 11], М.Ф. Косарев [1974, с. 150], К.В. Сальников [1967, с. 347] и Т.М. Потемкина [1985, с. 32–37] считают федоровцев древними уграми, а алакульцев — индоиранцами (иранцами).

Придерживаясь точки зрения Н.А. Аванесовой и Г.Б. Здановича, мы полагаем, что становление федоровской культуры происходило на алакульской основе, что объясняет близость этих культур. Но, по нашему мнению, это был не прямой переход от алакульских комплексов к федоровским, а трансформация через гибридные материалы, в Нижнем Притоболье — коптяковские, сформировавшиеся на основе алакульских и местных доандроновских, в частности ташковских, комплексов. На наш взгляд, территорией формирования федоровских комплексов являлись степные, лесостепные и северолесостепные районы от Урала до левобережья Иртыша, постепенно занятые петровским и/или алакульским населением, с проживающими на них аборигенами — носителями доандроновских культур (рис. 1, А, а). Сформировавшиеся или формирующиеся федоровские коллективы продвигаются далее на восток — в Прииртышье, Барабу, Приобье и Минусинскую котловину, где также вступают во взаимодействие с аборигенным населением. Становление и развитие культур эпохи бронзы с конца III — начала II тыс. до н.э. представляло собой поступательный и многовекторный процесс, происходивший в условиях меняющегося климата и ландшафтов и отразивший ассимиляцию разноэтничного населения и мигрантов в пределах степной, лесостепной и южно-таежной территории Западной Сибири (рис. 1, Б).

Северные исследованные в Притоболье алакульские памятники немногочисленны: это Чистолебяжский и Хрипуновский могильники на Тоболе и Исети [Могильников, 1984; Матвеев и др., 1989, 1994] и алакульский поселок Ук 3, расположенный на притоке Тобола у г. Заводоуковска (рис. 1, В). На поселении исследовано три алакульских жилища с характерной для этой культуры керамикой и изучен подстилающий ташковский горизонт с комплексом, особенностью которого является практически полное отсутствие гребенчатой орнаментации [Корякова и др., 1991].

Наряду с алакульской посудой в погребениях, в одной из ям Чистолебяжского могильника обнаружены два близких ташковским сосуда, что позволяет в какой-то мере синхронизировать эти культурные комплексы и говорить о начале их взаимодействия. Из шести радиоуглеродных дат три, достаточно ранние, указывают на функционирование могильника в начале II тыс. до н.э. [Матвеев и др., 1989, с. 44; 1991, с. 30]. Приблизительно в это же время функционировал Хрипуновский могильник [Матвеев и др., 1994, с. 17].

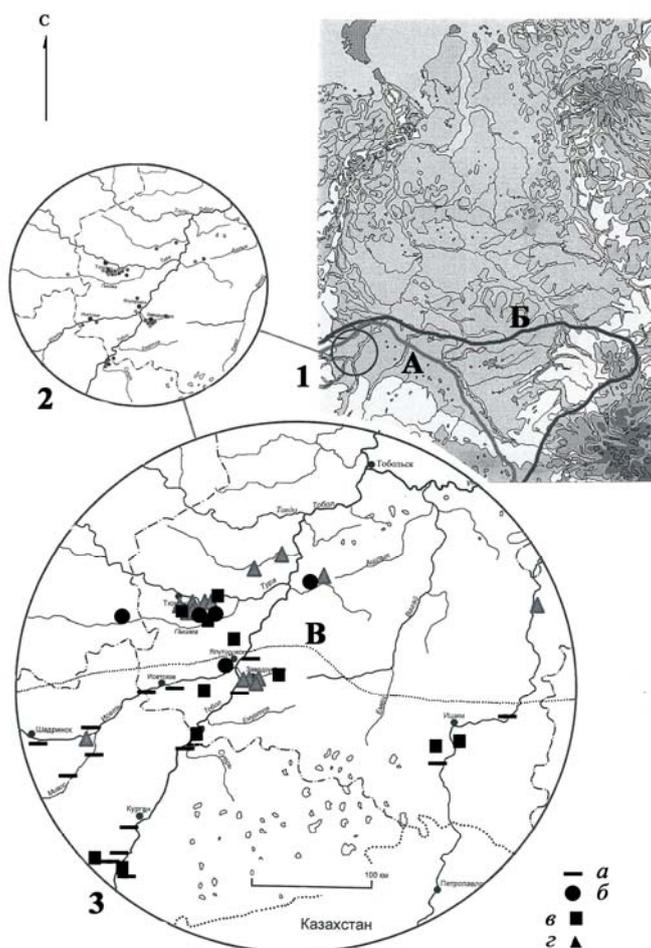

Рис. 1. Распространение ташковских, алакульских, коптяковских и федоровских комплексов в западно-сибирской лесостепи (1) и Нижнем Притоболье (2, 3):
 А — граница проникновения алакульского населения на восток; Б — восточная граница федоровского ареала;
 В — северная граница алакульского ареала в Нижнем Притоболье; а — алакульские; б — коптяковские;
 в — федоровские; з — ташковские памятники

По линии Исетское — Ялуторовск, маркирующей северную границу проникновения алакульского населения, расположен и Томиловский могильник, исследованный А. Гейкелем [Археологическое наследие..., 1995]. Выше этой линии чистые алакульские комплексы неизвестны, а встречаются лишь поселения коптяковской и федоровской культур (рис. 1, а–в). Посуда, во многом аналогичная керамике с поселения Ук 3, встречена на ряде памятников Андреевского озера (СБАО, раскоп 6; Дуванское 18; ЮАО 6, раскоп 8; Дуванское 18) [Стефанов, Корочкова, 2000] и оз. Чепкуль (Чепкуль 5, 20, Курья 1) [Скочина, 2007; Зах, Иванов, 2006; Зах и др., 2013]. Близкая керамика происходит с памятника Мохиревское 3, находящегося в среднем течении р. Пышмы, а также с Юртобора 21 на р. Тап и с поселения Оськино Болото [Ткачев, Илюшина, 2012], расположенного южнее Ялуторовска. Правда, комплексы с данной посудой В.И. Стефанов и О.Н. Корочкова уверенно соотносят с кругом «памятников алакульской культуры», но отмечая их своеобразие, в отличие от алакульской керамики степных и лесостепных территорий. Так, посуда достаточно тонкостенна, в тесте содержится примесь шамота, основной элемент орнамента — горизонтальные одно- и многорядные зигзаги, ряды ямок, как сгруппированные под краем венчика, так и одинарными поясами расположенные на плечике. Своеобразным является орнамент в виде протраченных отпечатков угла гребенчатого штампа. Присутствуют меандровые — ковровые узоры по косой сетке, выполненные протращенной и мелкой гребенкой. Поселения с подобной посудой, по мнению В.И. Стефанова и О.Н. Корочковой, соответствуют не стадии контактов, а «непосредственному взаимодействию носителей различных культурных традиций, в результате которого происхо-

Формирование федоровской культуры в Притоболье и пути миграции ее носителей на восток

дит формирование комплексов смешанного облика» [2000]. Они усматривают в посуде черты, позволяющие сблизить ее с керамикой коптяковской культуры, «но из-за того, что взаимодействующие компоненты подверглись трансформации, изменившей их первоначальный облик», не решаются отождествить их с каким-либо культурным комплексом [Там же, с. 18, 19]. На поселениях Чепкуль 5 и 20 совместно с выше охарактеризованной встречается так называемая желобчатая керамика, орнаментированная желобками, ямками, уголком гребенчатого штампа и наколами, во многом аналогичная обнаруженной на поселении ЮАО 6 [Ковалева, 1973].

На памятнике Шайтанское Озеро 2 встречаются вместе сосуды как с «желобчатым» орнаментом [Сериков и др., 2009, рис. 15], так и орнаментированные узором из зигзагов и уголков гребенчатого штампа [Там же, рис. 18]. Этот факт определенно свидетельствует о сосуществовании данных групп посуды в поселках Андреевской озерной системы и Тобола. Комплекс Шайтанского Озера 2 исследователи относят к коптяковской культуре, ареал которой охватывает южно-таежные и лесостепные территории от Урала и, вероятно, до Иртыша² (рис. 1, б).

Период проникновения андроновского (петровского и алакульского) населения в лесостепь и частично южную тайгу, на наш взгляд, есть все основания считать переходным (возможно, более целесообразно применить к этому периоду и другое название, например: трансформационный, период трансформации). Об этом свидетельствуют как начинающиеся изменения ландшафтно-климатических условий (аридизация и остепнение территории), так и непосредственно связанная с этим процессом миграция, скорее всего, отдельных экзогамных коллективов скотоводов и металлургов, принесших на территорию Западной Сибири новые технологии и производящее хозяйство. Разная экономическая ориентация аборигенов и мигрантов способствовала беспрепятственному расселению последних в лесостепном Притоболье и продвижению на восток в среде коллективов с присваивающей экономикой. Основным механизмом взаимодействия (ассимиляции) являлись, по нашему мнению, как и при предыдущих миграционных проникновениях на эту территорию, экзогамные брачные отношения между аборигенами и мигрантами.

До появления в Притоболье андроновцев (алакульцев) здесь обитали носители отступающе-(крупно)накольчатой и гребенчато-ямочной орнаментальных традиций (байрыкская культура), с которыми можно связать начало формирования ташковских комплексов в конце III — начале II тыс. до н.э. при непосредственном участии петровского и алакульского населения (рис. 1, а, в). Расселение последнего по северной периферии лесостепи, занимаемой ташковцами, завершилось, вероятно, в конце первой трети II тыс. до н.э., что представляется бесспорным фактом [Матвеев, 1998].

Культура ташковцев достаточно полно охарактеризована В.Т. Ковалевой [1988, 1997; Ковалева и др., 2000]. Поселки имели круговую планировку, жилища, возможно, представляли собой слегка углубленные сооружения площадью до 50 м². Посуда плоскодонная, баночной и горшковой форм, с орнаментом, покрывающим весь сосуд, включая иногда дно. Наряду с гребенчато-ямочной отмечается прочерченно-накольчатая техника нанесения узора. Многие сосуды украшены поясками из ямок, горшки — валиками.

Гребенчато-ямочная орнаментация в Притоболье связывается с местной орнаментальной традицией (байрыкская культура). В отличие от нее наблюдаются существенные изменения как в форме сосудов (плоскодонные и плавнопрофилированные), так и в орнаментальной схеме. Наряду с круглыми ямками все чаще используются ямки продолговато-овальной или каплевидной формы. Сокращается количество орнаментов, выполненных гребенчатым штампом, возрастает доля узоров в технике отступления, прочерчивания и протасенной гребенки. Ряды отступающей палочки и гребенки часто оставляют на поверхности сосуда достаточно глубокие оттиски в виде желобков (рис. 2).

Сосуды с узорами в прочерченно-накольчатой технике находят, на наш взгляд, соответствие в петровско-алакульских комплексах. Это прежде всего плоскодонные горшки, украшенные горизонтальными волнистыми или прямыми линиями отступающей палочки. Иногда под краем венчика и на тулове присутствуют меандровые узоры, взаимопроникающие треугольники, ромбы, выполненные отступающей палочкой и гребенчатыми оттисками. На дне некоторых сосудов, как иногда, например, на петровских отмечены круги, спирали и кресты.

Кроме этого существует посуда, сочетающая признаки обеих традиций. Судя по всему, уже в ташковских керамических комплексах наблюдается ощутимое влияние пришлой традиции на мест-

² Неопубликованные материалы Е.М. Данченко с Красноярского городища.

ную. Статистический анализ посуды из жилищ полностью раскопанных поселений Ташково 2 и ЮАО 13 подтвердил существование двух культурных традиций в ташковском обществе, соответствующих, скорее всего, экзогамным половинам поселенческого коллектива (рис. 2, 5, 6).

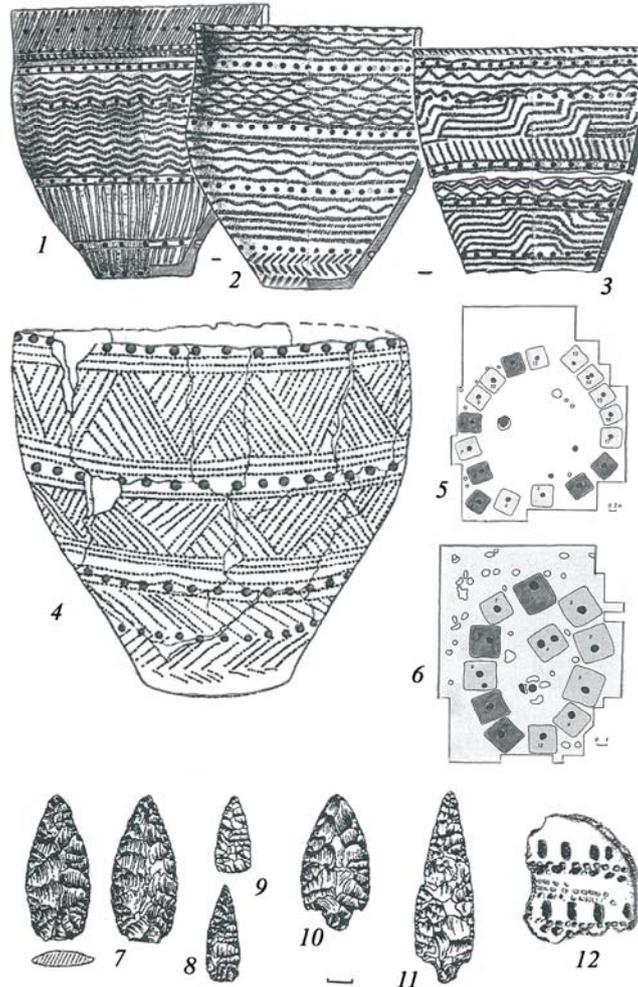

Рис. 2. Материалы ташковской культуры:
 1-4, 12 — керамика; 7-11 — камень; 5 — поселение ЮАО 13; 6 — поселение Ташково 2
 (светлые — жилища с преобладанием посуды с гребенчато-ямочной орнаментацией;
 темные — с прочерченно- и отступающе-ямочной (геометрической) орнаментацией)

В результате усиления интеграции ташковских и алакульских комплексов формируются переходные к федоровским комплексы коптяковской культуры. В Притоболье это поселения ЮАО 6, СБАО, Чепкуль 5, 20, Оськино Болото и немногочисленные материалы с Юртобора 21, Курья 1. Коптяковские поселки имеют уже линейную планировку, жилища, как правило, расположены на краю террас. Это углубленные в грунт полуземлянки подпрямоугольной или подквадратной формы с системой столбовых и хозяйственных ям, с очагом в центральной части жилища. Судя по расположению ямок, жилища имели каркасно-столбовую конструкцию, вероятно в форме усеченной пирамиды.

Коптяковский керамический комплекс, так же как и ташковский, включает две основные группы посуды. К первой, которая сопоставима с местной орнаментальной традицией (гребенчато-ямочной), относится слегка профилированная посуда, украшенная желобками, вместо рядов круглых или овальных глубоких ямок на сосудах отмечаются ряды неглубоких вдавлений каплевидной формы, иногда в виде «бахромы». Со второй группой связаны хорошо профилированные горшки, нередко с ребром при переходе к тулову. Орнамент, как правило, занимает верхнюю треть сосуда, иногда придонную часть. В основном состоит из горизонтальных зигзагов, выполненных прочерчиванием, гребенкой или протасенной гребенкой, одинарных или сгруппированных по три-четыре ямок, слегка протасенных оттисков угла гребенчатого штампа,

Формирование федоровской культуры в Притоболье и пути миграции ее носителей на восток

желобков или каннелюр. Появляются узоры, выполненные прочерченными линиями, протасенной гребенкой или мелким гребенчатым штампом, геометрические орнаменты в виде сложных меандров, расположенные по косой сетке (рис. 3). На поселении Чепкуль 20 обнаружена небольшая неглубокая выдавленная из целого куска глины емкость, возможно использовавшаяся как светильник, а также обломок достаточно глубокого блюда подчетыреугольной формы, орнаментированный двойным горизонтальным зигзагом из мелких наколов (рис. 3, 13). Аналогичные по форме емкости встречаются в комплексах федоровской культуры.

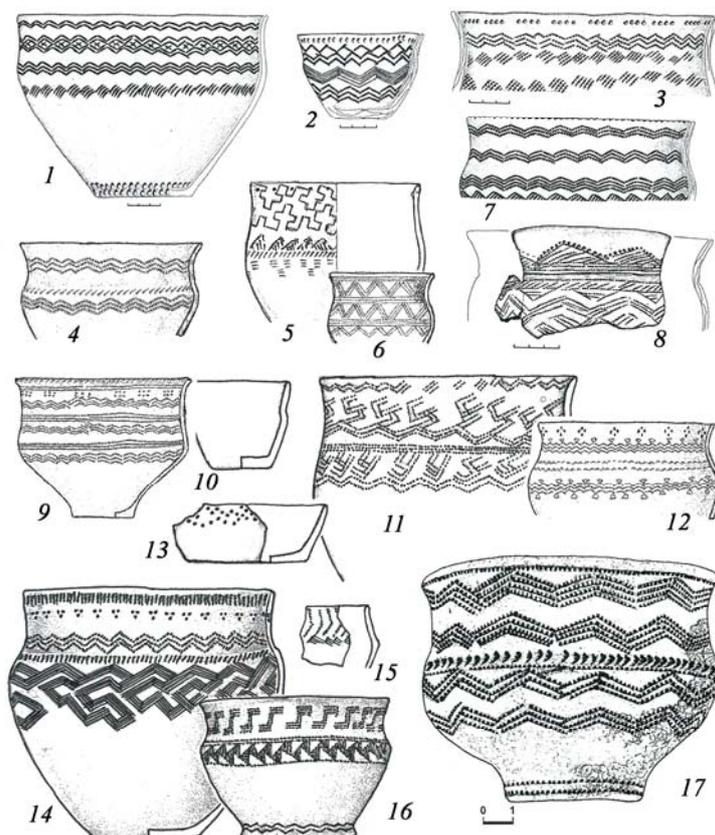

Рис. 3. Керамика с коптяковских памятников:

1–4, 7, 8, 9, 12, 15, 17 — Чепкуль 5; 5, 6 — Мохиревское 3; 10, 11, 13 — Чепкуль 20; 14 — СБАО; 16 — ЮАО 6

Вероятнее всего, к коптяковской культуре относятся два захоронения, расположенные в глубине террасы на памятнике Чепкуль 5 [Зах, Илюшина, 2011; Зах, 2012]. Могильная яма погребения 6, перерезавшая более раннюю яму, слегка углублена в материк, ориентирована с запада на восток. В восточной части захоронения обнаружены остатки черепа, зубы и два сосуда (рис. 3, 17). Скорее всего, головой погребенный был ориентирован на восток. Вокруг погребения отмечены ямы, которые могли быть с ним связаны. В 5 м юго-западнее погребения 6 находилось погребение 7 — яма подпрямоугольной формы размерами около 2,7×1,7 м, углубленная в материк на 0,25–0,3 м, ориентированная с запада на восток с отклонением к югу. В центральной части могилы находилась яма трапециевидной формы размерами 1,7×0,8 м, глубиной около 0,1 м. Кости не найдены. У короткой стороны трапеции (северо-западная стенка) ближе к северо-восточному краю обнаружены остатки колчана с 9 бронзовыми и 1 костяным наконечником стрелы, остриями направленными на северо-восток. Бронзовые наконечники имеют ближайшие аналогии в изделиях из кургана 7 Смолинского могильника, Межовского и Садчиковского поселений, которые датируются в пределах XIV–XII вв. до н.э.

Керамический комплекс позднего этапа коптяковской культуры (форма посуды, орнаментация) и инвентарь позволяют нам рассматривать коптяковские комплексы как основу для формирования федоровской культуры в Нижнем Притоболье [Зах, 2011]. В отличие от М.Ф. Косарева мы считаем, что коптяковские комплексы сложились не на аятской, а на алакульско-ташковской основе и предшествовали федоровским. Так же как и в коптяковской, в федоровской посу-

де просматриваются черты, характерные как для алакульской, так и для местной ташковской культуры. К алакульским приближаются сосуды баночной формы, на профилированных и слабопрофилированных горшках отсутствует ребро, но отмечаются воротнички. Вероятно, к алакульским орнаментам восходят горизонтальные зигзаги, цепочки ромбов, равнобедренные треугольники, меандры, выполненные по прямой сетке прочерченными линиями и гребенкой. Отсутствие орнамента на венчиках также может рассматриваться как алакульская черта (рис. 4). Круглые ямки, характерные для гребенчато-ямочных автохтонных комплексов, встречаются уже на алакульских (?) горшках поселения Ук 3. На федоровской посуде присутствуют также, правда, достаточно трансформированные местные орнаментальные мотивы: желобки, каплевидные вдавления, оттиски уголка и гребенки (рис. 5) [Зах, Илюшина, 2010]. Таким образом, в федоровских керамических материалах прослеживаются в довольно сильно переработанном виде традиции петровской, алакульской и аборигенной ташковской культуры, унаследованные федоровцами, видимо, от коптяковского населения. Формирование федоровских комплексов мы рассматриваем, таким образом, как достаточно длительный процесс взаимодействия и слияния носителей алакульской культуры с коллективами носителей местной орнаментальной традиции.

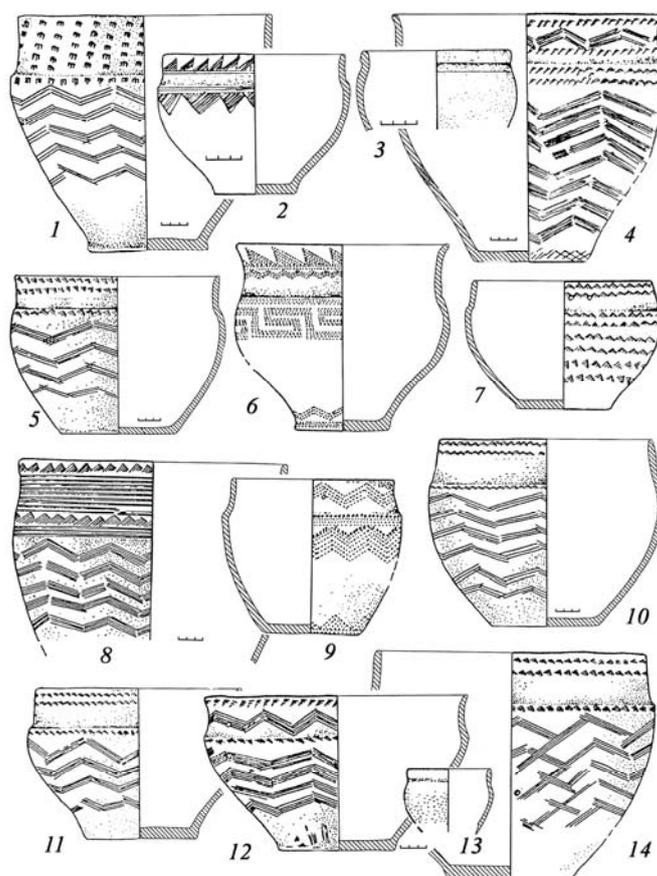

Рис. 4. Посуда поселения Ук 3

Район образующихся в конце первой трети II тыс. до н.э. федоровских комплексов, вероятно, не выходил за пределы левобережья Иртыша, где исследован пока крайний восточный алакульский могильник — Ермак 4 [Сотникова, 1987, 1988]. О включении в андроновскую среду элементов культуры местного населения говорят гребенчатая орнаментация, появление горшков с плавной профилировкой, рельефного орнамента в виде валиков в составе федоровских керамических комплексов, горизонтальных прочерченных линий, овальных и подтреугольных вдавлений, а также, возможно, обряд кремации. Но при этом сохраняются многие алакульские черты: основные мотивы в орнаментации, погребальный обряд (труположение), тип хозяйства.

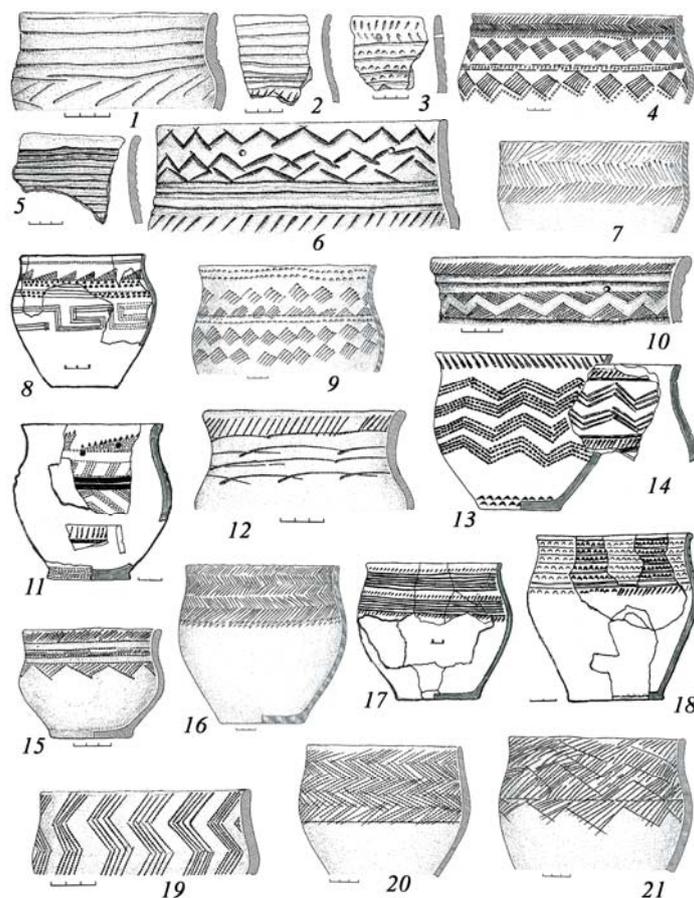

Рис. 5. Керамика поселений Курья 1 (1–7, 9, 10, 12, 15, 16, 19–21) и Черемуховый Куст (8, 11, 13, 14, 17, 18)

Уже сложившееся федоровское население в середине II тыс. до н.э. проникает на восток, за Иртыш. Скорее всего, это определялось целым комплексом причин, но основной, на наш взгляд, являлась резкая аридизация климата, обусловившая освоение федоровцами обширных лесостепных и степных территорий вплоть до Енисея. В процессе заселения Барабы, Приобья и Минусинской котловины федоровцы контактировали уже с носителями аборигенных культур этих территорий, таких как кротовская, крохалевская, комплексов с гребенчато-ямочной орнаментацией керамики и окуневской, что фиксируется в орнаментации посуды.

Достаточно сильная аридизация в федоровское время, о чем свидетельствует расположение поселений в долинах рек, в основном на уровне высокой поймы, сооружение в жилищах колодцев, повлияла, на наш взгляд, как на выбор территории проживания, так и на пути миграции федоровского населения на восток до Барабы и Приобья. Для определения исходной территории и отправной точки миграции федоровцев на восток рассмотрим керамические комплексы с федоровских поселений Нижнего Притоболья, Центрального Казахстана (Сары-Арки) и Присалаирья (табл.).

Результаты анализа орнамента на посуде поселений этих территорий в программе Statistica 6 агломеративно-иерархическим кластерным методом позволяют говорить о достаточно сильной связи между комплексами Нижнего Притоболья и Присалаирья, попадающими в один кластер. Наиболее близки между собой материалы поселений Куделька и Куделька 2, ближе к ним стоит комплекс Курья 1 и несколько отдален комплекс Черемухового Куста. Подобное положение в кластере, скорее всего, объясняется хронологической позицией поселений. Самым ранним из них, вероятно, является Черемуховый Куст, затем следует Курья 1, а поздние — соответственно Куделька и Куделька 2 (рис. 6). Материалы поселений Сары-Арки образуют отдельный кластер, что свидетельствует об их своеобразии и отсутствии видимой связи с комплексами как Притоболья и Присалаирья, так и Приобья (имеются в виду неопубликованные материалы поселения Шляпово и федоровские Ирмени 1).

**Соотношение элементов орнамента на федоровской посуде поселений
Центрального Казахстана, Нижнего Притоболья и Присалаирья**

Элементы орнамента	Сары-Арка		Нижнее Притоболье		Присалаирье	
	Икпень 1	Икпень 2	Черем. Куст	Курья 1	Куделька	Куделька 2
Гребенчатая горизонтальная линия	106/17,4	29/10,4	11,9	17,06	13,3	13
Заштрихованная гребенчатая лента	12/1,9	2/0,7	1,3	5,7		
Гребенчатые геометрические узоры	263/43,2	66/23,6	14,4	28,8	2,3	
Линия гребенчатого зигзага	72/11,8	45/16,1		12,8	11,4	
Наклонная гребенчатая линия	15/2,0		18,6	61,4	11,4	4,3
Вертикальная линия гребенки	3/0,5				1,2	
Линия гребенчатой «елочки»	35/5,7		11,34			
Линия гребенчатого ромба	4/0,6			6,3		
Гребенчатые уголкового вдавления			2,64			
Гребенчатая сетка			2,8	3,9		
Вертикальная гребенчатая «елочка»			9,04			
Резная горизонтальная линия	28/4,6	26/9,3	8,4		3,7	
Резные геометрические узоры	25/4,1	8/2,8	1,2	3,3	0,3	
Линия резного зигзага	48/7,8	80/28,6		3,4		
Наклонная резная линия	9/1,5	5/1,8	10,8	14,2	12,2	19,5
Заштрихованная резная лента		2/0,7	0,3	1,3		
Вертикальная резная линия	2/0,3					
Резная сетка			1,7			
Линия резной «елочки»	37/6,1	6/2,1	5,46			
Вертикальная прочерченная «елочка»			7,16	0,5	9,1	5,8
Каннелюры	263/43,2	71/25,4	27,2	34,3	28,5	29,7
Каплевидные вдавления			4,0	14,1	6,3	4,3
Уголкового вдавления	52/8,5	9/3,2	9,76	14,2	3,9	
«Змейка»	3/0,4		0,6	0,8		
Ямка	15/2,5	2/0,7	11,1			
Насечка			3,8			
Валик			6,9	12,8		
Без орнамента			4,7	0,5		
Количество сосудов	609	279	493	381	225	45

Примечание. Использованы данные А.А. Ткачева [2002] по комплексам Сары-Арки, адаптированные для сравнения со статистическими данными по Черемуховому Кусту, Курье 1, Кудельке и Кудельке 2.

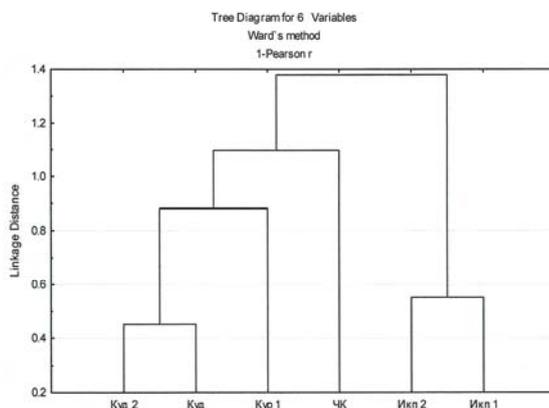

Рис. 6. Дендрограмма федоровских керамических комплексов поселений Нижнего Притоболья (Черемуховый Куст), Присалаирья (Куделька, Куделька 2) и Сары-Арки (Икпень 1, 2)

Можно предположить, что в условиях достаточно сильной аридизации климата, низкой обводненности водоемов и, возможно, некоторого смещения лесостепных ландшафтов на север пути миграции федоровского населения на восток пролегли по территории лесостепи, ближе к ее северным пределам. Об этом, вероятно, свидетельствуют и материалы поселения Каргат 6, расположенного в Барабе, посуда которого, по мнению О.В. Софейкова, по форме, составу теста и орнаментации сопоставима с алакульской керамикой памятников Курганского Притоболья. Исходя из этого он делает вывод, что в формировании каргатской группы андроновцев наряду с федоровским принимал участие и алакульский компонент, происходящий, скорее всего, из районов Притоболья, а возможно, этот район был и местом формирования данной группы [Софейков, 1990, с. 97].

Формирование федоровской культуры в Притоболье и пути миграции ее носителей на восток

По-иному ситуацию в западно-сибирской лесостепи во II тыс. до н.э. видит В.И. Молодин с соавторами. По их мнению, на территорию Барабы происходила достаточно масштабная миграция «носителей андроновской (федоровской) культуры, по-видимому, с территории современного Центрального Казахстана» [Молодин и др., 2011, с. 89].

Принимая во внимание рассмотренные ранее археологические свидетельства: формирование федоровских комплексов от алакульских и местных ташковских через переходные коптяковские, близость федоровских керамических материалов аналогичным из Барабы и Приобья, а также учитывая аридизацию климата, которая, вероятнее всего, ограничила обитание федоровского населения в пределах долин рек, крупных озер и, возможно, северной лесостепи, мы считаем, что миграция федоровцев на восток, в Барабу и Приобье, проходила через северолесостепные пространства.

Таким образом, начало II тыс. до н.э. ознаменовалось значительными изменениями в климатической и ландшафтной обстановке и последовавшими за ними миграциями скотоводов и металлургов в западно-сибирскую лесостепь. Мигранты, осваивая новые территории, вступали в контакты с аборигенным населением с формированием симбиозных культурных образований, носители которых продолжали движение на восток. Так в Притоболье петровские, алакульские и ташковские комплексы дают начало коптяковской, а на ее основе складывается федоровская культура. Продвигаясь по северу лесостепи от Иртыша в Барабу и Приобье, федоровцы взаимодействовали с кротовцами и носителями гребенчато-ямочной орнаментации посуды.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аванесова Н.А.* Проблемы истории андроновского культурного единства (по металлическим изделиям): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1979. 22 с.
- Аванесова Н.А.* Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент: Фан, 1991. 200 с.
- Археологическое наследие Тюменской области: Памятники лесостепи и подтаежной полосы / А.В. Матвеев, Н.П. Матвеева, А.Н. Панфилов и др.* Новосибирск: Наука, 1995. 240 с.
- Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А.* Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980. 148 с.
- Зах В.А.* О формировании федоровской культуры (по материалам Нижнего Притоболья) // Тр. III (XIX) Всероссий. археол. съезда. СПб.; М.; Вел. Новгород, 2011. Т. 1. С. 220–222.
- Зах В.А.* Коптяковские погребения на поселении Чепкуль 5 // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: От артефактов к прочтению прошлого. Томск: Аграф-Пресс, 2012. С. 107–117.
- Зах В.А., Иванов С.Н.* Комплекс эпохи бронзы многослойного поселения Чепкуль 20 на севере Андреевской озерной системы // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2006. № 7. С. 12–21.
- Зах В.А., Илюшина В.В.* Позднебронзовый могильник Чепкуль 5 в Нижнем Притоболье // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 1 (14). С. 20–29.
- Зах В.А., Илюшина В.В.* Посуда федоровской культуры Нижнего Притоболья (по материалам поселения Черемуховый Куст) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2010. № 2 (13). С. 42–50.
- Зах В.А., Рябогина Н.Е., Илюшина В.В. и др.* Федоровский поселок Курья 1 в системе Андреевских озер // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. № 1 (20). С. 10–23.
- Зданович Г.Б.* К вопросу об андроновском культурно-историческом единстве // КСИА. 1984. Вып. 177. С. 29–37.
- Ковалева В.Т.* Классификация и относительная хронология археологических памятников эпохи бронзы на Андреевском озере у г.Тюмени // ВАУ. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1973. Вып. 12. С. 3–20.
- Ковалева В.Т.* Ташковская культура раннего бронзового века Нижнего Притоболья // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. С. 29–47.
- Ковалева В.Т.* Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: поселение Ташково 2. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1997. 132 с.
- Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., Шаманаев А.В.* Ташковская культура: Андреевское озеро 13. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. 160 с.
- Корякова Л.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К.* Проблемы методики исследований древних памятников и культурно-хронологическая стратиграфия поселения Ук-3 / УрО РАН; ИИА. Препр. Свердловск, 1991. 72 с.
- Косарев М.Ф.* Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука, 1974. 277 с.
- Косарев М.Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 280 с.
- Матвеев А.В.* Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. 417 с.
- Матвеев А.В., Асташкина О.В., Никитина Н.Л.* Исследование памятников андроновской эпохи на юге Западной Сибири // Археологические исследования в Сибири. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1989. С. 43–44.

В.А. Зах

- Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Зах Е.М., Буслова М.А. Хрипуновский могильник: Новые сведения о северных андроновцах // Западная Сибирь — проблемы развития. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1994. С. 3–19.
- Матвеев А.В., Орищенко А.В., Зах В.А. и др. Радиоуглеродный возраст и проблемы хронологии археологических памятников эпохи неолита и бронзового века на юге Тюменской области // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1991. С. 28–31.
- Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья: (Неолит и бронзовый век). Томск, 1973. Ч. 2: Самусьская культура. 208 с. (ИИС; Вып. 10).
- Могильников В.А. Курганы Чистолёбья // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд. ЧелГУ, 1984. С. 27–37.
- Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука, 1977. 170 с.
- Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
- Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск: Наука, 1989. 168 с.
- Молодин В.И., Пилипенко А.С., Чикишева Т.А. и др. К вопросу о связях населения территории современного Казахстана и Барабинской лесостепи в эпоху бронзы (по материалам археологии, антропологии и палеогенетики) // Маргулановские чтения-2011. Астана, 2011. С. 88–92.
- Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Приобья. М.: Наука, 1985. 375 с.
- Сальников К.В. Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы // ВАН. Свердловск, 1964. Вып. 6. С. 5–23.
- Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. С. 354–373.
- Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И. Шайтанское Озеро 2: Новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. № 2. С. 67–78.
- Скочина С.М. Результаты раскопок многослойного поселения Чепкуль 5: (Предварительное сообщение) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2007. № 8. С. 231–234.
- Сотникова С.В. Раскопки могильника Ермак 4 // АО 1985 г. М., 1987. С. 283.
- Сотникова С.В. К вопросу об алакульской традиции на территории Западной и Южной Сибири // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1988. С. 76–78.
- Софеев В.И. Андроновская керамика поселения Каргат-6 и некоторые вопросы технологии // Древняя керамика Сибири: Типология, технология, семантика. Новосибирск: Наука, 1990. С. 89–99.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Приобья. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. 108 с.
- Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М.: Наука, 1972. 167 с.
- Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2002. Ч. 1. 289 с.
- Ткачев А.А., Илюшина В.В. Коптяковский комплекс поселения Оськино Болото // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 3 (18). С. 34–43.
- Федорова-Давыдова Э.А. Андроновское погребение XV–XIII вв. до н.э. // Тр. ГИМ. 1960. Вып. 37. С. 56.
- Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья. М.; Л., 1953. С. 30–31 (МИА; № 35).
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии: (Сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

viczakh@mail.ru
Тюмень, ИПОС СО РАН

The article considers cultural and historic processes occurring on the territory of the forest steppe and south taiga parts of the Low Tobol basin in the late III millennium — early II millennium B.C. and associated with beginning of the global aridization of the climate which peak fell on the middle of II millennium B.C. With a penetration of migrants — cattle breeders and metallurgists — subject to formation on the new territories being symbiotic cultural entities proceeding their movement to the east into Baraba, Low Tobol basin up to the Yenisei. In the Low Tobol basin, on the basis of the alien Petrovka and Alakul complexes, as well as the aboriginal Tashkovo complex, it was first the Koptiyaki culture that was formed, and, on its basis, the Fyodorovo culture. The reduction of the territorial water content tends to narrow a corridor of the migration stream to the east, which, as we see it, turns into the north forest steppe. A comparison of the Fyodorovo pottery complexes from the Low Tobol basin, Low Salair basin and Sary-Arka (Central Kazakhstan) with that of Kargata 6 from Baraba testify to the fact that those who penetrated into the territory of Baraba, Low Ob basin and Low Salair basin during the Fyodorovo time were most likely the natives from the Low Tobol basin and, probably to the less extent, from Central Kazakhstan.

Low Tobol basin, West Siberian forest-steppe, aridization, migration, the Alakul, Tashkovo, Koptiyaki, Fyodorovo cultures.

СОВА ТОМСКОЙ ПИСАНИЦЫ

И.В. Ковтун

Сова или филин чрезвычайно редкий персонаж в наскальном искусстве Северной Евразии. Почти уникальное изображение совы Томской писаницы давно составляет одну из смысловых загадок комплекса, став эмблематичным символом как самого памятника, так и музея-заповедника. В работе обобщаются версии смысловых значений данного изображения и предполагаемая этнолингвокультурная принадлежность его создателей.

Мохноногий сыч, сова, Яма, петля, пути, первопредок, помощник шамана, самусьская керамика.

Сова — одно из самых известных изображений Томской писаницы (рис. 1). Его эмблематичность обусловлена уникальностью самого образа пернатого хищника. Судя по особенностям формы и верхней средней части лицевого диска, обрамленного черным ободком, в сочетании с сегментарной раскраской оперения груди и живота, а также изобразительно переданной оперенностью пальцев ног, художнику «позировал» мохноногий сыч¹ (см. по: [Рябицев, 2001, с. 318, табл. 60, 2]).

Согласно амбивалентной версии А.П. Окладникова и А.И. Мартынова, образом «совы или филина» на Томской писанице олицетворялось исключительно устрашающее, смертоносное, но утилитарно благоприятное для человека начало: «По сведениям Анучина, к совам питали суеверный страх в XIX в. якуты. Надо полагать, такой же характер носят изображения (? — И. К.) совы или филина и на Томской писанице. Возвышающееся над лосями зловещее изображение птицы, вполне возможно, является символом их смерти, то есть того желаемого, чего в конечном итоге так насущно жаждал древний таежный охотник» [Окладников, Мартынов, 1972, с. 206]. Непонятно, о каких других «изображениях совы или филина» Томской писаницы, кроме единственно известного (рис. 1), ведут речь авторы этой интерпретации, но связка изображения совы с идеей успешной добычи лося не обосновывается никакими археологическими, этнографическими или мифологическими параллелями.

Исключительно отрицательные коннотации присущи образу совы в ведийской мифологии: «Посланцами Ямы называют сову и голубя — эти птицы в древней Индии считались вестниками смерти» ([Эрман, 1980, с. 94]; см. также: [Macdonell, 1897, p. 152]). Обращение к столь отдаленной параллели обусловлено не только выявленным индоарийским субстратом в смысловом содержании ряда нижнетомских петроглифов [Ковтун, 2013, с. 288], но и возможным совпадением одного из атрибутов Ямы с изобразительной деталью в рисунке совы Томской писаницы. Это «петля», концы которой изображены «привязанными» к ногам совы (табл. 1). Сова — птица Ямы, а ведийские *rábṣa* — «ножные оковы» и *yamáya rábṣāt* означают ножные колодки или пути Ямы, освобождение от которых равносильно избавлению от пут Варуны [Ригведа, X. 97. 16; Елизаренкова, Топоров, 1999, с. 513]: «Упоминание *падбиши* — *пут на ногах* (РВ X. 97. 16), посланцев Ямы *улуки* — *совы* и *капоты* — голубя (РВ X. 165. 4)... еще более способствует утверждению Ямы как страшного бога смерти» [Дандекар, 2002, с. 86]. Все эти атрибуты ведийского божества, архаичный образ или праобраз которого был известен индоариям задолго до ведийских гимнов [Йеттмар, 1986, с. 191], считались орудием наказания, символом смерти и самого Ямы [Дандекар, 2002, с. 86, 99]. В этом качестве «петля» — «пути» на ногах птицы изоморфна(-ы) самому образу совы, возможно олицетворявшей божество смерти, сопоставимое с ведийским *первопредком* Ямой. Поэтому его пути — «петля» на ногах совы — птицы-вестника Ямы позволяют соотносить с ней представления о сове/филине у тех сибирских народов, предки которых контактировали с индоарийскими сообществами в Северо-Западной Азии не позднее первой трети II тыс. до н.э. [Ковтун, 2013, с. 59 и др.].

Яма — первый из умерших, открывший этот путь людям, владыка усопших, считавшийся *первочеловеком-прародителем* [Macdonell, 1897, p. 171; Невелева, 1975, с. 79–80; Семенцов, 1981, с. 77; Елизаренкова, 1999, с. 463–464; и др.]. В этой своей ипостаси он сопоставим с фи-

¹ Определение к.б.н. В.Б. Иляшенко (КемГУ).

лином у манси, в фигуре которого также усматриваются черты мифического пращура: «Вогулы одной из деревень считали своим духом-покровителем огромного старика-филина, который жил с женой в гнезде на исполинском дереве, “стоявшем с возникновения неба и земли”. Здесь налицо недвусмысленная отсылка ко временам сотворения мира и возведение птицы — предка-покровителя к образу первопредка» [Сагалаев, 1991, с. 81].

Рис 1. Композиция с совой на Томской писанице (копия и прорисовка Е.А. Миклашевич)

Возможно, под образом совы с «петлей-путами» — «филина» Томской писаницы подразумевался подобный персонаж, содержательно заимствованный «протоуграми» в мифологической доктрине индоариев, связывавших эту птицу с божественным прародителем — божеством смерти и его путями.

Йипыг-ойка — «Филин-старик» почитался манси в Хурум-пауле, как и Филин-старуха. Согласно записанному здесь рассказу, «Филин — одна из ипостасей мифического предка фратрии Пор, к которой относились мужчины Хурум-пауля. Однако в конце рассказа Йипыг-ойка называет себя Мир-сусне-хумом, который считался предком фратрии Мось» [Лукина, 1990, с. 537, 546].

Что означает это «противоречие»? В двух мансийских рассказах их герой — Филин ищет себе жену, однажды удачно, один раз — нет, а в третьем рассказе, где выясняется, что он сам Мир-сусне-хум, Филин уже сожительствует с чужой женой, рожаящей его сына. В финале повествования поселок фратрии Пор гибнет от воды и огня, но мальчик спасается в дупле Филина — Мир-сусне-хума, куда тот приносит ему невесту [Мифы..., 1990, с. 339–342, 459–460].

В этих повествованиях в инвариантном остатке сохранились отголоски сложной истории начала сосуществования двух мансийских фратрий. Они включали не только эндогамные взаи-

Сова Томской писаницы

моотношения Мось и Пор, не всегда оканчивавшиеся браками сторон, но и смертоносные конфликты двух мансийских сообществ, отраженные в реминисцентном мотиве уничтожения поселения Пор. Здесь побеждает Филин — прародитель высшей фратрии Мось. Он же в конечном итоге одерживает верх и над мифическим первопредком, тотемом и культурным героем фратрии Пор — Медведем (см.: [Источники..., 1987, с. 192; Соколова, 2001б]). Так по сюжетной линии угорских мифов, воплощенной в «медвежьих песнях», «медведь грабит дом Филина, и в результате охотники из рода Филина убивают медведя» [Люцидарская, 2000, с. 81].

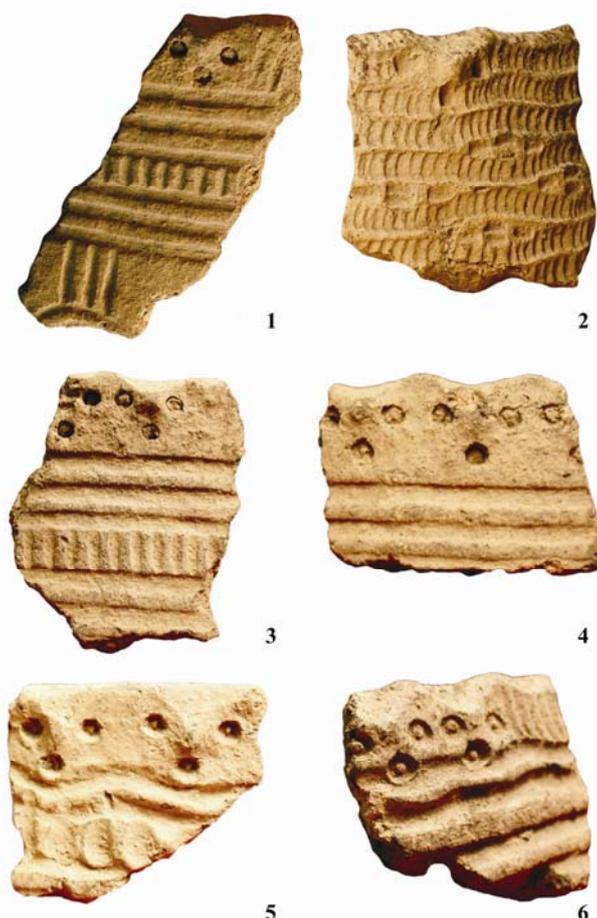

Рис. 2. Самусь IV (фото автора)

Это допускает вероятность причастности изображения совы с Томской писаницы к мировоззренческим установлениям, заимствованным у индоариев именно представителями прамансийского субстрата фратрии Мось или «протоМось».

Фигура Мир-сусне-хума, восходящая к митраистским представлениям [Топоров, 1981, с. 146–149; 1994, с. 156; Гемуев, 1990, с. 190–194; 2001, с. 89–90], и функции его отца Нуми-Торума, сопоставимые с функциями индоарийского Варуны [Кузьмина, 1997, с. 186; Ковтун, 2013, с. 109 и др.], отсутствующего в древнеиранском пантеоне [Гиндин, 1972, с. 297; Бонгард-Левин, Грантовский, 1983, с. 168; и др.] и связанного «с палеосибирским субстратом, с которым взаимодействовали угры» [Гемуев, Люцидарская, 2001, с. 101], а также образ березы как священного дерева и аллоформы *arbor mundi* [Источники..., 1987, с. 192; Гемуев, Люцидарская, 2001, с. 101; Соколова, 2001а], присущие фратрии Мось, удостоверяют непосредственное взаимодействие с индоарийским (см., напр.: [Ковтун, 2013, с. 87, 145, 147, 286 и т.д.]), а позднее — с ираноязычным массивом в основном предков именно этого сообщества. Но символизация «асурой из асуров» — Варуной качеств, присущих образу Медведя — тотемного прародителя фратрии Пор

[Источники..., 1987, с. 192], и праиндоиранские заимствования в финно-угорских языках вокабулы *asuga-* [Ковтун, 2013, с. 87, 269–272] указывают на совпадение данного процесса с самой архаичной стадией межфратриального взаимодействия этих протомансийских сообществ, вероятно, не позднее начала — первой трети II тыс. до н.э. Думается, к верхней границе указанного хронологического диапазона примыкает и изображение совы на Томской писанице, чему имеются изобразительные археологические подтверждения (см. далее).

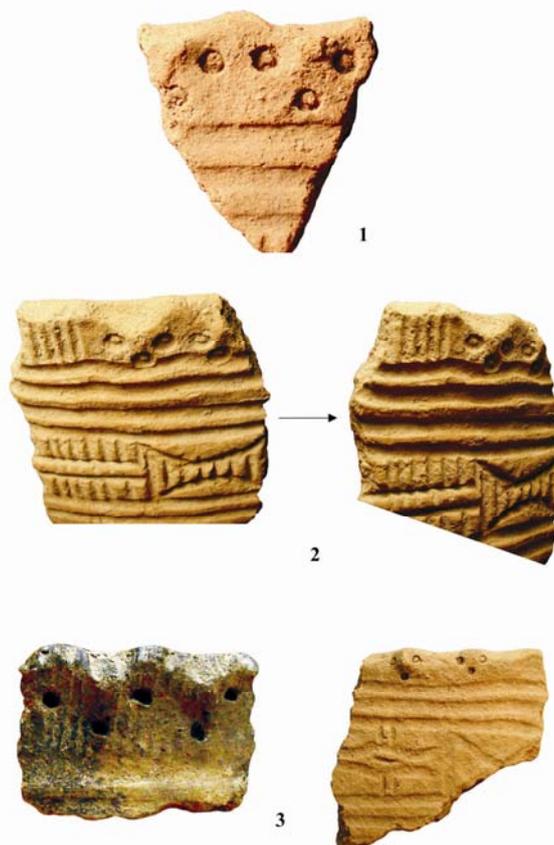

Рис. 3. Самусь IV (фото автора)

Наделение образа филина у манси статусом первопредка и чертами птицы-вестника бога смерти индоариев Ямы удостоверяет заимствованность обеих ипостасей предками этой группы обских угров. На Северной Сосьве В.Н. Чернецовым записано мансийское предание, характеризующее филина как вестника грядущей смерти, знающего, как предотвратить несчастье: «В Хулим-сунт-пауль однажды одна из женщин родом из Халь-пауля (находится по р. Лонсая) сильно заболела “была почти уже мертвая”. Ночью в поселок прилетел филин и, влетев в дом, сел на балку, опустив крылья. И сказал, что надо принести жертву; сказав это, он улетел. Жертву принесли, и женщина вскоре поправилась» [Источники..., 1987, с. 151]. По мнению В.Н. Чернецова, изображения существ на зеркалах небезыизвестного Истяцкого клада «хорошо совпадают с обликами антропозооморфных предков генеалогических групп обских угров» и среди них фигурируют человек-филин, характерный для верховьев Северной Сосвы, а также женщина- и мужчина-филины, известные на р. Ляпин [1971, с. 92].

Известно и мансийское святилище Йипыг-ойки — «Старика-филина» около пос. Хурумпауль на р. Ляпин в Березовском районе ХМАО — Югры, где А.В. Бауло собрано 28 фигурок объемного литья (по: [Чемякин, 2013, с. 383]), а «деревянное изображение, сочетающее черты человека и филина, хранилось здесь перед деревянным амбарчиком, как и изображение Йипыг-эквы, а также антропоморфные фигурки их сыновей» [Лукина, 1990, с. 546]. Другое мансийское святилище филина Йипыг-ойки известно у с. Хал-пауль, в верховьях р. Сев. Сосьвы, на свя-

Сова Томской писаницы

щенном месте рода Тасмановых. Там в амбарчике хранилась небольшая медная фигурка филина, которую сторожит фигурка слона, а на березе «сидели» Иипыг-ойка, его пять братьев и Тохлынг-ойка (Орел)» [Лукина, 1990, с. 546].

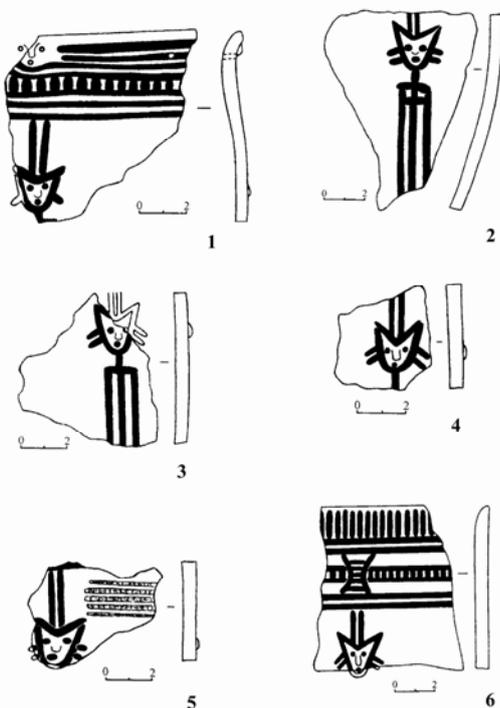

Рис. 4. Самусь IV (прорисовки Ю.Н. Есина)

Зафиксированы и другие представления обских угров о благотворных качествах филина: «На Сосье и Казыме особой птицей считается филин из-за способности видеть ночью так же хорошо, как и днем. Ханты объясняли, что глаза этой птицы состоят из множества кругов-колец, которые меняются местами в соответствии с наступающим временем суток. Благодаря способности видеть ночью филин может вылавливать и поедать различных грызунов, которые якобы являются охотниками за душами... филину приписывалась способность создавать эхо» [Кулемзин, 1984, с. 161].

Аналогичные позитивные деяния приписывались и сове, но уже в космогоническом масштабе. В одном из мифов обских угров сова спасает мир от гибели, когда Калтац-эква потребовала от Нуми-Торума постройки нового дома из костей всех зверей и птиц: «Нуми-Торум возмутился: что будут есть люди, если он убьет всех зверей и птиц? Женщина, однако, настояла на своем, и бог отправил щуку собирать всех рыб, кулика — всех птиц. Наконец собрались все, кроме мудрой совы. Она явилась лишь на третий зов и отговорила бога приносить себе в жертву все живое» [Петрухин, 2005, с. 361].

На Вахе у хантов считалось, что облик совы может принимать богиня-жизнедательница Анки Пугос [Кулемзин, 1984, с. 55], ведавшая рождением детей и посылавшая их в чрево женщин, а при рождении дававшая опекаемому ею младенцу жизненную силу (ильт) [Хелимский, 1994, с. 349].

Особое отношение к филинам и совам присуще и другим сибирским народам. По сведениям М. Элиаде, у алтайцев шаманский колпак украшали перья золотого орла или коричневой совы, у тувинцев и тофаларов — совиные перья, а «телеутские шаманы делают свой колпак из шкуры (чучела) коричневой совы, оставляя крылья, а иногда и голову для украшения» [2000, с. 154]. Такой колпак считался одним из высших шаманских атрибутов и надевался только по велению духов [Там же, с. 173].

Не только перья совы или филина, но и сама птица представлялась соучастницей шаманских практик: «Амурские нанайцы держали филинов и сов в доме, полагая, что они охраняют маленьких детей. Филин числился среди помощников шамана» [Бродянский, 2012, с. 89]. По-

мощниками добрых эвенкийских и ороческих (?) шаманов наряду с орлом также считались сова и филин [Там же].

В нганасанской традиции сова тоже была одним из животных-помощников шамана. Шаман Семен Яроцкий говорил: «Конди'е — сову убивать нельзя. Сова — это Дямада. Если сову кто убьет, то ее надо головой в сторону леса класть и говорить: — Я не виноват. Это я не нарочно» (по: [Дувакин, 2011, с. 40]).

У хакасов шаман и сам способен принимать облик филина, а у энцев — совы. В обоих случаях этим даром каму приходится воспользоваться для оказания помощи соплеменникам (по: [Дувакин, 2011, с. 63, 422–423]).

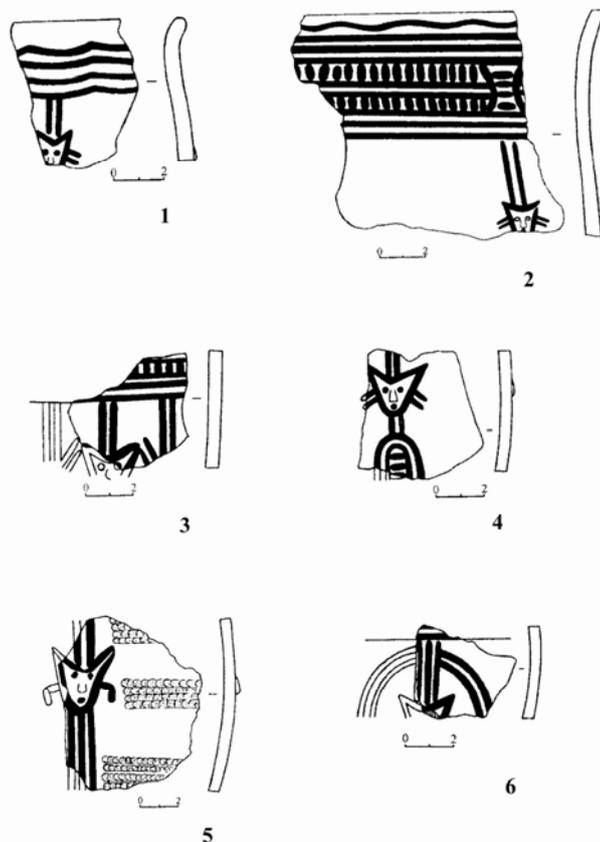

Рис. 5. Самусь IV (прорисовки Ю.Н. Есина)

Итак, с образом совы/филина соотносятся олицетворения божества смерти и его вестника (только индоарии), тотемного первопредка-прародителя рода, фратрии, племени, богини-жизнедательницы и т.п., а также вёщей птицы с благотворными и чудесными способностями, представляющей либо добрым помощником шамана, либо одним из ситуационных перевоплощений кама. Некоторые из этих значений сопоставимы с изображением совы Томской писаницы. Так вышеприведенная параллель с Ямой, его птицей и путами этого божества, соответствие которым усматривается в «петле» на ногах томской совы, удостоверяется территориально близкими археологическими источниками.

Симптоматичными для образа совы Томской писаницы представляются схематичные изображения орнитоморфных личин на самусьской керамике, чрезвычайно напоминающие совиные морды [Ковтун, 2008, с. 36–37, рис. 2, 5–7] (рис. 2, 3). Сама идеографическая система самусьской орнаментации и отдельные экземпляры каменной скульптуры иллюстрируют ряд концептуальных составляющих индоарийской мифологии, зафиксированной в более поздний период в ведийских и постведийских источниках (см. по: [Ковтун, 2013, с. 285–301]). Поэтому связанный с самусьской изобразительной традицией индоарийский субстрат, вероятно, причастен к появлению изображения совы на самом знаменитом скальном массиве р. Томи. Здесь же, а также на нижнетомской писанице Висящий Камень обнаружены сердцевидные личины [Ковтун,

Сова Томской писаницы

1993, с. 76, рис. 10, 2; с. 81, рис. 15, 1–8; с. 82, рис. 16, 1–4], конфигурация которых явно просматривается и в абрисе морды совы Томской писаницы (рис. 1). Геометризованные сердцевидные личины представлены в пантеоне ликов на самусьской керамике (см. по: [Есин, 2009, с. 402–403, табл. I, 142–150]) (рис. 4, 5). Поэтому имеются основания предполагать и элемент стилистической сопричастности сердцевидных личин на самусьской керамике и на двух нижнетомских писаницах. Тем более что срединный «вырез» — клюв томской совы столь же глубокий, как и «вырез» на некоторых самусьских сердцевидных личинах.

Эпохальным соответствием самусьским изображениям совиных морд представляется снабженный когтями филина костюм служителя культа кротовской культуры [Молодин, 1987, с. 140–144], синхронной самусьской. Это позволяет не ограничивать вероятные смысловые значения совы Томской писаницы индоарийскими/угорскими параллелями, предполагающими образы владыки умерших, его птицы и прародителя-первопредка. Судя по костюму кротовского кама, любого из этих деифицированных персонажей мог изображать камлающий шаман бронзового века, перевоплощение которого в сову также могло быть запечатлено на верхнем фризе Томской писаницы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А.* От Скифии до Индии. Древние арии: Мифы и история. 2-е изд., доп. и испр. М.: Мысль, 1983. 206 с.
- Бродянский Д.Л.* Сова в первобытном искусстве // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 3 (37). С. 87–95.
- Гемуев И.Н.* Мироззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск: Наука, 1990. 232 с.
- Гемуев И.Н.* Мир-сусне-хум // Мифология манси. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. С. 89–91.
- Гемуев И.Н., Люцидарская А.А.* Нуми-Торум // Мифология манси. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. С. 101–102.
- Гиндин Л.А.* Некоторые ареальные характеристики хеттского, I // Этимология. 1970. М.: Наука, 1972. С. 272–321.
- Дандекар Р.Н.* От вед к индуизму: Эволюционирующая мифология. М.: Вост. лит., 2002. 286 с.
- Дувакин Е.Н.* Шаманские легенды народов Сибири: Сюжетно-мотивный состав и ареальное распределение: Дис. ... канд. фил. наук. М., 2011. 482 с.
- Елизаренкова Т.Я.* Мир идей ариев Ригведы // Ригведа. Мандалы V–VIII. Изд. втор., испр. Приложение. М.: Наука, 1999. С. 452–486.
- Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н.* Мир вещей по данным Ригведы // Там же. 1999. С. 487–525.
- Есин Ю.Н.* Древнее искусство Сибири: Самусьская культура // Тр. Музея археологии и этнографии Сибири. Томск: ТГУ, 2009. Т. 2. 526 с.
- Источники по этнографии Западной Сибири.* Томск: Изд-во ТГУ, 1987. 284 с.
- Йеттмар К.* Религии Гиндукуша. М.: Наука, 1986. 524 с.
- Ковтун И.В.* Петроглифы Висящего Камня и хронология томских писаниц. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993. 140 с.
- Ковтун И.В.* Лицом к лицу: Неизвестные макроракурсы самусьского изобразительного искусства // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. М.: ИА РАН, 2008. Т. 3. С. 35–37.
- Ковтун И.В.* Предыстория индоарийской мифологии. Кемерово: Азия-Принт, 2013. 702 с.
- Кузьмина Е.Е.* Финно-угры и индо-иранцы: Динамика культурных связей // Балто-славянские исследования 1988–1996. М.: Индрик, 1997. С. 184–190.
- Кулемзин В.М.* Человек и природа в верованиях хантов. Томск: Изд-во ТГУ, 1984. 189 с.
- Люцидарская А.А.* Медвежьи песни как феномен культуры сибирских угров // Народы Сибири: История и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 78–83.
- Лукина Н.В.* Примечания. Мифы, предания, сказки манси // Мифы, предания, сказки хантов и манси. М.: Наука, 1990. С. 530–548.
- Мифы, предания, сказки хантов и манси.* М.: Наука, 1990. 568 с.
- Молодин В.И.* Социально значимые захоронения кротовской культуры // Религиозные представления в первобытном обществе. М., 1987. С. 140–144.
- Невелева С.Л.* Мифология древнеиндийского эпоса (пантеон). М.: Наука, 1975. 118 с.
- Окладников А.П., Мартынов А.И.* Сокровища томских писаниц: Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. М.: Искусство, 1972. 255 с.
- Петрухин В.Я.* Мифы финно-угров. М.: Астрель: Аст: Транзиткнига, 2005. 463 с.
- Ригведа.* Мандалы IX–X. М.: Наука, 1999. 559 с.
- Рябицев В.К.* Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири: Справочник-определитель. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2001. 608 с.

И.В. Ковтун

- Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология: Символ и архетип. Новосибирск: Наука, 1991. 155 с.
- Семенцов В.С. Проблемы интерпретации брахманической прозы. Ритуальный символизм. М.: Наука, 1981. 181 с.
- Соколова З.П. Мось // Мифология манси. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001а. С. 95–96.
- Соколова З.П. Пор // Там же. 2001б. С. 114–115.
- Топоров В.Н. Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии (1–2) // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье: (История и культура). М.: Наука, 1981. С. 146–162.
- Топоров В.Н. Митра // Мифы народов мира. М.: Рос. энцикл., 1994. Т. 2. С. 154–157.
- Хелимский Е.А. Пугос // Там же. 1994. С. 349.
- Чемякин Ю.П. Культовая металлопластика раннего железного века Сургутского Приобья // Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения. Томск: ТГУ, 2013. Вып. 3. С. 372–386.
- Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. М.: Наука, 1971. 120 с. (САИ В4 — 12 (2)).
- Элиаде М. Шаманизм: Архаические техники экстаза. Киев: София, 2000. 480 с.
- Эрман В.Г. Очерк истории ведийской литературы. М.: Наука, 1980. 231 с.
- Macdonell A.A. Vedic mythology. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1897. 189 p.

*Кемерово, Институт экологии человека СО РАН
ivkovtun@mail.ru*

The image of an owl or an eagle owl stays an extremely rare character in the cave art of North Eurasia. That is why an almost unique image of the owl from Tomskaya Pisanitsa has long been one of the semantic mysteries of the complex, becoming an emblem symbol of both the site itself, and of the open-air museum. The paper grounds versions on semantic meanings of the image and an assumed ethno-linguo-cultural identity of its makers.

Boreal owl, owl, Yama, loop, tethers, progenitor, shaman's assistant, the Samus' pottery.

ЖИЛИЩА И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СООРУЖЕНИЯ ГОРОДИЩА ЗАВЬЯЛОВО-5

Т.Н. Троицкая*, Т.В. Мжельская**, К.А. Борзых***

Городище Завьялово-5 находится в Верхнем Приобье и датируется VIII–VII вв. до н.э. Кратковременное, погибло в результате пожара, перед которым было покинуто населением. Раскопано 11 жилищ и ряд хозяйственных сооружений. Они имеют аналогии в поселении позднеирменской культуры Линево-1.

Верхнее Приобье, VIII–VII вв. до н.э., городище, жилище, хозяйственные сооружения, позднеирменская культура.

Целью данного исследования является публикация материала жилищ и хозяйственных сооружений городища Завьялово-5, относящегося к переходному времени от бронзового века к железному. Оно расположено у с. Завьялово на правом берегу Оби к югу от Новосибирска (рис. 1, 1). На площади памятника прослеживался ряд западин (следов жилищ) и два параллельных рва. Раскопки памятника проводились Новосибирской археологической экспедицией под руководством Т.Н. Троицкой в 1969, 1983, 1984 и 1991 гг. В 1983 и 1984 гг. работы на городище вел Е.А. Сидоров. Опубликованы некоторые сведения о жилищах [Мжельская, 1995; Троицкая, Мжельская, 1992, 1994].

В результате раскопок была вскрыта основная часть огражденного внутренним валом пространства городища (рис. 1, 2). Полностью или частично исследованы 11 жилищ и ряд хозяйственных сооружений. Раскопки выявили следующие особенности формирования отложений. Песок из разрушающегося склона мыса ветром заносился на памятник. Мощность этого слоя со временем росла: в 1969 г. он был почти не заметен, а позже доходил до 40 см. Под ним почти всюду идет слой погребенной почвы с остатками древесного тлена. В раскопах 1983–1984 и 1991 гг. этот слой под тяжестью насыпного песка стал более утрамбованным и тонким, чем в 1969 г., когда поверх него еще не лежал песок. Как сообщили местные жители, перед затоплением территории водохранилища на мысу вырубил лес. Стволы вывезли, а ветки деревьев и кустарник оставили на месте. Их остатки окрасили нижележащий слой супеси в бурый цвет.

Заполнение всех жилищ — серая супесь, местами темная, с вкраплениями сажки. На дне жилищ прослежены ямки различного размера, часть из которых могли быть столбовыми. Культурный слой интенсивно насыщен находками: их число достигает 14–15 ед. на 1 м² в жилище и около 7 — в межжилищном пространстве. В жилищах прослеживаются сажные пятна и остатки сгоревших деревянных плах и жердей. Судя по ним, поселение погибло от пожара. Жилища № 1–5 исследованы в 1983 г., № 6, 7 — в 1984 г., № 8, 9 — в 1991 г., № 10, 11 — в 1969 г.

Жилище № 1. Восточная часть котлована уходила за пределы раскопа (рис. 2). Вскрыто 34 м² площади жилища. Оно было вытянуто с ЮЗ на СВ, длина — 10 м, ширина — не менее 4 м. Средняя глубина котлована — 26 см от уровня материка. Пол ровный, слегка углублялся к центру жилища. Найдены шесть археологически целых сосудов недалеко от стенок жилища и один в центре. Очаг в раскопанной части жилища не прослежен.

Жилище № 2. Расположено на расстоянии 60–80 см к северо-востоку от жилища № 1 (рис. 2). Состоит из основной камеры и предвходовой части типа тамбура. Размер основной камеры 9×8 м, она вытянута с ЮЗ на СВ. Котлован углублен в материк на 40 см, пол ровный. Юго-западная стенка предвходового тамбура обрушилась.

Встречены обломки сгоревших жердей диаметром до 7 см. Одна жердь лежала перпендикулярно короткой стенке жилища, другая — параллельно ей. Среди ям, выявленных при зачистке пола, встречена очажная, диаметром 60 см и глубиной до 10 см от уровня дна. Она заполнена сажкой с мелкими камнями и имела следы обожжения. Две ямки, расположенные у входа, могли быть столбовыми. Найдено значительное число обломков керамики и около десяти археологически целых сосудов. Большая часть их находилась в перевернутом положении на уровне дна котлована у его стенок.

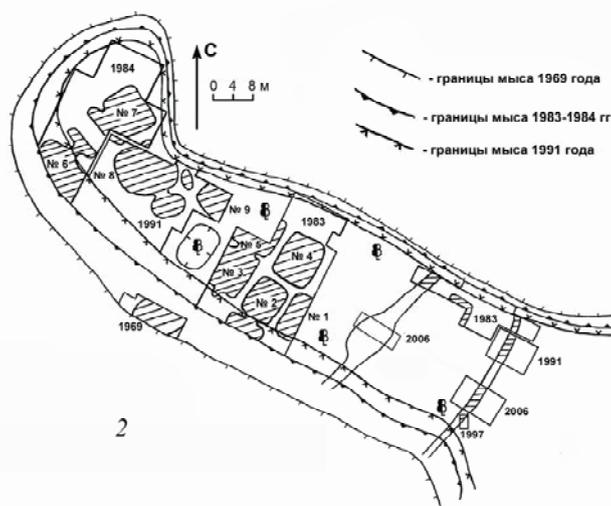
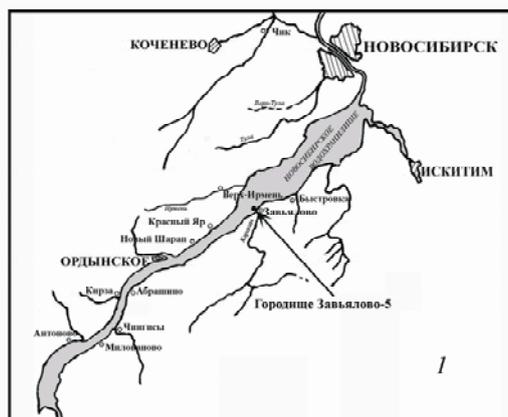

Рис. 1. Расположение (1) и план (2) городища Завьялово-5

Жилище № 3. Расположено на расстоянии 40–80 см к северо-западу от жилища № 2 (рис. 2). Исследовано почти полностью, северо-западная стенка выходила за пределы раскопа. Длина жилища, вытянутого с ЮЗ на СВ,— 9,40 м, ширина — не менее 7 м, глубина котлована — до 30–40 см. К юго-западной стенке примыкал выход шириной 1,4 м, тамбур не прослежен. Обнаружены остатки сгоревшей деревянной конструкции в виде сажных пятен и угля, длиной от 60 до 240 см. Они шли перпендикулярно и параллельно стенам жилища.

В центре жилища ближе к северо-западной стенке находился очаг. Он располагался в округлой яме (80×90 см) глубиной 60 см от уровня пола. Заполнение его — темно-серая супесь с углем и сажей. В верхней части встречены куски прокаленной до белого цвета глиняной обмазки с примесью раздробленных костей. Толщина обмазки — 5–7 см. Рядом с очагом имелся небольшой провал. Выявлен ряд ямок, три из них (одна — предвходовая) могли быть столбовыми. Из жилища происходит значительное число находок, отмечается их концентрация ближе к стенам в слое темной супеси. Найдены обломки керамики, шесть сосудов в обломках (два из них около стенок жилища, четыре в его середине), каменные грузила, оселки.

Жилище № 4. Раскопано полностью. Расположено на расстоянии 40–60 см к северо-востоку от жилища № 2, параллельно ему (рис. 2). Квадратное, площадью 10×10 м². Северо-восточная граница четко не прослежена, так как уровень материка к обрыву понижался, и отмечен лишь темный слой заполнения жилища; видимо, здесь находился и выход из жилища. У юго-западной стенки котлован углублялся в материк на 30–40 см. Обнаружены остатки сгоревшего перекрытия в виде угля и сажных пятен. Сохранилось сгоревшее бревно диаметром 20 см и длиной 4 м. Очажная яма не выявлена. Не исключено, что очаг был наземным и находился

Жилища и хозяйственные сооружения городища Завьялово-5

под сгоревшей конструкцией. Основная масса находок отмечена у стен котлована. Найдено восемь сосудов в обломках, преимущественно расположенных вверх дном.

Жилище № 5. Расположено на расстоянии 30–60 см к северо-западу от жилища № 4 (рис. 2). Северо-западная часть котлована уходила за пределы раскопа и осталась не исследованной. Юго-западная стенка вплотную примыкала к жилищу № 3, частично сливаясь с ним. Не исключено, что жилища № 3 и 5 представляли собой единое двухкамерное сооружение. Жилище № 5 квадратное (8,40×8 м), котлован углублен в материк на 16–50 см. В раскопанной части очаг не прослежен. Участок жилища площадью 24 м² (6×4 м) находился ниже остальной части пола примерно на 30 см. Видимо, здесь была сосредоточена основная хозяйственная деятельность. В жилище обнаружено шесть сосудов в обломках. Вход не выявлен.

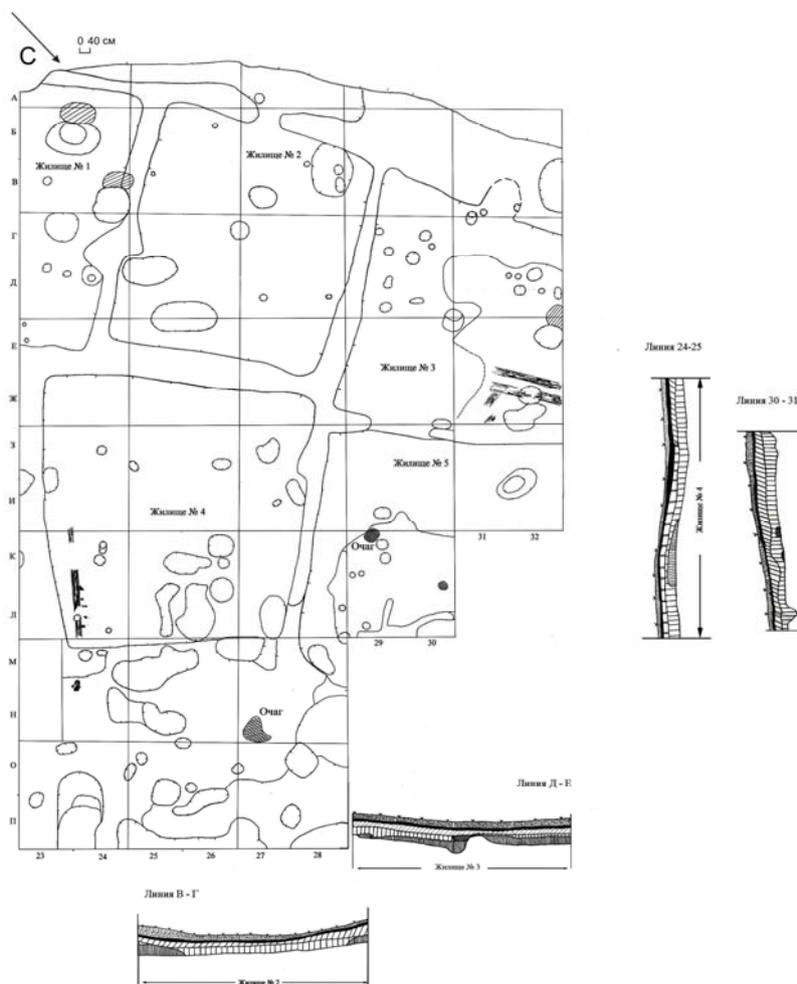

Рис. 2. Городище Завьялово-5. План и разрезы раскопа 1983 г.

Жилище № 6. Состоит из основного котлована и прилегающего к нему с северо-востока тамбура (рис. 3, 1). Юго-западная часть жилища обрушилась. Ширина котлована 10 м, длина его сохранившейся части — 3 м, углублен в материк на 20 см, вытянут с ЮЗ на СВ. На полу прослежены пятна обожжения мощностью до 10 см. В раскопанной части очаг не прослежен. Тамбур соединяется с основной частью жилища проходом шириной 60–80 см.

Жилище № 7. Расположено к северо-востоку от жилища 6 (рис. 3, 1). Предвходовой тамбур плохо прослеживался. Размер основного котлована 12×10 м², глубина от уровня материка 20–30 см. Пол ровный, слегка понижался к центру. У перехода в тамбур имелось невысокое материковое возвышение шириной от 60 до 100 см и протяженностью 4 м. Скорее всего, это была перегородка, отделяющая тамбур. Близ нее расположен очаг. Это яма диаметром около 1,6 м и

глубиной 35 см. На ее краю лежала куча чистой глины, она частично затекла в западную половину ямы. Вторая половина ямы заполнена сажистой супесью и золой, а на дне прослежен провал толщиной 30 см. Глина из этого очага не может быть выбросом материка, так как последний представлен песком. Следы пожара выражены слабее, чем в остальных жилищах: это сажистые вкрапления в заполнении камеры. В жилище обнаружена масса обломков керамики, семь разбитых сосудов, каменные грузила, оселки, пест. Наибольшая концентрация находок прослеживалась на площади 4×3 м² в центральной части жилища.

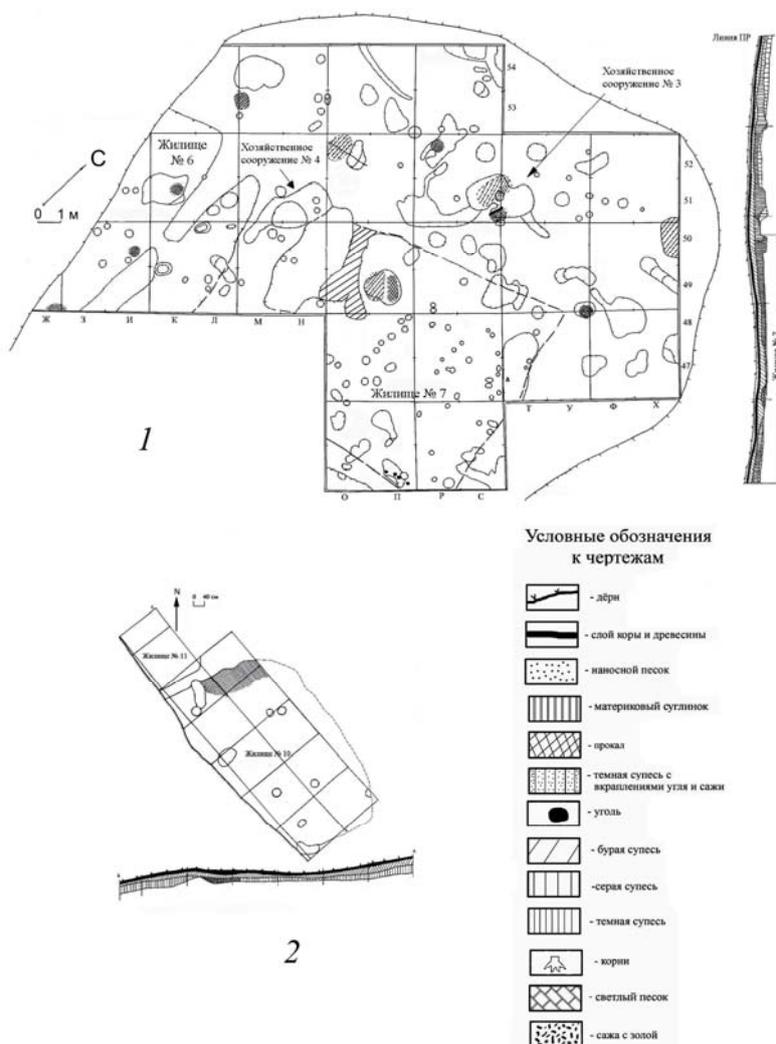

Рис. 3. Городище Завьялово-5. Планы и разрезы раскопов 1984 г. (1) и 1969 г. (2)

Жилище № 8. Двухкамерное, общей площадью не менее 110 м² (рис. 4, 1). Расположено на расстоянии около 1 м к юго-востоку от жилища № 7. Северный угол остался не раскопанным, он уходил за пределы раскопа и сполз в обрыв мыса.

Камера 1, северо-западная, имела форму прямоугольника (11,20×7,20 м). Вытянута с ЮЗ на СВ. Глубина жилища в соответствии с падением уровня материка колебалась от 10 до 50 см. В помещении помещения часто встречались угли, в одном случае это скопление обломков досок или жердей толщиной до 3,5 см и шириной до 5 см. Пол ровный, слегка понижался к центру. К западу от очага пол понижался на 20–24 см дугообразной ступенькой, постепенно сходящей на нет. Видимо, здесь находился центр хозяйственной жизни обитателей жилища. Выход или тамбур не прослежен; скорее всего, он примыкал к северо-восточной стенке, обрушившейся в настоящее

Жилища и хозяйственные сооружения городища Завьялово-5

время в воду. В полу выявлены ямки различных размеров, три из них могли быть столбовыми, они окаймляли внутреннюю хозяйственную часть жилища. Очаг расположен в центре жилища в овальной яме (2,60×1,64 м) глубиной от 30 до 50 см от уровня пола, в ней прослежены слои саж, угля и золы. Рядом с ямой вдоль ее южного края располагалось скопление глины в виде полосы длиной 2,5 м и шириной от 30 до 100 см. Этот слой сползает и в очажную яму. Около северо-восточной стенки жилища чуть выше уровня пола найдены четыре разбитых сосуда.

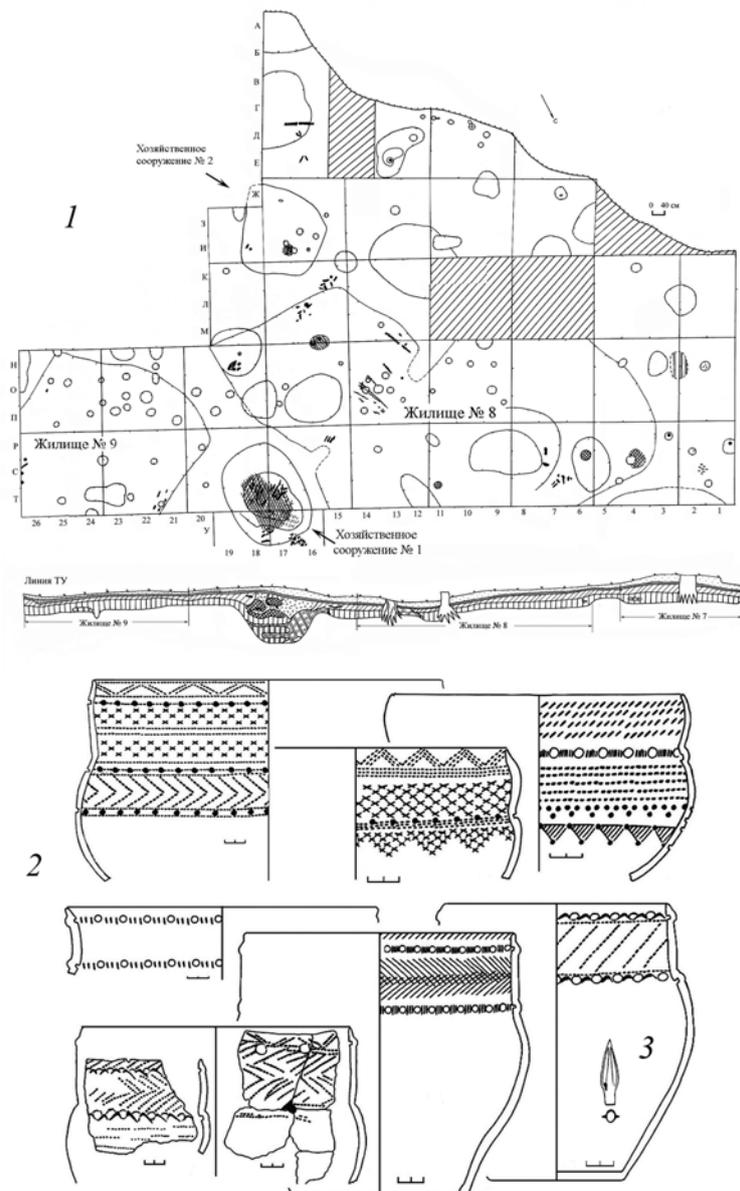

Рис. 4. Городище Завьялово-5. План и разрез раскопа 1991 г. (1), керамика (2) и бронзовый наконечник стрелы (3)

Камера 2 примыкала к юго-восточной стороне камеры 1. Заполнение обеих камер одинаковое, пол их расположен на одинаковом уровне. Камера имеет неправильную подпрямоугольную форму (6,00×4,80 м), вытянута с ЮЗ на СВ. Сильно пострадала от пожара, следы которого особенно отчетливо фиксировались по всей границе с камерой 1. Здесь было выявлено скопление сгоревших жердей и нескольких досок. Они располагались тремя слоями перпендикулярно границе между камерами. Длина их остатков колебалась от 6–10 до 55 см, диаметр — от 6 до 13 см.

Длина одной жерди достигала 1,60 м. Длина сохранившихся досок — около 1 м, ширина — 7–11 см, толщина — от 2 см и более. Можно предполагать, что камеры жилища разделялись деревянной перегородкой, которая рухнула во время пожара, и на нее упали сгоревшие части перекрытия. На уровне пола были обнаружены сгоревшие плахи, среди которых найдено одно вертикально стоявшее бревно диаметром около 14 см. На полу камеры встречены участки обожжения, сажа и зола. Расположенное в центре обожжение могло быть очагом, но оно настолько испорчено корнями дерева, что об этом можно говорить лишь предположительно.

Вдоль юго-западной стенки расположены три крупные ямы. Вероятно, они существовали до сооружения камеры 2. В двух ямах над заполнением на уровне пола обнаружены три сосуда в обломках. Поскольку сосуды и в этом и в других жилищах обычно располагались на уровне пола или чуть выше, можно полагать, что пол жилища находился над заполнением этих ям. Третья яма частично выходила за пределы жилища, над ее заполнением на уровне пола камеры расчищены обломки обуглившихся жердей. Всего в малой камере найдено шесть раздавленных сосудов, что явно свидетельствует о хозяйственном назначении этой пристройки, отделенной от основной камеры, вероятно, деревянной перегородкой. Можно полагать, что малая камера позже была пристроена к большой и отделена от нее перегородкой. Выход из камеры 2 отсутствовал, видимо, общим был выход из большой камеры.

Жилище № 9. Расположено на расстоянии 1,60 м к северо-востоку от жилища № 8 (рис. 4, 1). Сохранилась лишь юго-западная часть жилища, остальная его часть обрушилась. Ширина жилища — 7,20 м, длина — не менее 6,40 м, вытянуто с ЮЗ на СВ. Пол ровный, местами понижался ступенькой высотой около 20 см. Очага в раскопанной части не было. Обломки сгоревших жердей длиной до 70 см встречены лишь на одном участке. Чуть выше уровня пола обнаружены четыре раздавленных сосуда (из них два около стенки жилища), костяная мотыжка и каменные грузила.

Жилище № 10. Юго-западная часть жилища обрушилась, северо-восточная уходила за пределы раскопа (рис. 3, 2). Исследован участок площадью 9×4 м. Дно ровное, углублено в материк на 30–40 см. Очага не выявлено. Вдоль северо-западной стенки жилища тянулось сажное пятно. Найдены два сосуда и бронзовый наконечник стрелы, поверх одного из сосудов лежало каменное грузило.

Жилище № 11. Расположено рядом с жилищем № 10, к западу от него (рис. 3, 2). Вскрыто 7 м² площади. Основная часть жилища обрушилась.

Хозяйственное сооружение 1. Расположено между жилищами 8 и 9. На поверхности прослеживалось в виде холмика диаметром около 4 м и высотой до 30 см. На уровне материка представляло собой подпрямоугольный котлован размером 3,68×2,76 м и глубиной до 1,40 м от уровня материка или около 1,70 м от дневной поверхности. Это самое глубокое сооружение в раскопанной части городища. Оно доходило до нижнего слоя материка — яркого суглинка с примесью песка, лежащего под слоем чистого песка, в который впущены все остальные жилища и ямы. Склоны хозяйственного сооружения слегка пологие, на небольшом участке прослежены три ступеньки. Дно сооружения представляло собой площадку диаметром около 1,60 м. Заполнение котлована — чередующиеся слои сажи, материкового суглинка и светлого песка, серой супеси и ярко-красного обожжения с включениями угля. Встречаются небольшие обломки плах и жердей. Найдены мелкие обломки сосудов. Сооружение, скорее всего, было погребом, перекрытым деревом и присыпанным выкидом из материка. Перекрытие погреба обрушилось от пожара в то время, когда он был пустым.

Хозяйственное сооружение 2. Расположено рядом с малой камерой жилища № 8. На уровне материка имеет трапециевидную форму (3,00×2,80 м), глубина — 80 см. Обнаружены остатки сгоревшего перекрытия. Найдены два сосуда в обломках. Можно предполагать, что это было хозяйственное сооружение типа «амбарчиков» у северных народов Сибири, погибшее от пожара.

Хозяйственное сооружение 3. Расположено в 2–3 м к северу от жилища № 7. Представляло собой яму неправильной формы (3×2 м) глубиной 50 см от уровня материка. Западная часть ямы заполнена желтой глиной, которая частично выходила за пределы сооружения, остальная часть — супесью со следами сажи. У южной стенки находилось овальное пятно прокала, рядом с которым лежал остаток обгоревшего бревна. Сооружение можно считать наружным очагом.

Хозяйственное сооружение 4. Расположено на расстоянии 2,40 м от северо-западного угла жилища № 7. Представляло собой удлиненную яму (1,30×1,80 м). На краю ее находилась кучка глины (1,10×0,80 м) мощностью до 30 см. Центральная часть ямы заполнена золой, переходящей к стенкам ямы в сажистое заполнение. Скорее всего, это остатки наружного очага.

Общая характеристика жилищ

Поскольку значительная часть памятника обрушилась в воду, трудно судить о количестве жилищ на его территории. Мы можем говорить об 11 полностью или частично раскопанных жилищах и одной не вскрытой западине. Восточная группа состоит из примыкающих друг к другу пяти жилищ. Жилища западной группы (№ 6–9) расположены на чуть большем расстоянии друг от друга. Участки на северо-восточной оконечности мыса и к юго-западу от жилища № 8 не были застроены, здесь сосредоточены различные ямы. Отсутствие случаев перестройки жилищ и перерезания одних котлованов другими заставляют предположить их одновременное строительство и не очень длительное бытование. Видимо, они прекратили функционировать в результате пожара, следы которого четко прослеживались в каждой камере.

Семь раскопанных жилищ были однокамерные, одно — двухкамерное, причем второе, малое помещение было пристроено чуть позже, так как перекрыло две существовавшие вне помещения хозяйственные ямы. Не исключено, что жилища № 3 и 5 могли представлять собой единое двухкамерное сооружение. Все постройки вытянуты с ЮЗ на СВ. Именно так ориентирована и каждая камера двухкамерного жилища № 8. В трех случаях жилища определенно имели с юго-западной или северо-восточной стороны предвходовую короткую камеру типа тамбура, ширина ее была примерно равна ширине жилища. В двух случаях (жилища № 3 и 4) помещения имели простой вход.

Площадь раскопанных жилищ колебалась от 70 до 120 м². Они углублялись в землю (с учетом уровня древней почвы) на 40–70 см. Пол был ровный, иногда понижался невысокой ступенькой. Вероятно, хозяйственная жизнь была сосредоточена в центральной части камеры, в отдельных случаях несколько более углубленной (жилища № 3, 5, 8). Значительное количество археологически целых сосудов у стенок жилищ позволяет предполагать, что они хранились именно в этих местах, возможно на полках, разрушившихся при гибели жилища. В жилищах встречены обломки деревянных деталей обугленных перекрытий. Особенно интенсивными были скопления в жилище № 4 и в камере 2 жилища № 8. В последнем случае возможно наличие деревянной перегородки между камерами.

На полу жилищ встречено множество ямок различных форм и размеров. Опорные столбы стояли у входа (жилища № 2, 3), окаймляли центральную, хозяйственную часть в жилищах № 7 и 8 (камера 1). Можно предполагать, что жилища имели перекрытие, поддерживаемое опорами, расположенными вокруг хозяйственной части. Отсутствие столбовых ямок по краям камер предположительно свидетельствует, что стены помещения были срубными.

Каждое жилище отапливалось одним очагом. Раскопками прослежено восемь очагов, четыре из них расположены в центре камеры, два — у ее длинной стенки, и два находились за пределами жилища. Один очаг был наземным, остальные располагались в ямах различных размеров. Углубленный очаг из малой камеры жилища № 8 разрушен корнями дерева. Мы можем судить о конструкции лишь шести очагов. Очаги из жилищ № 2 и 3 были небольшими: диаметром 60 и 80 см. В первом из них обнаружены мелкие камни, в верхней части второго — куски прокаленной до белого цвета глиняной обмазки с примесью раздробленных костей (скорее всего, остатки рухнувшего свода). В следующую группу входят очаги из жилища № 7, из большой камеры жилища № 8 и находившиеся вне жилищ хозяйственные сооружения 3 и 4. Все они имеют одну особенность. На краю каждого из них за пределами ямы располагалось скопление чистой глины, которая частично затекла в заброшенный очаг и заняла около половины его объема. Видимо, глина специально помещалась около очага, за его пределами. Можно полагать, что из нее лепили сосуды, которые обжигали в очаге.

Для завьяловских керамических комплексов характерно преобладание позднеирменских традиций и наличие сосудов, орнаментированных крестовым штампом, связанных с северными лесными традициями [Троицкая, Мжельская, 2008]. Памятник датируется по бронзовому наконечнику стрелы VIII–VII вв. до н.э. (рис. 4, 3).

Культура населения, оставившего завьяловские комплексы, восходит, как это неоднократно указывалось, к культурам северного лесного (таежного) и позднеирменского населения [Троицкая, 1985; Троицкая и др., 1989; Троицкая, Мжельская, 2008]. Сравним особенности жилищ этих регионов. В Нижнем Приобье известна атлымская культура, крестовая орнаментация керамики которой во многом перекликается с орнаментацией завьяловских сосудов. Но атлымские жилища значительно отличаются от завьяловских [Чемякин, 2008, с. 54]. Среди них преобладают прямоугольные наземные сооружения, окруженные ямами, из которых брали грунт на подсыпку жилищ.

Отличаются от рассмотренных нами завьяловских строений и жилища предшествующей ирменской культуры, имеющие большие размеры и предназначенные чаще всего для содержания не только людей, но и скота [Матвеев, 1993, с. 80]. Значительно меньший размер имеют жилища последующей большереченской культуры, например поселения Ордынское-9, они также являются полуземлянками и не предназначены для содержания в них скота [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 7].

Таким образом, если в керамическом комплексе городища Завьялово-5, относящегося к переходному периоду от бронзового века к железному, в значительной степени сохраняются традиции ирменской культуры, то по характеристикам домостроительства оно ближе к культурам раннего железного века.

Определенными аналогами завьяловских строений являются синхронные с ними жилища поселения Линево-1 [Овчаренко и др., 2005]. Они не предназначены для содержания скота, слегка углублены в землю, имеют сходные размеры и также достаточно близко расположены друг к другу. В некоторых из них отмечена предвходовая камера типа тамбура. Скорее всего, их стены были срубно-каркасными, а над центральной частью имелось плоское перекрытие. В определенной степени близки завьяловским по размерам и жилища городища Чича-1, но стены их были не срубными, а сооруженными из плетня [Овчаренко др., 2009].

Установлено, что городище Завьялово-5 погибло от пожара. Его следы прослеживались во всех жилищах и в хозяйственных сооружениях. Это скопления саж, угля, сгоревшие плахи различных размеров, следы обожжения на полу. Видно, что огонь бушевал основательно. Но интересно то обстоятельство, что им были охвачены оставленные, почти пустые жилища. Материал, обнаруженный при их раскопках, представлен в основном керамикой и каменными рыболовецким грузилами, «индивидуальные» находки практически отсутствуют. В жилищах найдены лишь следующие предметы: бронзовый наконечник стрелы, бронзовый и роговой ножи, каменный пест и другие каменные изделия, три обожженные глиняные поломанные фигурки [Троицкая, 1985, рис. 4, 9, 12, 13] и четыре роговые мотыжки — одна целая и три поврежденные [Мжельская, 1994]. Если пожар был вызван стихийным бедствием, то вряд ли жилища были бы оставлены пустыми. В данном случае создается впечатление, что перед пожаром из домов вынесли все основные вещи. Подобная ситуация может быть связана с обычаем преднамеренного ритуального сожжения оставленных жилищ, существовавшим в древности и средневековье, как полагают О.И. Новикова и М.С. Нестерова, ссылаясь на материалы раскопок В.Т. Ковалевой и Д.Г. Савинова [Новикова, Нестерова, 2010].

Выводы

Завьяловское городище относится к переходному периоду от бронзового века к железному и датируется по бронзовому наконечнику стрелы скифского типа VIII–VII вв. до н.э. Поселение существовало непродолжительное время: следы перестроек отсутствуют. Оно погибло в результате пожара, после которого жизнь здесь не возобновлялась. Можно предполагать, что жилища были срубными, с перекрытием, поддерживаемым опорами, находящимися вокруг хозяйственной части жилища. Они не были предназначены для содержания скота. Кроме жилищ на площади городища имелись хозяйственные сооружения: глубокий погреб, амбарчик и наружные очаги. Жилища аналогичны постройкам синхронного поселения Линево-1.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Матвеев А.В.* Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. 167 с.
- Мжельская Т.В.* Роговые орудия из городища Завьялово-5 // Экспериментальная археология. Тольск: Изд-во ТобГПИ, 1994. Вып. 3. С. 57–62.
- Мжельская Т.В.* Традиции домостроительства на Завьяловском городище // Страницы истории Новосибирской области. М.: Изд-во РАН, 1995. С. 110–111.
- Новикова О.И., Нестерова М.С.* Археологические свидетельства ритуалов оставления жилища // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 218–220.
- Овчаренко А.С., Гришин А.Е., Ермакова Н.В.* Реконструкция сооружений переходного времени с применением методов архитектурного моделирования // Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск; Берлин: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. 3. С. 20–30.

Жилища и хозяйственные сооружения городища Завьялово-5

Овчаренко А.П., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А. Планиграфия жилищ и организация жилого пространства на поселении переходного времени от бронзового к железному веку Линево-1 // Актуальные проблемы археологии, истории, культуры. Новосибирск: НГПУ, 2005. С. 141–154.

Троицкая Т.Н. Завьяловская культура и ее место среди лесостепных культур Западной Сибири // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1985. С. 54–68.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 189 с.

Троицкая Т.Н., Зах В.А., Сидоров Е.А. Новое о завьяловской культуре // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1989. С. 103–116.

Троицкая Т.Н., Мжельская Т.В. Жилища завьяловской культуры в лесостепном Приобье // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб., 1992. С. 163–165.

Троицкая Т.Н., Мжельская Т.В. Проблемы демографии населения завьяловской культуры // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул: АлтГУ, 1994. С. 80–81.

Троицкая Т.Н., Мжельская Т.В. Керамика завьяловского типа в Новосибирском Приобье // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и на сопредельных территориях в конце эпохи бронзы. Барнаул, АлтГУ, 2008. С. 115–121.

Чемякин Ю.П. Барсова гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омск. дом печати, 2008. 224 с.

Новосибирский государственный педагогический университет

**Znik@rambler.ru*

***Mzel08@mail.ru*

****ksenija.borzyh@rambler.ru*

The hillfort of Zavyalovo-5 is located in the Upper Priob'ye and dated by VIII–VII cc. B.C. A short-term one, perished resulting from a fire before which it had been left by the population. Subject to excavations being 11 dwellings and several household buildings having similarities in the settlement of Linyovo-1 of the late Irmen' culture.

The Upper Priob'ye, VIII–VII cc. B.C., hillfort, dwelling, household buildings, the late Irmen' culture.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАСОЛОГИИ: ВОЗМОЖНОСТИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА ПРИ АНАЛИЗЕ КАМЕННЫХ ИНДУСТРИЙ СЕВЕРА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

А.Ю. Федорченко

Статья посвящена анализу места этнографических материалов в экспериментально-трассологическом изучении каменных индустрий. Прослежена история, выявлены основные принципы и рассмотрены конкретные сценарии применения подобного междисциплинарного подхода в исследованиях первобытных технологий (на примере археологии Севера Дальнего Востока).

Этноархеология, экспериментально-трассологический анализ, технологический анализ, Север Дальнего Востока, рукояти, шлифованные резцы берингийского типа, вкладышевые орудия.

Последние десятилетия в развитии российской археологии каменного века характеризуются активизацией интереса к производственной деятельности первобытного человека. Важнейшую роль при изучении продуктов данной деятельности (каменных, костяных, деревянных и иных артефактов) все чаще играют экспериментально-трассологический и технологический методы. В основе трассологического метода, разработанного и введенного в научный оборот С.А. Семеновым, лежит комплексный анализ следов износа, возникавших на древних артефактах в процессе их употребления по различному назначению [Семенов, 1957; 1968]. Процесс формирования следов износа напрямую связан с действием физических и химических процессов, которые поддаются естественно-научному изучению [Поплевко, 1999]. Результаты микроскопического анализа археологических следов дополнялись у Семенова данными экспериментально-моделирования, этнографических и письменных источников. Технологический метод исследования применяется с целью разносторонней реконструкции древних технологий обработки сырья, установления конкретных способов изготовления древних изделий. Указанные методы позволяют не просто констатировать наличие сходных или различных форм, предполагая за ними какой-то результат неизвестных нам действий человека, а на смысловом уровне воссоздать реальное поведение в древности, приводившее к образованию данных форм [Гиря, 1997].

В качестве ценного источника для реконструкций технологий каменного века археологами традиционно рассматриваются данные о материальной культуре аборигенов Азии, Америки, Африки и Океании. По сравнению с изначально «немыми» и статичными археологическими материалами их этнографические аналоги обычно обладают сопроводительными сведениями о месте данных изделий в производственно-хозяйственной и культурной жизни современных аборигенов. Наряду с экспериментальными данными «живые» этнографические свидетельства оказывали археологам существенную помощь на ранних этапах становления методики технологического анализа, формируя представления об общей механике расщепления каменного сырья и значении различных трудовых операций на тех или иных стадиях его обработки.

Наша цель состоит в разработке конкретных сценариев использования этнографических данных при проведении комплексных исследований древних каменных артефактов из археологических комплексов Севера Дальнего Востока (территорий Камчатского края, Магаданской области, а также Чукотского автономного округа). В качестве источников для анализа мы использовали этнографические и археологические коллекции, представленные в экспозициях и фондах различных музеев Северо-Востока России: Музея естественной истории СВКНИИ ДВО РАН (Магадан, Магаданская обл.), Музея Берингийского наследия (п. Провидения, ЧАО), Чукотского окружного краеведческого музея (Анадырь, ЧАО), Краеведческого музея п. Эгвекинот (ЧАО), Камчатского краевого объединенного музея (Петропавловск-Камчатский, Камчатский край), Быстринского районного этнографического музея (с. Анавгай, Камчатский край), а также ряда музейных учреждений Санкт-Петербурга: Музея антропологии и этнографии РАН (экспозиция «Коренное население Северной Америки») и Российского этнографического музея (экспозиция «Народы Сибири и Дальнего Востока»). Важные сведения о традиционном быте и культуре эт-

носов Северо-Востока взяты из фундаментальных работ С.П. Крашенинникова, Г.В. Стеллера, Я.И. Линденау, В.И. Иохельсона, В.Г. Богораза, Е.П. Орловой.

Существенный пласт в этнографии Северо-Востока Азии точных и непротиворечивых сведений об облике каменных орудий и процессе их использования в работе является важным источником компенсации информационной неполноты археологических материалов региона. Материальная культура коренных народов Севера Дальнего Востока (чукчей, коряков, эскимосов, ительменов, юкагиров) имеет своеобразный облик. Испытывая до прихода русского населения острую нехватку в металлическом сырье, данные этносы были вынуждены осваивать те местные сырьевые ресурсы, которыми они располагали в весьма ограниченных природно-климатических условиях Севера, использовать и постоянно совершенствовать те техники и приемы, которые были наиболее практичны по отношению к их хозяйственно-бытовым реалиям. Различные породы камня и глина, кости морских и сухопутных животных, моржовый клык и олений рог, жилы и шкуры, китовый ус и кишки, дерево и береста, трава и кора — все это шло на изготовление бытового и промыслового инвентаря, жилищ и средств передвижения, одежды, предметов культа и искусства. Некоторые из специфических технологий автохтонов Северо-Востока, имея глубокие тысячелетние корни, живы до сих пор и активно используются представителями обсуждаемых этносов не только в силу традиции, но и ввиду исключительной практичности, сравнительной легкости в изготовлении и порой незаменимости некоторых из этих предметов и изобретений.

По нашему мнению, привлечение этнографических сведений по народам Севера Дальнего Востока при анализе региональных материалов от неолита до железного века значительно расширяет интерпретационные возможности археологов за счет того, что «разрыв» в традициях использования некоторых категорий орудий в данном случае минимален или отсутствовал вовсе. Не секрет, что движение рук людей и кинематика инструментов при выполнении одинаковых производственных операций нередко различны у представителей разных этносов [Волков, 2000, с. 31]. В этом отношении этнографические сведения об особенностях охоты, рыбной ловли, обработки кости, дерева, шкур, мяса у ительменов, коряков, чукчей, юкагиров могут быть исключительно полезны для выявления стереотипов использования значительно более ранних аналогов таких типов орудий, как тесла, топоры, разделочные ножи, скребки, копья, гарпуны, остроги.

Достоверная этнографическая информация об особенностях использования различных типов орудий имеет большое значение при анализе динамики образования следов износа и характера их локализации на поверхности археологических аналогов. Совпадение данных о следах сработанности при параллельном трасологическом анализе этнографического орудия, его более раннего археологического аналога и экспериментально воссозданной модели будет являться веским доказательством идентичности кинематики и способов использования изделий [Алексашенко, 2002, с. 184]. Сочетание неплохой сохранности следов износа и наличия свидетельств об употреблении придает орудиям из этнографических коллекций статус уже не просто аналогий, но своеобразных эталонов. Трасологическая информация играет в данной связи роль дополнительного информационного контекста, способного значительно уточнить и верифицировать данные археологии и этнографии, сделав сопоставления намного более объективными.

Потенциал этнографических источников активно используется в археологии при моделировании первоначального облика многих орудий, в особенности сложносоставных. Не секрет, что довольно часто ископаемые материальные древности предстают перед археологами в поврежденном, фрагментированном состоянии. С одной стороны, в силу различных условий окружающей среды (высокой кислотности почв или их эрозии, воздействия грунтовых вод, пожаров), большинство изделий из органического сырья не всегда благополучно сохраняется в контексте археологических памятников. С другой стороны, наличие дополнительных структурных элементов являлось неременным условием использования многих дошедших до нас видов каменных изделий (например, наконечников стрел, копий, дротиков). Подобные приспособления обеспечивали человеку ряд существенных преимуществ: прочно фиксировали каменное орудие при работе, позволяли изменять физические возможности человека — увеличивать механическую силу и эффективность создаваемого давления/удара, сокращать расстояние между человеком и объектом взаимодействия [Семенов, 1950]. Кроме того, рукоять предохраняла руку человека от травм и переутомления, а также придавала орудию необходимую степень удобства при работе. Тип сырья, форма и размеры рукоятей, способы крепления в них каменных орудий зависели от функционального назначения инструментов и субъективных предпочтений древних людей.

В позднем палеолите и мезолите Северо-Востока Азии находки закрепляющих приспособлений из кости, рога, бивня или дерева относительно немногочисленны. Исключением являются материалы крайней северной в мире стоянки каменного века — Жохово (Новосибирские о-ва) [Гиря, Питулько, 2003]. Значительно шире рукояти, древки, обоймы разнообразных форм представлены среди палео- (Уненен и Чертов Овраг) и древнеэскимосских памятников Чукотки (поселение Баранов Мыс, Чинийский моги́льник, Уэлен и др.), неолитических (и более поздних) стоянок Камчатки и Северного Приохотья. По всей видимости, крайняя малочисленность подобных изделий в археологических комплексах палеолита-мезолита может объясняться не только плохой сохранностью органики в культурном слое, но и высокой ценностью различных рукоятей относительно каменных вкладышей, которые изнашивались и соответственно выбрасывались значительно интенсивнее. Очевидность широкой распространенности различных типов креплений (рукоятью, древком, муфтой и т.д.) подчеркивается относительной миниатюрностью большинства орудий из камня данных эпох, происходящих с территории Севера Дальнего Востока.

По нашему мнению, именно приспособления для крепления являются самым консервативным элементом любого орудия. Данный тезис довольно ярко иллюстрируется при сопоставлении этнографических и археологических материалов Чукотки. Этнографические исследования XVII–XX вв. позволили зафиксировать у коренных жителей Крайнего Северо-Востока Азии практику использования деревянных и костяных рукоятей скребков-стругов, мужских и женских ножей, топоров, тесел, молотов и т.п., имеющих поразительное сходство с подобными изделиями из археологических комплексов приморских культур Чукотки (возрастом до 3,5 тыс. лет назад). Выбирая наиболее рациональный способ использования доступных природных ресурсов, древнее население приморских районов региона постепенно выработало оптимальную для той или иной функциональной задачи конструкцию орудий. С появлением металла практика обработки камня постепенно исчезала, каменные орудия заменялись металлическими, однако форма подобных орудий, способы крепления и типы рукоятей чаще всего оставались прежними. Возникал своеобразный эффект подражания, который в ряде случаев усиливался за счет сходства формы старых (каменных) и новых (металлических) инструментов. Древнеэскимосские резцы с каменным шлифованным лезвием, каменные и костяные наконечники лучковых сверл, ретушированные наконечники копий, шлифованные сланцевые вкладыши поворотных гарпунов и лезвия женских ножей постепенно уступали место функционально аналогичным и морфологически схожим орудиям из металла.

В условиях слабой доступности бронзы и железа процесс постепенного вытеснения из производственной жизни населения Севера Дальнего Востока каменного и костяного сырья металлом занял несколько тысячелетий. По свидетельству Крашенинникова, даже в середине XVIII в., спустя столетие после начала российского освоения, ведущим способом обработки металла у аборигенов некоторых областей по-прежнему оставалась холоднаяковка [1994, с. 33]. Те категории каменных или костяных орудий, которые с легкостью поддавались ремонту или быстрой замене на новые и при этом сохраняли достаточную эффективность в сравнении с металлическими аналогами, часто сохраняли свою традиционную форму, конструкцию и материал (женские разделочные ножи, каменные скребки и молоты у чукчей и эскимосов). Об устойчивости представлений относительно эргономичности и производственной эффективности конструкций некоторых категорий орудий свидетельствует практика переделки обычных металлических топоров в тесла, отмеченная Е.П. Орловой у ительменов [1999, с. 23]. Данные о практике изготовления и использования каменных орудий зафиксированы в XX столетии у коряков [Городцов, 1935; Пономаренко, 2000, с. 125].

Этнографические и археологические примеры крепления орудий в рукоятях имеют исключительную важность при экспериментально-трассологическом анализе каменных орудий, особенно на этапе экспериментального моделирования. Подобные данные сегодня активно используются нами при экспериментальном исследовании производительности различных типов каменных орудий палеолита — неолита в ходе выполнения разнообразных трудовых операций по обработке шкур, мяса, рыбы, кости, дерева, камня и т.д. [Федорченко, 2013]. Изучение этнографических сведений позволяет подобрать тип рукояти и крепления, оптимальные для орудий с той или иной функцией и кинематикой (резцовой, скребковой, строгательной и т.д.).

Реконструкция характера креплений и облика древних рукоятей, оправ и древков лишь на основании данных этнографии с научной точки зрения была бы не полной и не вполне корректной. Анализ обушковых поверхностей каменных орудий с точки зрения характера следов и их локализации может дать исследователю информацию об особенностях крепления каменного вкладыша (жесткого или свободного, допускающего наличие люфта), а также вида используе-

мого для рукояти материала (кость, рог, дерево, кожа, береста, смола). Наряду с немногочисленными уникальными археологическими находками [Лозовская, 2011, с. 15], данные трасологии дают нам ценные сведения об использовании первых закрепляющих приспособлений, датируемых сегодня не менее 500 тыс. лет назад [Wilkins et al., 2012]. Игнорирование информации об особенностях следов, возникавших в ходе взаимодействия рукояти и поверхностей каменного изделия, может привести к неверной функциональной интерпретации анализируемого орудия.

Этнографические данные довольно часто с успехом используются при реконструкции первоначального облика и функционального назначения иных, неорудийных категорий археологических источников. Ярким примером такого рода объектов выступают морфологически разнообразные украшения в виде подвесок, бусин и бляшек из различных пород мягкого камня, кости или раковин — предметные свидетельства символического поведения древнего человека. На наш взгляд, наиболее объективные и проверяемые результаты при изучении древних каменных украшений могут быть получены путем комплексного исследования контекста обнаружения и морфологии данных артефактов, выявления и анализа следов износа и обработки.

Среди археологических памятников каменного века Северо-Востока Азии артефакты подобного рода наиболее широко и полно представлены в материалах VII и VI культурных слоев Ушковских стоянок (Центральная Камчатка), датируемых финальной стадией верхнего палеолита. Многолетние исследования позволили зафиксировать здесь относительно полный технологический контекст производства каменных украшений и сохранившиеся примеры их использования [Федорченко, Понкротова, 2010]. В результате трасологического анализа серии каменных шлифованных бусин (146 экз.) и подвесок (12 экз.) из комплекса VII слоя стоянок Ушки I и V нами было выявлено несколько функциональных типов древних украшений, объединенных на основании сходства морфологии и следов износа: бусины для одиночного подвешивания на нитке или ремешке; подвески-бляшки для пришивания к одежде плашмя; бусины-пронизки и подвески, выступавшие как составные части ожерелий. Несмотря на исключительную важность и непротиворечивость данных об археологическом контексте и трасологической информации, реконструкция способов употребления анализируемых изделий была бы не полной без привлечения этнографических сведений. Анализ информации о практике употребления разнообразных украшений народами Северо-Востока Азии и Америки предоставляет в распоряжение исследователей конкретные примеры использования бусин и подвесок для украшения повседневной и ритуальной одежды, предметов быта и посуды [Понкротова, 2007; Понкротова, Федорченко, 2008].

Другим возможным направлением подобных реконструкций являются работы по экспериментальному воссозданию поселенческих объектов, направленные на изучение жилищных систем, производственных площадок, очажных конструкций и их следов [Волков, 2000]. Этнографические сведения о жилищах коренных народов Севера и Америки довольно часто привлекались при обсуждении региональных археологических материалов [Васильевский, 1971; Диков, 1979; Лебединцев, 1980; Орехов, 1987], однако экспериментальные исследования по данному вопросу в археологии Северо-Востока России отсутствуют. В качестве исключения можно назвать реконструкцию коряжского полуподземного жилища, изготовленного по материалам этнографических наблюдений В.И. Иохельсона сотрудниками Быстринского районного этнографического музея (Камчатский край). Помимо научного потенциала, опыт экспериментального воссоздания подобных объектов имеет и огромное образовательное значение, способствует сохранению культурного наследия коренного населения региона.

Сравнительное изучение археологических и этнографических материалов Севера Дальнего Востока позволяет по-иному взглянуть на проблемы возникновения и развития некоторых древних технологий. Сопоставляя материальную культуру современного и древнего населения Чукотки, нельзя не отметить, что и среди самих материалов древнеэскимосских культур можно также выявить яркие примеры преемственности технологических решений более раннего времени.

Интересные параллели прослеживаются в комплексе раннеголоценовой стоянки Жохово. Благодаря комплексному исследованию производственного инвентаря стоянки (включавшего экспериментально-трасологический и технологический анализы) здесь были выделены резцы на микропластинах с шлифованным лезвием — древнейший для Северо-Восточной Азии аналог древнеэскимосских каменных шлифованных резцов. По мнению Е.Ю. Гири, различные варианты шлифованных резцов берингийского типа представляют собой единую технологическую традицию благодаря единству технологии производства резцовой кромки, используемой в качестве рабочего края при обработке кости, рога или бивня [2010].

В качестве далекого отголоска широко распространенной на Северо-Востоке Азии (в том числе в археологическом комплексе Жохово) технологии составных вкладышевых орудий могут рассматриваться древнеэскимосские наконечники поворотных гарпунов с боковыми вкладышами. Подобные аналогии не должны восприниматься буквально. Наконечники копий и дротиков из рога оленя с каменными микропластинчатыми вкладышами (ретушированными и без ретуши), представленные в комплексе Жоховской стоянки, имеют закономерные морфологические отличия и иное функциональное назначение, а в плане эффективности заметно уступают древнеэскимосским гарпунам. Гарпунный комплекс древнейших морских охотников Чукотки являлся, по нашему мнению, результатом глубокого переосмысления доступных к моменту его изобретения технологических решений, обеспечивавших его создателям успешное освоение арктических пространств. Однако сопоставляемые изделия имеют прямую взаимосвязь с точки зрения развития определенной технической идеи и ее конкретной реализации.

О своеобразной преемственности технологий может свидетельствовать уникальное двухпазовое вкладышевое изделие из моржового клыка, найденное при раскопках Эквенского могильника (древнеберингоморская культура). С точки зрения морфологии данное орудие имеет поразительное сходство с типичными для мезолита вкладышевыми наконечниками копий или кинжалов. Вместе с тем наличие на орудии орнамента, ярко выраженная декоративность и нефункциональность рукояти, а также сам контекст обнаружения (в погребении) позволяют судить о его неутилитарном назначении [Мир арктических зверобоев..., 2007, с. 146]. Данное изделие может быть интерпретировано как свидетельство определенной культурной трансформации: исчезнув в качестве производственной традиции, практика изготовления и использования наконечников метательного и холодного оружия с боковыми вкладышами продолжает какое-то время оставаться в культурной сфере древнеэскимосского общества, выступая элементом ритуала и/или промысловой магии.

Примеры своеобразной технологической преемственности выявлены и для более южных археологических комплексов Дальнего Востока. Этнографические описания процесса разделки рыбы у нивхов активно привлекались П.В. Волковым при интерпретации результатов трасологического анализа материалов ряда памятников неолитической янковской, мезолитической грамотухинской и палеолитической селемджинской культур. В результате подобного синтеза исследователем был выделен своеобразный функционально-морфологический тип ножей для обработки рыбы, характерный для различных древних культур Северной Пасифики. Несмотря на некоторые различия данных орудий с точки зрения типологии, их объединяет общность конструкции (асимметричность и своеобразная «коленчатость») и наличие определенного рода следов. По мнению П.В. Волкова, рыбные ножи являлись одним из ранних примеров специализированных видов орудий [1999, с. 44–51].

Вопрос о природе подобных технологических параллелей, безусловно, дискусионен и может быть интерпретирован различным образом (конвергенция или заимствование технологий, генетическая преемственность или следствие древних миграций и т.д.). Вероятно, появление специализированных и прецизионных технологий в материальной культуре изучаемых традиционных обществ могло быть связано с необходимостью оптимизации и рационализации конкретных производственных операций при обработке различных видов сырья. Безусловно и то, что подобные инновации, как и весь хозяйственный уклад северных палеоэтносов, являлись своеобразным культурным ответом на вызовы неблагоприятной окружающей среды, которые при наличии одинаковых природно-климатических условий могли быть весьма сходными, а порой и существенно отличаться.

Как бы то ни было, изучение и сопоставление ярких и самобытных археологических и этнографических комплексов Севера Дальнего Востока открывает перед исследователями принципиально новые возможности для анализа древнейшего прошлого этого региона. На наш взгляд, подобные сведения могут быть использованы на этапе постановки проблемы исследования, в ходе экспериментального моделирования первоначального облика, производства и производительности древних орудий (выступая в ряде случаев в роли наглядно-образной модели), а также в процессе интерпретации и верификации получаемой аналитической информации. Синтез этнографических данных и опыта экспериментально-трасологических исследований при изучении палеотехнологий способствует более полной реконструкции древнего поведения, получению осмысленного представления о целях, потребностях, мотивах человека в реализации тех или иных действий. Анализ возможных сценариев применения подобного подхода наглядно

демонстрирует его преимущества и перспективы в контексте окончательного формирования в региональной науке этноархеологического направления изысканий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексащенко Н.А. Кожевенное производство на Ямале: (Археология и этнография) // УИВ. 2002. № 8. С. 184–198.
- Волков П.В. Трасологические исследования в археологии Северной Азии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1999. 192 с.
- Волков П.В. Новые аспекты исследований в экспериментальной археологии палеолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 4. С. 30–37.
- Васильевский Р.С. Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск: Наука, 1971. 252 с.
- Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий: Методика микро-макроанализа древних орудий труда. СПб.: Академ Принт, 1997. Ч. 2. 198 с.
- Гиря Е.Ю. Изучение материальной культуры древнего населения Севера в контексте современных экспериментально-трасологических исследований // III Сев. археол. конгресс: Докл. Екатеринбург: Издат-НаукаСервис, 2010. С. 96–102.
- Гиря Е.Ю., Питулько В.В. Предварительные результаты и перспективы новых исследований стоянки на о. Жохова: Технологический аспект // Естественная история российской восточной Арктики в плейстоцене и голоцене. М.: ГЕОС, 2003. С. 74–84.
- Городилов В.А. К истории развития техники первобытных каменных орудий // СЭ. 1935. № 2. С. 63–85.
- Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки: В 2 т. Т. 2. СПб.: Наука, 1994. 319 с.
- Лебединцев А.И. О происхождении углубленных жилищ Севера Дальнего Востока // Новейшие данные по археологии Севера Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ АН СССР, 1980. С. 69–78.
- Лозовская О.В. Деревянные изделия стоянки Замостье-2 // РА. 2011. № 1. С. 15–26.
- Мир арктических зверобоев. Шаги в непознанное / Каталог выставки. М.; Анадырь: Департамент культуры, спорта, туризма и информационной политики Чукотского АО РФ: Государственный музей Востока, 2007. 216 с.
- Орехов А.А. Древняя культура Северо-Западного Берингоморья. М.: Наука, 1987. 176 с.
- Орлова Е.П. Ительмены: Историко-этнографический очерк. СПб.: Наука, 1999. 198 с.
- Понкратова И.Ю. Стоянка Ушки-5 (Камчатка): Исследования последних лет, проблемы и перспективы // Колымский гуманитарный альманах. 2007. Вып. 2. С. 13–20.
- Понкратова И.Ю., Федорченко А.Ю. Бусы и подвески стоянки Ушки-5 (п-ов Камчатка) // Этнокультурная история Евразии: Современные исследования и опыт реконструкций. Барнаул: Азбука, 2008. С. 77–78.
- Пономаренко А.К. Древняя культура ительменов Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Оперативная полиграфия, 2000. 312 с.
- Поплевко Г.Н. Причины и механизмы формирования заполировки и микроследов на кремневых орудиях // Современные экспериментально-трасологические разработки в археологии. СПб., 1999. С. 24–27.
- Семенов С.А. Верхнепалеолитические костяные рукояти // КСИА. 1950. Вып. 35. С. 132–138.
- Семенов С.А. Первобытная техника. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 240 с.
- Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука, 1968. 362 с.
- Стеллер Г.В. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 1999. 287 с.
- Федорченко А.Ю. Экспериментальное исследование производительности трансверсальных резцов Северо-Восточной Азии // Чтения памяти акад. К.В. Симакова: Материалы докл. Всерос. науч. конф. (Магадан, 26–28 ноября 2013 г.). Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 2013. С. 280–281.
- Федорченко А.Ю., Понкратова И.Ю. Каменный инвентарь VII слоя палеолитических ушковских стоянок // Вестн. Северо-Восточного гос. ун-та. № 12: Спецвыпуск. Магадан: Изд-во СВГУ, 2010. С. 159–161.
- Wilkins J., Schoville B.J., Brown K.S. et al. Evidence for early hafted hunting technology // Science. 2012. Vol. 338. P. 942–946.

СВКНИИ ДВО РАН
mag.istor@mail.ru

The article is devoted to identifying a position of ethnographic materials under experimental and trasological investigation of stone industries. Subject to observation being the history of using such cross-disciplinary approach in investigations of primitive technologies (evidence from the archaeology of the North of the Asian Far East), indicating basic principles and considering specific cases.

Ethnoarchaeology, experimental and trasological analysis, technological analysis, North of the Far East, handles, polished cutters of the Bering type, insert tools.

АНТРОПОЛОГИЯ

НОВОЕ В ИЗУЧЕНИИ ЖЕНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ САРГАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИТОБОЛЬЯ)¹

С.В. Шарапова*, Д.И. Ражев**, П. Курто***

Анализируются захоронения женщин, датированные эпохой железа (саргатская общность). Источники представлены как опубликованными, так и неопубликованными материалами раскопок курганных могильников лесостепного Притобольшья. Данное исследование отличается от предпринятых ранее реконструкций социального статуса и роли женщин в саргатском обществе тем, что учтены не только косвенные признаки (анализ погребального инвентаря и обрядности). Оно основано на изучении палеопатологий с последующей корреляцией данных антропологии и археологии.

Саргатская культура, лесостепное Притобольшье, биоархеология, морфологические типы, социокультурная идентичность.

Весьма значимым в развитии археологического знания за последние десятилетия является возникший в середине 1980-х гг. и неослабевающий с тех пор интерес к междисциплинарным исследованиям. Помимо реконструкции окружающей среды и условий жизни древних коллективов, взаимодействие гуманитарных и естественных наук дает ощутимые результаты в изучении социальных отношений². Между тем в арсенале исследователей накапливаются разнообразные методы, которые позволяют существенно расширить представления и открыть новые аспекты жизни древнего населения. Такие возможности предоставляет, например, биоархеологический подход, оформившийся в русле палеопатологического направления [Larsen, 1997; Zuckerman, Armelagos, 2011; etc.]. Палеопатологические данные отчетливо демонстрируют своеобразную взаимосвязь степени развития человеческих сообществ и усиления влияния антропогенных факторов социальной направленности. Изучая различные изменения скелета, можно понять, в каких условиях они появились [Бужилова, 2005, с. 141–146]. В то же время современные теории социального развития нацелены на изучение идентичности, анализ проявлений которой немислим без данных биоархеологии [Knudson, Stojanowski, 2008]³.

В настоящей статье, продолжающей серию публикаций по биоархеологии населения саргатской общности [Ражев, 2009; Шарапова, 2012а; Шарапова, Ражев, 2013; Sharapova, Razhev, 2011], представлены результаты изучения женских погребений Притобольшья и сравнение погребального контекста с данными антропологического исследования.

Анализ проводился по двум основным направлениям. Первоначально в ходе камерального исследования были выполнены антропологические определения и реконструкция физической активности населения с последующим сравнением морфологических индикаторов. Затем по публикациям и полевым отчетам была сформирована база данных погребений притобольской локальной серии для всех возрастных групп, в которой половозрастная принадлежность индивидов была скорректирована антропологическим анализом.

¹ Работа выполнена при поддержке интеграционной программы УрО и СО РАН «Культура, социум и человек в эпоху палеометалла (Урал и Западная Сибирь)», программы Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект «Изменчивость адаптивных возможностей и саналогического состояния аборигенов Сибири в конце I — середине II тыс. н.э.», гранта РФФИ 13-06-00158. Некоторые положения статьи изложены в находящейся в печати публикации: Ražev D., Šarapova S. Peopling the past: Female burials of the Iron Age forest-steppe in the Trans-Urals // Praehistorische zeitschrift.

² Историографический обзор выходит за рамки данного исследования, можно лишь отметить наметившуюся в последнее время тенденцию изучения «вглубь» (в противоположность количественному накоплению источников).

³ Существуют три основные модальности идентичности: психофизиологическая, социальная и личная [Кон, 2006, с. 193]. Современная культурная антропология и археология изучают преимущественно социокультурную (переживание и осознание своей принадлежности к тем или иным социальным/культурным группам) [Шарапова, 2012б].

Женские погребения обществ эпохи железа

Во многом интерес к изучению социального статуса и роли женщин в древних обществах основан на широко распространенном мифе об амазонках. Обращает на себя внимание тот факт, что в различных публикациях оружие в женских захоронениях, наряду с другими статусными предметами, рассматривается в контексте социального статуса его обладателей и в значительно меньшей степени — как показатель агрессивности среды (напр.: [Петренко и др., 2004; Шарапова, Ражев, 2013; Jesch, 1991; Wells, 2006; и т.д.]). В то же время в результате исследований последних лет, с возрастающим интересом к социальным проблемам, интерпретационные возможности в археологии существенно расширились и перестали сводиться к столь привычному определению пола и возраста. Многие из обозначенных ранее вопросов потребовали привлечения новых аналитических конструкций, среди которых, отчасти под влиянием западных теорий и моделей, в отечественной археологии достаточно прочно утвердился гендерный анализ, обусловив не только важность, но и популярность данной темы. Значительное внимание стало уделяться проблеме гендерных отношений/категорий/ролей, и это касается главным образом материалов женских погребений и в некоторой степени детских [Sørensen, 2000]. Не ставя задачу всестороннего анализа гендерных отношений в саргатском обществе (эта тема нашла достаточное освещение в публикациях Н.А. Берсеновой), для более полного отражения культурно-исторического фона считаем уместным кратко осветить динамику изучения социального статуса женщин в обществах железного века⁴. Различная изученность источников и направленность исследований отразились на изложении: для некоторых обществ дана суммарная характеристика, другие представлены материалами отдельных памятников, количество погребений в которых значительно превышает показатели курганных тафокомплексов.

По образному определению Н.В. Полосымак, «скотоводческие культуры традиционно представляются как мир мужчин, в котором сам образ жизни и основные занятия отводят мужчине главную роль...» [2001, с. 274]. К античному времени относится ставший хрестоматийным пример: еще Геродот отмечал неравноправное положение женщин в скифском обществе по сравнению с другими племенами, в частности у савроматов (Геродот, IV). По справедливому замечанию В.Г. Петренко, В.Е. Маслова и А.Р. Канторович [2004, с. 195], это мнение сохранялось довольно долго и даже после того, как появились материалы о наличии оружия в скифских женских погребениях [Ильинская, 1966; Хазанов, 1975]. Впоследствии факт нахождения предметов вооружения в женских погребениях довольно часто объяснялся не только статусом погребенных женщин [Фиалко, 1991, с. 16; Петренко и др., 2004, с. 195], но и их занятием военным делом в качестве легковооруженных [Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 117, 176–182; Гуляев, 2001, с. 29] и конных [Петренко и др., 2004, с. 196] воинов. Однако отсутствие половозрастных определений для большинства могильников раннескифской эпохи не позволяет определить масштаб подобной практики [Петренко и др., 2004]. На женскую принадлежность погребений, атрибутированных исключительно по характеру инвентаря, указывал и А.М. Хазанов [1975, с. 84]. В то же время яркие открытия недавних лет дают возможность утверждать, что у представителей скифской высшей знати занятие военным делом было распространено как среди мужчин, так и среди женщин [Петренко и др., 2004, с. 194–197].

Древним авторам принадлежит широко распространенное мнение об особом статусе женщин в савроматском обществе (Геродот, IV; Гиппократ, 17). В основе идеи о высокой роли женщин и их участии в военной и религиозной жизни лежит наличие предметов культа и вооружения в женских захоронениях на территории от Дона до Южного Приуралья [Граков, 1947, с. 116, 118 и др.]. Образ воительницы, по справедливому замечанию М.С. Стрижак, не только утвердился в научной литературе, но и повлиял на последующие представления о женщинах «савроматской» культуры⁵, однако при обращении к источникам (архивным и опубликованным материалам «савроматских» комплексов) выяснилось, что число погребений, которые достоверно могут считаться женскими, невелико [2006]. Автор учла более 500 погребальных комплексов Волго-Уральского региона VI — начала IV в. до н.э., из них только 63 — менее разрушенные и с единственным костяком в погребальной камере — содержали половозрастные определения. В контексте нашего исследования представляется довольно интересным заключение относительно

⁴ Ранее уже предпринималась попытка освещения особенностей гендерных отношений в мобильных скотоводческих обществах [Шарапова, Берсенова, 2006].

⁵ Как и для раннескифских материалов, для большей части захоронений не были сделаны антропологические определения, и погребения трактовались как женские или мужские на основании погребального инвентаря.

погребений с оружием: наконечники стрел были обнаружены в 22 захоронениях и все 22 были определены как мужские (примечательно, что одиночные стрелы располагались среди костей погребенного, а несколько и больше стрел залегали плотными скоплениями — в колчанах); мечи и кинжалы присутствовали в 10 погребениях, 7 из которых — мужские, 1 — женское (Барановка I, к. 8, п. 1). Необходимо отметить, что антропологические определения пола погребенного из этого захоронения были сделаны на основании размеров черепа⁶, что, по мнению многих антропологов, составляет погрешность до 10 % [Там же, с. 40–42]. Традиционно сарматское и позднесарматское население характеризуется как весьма агрессивное [Бужилова, Каменецкий, 2004; Балабанова, 2004], основанием для таких суждений, помимо предметов вооружения в погребениях и в некоторых случаях деформации черепа, служат и выявленные боевые травмы [Перерва, 2002]. Травматические повреждения, отнесенные к разряду боевых или с применением оружия, были зафиксированы на костях мужчин. Выявленные лицевые повреждения автор объясняет не только частыми военными столкновениями, но и следствием разнообразных обрядов (посвящения, самоистязаний) [Там же, с. 147–149; 2006, с. 50–73]. На этом фоне выделяются женские погребения среднесарматского времени, среди которых известны два эпизода наличия насильственных травм на черепах женщин из могильников Есауловского Аксая (всего 10 взрослых — 6 женщин и 4 мужчин) [Там же].

Данное обстоятельство, на наш взгляд, свидетельствует об отсутствии единственно возможного варианта интерпретаций женских погребений с оружием, а факт их существования в среде кочевников Евразии не лишен оговорок. В этой связи наиболее предпочтительна точка зрения Н.В. Полосьмак, которая, проанализировав широкий спектр письменных источников, предлагает несколько вариантов интерпретации наличия оружия, конского снаряжения и принадлежностей мужского костюма в захоронениях женщин — от непосредственного участия в боевых действиях (со ссылкой на Гиппократ) до передачи этих предметов в загробном мире умершему супругу (этнографические данные по тюркским народностям Алтая и Енисея) [2001, с. 276–277]. Примечательно, что все известные на сегодняшний день немногочисленные травматические повреждения у населения пазырыкской культуры зафиксированы у мужчин и определены как ритуальные [Поздняков, 2004].

Очевидно, что курганная выборка не может адекватно отражать демографическую ситуацию древних популяций, поэтому в качестве дополнительной информации можно рассматривать данные раскопок грунтовых некрополей. В частности, Тарасовский могильник⁷ [Голдина, 2004], к западу от саргатского ареала, демонстрирует специфические особенности погребальной обрядности и соответственно предоставляет уникальные возможности для интерпретаций. Одна из таких особенностей — преобладание женских захоронений над мужскими (32,8 против 20,1 %) [Сабиров, 2010]. Материалы могильника не дают оснований говорить о жесткой мужской/женской дихотомии, выраженной в погребальном обряде. Ножи, в том числе в ножнах, являясь неотъемлемым атрибутом жизнедеятельности вне зависимости от пола и возраста, представлены одинаково как в мужских, так и женских комплексах. Основная масса предметов вооружения сконцентрирована у молодых (17–29 лет) индивидов, при этом в женских захоронениях найдены наконечники стрел (13 случаев), копья (5 могил), конская упряжь (4 случая). По мнению Т.Р. Сабирова, подобный оружейный набор характеризует скорее охотников, нежели воинов, что не исключает возможности участия в военных действиях. Возможно, именно охотничьей направленностью объясняется относительно высокое содержание предметов вооружения в женских погребениях [Там же]. В то же время среди элементов обрядности, свидетельствующих о гендерных различиях, выделяются своеобразные материальные символы — мечи (только в мужских комплексах), разница в размерах мужских могильных ям (объем вынутого грунта — 1,7 против 1,0 м³ для женских могил).

Как видно, корпус источников по данной теме чрезвычайно широк и не исчерпывается только упомянутыми выше материалами, а различные варианты объяснения зависят от методологической базы и теоретических посылок предпринятых исследований. В целом мы стремились

⁶ Данное обстоятельство отражает отечественную традицию сбора антропологического материала — именно черепа сохранялись с особой тщательностью и, как правило, их коллекции в полном (максимальном) объеме характеризуют погребальные выборки.

⁷ Тарасовский могильник I–V вв. н.э. — один из уникальных грунтовых могильников пьяноборской общности Прикамья по численности исследованных могил на территории Евразии (1880 погребений, для которых выполнены антропологические определения).

Новое в изучении женских погребений (по материалам саргатской культуры Притоболья)

обозначить некоторую тенденцию в изучении женских погребений за пределами саргатской «ойкумены».

Описание морфотипов

Анализ маркеров физической активности — места прикрепления мышц и связок, артрозные проявления на суставных поверхностях — позволил разделить мужчин и женщин саргатской погребальной выборки на две морфологические группы, условно названные «активный» морфотип и «спокойный» морфотип [Ражев, 2009]. Согласно выраженности рассматриваемых признаков реконструируемая физическая активность представителей «активного» морфотипа оказалась более разнообразной и интенсивной по сравнению с деятельностью представителей «спокойного» морфотипа (табл. 1). Выявленные в ходе антропологического анализа кинематические схемы представительниц «активного» типа в целом сходны с кинематикой мужчин. Это дает основания полагать, что физическая активность женщин этой группы во многом соответствовала активности мужчин, включая верховую езду (рис. 1). Остеометрическим отражением этого является массивность скелетов. Для женщин «спокойного» морфотипа реконструируются менее интенсивные движения, соответствующие предсказуемой, регулярной деятельности, а также отсутствие экстремальных, изнашивающих нагрузок при постоянной верховой езде.

Таблица 1

Места прикрепления мышц и связок*

Мышцы и связки, элемент скелета	Морфотип						P
	«Спокойный»			«Активный»			
	n	R	E	n	R	E	
Lig. trapezoideum, clavicula	8	1,5	1,5	8	2,3	1,4	0,03 для R
Lig. costoclaviculare, clavicula	10	1,3	1,4	6	2,2	1,2	< 0,01 для R
M. teres major, humerus	13	2,1	0,7	25	1,6	1,2	0,04 для R; 0,03 для E
M. brachialis, ulna	14	1,5	1,7	20	1,5	1,1	< 0,01 для E
Membrana interossea, radius	15	1,7	1,1	21	2,0	1,2	0,01 для R
Labium laterale of femur: m. vastuslateralis, biceps femoris	16	1,9	0,3	31	1,9	1,2	< 0,01 для E
Labium mediale of femur: mm. adductorismagnus, longus et brevis, vastusmedialis	16	1,4	0,7	31	1,8	1,8	< 0,01 для E
M. iliopsoas, femur	12	1,7	0,9	16	1,9	1,6	0,12 для E
M. obturator externus, femur	7	1,9	0,3	14	1,7	2,4	< 0,01 для E
M. soleus, tibia	14	1,4	0,9	32	1,8	1,6	< 0,01 для E; < 0,01 для D
M. quadriceps femoris, tibia	8	1,4	0,3	10	1,5	1,0	0,06 для E
Lig. tibiofibulare, tibia	14	1,4	0,8	32	1,6	1,3	0,03 для E

* Показаны только места, для которых зафиксированы достоверные различия по множественному ранговому тесту Дункана. Выделены значения достоверных различий, где R — показатель выраженности рельефа, E — показатель выраженности энтезопатий. Использована балльная система оценки: 1 — малая выраженность, 3 — значительная выраженность. Таблица содержит данные для женских погребений Притоболья с учетом предложенных ранее показателей для всей саргатской выборки [Ражев, 2009, табл. 6.5].

Помимо показателей физической активности, оба морфотипа отличаются также по распространенности маркеров эпизодического истощения — линейной гипоплазии эмали зубов. У 76 % представительниц «активного» морфотипа обнаруживается в среднем (1,1) хорошо выраженная линия эмалевой гипоплазии на резцах и клыках. У женщин «спокойной» группы гипоплазия фиксируется в 67 % случаев и среднее количество линий, приходящихся на одного человека, составляет 0,6. Это означает, что дети «активной» группы испытывали недостаток питания в значительно большей степени, чем дети, впоследствии сформировавшие «спокойный» морфотип [Ражев, 2009, с. 329, табл. 7.8 и 7.9].

В общесаргатской танатогруппе представительницы «активного» морфотипа почти в 2,5 раза превосходят по численности «спокойных» женщин. Модальный возраст их смерти приходится на 30–40 лет. Аналогичный показатель для «спокойных» женщин попадает в более растянутый промежуток — 20–40 лет. Таким образом, женщины «активной» группы оказываются более старшими, чем представительницы «спокойного» морфотипа.

В расовом плане представительницы разных морфологических групп относятся к одному антропологическому варианту восточных европеоидов [Ражев, 2009, с. 244], а детальное рассмотрение невозможно в силу малочисленности.

Рис. 1. Маркер регулярной верховой езды — энтезопатии по месту прикрепления мышц, приводящих бедро. Фото П. Курто

Анализ и обсуждение тобольских материалов

В ходе исследования были учтены доступные материалы по 13 саргатским могильникам Притоболья (145 (147?) индивидов разных возрастных групп, включая детей). Источники представлены как опубликованными [Ковригин и др., 2006; Корякова и др., 2010; Культура зауральских скотоводов..., 1997; Среда, культура и общество..., 2009; Матвеев, Матвеева, 1991; Матвеева, 1993; Daire et al., 2002], так и неопубликованными [Шарапова, 2001] данными: в раскопках 8 могильников участвовали полевые антропологи, для скелетных останков из остальных 5 могильников антропологические определения были выполнены Д.И. Ражевым и П. Курто⁸. Таким образом, женская выборка содержит сведения о 42 индивидах (табл. 2). Из-за разной сохранности костного материала не для всех индивидов удалось определить принадлежность к морфотипам, всего идентифицированы 19 женских скелетов: 6 отнесены к «спокойному» морфотипу, 13 — к «активному». Средний возраст смерти представительниц «активной» группы составляет 39 лет, что несколько больше среднего показателя женщин «спокойного» морфотипа — 36 лет, но соответствует показателям общесаргатской курганной выборки.

Как видно из табл. 3, захоронения женщин располагались как в центре подкурганной площадки, так и по периферии, в том числе некоторые были, бесспорно, впускными захоронениями. Поскольку саргатская курганная выборка демонстрирует преобладание мужчин (соотношение 1,75:1) [Ражев, 2009, с. 49], женские захоронения в центре кургана ожидаемо уступают мужским — данный показатель для некоторых могильников демонстрирует трехкратное преобладание мужчин [Берсенева, 2005, с. 12]. В нашем случае факт погребения женщин в центральной яме был отмечен в 3 эпизодах из 6 для «спокойного» морфотипа и в 6 из 13 — для «активного». Преобладают индивидуальные погребения. Не вдаваясь в дискуссию о существовании парных захоронений — традиция, отмеченная у широкого круга скотоводческих культур эпохи железа [Корякова, 1994, с. 142], — отметим лишь, что в саргатском мире известны подобные захоронения мужчины и женщины с ребенком, мужчины с ребенком, равно как и однополые погребения как женские, так и мужские [Там же; Полосьмак, 1987, с. 27]. В Притоболье надежно документированный случай парного захоронения зафиксирован только для представительницы «активного» морфотипа (Мурзинский 1, к. 8, п. 1), а могильник демонстрирует черты как гороховской, так и саргатской линии развития. Возможно, данное обстоятельство и определило столь заметное «исключение». Встречаются случаи введения мужской могилы в женскую без изменения формы и

⁸ В притобольскую серию входит также Старо-Лыбаевский 4 могильник [Матвеев и др., 1999; Матвеева, 2000а; 2001], однако коллекции этого памятника оказались недоступны для детального антропологического анализа. Это обстоятельство лишило нас возможности привлечь материалы могильника для данного исследования.

Новое в изучении женских погребений (по материалам саргатской культуры Притоболья)

направления ориентировки ямы — подобный случай устройства «ярусных» погребений и попадания в контуры конструкции зафиксирован в центре кургана представительниц «спокойного» морфотипа (Сопининский 1, к. 2, п. 1, скелет 1; п. 2, скелет 3; Мурзинский 3, к. 3, п. 2).

Таблица 2

Общая характеристика могильников притобольской серии

Памятник/ публикация	Датировка	Количество курганов в могильнике	Количество раскопанных курганов	Количество могильных ям	Количество индивидов	Количество женских индивидов	Количество женских скелетов, доступных для определения морфологической группы
Прыговский 1 [Корякова и др., 2010]	VII–II вв. до н.э.	12	3	3	3	1	1
Сопининский [Среда, культура и общество..., 2009]	IV–III вв. до н.э. — II в. н.э.	2 распаханных насыпи и 1 грунтово-погребение	3	12	16	5	2
Гаевский 1 [Культура зауральских скотоводов..., 1997]	IV в. до н.э. — III в. н.э.	10 распаханных насыпей	5	21	23 (24?)	3	2
Мурзинский 1 [Daire et al., 2002]	IV в. до н.э. — II в. н.э.	14	9	18	17	5	4
Мурзинский 3 [Daire et al., 2002]	III–II вв. до н.э.	4	1	1	2	1	1
Карасье 9 [Ковригин и др., 2006]	I в. до н.э. — II в. н.э.	11 распаханных насыпей	1	2	3	1	1
Карасье 8 [Шарапова 2001]	IV–III вв. до н.э.	20	2	2	1	—	—
Шучье 1 [Шарапова, 2001]	V–II вв. до н.э.	3 надежно документированных	3	8	8	3	—
Тютринский [Матвеев, Матвеева, 1991]	III–II (I) вв. до н.э. — I–II вв. н.э.	10 надежно документированных	10	34	35 (36?)	14	6
Савиновский [Матвеева, 1993]	II–I вв. до н.э. — I–II вв. н.э.	8	7	15	15	3	2
Красногорский 1 [Матвеева, 1993]	V–III вв. до н.э.	18	5	7	5	3	—
Красногорский 2 [Матвеева, 1993]	Ранний железный век	11	1	5	2	—	—
Красногорский Борок [Матвеева, 1993]	I–II в. н.э.	10	2	5	5	3	—
Всего		164	52	133	145 (147?)	42	19

Погребальный инвентарь включает типично женские вещи [Корякова, 1988, с. 56], или так называемые гендерные стереотипы [Берсенева, 2005, с. 13], — разнообразные украшения и пряслица. В погребениях расчищены как ожерелья из разных бусин, браслеты, остатки от расшивки одежды, бронзовые зеркала, так и более скромные наборы — керамика, ножи. Керамические сосуды были обнаружены практически во всех погребениях обеих групп, исключение составили сильно разрушенные комплексы (Сопининский 1, к. 2, п. 1 и 2; Тютринский, к. 7, п. 2; Мурзинский 1, к. 6, п. 1). Однако подобная однородность по составу инвентаря не столь очевидна при более пристальном рассмотрении погребений. Прежде всего, ансамбли артефактов в погребениях женщин, относимых к «спокойному» морфотипу, в некоторых случаях не содержат даже самых простейших украшений (Карасье 9, к. 11, п. 2), что в целом не характерно для таких могильников [Матвеева, 2000б, с. 182]. В то же время эти комплексы более разнообразны с точки зрения качественного состава предметов и демонстрируют черты, которые принято относить к археологическим проявлениям идентичности, — кочевническая керамика и кольцевая деформация черепа (Карасье 9, к. 11, п. 2) (рис. 2) или бронзовый котел вместо стандартного набора сосудов (Тютринский, к. 7, п. 2, скелет 2). Не менее показателен факт длительного хранения или транспортировки тела с целью захоронения на родовом кладбище (Карасье 9, к. 11, п. 2), которое исследователи связывают либо с сезонным характером совершения погребального обряда, либо с обстоятельствами смерти [Ражев и др., 2005, с. 150–151; Ковригин и др., 2006, с. 201–202].

Характеристика женской локальной серии

Памятник	Возраст смерти и морфотип	Инвентарь	Примечания	Дата
Сопининский 1, к. 2, п. 1, скелет 1	30–45 лет, «спокойный»	—	Центральное, ограбленное	II — середина I в. до н.э.
Сопининский 1, к. 2, п. 2, скелет 3	20–25 лет, «спокойный»	—	Периферийное, ограбленное	I в. до н.э. — II в. н.э.
Карасье 9, к. 11, п. 2	40–50 лет, «спокойный»	1 керамический кувшин и 1 горшок, тазовые кости лошади, разрубленные на несколько частей	Периферийное, неграбленное, отсроченное, деформация черепа	II в. до н.э. — I в. н.э.
Тютринский, к. 7, п. 2, скелет 2	30–50 лет, «спокойный»	1 «курильница», бронзовый кельт, фрагмент железного ножа или кинжала, железный двудырчатый псалий, керамическое прясло, фрагмент железной пряжки, 2 золотые, 2 сердоликовые, 1 стеклянная бусины, развал андроновского сосуда, лопатка, позвонки и тазовая кость лошади, обломок бронзового котла	Центральное, ограбленное. Женский скелет определен как индивид 2, сведений о другом скелете (индивид 1) в публикации нет	III–II (I) вв. до н.э.
Тютринский, к. 8, п. 2	25–30 лет, «спокойный»	Развал сосуда, кости мрс, разнообразные стеклянные, гагатовые и из шпинели бусины, тлен от бронзового зеркала, железный перстень, бронзовая пряжка, наборный браслет, фрагменты деревянного футляра и кожаного мешочка (?), фрагмент шила (?), фрагменты кожаных ремешков неопределимого предмета, фрагменты ткани, шитой золотыми нитями	Периферийное, ограбленное	III–II (I) вв. до н.э.
Мурзинский 3, к. 3, п. 2	40–50 лет, «спокойный»	3 керамических сосуда, кости МРС, керамическое прясло, 2 ножа, ожерелье из стеклянных бусин	Центральное, неграбленное, раннее. Содержит впускное захоронение мужчины, которое позже было ограблено. В насыпи были обнаружены 6 сосудов	II–I вв. до н.э.
Гаевский 1, к. 3, п. 1, скелет 2	18–22 лет, «активный»	Керамический сосуд, 3 стеклянные бусины, раковина каури, керамическое прясло, железные двусоставные удила, 3 бронзовых, 2 железных и 2 костяных наконечников стрел, несколько обломков стрел, фрагмент кинжала, амулет из челюсти лисицы	Центральное, ограбленное, содержит также кости мужского скелета. Судя по размерам ямы, данное захоронение могло быть парным, либо, судя по сохранившимся in situ артефактам, могильная яма изначально предполагалась для погребения женщины	Середина IV в. до н.э. — II в. н.э.
Гаевский 1, к. 3, п. 5	40–60 лет, «активный»	4 керамических сосуда, стеклянные бусины от украшений одежды и головного убора, 2 бронзовые серьги, плитка для растирки охры, железный нож, керамическое прясло, кости грудинки, крестец и хвостовые позвонки лошади	Периферийное, неграбленное, череп с вдавленным повреждением свода. Захоронение в деревянном гробовище	I–III вв. н.э.
Савиновский, к. 2, п. 1	40–70 лет, «активный»	Керамический горшок, кости лошади, 1 стеклянная и 3 гагатовые бусины	Центральное, ограбленное. Одномогильный курган	II в. до н.э.
Савиновский, к. 1, п. 3	20–25 лет, «активный»	Тазовая кость лошади, стеклянная глазчатая бусина, костяная подпружная пряжка, обломок костяного остря	Периферийное, ограбленное	II–I вв. до н.э.
Тютринский, к. 3, п. 5	30–45 лет, «активный»	—	Центральное, ограбленное	I–II вв. н.э.
Тютринский, к. 6, п. 3	20–30 лет, «активный»	Мелкие стеклянные бусы с позолотой, агатовая подвеска, браслет из крупных бусин, кубическая пастовая бусина, костяная рифленая трубочка, шлифовальный камень, керамический сосуд с примесью талька, железный нож, бронзовое зеркало, кости овцы и лопатка лошади	Периферийное, неграбленное	III–II (I) вв. до н.э.
Тютринский, к. 6, п. 1	35–70 лет, «активный»	2 костяных наконечника стрел, керамический сосуд	Центральное, ограбленное, содержит кости детского скелета (мальчик)	III–II (I) вв. до н.э.
Тютринский, к. 7, п. 1, скелет 2	20–70 лет, «активный»	—	Центральное, ограбленное	III–II (I) вв. до н.э.
Мурзинский 1, к. 6, п. 1	25–45 лет, «активный»	—	Периферийное, ограбленное. В кургане отсутствует центральная могильная яма	Ранний железный век
Мурзинский 1, к. 8, п. 1, скелет 2	35–50 лет, «активный»	Керамический сосуд и курильница, керамическое прясло, 2 каменных молоточка, каменный алтарик	Периферийное, неграбленное, парное (скелет 1 определен как мужской)	IV–III вв. до н.э.
Мурзинский 1, к. 13, п. 1	30–50 лет, «активный»	Фрагмент железной пряжки, железный наконечник стрелы	Центральное, ограбленное, впускное	III–II вв. до н.э.
Мурзинский 1, к. 13, п. 3	30–50 лет, «активный»	Керамический сосуд, стеклянная бусина, керамическое прясло, фрагмент железного предмета	Периферийное, ограбленное	IV–III вв. до н.э.
Прыговский 1, к. 2, п. 2	30–45 лет, «активный»	2 керамических сосуда (кашинский и саргатский), гороховская курильница, бронзовая антропоморфная плакетка, керамическое прясло	Периферийное, неграбленное, плохой сохранности. Впускное в насыпь	IV–II вв. до н.э.

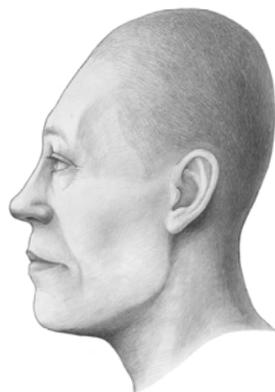

Рис. 2. Графическая реконструкция женщины из погребения 2 кургана 11 могильника Карасье 9.
Автор Е.А. Алексеева

Поскольку социальный контекст пищи — факт установленный [Wilkins, Hill, 2006], в качестве дополнительного маркера ранга можно рассматривать мясо, равно как и другую заупокойную пищу. В рассматриваемой нами выборке среди неграбленных погребений женщин обеих групп кости животных — остатки ритуальной пищи — были найдены как внутри могилы, так и в сосудах. Обращает на себя внимание «обилие» ритуальной пищи, остатки которой в виде костей животных и в сосудах выявлены в непо потревоженных захоронениях женщин старше 40 лет⁹. Как правило, в могилы мужчин и женщин помещали 2–3 сосуда с пищей животного происхождения (мясо) и жидкостью (вино, молоко)¹⁰, а также «мясные» части. Ранее уже высказывалось предположение, что различный набор костных остатков (напутственной пищи) связан со спецификой обрядовых действий [Культура зауральских скотоводов..., 1997, с. 121], выполнявшихся по отношению к разным группам. Несмотря на то, что интерпретация этой специфики требует отдельного исследования, очевидна возрастная дифференциация среди представительниц как «активного» (Гаевский 1, к. 3, п. 5), так и «спокойного» (Карасье 9, к. 11, п. 2; Мурзинский 3, к. 3, п. 2) морфотипа. В этой связи весьма показательна палеодиетическая реконструкция, выполненная для саргатской общности: мужчины и женщины элитарного «спокойного» морфотипа потребляли мяса в несколько раз больше, чем представители «активной» группы [Ражев, 2009, с. 323–324].

В изучаемой группе женских захоронений не выявлены предметы тяжелого вооружения — мечи или защитный доспех, в то же время в могильных ямах найдены отдельные виды оружия — наконечники стрел, кинжалы, элементы конской сбруи. Стрелы, как правило, единичные, присутствуют в погребениях представительниц «активного» морфотипа (Гаевский 1, к. 3, п. 1, скелет 2; Тютринский, к. 6, п. 1; Мурзинский 1, к. 13, п. 1), принадлежность их не всегда очевидна, так как в большинстве случаев они происходят из разрушенных могил. Поскольку исследователи отмечают довольно частую (от 18 % [Корякова, 1988, с. 56] до 21,7 % [Берсенева, 2005, с. 12]) встречаемость некоторых предметов вооружения в женских погребениях саргатской общности, такие ситуации не только привлекают пристальное внимание, но и зачастую получают особую интерпретацию. С одной стороны, стрелы обнаружены в могилах представительниц «активного» морфотипа, что может косвенно указывать на участие женщин в воинских формированиях. Подобные выводы о женщинах-воительницах или конных лучницах активно обсуждаются практически всеми исследователями саргатских древностей. С другой стороны, исследования кинематических схем физической активности саргатского населения, что может рассматриваться в качестве прямого признака для подобных интерпретаций, *не выявили* статистически достоверных асимметрий с преобладанием правой стороны как в общесаргатской женской выборке [Ражев, 2009, с. 262], так соответственно и в притобольской локальной серии. Подобная развитость рельефа наблюдается только у мужчин [Там же]. При более пристальном рассмотрении можно заметить, что из 13 погребений индивидов «активного» морфотипа только в трех были найдены одиночные наконечники стрел. Почти все они происходят из разрушенных

⁹ Учтены находки из насыпи и погребенной почвы, располагавшиеся без особой привязки к ямам.

¹⁰ Основанием служат данные почвенного анализа содержимого из сосудов разной величины [Культура зауральских скотоводов..., 1997, с. 129].

погребений, где наряду с женскими костными останками были определены мужские (Гаевский 1, к. 3, п. 1, скелет 2) и кости детского скелета (Тютринский, к. 6, п. 1), а их принадлежность — не без оговорок. Как правило, материалы раскопок вводных, к тому же ограбленных, погребений не дают исчерпывающей информации¹¹ и порождают естественный вопрос: являются ли разрозненные стрелы остатками колчана и если так, то из мужского или женского инвентаря, или им отводилась особая семантическая роль? В пользу последнего свидетельствуют данные об одиночных стрелах-оберегах в сарматской среде [Глебов, Парусимов, 2000; Шевченко, 1993]. Исключение, представленное разрушенным индивидуальным захоронением женщины (Мурзинский 1, к. 13, п. 1), можно объяснить либо антропологической погрешностью определения пола¹², либо семантикой стрелы в обрядах и фольклоре (стрела — «дар» умершим предкам, захоронение/хранение стрел в могиле/доме умершего) [Калинина, 2009, с. 153–156]. Также неоднозначно в интерпретации и погребение взрослой женщины (Тютринский, к. 7, п. 2, скелет 2) в парадных одеяниях и в сопровождении бронзового кельта, кинжала или ножа, конской упряжи — представительницы «спокойного» морфотипа. Н.П. Матвеева на основании анализа погребального инвентаря, сопроводительной пищи и размеров могильной ямы предположила «совмещение в статусе высших рангов аристократии функций гражданского и воинского управления» [2000б, с. 189]. Однако в ходе камерального изучения выяснилось, что погребение, вероятно, содержало мелкие кости взрослого человека или ребенка (скелет 1), а попытка разобраться результатов не дала. Возможно, мы имеем дело с остатками более раннего захоронения (подобные случаи возведения курганов с уничтожением ранних, располагавшихся на естественном микровозвышении, нередки [Ковригин и др., 2006]), либо это могло быть «ярусное» погребение, впоследствии разрушенное. Важно отметить, что по материалам нашей экспедиции известны *только* впускные захоронения в насыпь или яму, но точно не синхронные, за исключением упомянутого выше Мурзинского 1 могильника. Вероятно, в этом же ключе следует рассматривать все известные интерпретации саргатских женских погребений с оружием. Что касается факта нахождения ножей/кинжалов в могилах, в том числе женских, существует точка зрения, согласно которой мечи, копья и боевые топоры рассматриваются в качестве предметов вооружения, в то время как лук и стрелы, ножи и кинжалы применялись для охоты или иных утилитарных целей [Статистическая обработка..., 1994]. В такой неоднозначной ситуации мы вынуждены констатировать, что вопрос о женских погребениях с оружием открыт, по крайней мере до того момента, пока не будет проведена верификация, там где это возможно, всех известных саргатских погребений женщин, включая ограбленные (анализ скелетных останков, разрозненного инвентаря с учетом глубины и места обнаружения).

В погребениях обеих морфологических групп находились глиняные, плоскодонные, цилиндрической формы маленькие сосуды — типичные экземпляры сосудов-курильниц, которые были распространены в лесостепном Зауралье в саргатско-гороховское время; их традиционно связывают с культом. В рассматриваемой выборке данная категория предметов выявлена в могилах двух представительниц «активного» (Прыговский 1, к. 2, п. 2; Мурзинский 1, к. 8, п. 1, скелет 2) и одной — «спокойного» (Тютринский, к. 7, п. 2, скелет 2) морфотипа. К предметам культа также относят каменные плиты или так называемые жертвенники (Гаевский 1, к. 3, п. 5, «активный» морфотип) и «молоточки» (Мурзинский 1, к. 8, п. 1, скелет 2), хотя их истинная функция далеко не ясна. Это неграбленные, за исключением Тютринского могильника, погребения взрослых женщин, не моложе 30 лет, широкого хронологического диапазона — V–II вв. до н.э. — I–III вв. н.э.

Не столь яркая, но показательная ситуация прослежена при анализе хронологии рассматриваемых комплексов. Погребения женщин, относимых к «активному» морфотипу, датируются широким временным диапазоном IV в. до н.э. — III в. н.э., что практически полностью совпадает с хронологией саргатской общности в Притоболье. Захоронения представительниц «спокойного» морфотипа в хронологическом отношении «тяготеют» к рубежу эр — надежно документированные комплексы имеют радиоуглеродные даты в интервале II в. до н.э. — II в. н.э. [Daire et al., 2002, p. 242; Ковригин и др., 2006, с. 196]. В истории населения саргатской общности это было

¹¹ В нашей практике точность определения принадлежности остатков разрозненного грабителями инвентаря для ярусных погребений Сопининского могильника оказалась возможной благодаря присутствию полевых антропологов [Среда, культура и общество..., 2009, с. 170–215].

¹² Точность определения пола по черепу и тазовым костям составляет 92–96 % [Chamberlain, 2006, p. 97–98]. Для саргатской популяции ошибки индивидуального определения пола — 15 %, а несовпадение определения пола по остеологическим признакам и набору артефактов — 16 % [Ражев, 2009, с. 34–48].

Новое в изучении женских погребений (по материалам саргатской культуры Притоболья)

насыщенное различными событиями время. В указанный период на саргатской территории зафиксирован обычай преднамеренной деформации головы (в рассмотренной выборке на черепе женщины «спокойного» морфотипа имелись следы прижизненной деформации циркулярного типа (Карасье 9, к. 11, п. 2)). Наиболее ранние примеры лобно-теменной деформации в саргатской среде представлены в материалах Гаевского 1 и Мурзинского 1 могильников [Sharapova, Razhev, 2011, p. 220]. В погребениях рубежа эр встречается большое количество импортных среднеазиатских вещей, что может свидетельствовать об усилении связей между саргатскими группами и родами степных кочевников, втянутых в политические события того времени [Корякова, 1994, с. 154]. Однако такие контакты не всегда были мирными. Вероятно, на рубеж эр приходится некий «всплеск» напряженности и конфликтов: к последним векам до нашей эры Н.П. Матвеева относит появление прослойки вооруженных, преимущественно молодых, мужчин (по численности могил данного типа около 26,6 % всего мужского населения), которые определены как члены военных дружин [Матвеева и др., 2005, с. 165]. Также в саргатских захоронениях этого времени зафиксировано максимальное количество черепных травм [Шарапова, Ражев, 2013]. В данной выборке у представительницы «активного» морфотипа (Гаевский 1, к. 3, п. 5) выявлено вдавленное повреждение свода черепа. Все же подобные травмы не всегда следует рассматривать как боевые [Ражев, 2009, с. 294–295]. Данное обстоятельство весьма иллюстративно в контексте предложенного выше анализа женских погребений с оружием.

В заключение стоит отметить, что археологические и биоантропологические данные являются независимыми источниками при рассмотрении дифференциации элитарной части саргатского общества, представленной в курганных комплексах. Каждый из этих подходов приводит к выделению в выборке специфических, не совпадающих сегментов. Сопоставление этих групп выявляет сложную, нелинейную структуру элитарного слоя саргатского общества. Треть женщин в детстве воспитывались в очень благоприятных условиях и во взрослом возрасте не выполняли тяжелой работы; иная, большая часть пережили в детстве лишения, и их повседневная деятельность включала разнообразные физические действия, включая верховую езду.

По аналогии с любым кочевым или полукочевым коллективом женщины в саргатском обществе занимались разведением скота, достаточно много времени проводили в седле. В отсутствие мужчин они могли выполнять и некоторые виды деятельности, свойственные мужчинам, так как образ жизни скотоводческих сообществ предполагал и умение владеть оружием. Помимо этого, этнографические наблюдения также показывают, что в таких коллективах доля участия женщин в повседневной трудовой деятельности превышает вклад мужчин [Кляшторный, 2005, с. 156–157], а потребность в рабочих руках восполнялась за счет внутренних ресурсов [Першиц, 1994, с. 146–147]. Контекстуальный анализ погребений, наглядно подкрепленный данными палеопатологических исследований, ставит под сомнение гипотезу о существовании в саргатском обществе вооруженной группы всадниц или занятии женщин военным делом. В целом можно заключить, что проведенное исследование, во-первых, еще раз свидетельствует о социальной неоднородности населения Зауральской лесостепи в раннем железном веке и, во-вторых, позволяет осветить некоторые аспекты внутренних и внешних связей носителей саргатской культуры.

* * *

Авторы выражают искреннюю благодарность А.А. Ковригину — другу и коллеге, неизменному участнику экспедиционных работ в лесостепном Зауралье.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Берсенева Н.А.* Погребальная обрядность населения Среднего Приртышья в эпоху раннего железа: социальные аспекты (по материалам саргатской культуры): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005. 25 с.
- Балабанова М.А.* О древних макрокефалах Восточной Европы // *OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии*. М.: ИА РАН, 2004. Вып. 3. С. 171–187.
- Бужилова А.П.* Ното Sapience: История болезни. М.: Языки славян. культуры, 2005. 320 с.
- Бужилова А.П., Каменецкий И.С.* Сарматы и боевые столкновения: (Анализ черепных травм на примере материалов из могильника Сагванский I) // *OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии*. М.: ИА РАН, 2004. Вып. 3. С. 208–213.
- Геродот.* История в девяти книгах. М.: Олма-Пресс Инвест, 2004. 640 с.
- Гиппократ.* Избранные книги. М.: Сварог, 1994. 736 с.
- Глебов В.П., Парусимов И.Н.* Новые сарматские погребения в бассейне реки Сол // *Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона*. Ростов н/Д: Терра, 2000. Вып. 1. С. 61–89.

- Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск: УдМГУ: Ин-т истории и культуры народов Прикамья, 2004. Т. I. 318 с.
- Граков Б.Н. Пережитки матриархата у савроматов // ВДИ. 1947. № 3. С. 100–121.
- Гуляев В.И. Основные проблемы археологии Среднего Дона в скифскую эпоху // Проблемы археологии Среднего Дона в скифскую эпоху: Тр. Потуданской экспедиции ИА РАН 1993–2000 гг. М.: ИА РАН, 2001. С. 18–52.
- Ильинская В.А. Скифские курганы у г. Борисполя // СА. 1966. № 3. С. 152–171.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев: Наук. Думка, 1983. 380 с.
- Калинина И.В. Очерки по исторической семантике. СПб.: СПбГУ, 2009. 268 с.
- Кляшторный С.Г. Степные империи: Рождение, триумф, гибель / С.Г. Кляшторный, Д.Г. Савинов. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 7–180.
- Кон И.С. Междисциплинарные исследования. Социология. Психология. Сексология. Антропология. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 605 с.
- Ковригин А.А., Корякова Л.Н., Курто П. и др. Аристократические погребения из могильника Карасье 9 // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа: Гилем, 2006. С. 187–203.
- Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1988. 241 с.
- Корякова Л.Н. Урало-Иртышская лесостепь // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. С. 113–169.
- Корякова Л.Н., Шаропова С.В., Ковригин А.А. Прыговский 2 могильник: Кочевники и лесостепь // УИВ. 2010. № 2 (27). С. 62–71.
- Культура зауральских скотоводов на рубеже эр: (Гаевский могильник саргатской общности: Антропологическое исследование) / В.А. Булдашев, А.А. Ковригин, Л.Н. Корякова и др. Екатеринбург: Екатеринбург, 1997. 180 с.
- Матвеев А.В., Матвеева Н.П. Тютринский могильник // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень: ТюмГУ, 1991. С. 104–139.
- Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Крюкова Т.С. Новые памятники эпохи бронзы и раннего железного века в Ингальской долине (по итогам работ 1998 г.) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. Вып. 2. С. 126–135.
- Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 175 с.
- Матвеева Н.П. Исследование саргатского могильника Старо-Лыбаево-4 в Ингальской долине // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2000а. Вып. 1. С. 28–32.
- Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. Новосибирск: Наука, 2000б. 398 с.
- Матвеева Н.П. Старо-Лыбаевский-4 курганный могильник (по раскопкам 1999 г.) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. Вып. 3. С. 98–113.
- Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Берлина С.В. и др. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 228 с.
- Перерва Е.В. Палеопатология поздних сарматов из могильников Есауловского Аксая // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М.: ИА РАН, 2002. Вып. 1–2. С. 141–151.
- Перерва Е.В. Палеопатология ранних и средних сарматов Есауловского Аксая // Нижневолжский археологический вестн. Волгоград: ВолГУ: ИА РАН, 2006. Вып. 8. С. 50–73 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://sor.volsu.ru/library/docs/00001172.pdf>.
- Першиц А.И. Война и мир на пороге цивилизации: кочевые скотоводы / А.И. Першиц, Ю.И. Семенов, В.А. Шнтрельман. Война и мир в ранней истории человечества. М.: ИЭА РАН, 1994. Т. 2, ч. 3. С. 129–231.
- Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведенное-II // Археологические памятники раннего железного века юга России. М.: ИА РАН, 2004. С. 179–210.
- Поздняков Д.В. К вопросу о травматических повреждениях у населения пазырыкской культуры // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М.: ИА РАН, 2004. Вып. 3. С. 133–141.
- Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 144 с.
- Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск: Инфолио-пресс, 2001. 335 с.
- Ражев Д.И. Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург: УрО РАН, 2009. 492 с.
- Ражев Д.И., Курто П., Зайцева О.В. Бескурганное погребение Сопининского могильника: Анализ с позиций полевой антропологии // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2005. № 6. С. 148–152.
- Сабиров Т.Р. Погребальный обряд Тарасовского могильника (V–I века) на Средней Каме // Вестн. ЧелГУ. 2010. № 18 (199). История. Вып. 41. С. 32–40.
- Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н.э. (по материалам Павлиновского археологического комплекса) / Л.Н. Корякова, М.-И. Дэйр, А.А. Ковригин и др. Екатеринбург: Сургут: Магеллан, 2009. 298 с.
- Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Т. I: Савроматская эпоха. М.: ИА РАН, 1994. 224 с.
- Стрижак М.С. К вопросу о дифференцировании женских и мужских комплексов в «савроматской» культуре на территории Южного Приуралья и Нижнего Поволжья // Нижневолжский археол. вестн. Волгоград: ВолГУ: ИА РАН, 2006. Вып. 8. С. 35–49 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://sor.volsu.ru/library/docs/00001173.pdf>.

Новое в изучении женских погребений (по материалам саргатской культуры Притоболья)

- Фялко Е.Е.* Погребения женщин с оружием у скифов // Курганы степной Скифии. Киев: Наук. Думка, 1991. С. 4–18.
- Хазанов А.М.* Социальная история скифов. М.: Наука, 1975. 336 с.
- Шарапова С.В.* Отчет о раскопках погребального комплекса Карасье в Заводоуковском районе Тюменской области. Екатеринбург, 2001 // Архив ИИА УрО РАН. Ф. II. Д. 73.
- Шарапова С.В.* Маркеры социальной идентичности: Биоархеологический аспект // Человек и Север: Антропология, археология и экология: Материалы Всерос. конф., Тюмень, 26–30 марта 2012 г. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012а. Вып. 2. С. 65–68.
- Шарапова С.В.* Социокультурная идентичность и возможности в интерпретации древней материальной культуры // Вестн. НГУ. 2012б. Сер. История, филология. Т. 11. Вып. 3: Археология и этнография. С. 103–112.
- Шарапова С.В., Берсенева Н.А.* Социальная символика: Система понятий и проблемы изучения // УИВ. 2006. № 14. С. 25–35.
- Шарапова С.В., Ражев Д.И.* Биоархеология черепных травм саргатского населения // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 1 (53). С. 143–154.
- Шевченко М.Ф.* Стрелы у сарматских племен Прикубанья // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар: Изд-во КГИАМЗ, 1993. С. 47–49.
- Chamberlain A.T.* Demography in Archaeology. N. Y.: Cambr. Univ. Press, 2006. 235 p.
- Daire M.Y., Koryakova L., Buldashov V. et al.* Habitats et Nécropoles de l'Âge du Fer au Carrefour de l'Eurasie. Vol. 1. Les fouilles de 1993 à 1997. P.: De Boccard, 2002. 291 p.
- Jesch J.* Women in the Viking Age. Suffolk: St. Endmundsbury Press, 1991. 239 p.
- Knudson K.J., Stojanowski C.M.* New Directions in Bioarchaeology: Recent Contributions to the Study of Human Social Identities // Journ. of Archaeol. Research. 16. 2008. P. 397–432.
- Larsen C.S.* Bioarchaeology: Interpreting Behaviour from the Human Skeleton. Cambridge: Camb. Univ. Press, 1997. 462 p.
- Ražev D., Šarapova S.* Peopling the past: Female burials of the Iron Age forest-steppe in the Trans-Urals // Praehistorische zeitschrift. В печати.
- Sharapova S., Razhev D.* Skull Deformation during the Iron Age in the Trans-Urals and Western Siberia // The Bioarchaeology of the Human Head: Decapitation, Deformation, and Decoration. Gainesville: Univ. Press of Florida, 2011. P. 203–227.
- Sørensen M.L.S.* Gender archaeology. Oxford: Polity Press, 2000. 236 p.
- Wells P.S.* Mobility, Art, and Identity in early Iron Age Europe and Asia // The Golden Deer of Eurasia: Perspectives on the Steppe Nomads of the Ancient World. N. Y.: Metropolitan Museum of Art, 2006. P. 18–23.
- Wilkins J.M., Hill S.* Food in the Ancient World. L.: Blackwell Publishing, 2006. 300 p.
- Zuckerman M.K., Armelagos G.J.* The Origins of Biocultural Dimensions in Bioarchaeology // Social Bioarchaeology. Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. Ch. 2. P. 15–43.

*Екатеринбург, ИИА УрО РАН
svetlanasharapova@rambler.ru

**Тюмень, ИПОС СО РАН
rajevd0@gmail.com

***Франция, Национальный Центр научных исследований
p.courtaud@pacea.u-bordeaux1.fr

The article considers feminine burials dated by the Iron Age (the Sargatka community). The sources being presented both by published and unpublished materials on excavations of mound burials from the forest steppe Low Tobol basin. This investigation differs from reconstructions undertaken before, regarding a social status and role of females in the Sargatka society, not so much by considering indirect indicators (the analysis of burial inventory and rites), as by investigating paleopathologies with a following correlation of anthropological and archaeological data.

The Sargatka culture, forest steppe Low Tobol basin, bioarchaeology, morphological types, sociocultural identity.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ВАРИАЦИИ РАЗМЕРОВ ТЕЛА НОВОРОЖДЕННЫХ И ГРУДНЫХ ДЕТЕЙ¹

Т.К. Федотова, А.К. Горбачева

Рассматриваются взаимосвязи соматического статуса новорожденных и грудных детей России и бывшего СССР 1970-х гг. с набором климатогеографических параметров — долгота, широта, среднегодовая температура, уровень инсоляции, «континентальность» климата. Объем привлеченного материала составляет около 80 тыс. чел. Выявлены связи весоростовых показателей в первую очередь с географической широтой и длиной региона проживания. Для новорожденных отмечается тенденция к увеличению длины тела в связи с увеличением уровня инсоляции региона проживания, что иллюстрирует значение ультрафиолета для роста костной ткани. Выявлен также западно-восточный градиент увеличения длины тела новорожденных с увеличением географической долготы места проживания. Размеры тела грудных детей разных этнических групп уменьшаются с севера на юг и с запада на восток, что примерно соответствует дефинитивному распределению этих показателей у взрослых тех же этнических групп: самые крупные размеры тела у прибалтов и они постепенно уменьшаются к группам Средней Азии и выборкам Дальнего Востока. Для детей славянских этнических групп не выявлено подобных связей. Итоги работы нужно интерпретировать с учетом того, что соматическое развитие как новорожденных, так и грудных детей значительно опосредовано материнским фактором, нивелирующим в эти возрастные периоды проявление индивидуального генетического потенциала и проявление стабильного ростового канала. Поскольку материалы работы представлены урбанизированным населением, влияние климатогеографических параметров может быть нивелировано также антропогенным (урбанистическим) фактором.

Новорожденные, младенцы, длина и масса тела, объемы головы и груди, холодные климатические факторы, уровень инсоляции.

Введение

Географические вариации морфофункционального статуса взрослых и детей изучаются отечественной антропозоологией с конца 1960-х гг. [Алексеева, 1977, 1986, 2003]. Размеры тела и показатели обменных процессов за редким исключением имеют отчетливую географическую зональность как следствие адаптации к среде; частью адаптивной стратегии является и специфика онтогенеза. Весоростовой показатель и соответственно плотность тела и теплопродукция убывают в направлении с севера на юг, в этом же направлении происходит усиление долихоморфии тела. Эти закономерности хорошо согласуются с аналогичными климатическими правилами географических вариаций строения тела животных, описываемых классическим морфолого-географическим правилом Бергмана [Bergmann, 1947] и его частными случаями (правило Аллена, правило Шелфорда — Парка).

Для территории России и бывших республик СССР на больших контингентах взрослого населения выявлена высокая географическая вариабельность показателей строения тела и физиологических признаков в популяциях человека и специфика морфофизиологического комплекса населения разных экологических ниш [Алексеева, 1977, 1986; Алексеева, Алексеев, 1973; Алексеева и др., 1973, 1978; Алексеева, Клевцова, 1980; Антропозоологические исследования..., 1984; Антропозоология..., 2005; Морфофизиологические исследования..., 1981; Павловский, 1970, 1987]. Для детей школьного возраста показано, что широкие вариации климатических условий не оказывают существенного влияния на ростовые процессы и половое созревание, но значительно влияют на рост и развитие в случае их экстремального характера [Миклашевская и др., 1988]. Для детей школьного возраста разных этнотерриториальных групп показано наличие западно-восточного градиента распределения длины тела. Аналогично для русских детей выявлен градиент возрастающий по длине тела и убывающий по массе тела в направлении с севера на юг [Година, 2001]. Для русского населения 42 субъектов РФ по материалам 2007 г. отмечено, что длина тела новорожденных прямо связана с уровнем инсоляции, а масса тела снижается с возрастанием суровости климата, в частности корреляция со средней

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 12-06-00036-а.

Географические вариации размеров тела новорожденных и грудных детей

температурой января $r = 0,56$ [Вершубская и др., 2011]. Для детей грудного возраста показано, что динамика ростовых кривых на первом году жизни в меньшей степени определяется климатогеографическими переменными, чем антропогенным фактором [Горбачева, Федотова, 2011]. Дети, растущие в наиболее урбанизированной среде, Москве и Мурманске, отличаются наиболее высокими темпами приростов длины и массы тела на протяжении грудного периода в случае московской выборки и стабильной акцелерированностью по габаритным размерам сквозь весь интервал наблюдения в случае мурманской выборки. Дистрессовые условия крайней экологической «перегрузки» в Донецкой области определяют существенное отставание украинских детей этого региона в темпах роста длины тела и обхвата головы.

В задачу настоящей работы входил анализ соотношений соматического развития новорожденных и грудных детей с набором климатогеографических параметров на численно представительном материале.

Материалы и методы

Для анализа привлечены 46 этнотерриториальных групп 12-месячных детей бывшего СССР 1970-х — начала 1980-х гг., преимущественно городские выборки, из сборников «Материалы по физическому развитию детей и подростков городов и сельских местностей СССР» 1977, 1986 и 1988 гг. Численность половозрастной группы не менее 100 чел. Аналогичный анализ для новорожденных выполнен с привлечением 63 этнотерриториальных групп, представленных одиночнорожденными доношенными новорожденными младенцами, из сборника «Материалы по физическому развитию детей и подростков городов и сельских местностей СССР» 1977 г. Минимальная численность групп превышает 100 чел., максимальная — 3825 чел. Исключение составляют выборки эскимосских новорожденных поселка Провидение Магаданской области: 53 мальчика и 51 девочка. Все выборки преимущественно городские, как и в случае грудных детей, за исключением Львовской и Одесской областей УССР, представленных также сельским населением. Для удобства анализа материала межгрупповые сравнения проводились отдельно для славянских этнических групп разных регионов СССР, очень близких по соматическим показателям [Горбачева, Федотова, 2011], отдельно для прочих этнических групп. Сопоставление проводилось по четырем основным показателям физического развития: длина и масса тела, обхваты головы и груди. В качестве климатогеографических характеристик места проживания группы использовался набор показателей, характеризующих в числе прочего суровость климата, из электронных статистических баз данных [Погода и климат, 2013; Метеоархивы 1, 2013; Метеоархивы 2, 2013]: 1) географическая широта; 2) географическая долгота; 3) инсоляция региона (количество часов солнечного сияния в год); 4) суммарная солнечная радиация за год, МДж/м²; 5) среднегодовое количество осадков (мм); 6) средняя температура января; 7) средняя температура июля; 8) разность средних температур января и июля («континентальность» климата); 9) среднегодовая температура. Для установления интенсивности и направления связей антропометрических показателей и внешних факторов строились диаграммы рассеяния. На них зависимость между двумя переменными описывается линией регрессии, автоматически вычисляемой с помощью метода наименьших квадратов.

Результаты и обсуждение

Для новорожденных *славянских* групп при увеличении географической широты, т.е. в направлении с юга на север, и с увеличением суровости климата увеличивается длина тела и в меньшей степени обхват груди детей обоих полов. Масса тела и обхват головы не зависят от этой географической характеристики места проживания. Аналогичная зависимость отмечается и для трех других показателей суровости климата — разности средних температур январь — июль или «континентальности» климата, среднегодовой температуры и средней температуры января. С усилением континентальности климата и уменьшением среднегодовой температуры и температуры января (абсолютные значения) уменьшается длина тела детей обоих полов. Отмеченные закономерности носят характер тенденции, не достигающей уровня достоверности. Выявлена достоверная тенденция увеличения длины тела новорожденных с запада на восток с увеличением географической долготы места жительства ($r = 0,4$, $P = 0,02$ для мальчиков и $r = 0,38$, $P = 0,02$ для девочек) (рис. 1, а). В контексте географии России долгота в значительной степени также характеризует западно-восточный градиент усиления суровости климата и может рассматриваться как косвенный указатель «похолодания» климата. При увеличении

уровня инсоляции отмечается закономерное увеличение длины тела у детей обоих полов, интерпретируемое с точки зрения значения ультрафиолета для метаболизма костной ткани. Различия носят характер тенденции (рис. 1, б).

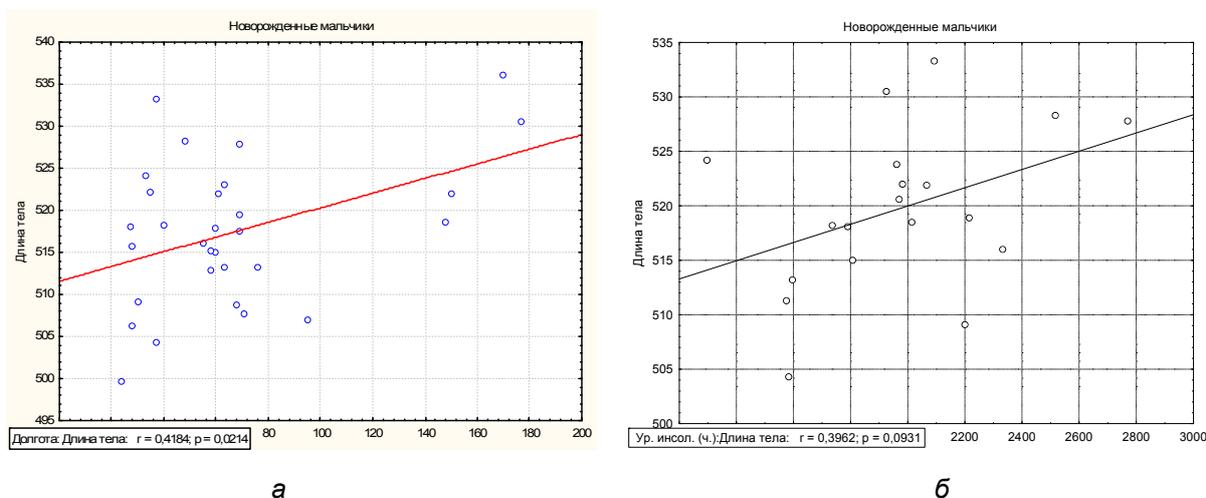

Рис. 1. Корреляция длины тела новорожденных славянских мальчиков с географической долготой (а) и уровнем инсоляции (б)

При сравнении *этнических* групп новорожденных выявлено достоверное ($0,01 < P < 0,05$) или близкое к достоверному ($P = 0,06-0,07$) влияние на соматический статус новорожденных тех же климатогеографических факторов суровости климата, что и при сравнении разных территориальных славянских групп. Однако эти факторы — долгота, максимальная температура января, среднегодовая температура, континентальность климата, влажность — обнаруживают связи не с длиной тела, как это было при анализе славянских групп, но с обхватом груди и массой тела у девочек и мальчиков (рис. 2), что, вероятно, следует интерпретировать с точки зрения этно-генетических различий между выборками.

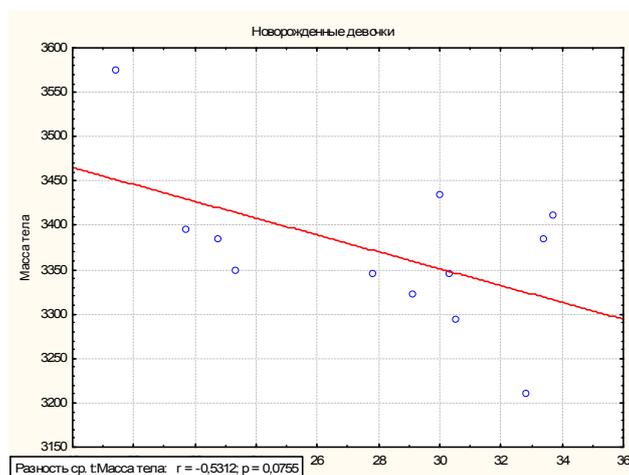

Рис. 2. Корреляция массы тела новорожденных девочек разных этнических групп с разностью средних температур января и июля

Аналогичные закономерности климатогеографической изменчивости размеров тела новорожденных описаны для многих регионов мира. Так, для новорожденных Перу выявлен градиент убывания массы тела от береговых территорий к лесным и далее к горным, различия между тремя регионами достоверны $P < 0,05$ [Rendon, Apaza, 2008]. В ряде работ показано уменьшение массы тела новорожденных с увеличением высоты над уровнем моря в связи с усилением фактора гипоксии [Beall, Steegmann, 2000; Wells, Cole, 2002; Wiley, 1994; Zamudio et al., 1993].

Географические вариации размеров тела новорожденных и грудных детей

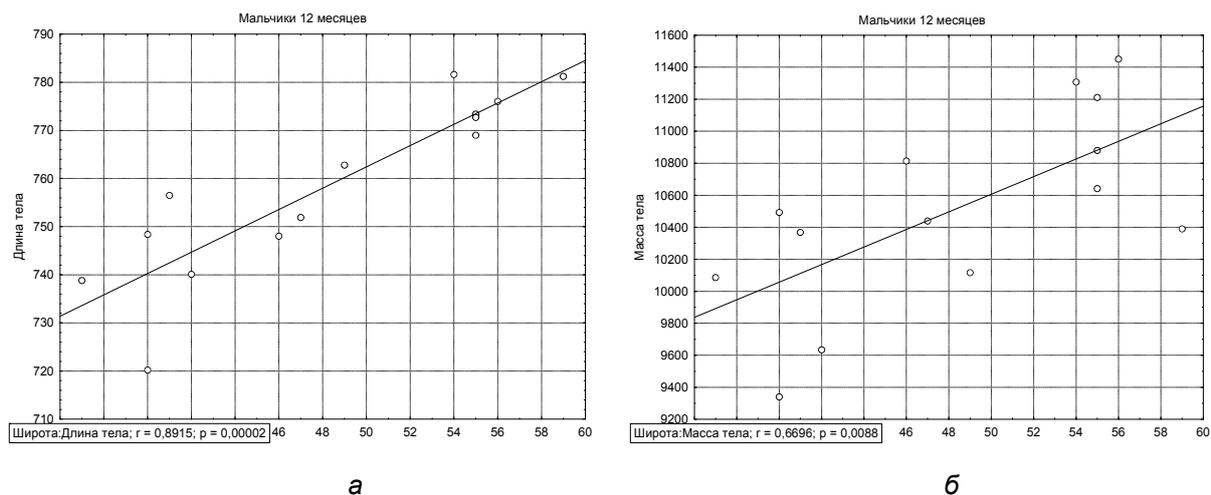

Рис. 3. Корреляция длины тела (а) и массы тела (б) 12-месячных мальчиков разных этнических групп с географической широтой

Для *славянских* грудных детей 12-месячного возраста в нашем случае не выявлено достоверных связей ни для одного из сочетаний соматических показателей с климатогеографическими параметрами. Для детей *этнических* групп выявлены достоверные связи весоростовых показателей детей обоих полов с широтой и долготой места проживания (рис. 3–5). Уровень корреляций 0,5–0,7 для долготы, направление связи отрицательное ($P < 0,05$; $P < 0,001$). Для широты — 0,6–0,8 ($P < 0,001$). Таким образом, размеры тела годовалых детей уменьшаются с севера на юг и с запада на восток, что примерно соответствует дефинитивному распределению этих показателей у взрослых тех же этнических групп: самые крупные размеры тела у прибалтов и они постепенно уменьшаются к монголидным группам Средней Азии и выборкам Дальнего Востока. Связи с холодowymi факторами (средняя годовая температура и «континентальность» климата) обнаруживают не достигающие уровня достоверности тенденции уменьшения весоростовых показателей с увеличением суровости климата.

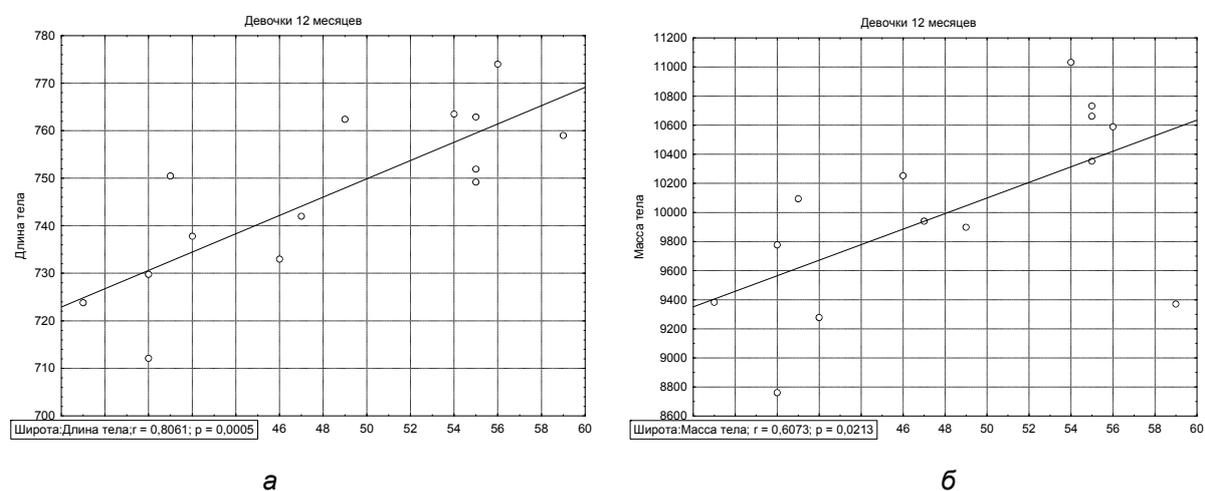

Рис. 4. Корреляция длины тела (а) и массы тела (б) 12-месячных девочек разных этнических групп с географической широтой

Таким образом, характер географических вариаций размеров тела новорожденных не совпадает с таковым у детей грудного возраста. Так, у новорожденных славянских групп длина тела увеличивается с запада на восток, у годовалых детей, напротив, уменьшается. А уровень инсоляции не вносит вклада в изменчивость длины тела грудных детей 12-месячного возраста, но является одним из факторов вариации длины тела новорожденных.

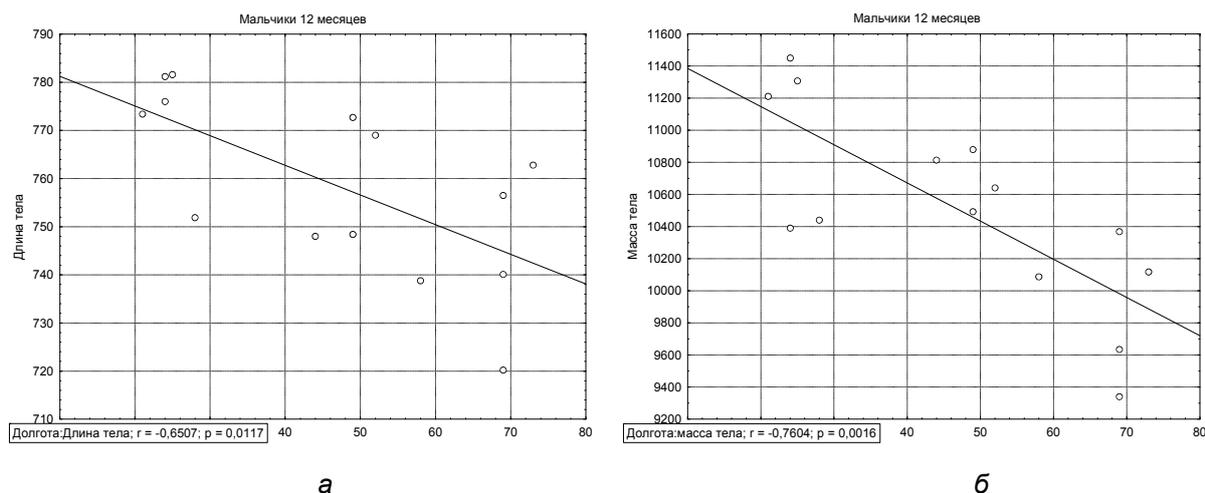

Рис. 5. Корреляция длины тела (а) и массы тела (б) 12-месячных мальчиков разных этнических групп с географической долготой

Напомним, что размеры тела новорожденных не являются выражением генетического ростового потенциала и в значительной степени опосредованы материнским фактором. Аналогично и размеры тела грудных детей в существенной степени опосредованы материнским фактором и условиями патронажа. Собственно, основное биологическое содержание грудного периода онтогенеза — компенсаторный рост, «выравнивающий» условия пренатального развития и преодолевающий последствия неблагоприятных условий внутриутробного роста; постепенное вхождение в индивидуальную ростовую траекторию (канал развития) по мере перехода от материнского контроля к самоконтролю, основанному на индивидуальной генетической программе. В грудном возрасте нет еще ни устойчивых межиндивидуальных различий, ни устойчивого межгруппового разнообразия, что описано нами в ряде работ [Горбачева, Федотова, 2011; Дерябин и др., 2009]. Четкая соматическая специфика группы, по аналогии со старшими возрастными контингентами, в этом возрасте фиксируется только для групп в экстремальных экологических условиях. Результаты проведенного нами анализа, в частности разнонаправленность географической изменчивости размеров тела у новорожденных и грудных детей, как раз иллюстрирует всю революционность процессов развития на первом году жизни ребенка.

Нельзя также не отметить, что почти все привлеченные к анализу выборки — урбанизированное население. Урбанистический фактор, как известно из литературы, значительно сглаживает влияние природных факторов. Например, отмечается удивительное сходство в темпах созревания русских девочек крупных городов. В Москве, Архангельске, Смоленске, Нижнем Новгороде, Омске, Томске, Иркутске, Улан-Удэ, Южно-Сахалинске средний возраст менархе незначительно колеблется в диапазоне 12,9–13,1 года. У сельского русского населения упомянутых территорий размах изменчивости этого показателя более значителен (0,8 года) [Година, 2003]. Равным образом и для новорожденных выявляются систематические различия по габаритным размерам тела, длине и массе, между городскими и сельскими выборками одних и тех же регионов в пользу акцелерированности первых, в то время как даже направление этнических различий в случае новорожденных не столь устойчиво, определенно и однозначно [Борова и др., 2012]. Но даже на фоне всех изложенных обстоятельств и у новорожденных, и у грудных детей выявляются биологически содержательные связи соматического развития с природными факторами среды, у последних примерно соответствующие закономерностям этно-территориальных соматических вариаций взрослого населения.

Заключение

Результаты проведенного анализа нужно интерпретировать с учетом биологической специфики рассматриваемых возрастных групп, в первую очередь того обстоятельства, что соматическое развитие как новорожденных, так и грудных детей значительно опосредовано материнским фактором, нивелирующим в эти возрастные периоды проявление индивидуального

Географические вариации размеров тела новорожденных и грудных детей

генетического потенциала. Поскольку материалы работы представлены урбанизированным населением, влияние климатогеографических параметров может быть нивелировано также антропогенным (урбанистическим) фактором. Тем не менее и в эти возрастные периоды обнаруживаются некоторые связи с климатогеографическими переменными, как это характерно для детей старших возрастных групп и взрослого населения.

Для новорожденных отмечается тенденция к увеличению длины тела в связи с увеличением уровня инсоляции региона проживания, что иллюстрирует значение ультрафиолета для роста костной ткани. Выявлен также западно-восточный градиент увеличения длины тела новорожденных с увеличением географической долготы места проживания. Для детей грудного возраста разных этнических групп выявлено постепенное уменьшение весоростовых параметров с севера на юг и с запада на восток от прибалтийских к среднеазиатским и дальневосточным группам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеева Т.И.* Географическая среда и биология человека. М.: Мысль, 1977. 302 с.
- Алексеева Т.И.* Адаптивные процессы в популяциях человека. М.: Изд-во МГУ, 1986. 216 с.
- Алексеева Т.И.* Антропологические аспекты экологии человека: Незульматы и перспективы // Антропология на пороге III тысячелетия: Материалы конф. Москва, 29–31 мая 2002. М.: Старый сад, 2003. Т. 2. С. 716–718.
- Алексеева Т.И., Алексеев В.П.* Антропологические исследования на Чукотке // Зап. Чукотского краеведческого музея. Магадан, 1973. Вып. 6. С. 3–8.
- Алексеева Т.И., Алексеев В.П., Спицын В.А. и др.* Ферментные и другие белки крови и дифференциация популяций Северо-восточной Азии // (Некоторые итоги генетико-антропологических исследований) // Вопр. антропологии. 1978. Вып. 58. С. 23–41.
- Алексеева Т.И., Волков-Дубровин В.П., Голубчикова З.А. и др.* Саамы: Морфофункциональный очерк // Вопр. антропологии. 1973. Вып. 43. С. 52–67.
- Алексеева Т.И., Клевцова Н.И.* Алеуты Командорских островов: (Морфофизиологическая характеристика) // Вопр. антропологии. 1980. Вып. 65. С. 17–28.
- Антропоэкологические* исследования в Туве. М., 1984. 224 с.
- Антропоэкология* Центральной Азии. М.: Науч. мир, 2005. 328 с.
- Боровкова Н.П., Горбачева А.К., Федотова Т.К., Чтецов В.П.* Этно-территориальное разнообразие размеров тела новорожденных // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 23: Антропология. 2012. № 3. С. 56–71.
- Вершубская Г.Г., Козлов А.И., Касаткина Я.А.* Доходы, питание, климат и размеры новорожденных России // Междунар. науч. конф. «Современные проблемы экологии человека», посв. памяти О.М. Павловского и В.П. Волкова-Дуровина. 7–9 декабря 2011 г.: Тез. докл. М.: Параллели, 2011. С. 76–77.
- Година Е.З.* Динамика процессов роста и развития у человека: Пространственно-временные аспекты: Автореф. дис. ... д-ра биол. наук. М., 2001.
- Година Е.З.* Аукуология // Антропология: Учеб. для студ. учеб. заведений. М.: ВЛАДОС, 2003. С. 113–172.
- Горбачева А.К., Федотова Т.К.* Особенности ростовых процессов детей грудного возраста в разных экологических нишах // Междунар. науч. конф. «Современные проблемы экологии человека», посв. памяти О.М. Павловского и В.П. Волкова-Дуровина. 7–9 декабря 2011 г.: Тез. докл. М.: Параллели, 2011. С. 81–82.
- Дерябин В.Е., Федотова Т.К., Горбачева А.К.* Ростовые процессы у детей грудного возраста. Деп. ВИНТИ № 690-В2009. М., 2009. 110 с.
- Материалы по физическому развитию детей и подростков городов и сельских местностей СССР.* М.: Медицина, 1977. 493 с.
- Материалы по физическому развитию детей и подростков городов и сельских местностей СССР.* Вып. IV, ч. 1. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. М., 1986. 171 с.
- Материалы по физическому развитию детей и подростков городов и сельских местностей СССР.* Вып. IV, ч. 2. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. М., 1988. 223 с.
- Метеоархивы 1* [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://aisori.meteo.ru>.
- Метеоархивы 2* [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <ftp://ftp.ncdc.noaa.gov/pub/data/global sod>.
- Миклашевская Н.Н., Соловьева В.С., Година Е.З.* Ростовые процессы у детей и подростков. М.: Изд-во МГУ, 1988.
- Морфо-физиологические* исследования в антропологии. М.: Изд-во МГУ, 1981.
- Павловский О.М.* Биологический возраст человека. М.: Изд-во МГУ, 1987. 280 с.
- Павловский О.М.* Особенности динамики костной плотности в половозрастном и этнотерриториальном аспектах // Морфофизиологические исследования в антропологии. М.: МГУ, 1970. С. 92–141.
- Погода и климат* [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://pogoda.ru.net/climate>.

Т.К. Федотова, А.К. Горбачева

Beall C.M., Steegmann A.T. Human adaptation to climate: temperature, ultra violet radiation, and altitude / Eds. S. Stinson, B. Bogin, R. Huss-Ashmore, D. O'Rourke // Human biology: An evolutionary and biocultural perspective. N. Y.: Wiley-Liss, 2000. P. 163–224.

Bergmann C. Über die Verhältnisse der Wärmeökonomie der Thiere zu ihrer Grösse // Göttinger Studien. 1947. 1. Abt. S. 595–708.

Rendon M.T., Apaza D.H. Peruvian neonatal fetal growth according to its sex, geographical area, and maternal parity and height // Ginecol. Obstet. Mex. 2008. Vol. 76. N 9. P. 512–519.

Wells J.C.K., Cole T.J. Birth weight and environmental heat load: A between-population analysis // Am. J. Phys. Anthropol. 2002. Vol. 119. Iss. 3. P. 276–282.

Wiley A.S. Neonatal and maternal anthropometric characteristics in a high altitude population of the western Himalaya // Am. J. Hum. Biol. 1994. Vol. 6. No. 4. P. 499–510.

Zamudio S., Droma T., Norkyel K.Y. et al. Protection from intrauterine growth retardation in Tibetans at high altitude // Am. J. Phys. Anthropol. 1993. V. 91. Iss. 2. P. 215–224.

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
tatiana.fedotova@mail.ru*

The paper considers correlations between a somatic status with newborn babies and infants from Russia and former USSR in 1970s and a set of climatic and geographical parameters, such as longitude, latitude, average annual temperature, insolation level, and continentality of the climate. The amount of attracted data totals to about 80 thousand persons. Subject to discovery being correlations of weight/height parameters first of all with geographical latitude and longitude of a residence region. For newborn babies, they registered a tendency toward increasing of body length due to increasing of insolation level of a residence region, which illustrates a significance of ultraviolet for growth of bone tissue. They also registered west-east gradient of increasing body length with newborn babies together with increasing of geographical longitude of a residence place. Body dimensions with infants from different ethnic groups tend to decrease from north to south and from west to east, which approximately corresponds to definitive distribution of these parameters with adults from the same ethnic groups: the biggest body dimensions being with Baltic groups, gradually decreasing to groups of the Middle Asia and samplings from the Far East. As to infants of Slavic ethnic groups, such correlations have not been identified. The investigation results should be interpreted bearing in mind that somatic development of both newborn babies and infants being considerably mediated by a maternal factor, leveling manifestation of individual genetic potential as well as manifestation of stable growth channel during the considered age periods. Since the investigation materials being represented by urbanized population, the influence of climatic-and-geographical parameters could be leveled by anthropogenic (urban) factor as well.

Newborn babies, infants, body length and weight, head and chest circumferences, chill climatic factors, insolation level.

ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ПРОСПИХИНСКАЯ ШИВЕРА IV)¹

П.О. Сенотрусова*, П.В. Мандрыка*, О.Е. Пошехонова**

По результатам археолого-антропологического изучения материалов могильника Проспихинская Шивера IV установлена половозрастная характеристика умерших, определены особенности погребального обряда (температура кремации, ее продолжительность, наличие костей животных), выявлены «эталонные» наборы предметов сопроводительного инвентаря для отдельных групп погребенных. Авторы проводят реконструкцию некоторых обрядовых действий во время похорон людей периода развитого средневековья на территории таежной зоны Северного Приангарья.

Северное Приангарье, средневековье, археология, могильник, кремация, погребальный обряд, краниология, остеология.

На сегодняшний день в Северном Приангарье известен и изучен десяток средневековых памятников, содержащих грунтовые захоронения с трупосожжениями на стороне (могильники Проспихинская Шивера IV, Усть-Кова, Чадобец, Усть-Тасеева, Сергушкин-3 и др.) [Мандрыка и др., 2011, Привалихин, 1993; Леонтьев и др., 2005]. Полученный за последние годы новый массив археологических данных постепенно вводится в научный оборот, расширяя источниковую базу для исторических построений. При этом антропологические исследования для большинства из них не проводились, что снижает ценность данных источников.

Антропологический анализ обломков обожженных костей существенно отличается от изучения целых скелетов: необходима специальная методика этой исследовательской процедуры. Археолог, сталкиваясь с кремированными останками человека, не может без помощи антрополога на должном уровне провести даже первичный анализ полученных материалов. Неспециалисту сложно, а подчас и невозможно определить количество погребенных, надежно выделить в общем массиве обломков кости человека и животных, установить пол и возраст погребенного и др. В абсолютном большинстве публикаций, посвященных средневековым погребениям Северного Приангарья, подобная информация отсутствует, а сам вопрос о возможности антропологического анализа кремированных костей не ставится [Привалихин, 1993; Леонтьев и др., 2005], что объясняется как качеством и сохранностью костного материала, так и интересами исследователей.

В этой связи значимы результаты комплексного археолого-антропологического изучения материалов из могильника Проспихинская Шивера IV, расположенного на правом берегу Ангары в 1 км выше устья р. Коды (рис. 1). В 2008 г. разведочным отрядом Института археологии и этнографии СО РАН под руководством А.Н. Зенина на памятнике было найдено первое погребение [Гаркуша, Гришин, 2009]. В 2009–2011 гг. охранно-спасательными работами Проспихинского отряда Богучанской экспедиции ИАЭТ СО РАН под руководством П.В. Мандрыки [Мандрыка, Сенотрусова, 2010; Мандрыка и др., 2011] могильник был вскрыт сплошным раскопом. На площади 6800 м² изучено 91 грунтовое погребение, в том числе 88 относящихся к эпохе средневековья и датирующихся в пределах XI–XIV вв.

Погребения устраивались в квадратных, прямоугольных, овальных, круглых ямах небольших размеров — от 15×15 до 80×90 см. В них компактно, скоплением или рассеянно по всему дну размещались обломки кальцинированных костей человека, часто с включением угольков. Здесь же, внутри скопления обломков костей, залегал сопроводительный инвентарь со следами пребывания в огне. В редких случаях вещи лежали в заполнении ямы над скоплением костей,

¹ Работа выполнена при поддержке Программы Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект «Изменчивость адаптивных возможностей и саналогического состояния аборигенов Сибири в конце I — середине II тыс. н.э.», и гранта РФФИ 13-06-00158.

под ним или рядом. В отдельных случаях на дне ямы или в заполнении над скоплением костей отмечались обрывки бересты и обломки деревянных плах. Достаточно часто на уровне древней поверхности с западной и восточной стороны от погребения фиксировались два камня, в двух случаях отмечены каменные кольцевые кладки. Большое число погребений без надмогильных сооружений, но они могли быть вынесены современными лесосводными работами, которые частично разрушили отдельные участки поверхности памятника. Могильные ямы при этом оставались непо потревоженными.

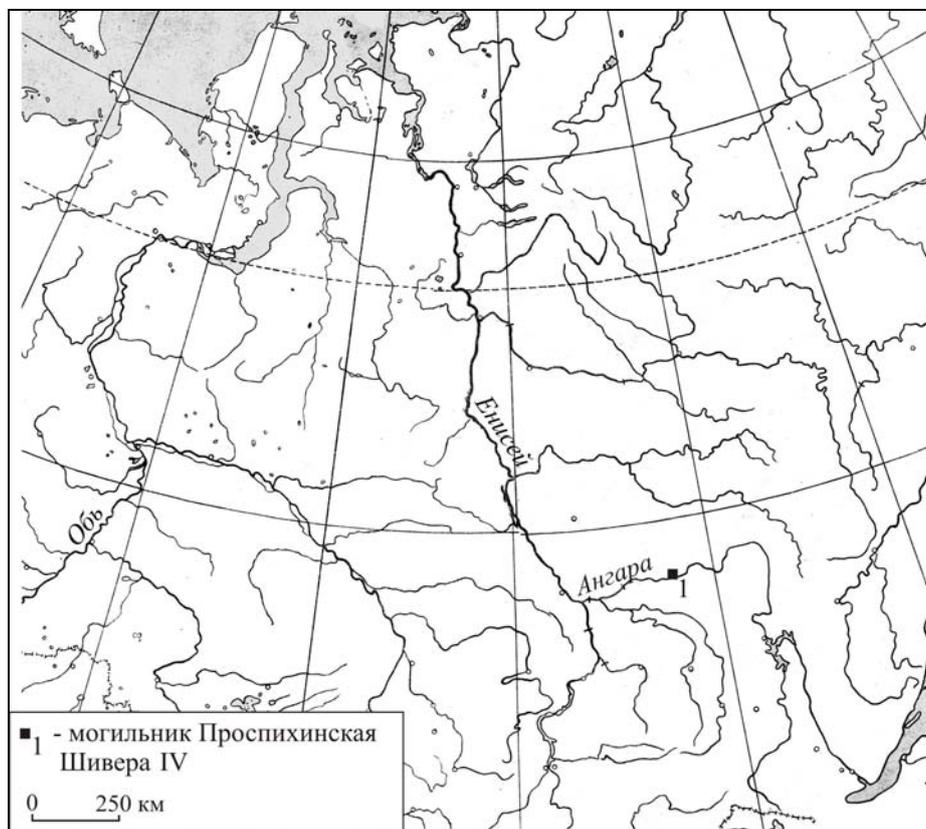

Рис. 1. Расположение могильника Проспихинская Шивера IV на карте Сибири

Материал и методика

Археолого-антропологические исследования проводились с целью реконструкции некоторых элементов погребальной обрядности. Была разработана методика, применение которой позволило наиболее полно собрать данные для реконструкции. На первом этапе из массы обломков выбирались фрагменты костей, достоверно принадлежащие человеку, определялись состав костных элементов, минимальное количество погребенных в каждом захоронении, по возможности пол и возраст умерших. Далее полученные по каждой могиле сведения сопоставлялись с археологическими данными для установления закономерностей распределения инвентаря согласно половой принадлежности захороненных и их количеству. На последнем этапе для половозрастной характеристики похороненных в могилах с неопределимыми костными остатками выявлялись маркеры в наборах погребального инвентаря, типичные для надежно установленных женских, мужских и детских погребений. Вместе с тем проверялась достоверность половозрастных антропологических определений. Параллельно выяснялись условия кремации (температура, продолжительность и среда) и захоронения останков. Отдельная и немаловажная работа по выявлению и определению в погребениях кальцинированных костей животных была выполнена палеонтологом². Только исходя из данных, полученных на этих этапах, можно было провести реконструкцию некоторых элементов похоронного обряда.

² Палеонтологические определения были выполнены к.б.н. Н.Д. Оводовым.

Особенности погребальной обрядности средневекового населения Северного Приангарья...

В ходе работ были проанализированы материалы из 85 средневековых погребений. Вес костных остатков в каждом из них различен и варьируется в пределах 0,014–4,8 кг. Подсчет всех фрагментов для каждого захоронения не делался, так как их было очень много (по несколько тысяч в каждом пакете). Отбор обломков костей, достоверно принадлежащих человеку, и их идентификация по характерным анатомическим образованиям проводились по «Атласу анатомии человека» Р.Д. Синельникова [1967] с использованием эталонов. Если в скоплениях присутствовали обломки костей, которые не могли принадлежать одному человеку, то делалось заключение о наличии нескольких погребенных. Основанием для этого могло быть присутствие одинаковых костей и зубов или их морфологическая характеристика (размер, степень сформированности и др.). Для остальных погребений сделано предположение, что кости могли принадлежать одному человеку. Но не исключена вероятность ошибочности данного заключения, поскольку от нескольких человек могли сохраниться обломки из разных отделов скелета.

Определение половой принадлежности погребенных осуществлялось по обломкам черепа и костям таза (при их наличии) с использованием стандартной методики [Алексеев, Дебеч, 1964; Алексеев, 1966]. Также учитывались выраженность рельефа на длинных костях и их массивность. В случае отсутствия таких морфологических характеристик пол не определялся. В данном исследовании невозможно было применять измерения костей для установления пола погребенного в связи с фрагментированностью материала и с учетом уменьшения размеров костей под воздействием высоких температур при сжигании.

Для определения возраста смерти применялись визуальные макроморфологические методики [Алексеев, 1966; Зубов, 1968; Lovejoy, 1985; Ubelaker, 1978; Meindl, Lovejoy, 1985]. Так как половозрастные характеристики устанавливались по одному или двум признакам, достоверность выводов сильно снижена, в связи с чем возраст установлен в широких промежутках, общепринятых в антропологической науке. *Infantilis I* — до появления первых постоянных моляров (6–7 лет); *infantilis II* — до появления вторых постоянных моляров (14–15 лет); *juvenis* — до закрытия основно-затылочного синостоza (18–22 года); *adultus* — приблизительно до 30–35 лет; *maturus* — приблизительно до 50–55 лет; *senilis* — старческий возраст [Алексеев, Дебеч, 1964].

Далее проводилось описание кремнированных остатков. Устоявшейся методики исследования костных фрагментов со следами воздействия высокой температуры в настоящее время не имеется. Но в руководствах и публикациях последних лет определены основные подходы к работе с материалами такого типа и возможности интерпретации получаемых данных [Козловская, 1998; Walker, Miller, 2005; Holck M.D., Holck Ph.D., 2008; Ражев, 2001]. При этом особое значение имеет тщательность сбора остатков при раскопках и подробное описание при камеральном исследовании.

В первую очередь обращается внимание на цвет фрагментов. Исходя из окрашенности обломков можно реконструировать температуру горения и условия сжигания тел (обычный костер или высокотемпературная камера). Немаловажным является и состояние обломков: величина фрагментов, характер трещин и изломов, наличие деформирующих изгибов и сетки поверхностных трещин. В ходе многочисленных экспериментов установлено, что при сжигании тела наблюдаются характерные округлые изломы компактного вещества, сильные деформирующие изгибы. Большая мышечная масса мягких тканей увеличивает вероятность оплавления кости. В случае сжигания сухой, обезжиренной кости наблюдаются крупные продольные и поперечные разломы через всю толщу компакты. В данном случае также наблюдается отсутствие искривления и сетки поверхностных трещин неправильной формы. Поэтому можно с большой долей вероятностью установить факт сжигания тела или скелета. Величина фрагментов дает информацию о длительности обжига.

Результаты и обсуждение

В результате по описанной методике на материалах могильника были определены останки как минимум 116 чел., в числе которых 30 детей разного возраста, 3 чел. юношеского возраста и 83 взрослых, для трех погребений фрагменты костей не были достоверно определены как человеческие. Для взрослого населения определен возраст в следующих промежутках: *adultus* — 13 чел.; *adultus* — *maturus* — 53 чел.; *adultus* — *senilis* — 9 чел.; *maturus* — *senilis* — 7 чел. и *senilis* — 1 чел. Пол установлен только в 35 случаях: из определенных останков 24 принадлежали мужчинам, 11 — женщинам (табл.).

Характеристики погребенных и погребального обряда могильника Проспихинская Шивера IV

№ погребения	Пол	Возраст	Температура, °С	Вес, кг	Сохранность тела на время сжигания*	Время горения	Кости животных +/-	Инвентарь	
1	?	j	300–800		1	Более 1 часа	-	?	
2	♂	a-m	200–600	1,9	1	Около 2 часов	-	ВТУ	
3	Исследования не проводились								УМСк
4	?	a	200–1000	2,9	1	Более 1 часа	+ (?)	ВПТУС	
	—	i ll							
5	♂	a-m	»	2,3	1	»	+ (?) Косуля, рыба, птица	ВПТУС	
6	?	a	200–800	1,6	3	»	-	ПТУСк	
7	♂	a-m	200–1000	4,8	1	»	+ Северный олень	ВПТУК	
	—	i ll							
8	?	a-m	300–1000	1,6	3	»	+ (?)	ВПТУ	
9	?	a-m	200–600	0,2	1	Около 2 часов	+ (?)	ТУСк	
10	—	i ll	200–800	0,08	2	Более 1 часа	-	ВТУ	
11	—	i l	200–600	0,6	1	Около 2 часов	-	ПТУСк	
12	?	a-m	900–1000	1,0	1	Более 2 часов	-	ПТУ	
13	♂	a	200–600	2,4	3	Более 1 часа	-	ВТУ	
14	?	a-m	600–1000	0,5	1	Около 2 часов	-	ТУСк	
15	?	a-m	200–600	0,9	1	Более 1 часа	-	Ск	
16	Исследования не проводились								ТУС
17	?	a-m	200–1000	1,4	2	Более 1 часа	+ (?)	ВПТУСк	
18	♀	a-m	»	1,8	3	»	+ (?)	ВТУ	
19	?	a-m	»	1,6	1	Около 2 часов	-	ВТУС	
20	?	a-m	200–600	0,6	1	Более 1 часа	+ (?) полевка	ВУСк	
21	♂	a-m	200–1000	3,1	1	»	-	ВТУ	
	—	i ll							
22	?	a-m	»	1,9	3	Менее 1 часа	+ (?) рыба	ТУС	
23	?	a-m	200–600	1,9	3	Более 1 часа	+ (?)	ВТУ	
24	?	a-m	400–600	0,2	1	Более 2 часов	-	ТС	
25	?	a-m	»	0,2	1	Более 1 часа	-	ВУ	
26	?	a-m	300–1000	1,2	3	»	-	ПТУСск	
27	—	i ll	200–1000	0,2	1	Более 2 часов	-	ТУС	
28	—	i l	»	1,1	1	»	-	ВПТУ	
29	?	a-m	»	0,9	3	Более 1 часа	-	ТУ	
30	—	i l	600–1000	0,03	?	Более 2 часов	-	ВПУ	
31	—	i l	300–1000	0,03	?	»	-	ТУ	
32	?	a-m	400–1000	0,05	?	»	+ (?)	У	
33	?	?	600–1000	0,05	1	»	-	У	
34	?	a-m	200–1000	0,95	3	Более 1 часа	-	ТУ	
35	?	a-m	»	1,0	3	»	-	ВПТУСк	
36	?	m-s	200–600	1,1	3	»	+ (?)	Ск	
37	—	i l	600–1000	0,05	?	Более 2 часов	+ Суслик	ТУС	
38	?	a-m	200–1000	1,0	1	Более 1 часа	+ Рыба	ТУ	
40	—	i ll	»	1,0	1	»	-	ТУ	
41	?	a-m	»	0,25	3	»	+ (?)	У	
42	♀	a-m	200–600	1,9	3	»	-	ВПТУСк	
43	?	a-m	200–1000	0,8	3	»	-	ПТУС	
	—	i l							
44	Исследования не проводились								У+?
45	♀	a	200–900	0,9	1	Более 1 часа	-	ПТУ	
46	♂	m-s	300–900	1,4	3	»	+ (?)	ВТУ	
47	?	a-s	200–800	0,144	1	Около 2 часов	+ (?)	Ск	
48	♂	a-m	200–900	1,1	3	Менее 1 часа	+ (?)	ВПТУ	
49	♂	m-s	200–1000	1,9	1	Некоторые не сожжены, более 1 часа	-	ВТУС	
	—	i l							
50	?	a-s	»	0,098	1	Около 2 часов	-	ПТУ	
51	?	m-s	»	0,89	1	Более 1 часа	-	ТУС	
	—	i l							
52	?	a-m	300–1000	0,268	3	»	+ (?) птица	ВТУ	
	—	i l							
53	?	a-s	200–900	0,316	2	Около 2 часов	+ (?)	У	
54	?	a-m	400–1000	0,116	1	Более 1 часа	+ (?)	ВССк	
55	?	a-m	400–900	0,044	1	Около 2 часов	-	—	
56	?	a-s	200–1000	0,07	1	»	Водяная полевка	ТУ	
	—	i l							
57	?	a-s	900–1000	0,054	1	»	-	УС	
	—	i l							

Особенности погребальной обрядности средневекового населения Северного Приангарья...

Окончание табл.

№ погребения	Пол	Возраст	Температура, °С	Вес, кг	Сохранность тела на время сжигания*	Время горения	Кости животных +/-	Инвентарь
58	?	a-m	200-600	0,640	1	Более 1 часа	-	ВТ
59	?	j	200-1000	1,6	3	Более 1 часа	-	У
	?	j				Более 1 часа, некоторые не сожжены		
	♂	m-s				»		
60	—	i II	»	0,046	1	Более 1 часа	-	УСк
61	♂	m-s	200-800	1,7	3	Более 1 часа	+	(?) ; рыба; лошадь
	—	i II						
62	♂	a	»	1,0	3	»	+	(?)
	♀	a						
63	—	i II	400-600 (череп 200-300)	0,5	1	Более 1 часа, некоторые не сожжены	+	(?)
	♂	a						
64	♂	a-m	300-900	0,8	1	Более 1 часа	+	(?)
65	♂	a-m	200-800	1,4	1	»	-	ВТКС
	♀	a-m						
67	?	a-m	300-1000	1,2	3	»	-	ТУ
	—	i I						
68	♀	a-m	»	0,87	3	»	-	Т
	—	i I						
69	?	?	?	0,024	?	?	-	У
70	?	a-m	300-800	0,8	3	Более 1 часа	+	(?)
	?	a-m						
71	♂	a	200-1000	3,0	1	Более 1 часа, некоторые не сожжены	-	ВУС
	♀	a						
	—	i II						
72	♂	a-m	400-1000	0,97	3	»	-	ВТУ
	?	a-m						
73	♂	m-s	300-800	1,1	1	Некоторые не сожжены, менее 1 часа	-	ВТУСк
	—	i II				Менее 1 часа		
74	?	a-s	200-1000	0,014	??	Более 2 часов	+	(?)
75	?	a-m	300-1000	0,8	1	Около 2 часов	+	(?)
76	♂	a-m	200-1000	1,3	1	Более 1 часа	+	(?)
77	—	i I	300-1000	0,122	1	Около 2 часов	-	ТУ
78	♂	a-m	200-1000	1,6	3	Более 1 часа	+	(?)
	♀	a-m						
79	?	a-m	300-800	0,166	1	»	-	ВУ
80	♂	a-m	400	0,5	1	»	-	ВПТУС
	?	a-m						
81	♂	s	200-900	1,4	1	Менее 1 часа	-	ВПТУС
	—	i II						
82	♀	a-m	200-800	0,6	3	Более 1 часа	+	(?)
	?	a-m						
83	?	a-s	200-1000	0,02	2	Около 2 часов	+	(?)
84	?	a-s	200-600	0,05	1	»	-	У
85	?	a	200-1000	1,3	1	Более 1 часа	+	(?)
	?	a						
	—	i II						
86	♂	a-m	»	1,2	3	»	-	ВТУ
	♀	a-m						
87	♀	a-m	300-1000	1,0	3	»	-	ПТУ
88	?	?	200-1000	0,044	?	Около 2 часов	-	У
89	?	a-s	300-1000	0,044	1	»	-	М
90	♂	a	300-800	0,7	3	Более 1 часа	-	ПТУ
	♀	a						

Примечание. * — цифрами в столбце обозначены: 1 — разные стадии разложения; 2 — сухие останки; 3 — в основном останки с мягкими тканями; i I — infantilis I; i II — infantilis II; j — juvenis; a — adultus; m — maturus; s — senilis; В — предметы вооружения; П — детали пояса; Т — орудия труда; К — снаряжение коня; У — украшения; С — керамический сосуд; Ск — скоба; М — монета.

Среди захоронений выявлены 26 коллективных, в которых залежали останки минимум 47 чел. В одном погребении зафиксированы кости четырех человек, в пяти погребениях — трех, в остальных случаях погребения парные. На некрополе зафиксированы останки 30 детей разного возраста, при этом только 11 из них захоронены отдельно, в остальных случаях детские кости найдены вместе с останками взрослых в коллективных погребениях.

На площади некрополя взрослые и детские, мужские и женские погребения расположены без видимой зависимости. Вместе с этим большинство коллективных захоронений находится на небольшой возвышенности и тяготеет к восточной части комплекса (рис. 2). Эта группа погребений выделяется планиграфически, по составу сопроводительного инвентаря и, видимо, по особенностям обрядности и является, на наш взгляд, самой ранней на могильнике. Данный вопрос будет уточнен после разработки детальной внутренней хронологии памятника.

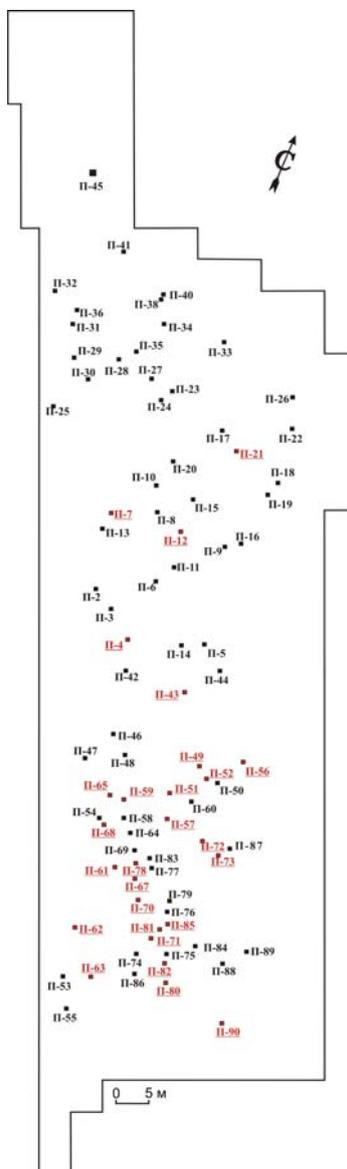

Рис. 2. План раскопа могильника Проспихинская Шивера IV. Цветом и подчеркиванием выделены коллективные погребения

Половая принадлежность значительной части погребенных не определена по костным материалам, поэтому была предпринята попытка установить пол по составу сопроводительного инвентаря. Были выделены «эталонные» наборы для трех групп одиночных погребений: детских, женских и мужских. Отдельно рассматривались материалы коллективных захоронений.

Детские погребения

На могильнике было выявлено 10 одиночных детских погребений (№ 10, 11, 27, 28, 30, 31, 37, 40, 60, 77), в которых вес обломков кремированных костей составлял от 0,03 до 1,1 кг. В погребальном инвентаре находилось от 6 до 46 предметов: орудия труда, украшения, оружие и

Особенности погребальной обрядности средневекового населения Северного Приангарья...

посуда. В 5 погребениях зафиксировано от 6 до 12 предметов. Наибольшее количество предметов зафиксировано в трех погребениях, в двух случаях (погребения № 10 и 11) отмечено 35 и 46 предметов соответственно, большинство из которых относятся к поясным наборам. Еще в одном случае (погребение № 60) было найдено 33 предмета, в том числе 22 экз. железных пронизок, возможно украшавших одно изделие.

Частыми находками в детских погребениях являются ножи (7 погребений), тесла (5 погребений), кресала (3 погребения), а также разнообразные украшения: пронизки (9 погребений), подвески (8 погребений), нашивки (6 погребений), детали поясной гарнитуры (3 погребения). В единичных случаях встречены застёжки, серьги, бусы, роговые ложки, миниатюрные керамические сосуды, пряжки, иглы, скребок, антропоморфное изображение, скоба.

Предметы вооружения встречены в трех детских погребениях. При этом в погребении № 30 отмечен единичный наконечник стрелы, тогда как в других случаях оружие представлено несколькими предметами.

В погребении № 10, в котором похоронен ребенок 9–10 лет, были зафиксированы две разнотипные стрелы, две концевые накладки на кибишь лука и Y-образный предмет. В другом погребении (№ 28) вместе с костями ребенка 4–5 лет были найдены наконечник копья, тесак, Y-образный предмет, концевые накладки на лук, а также оселок. Последний предмет не относится к оружию, тем не менее на могильнике подобные оселки встречаются в погребениях с богатым набором предметов вооружения. По всей видимости, наличие в данных могилах оружия может быть связано с половой принадлежностью умерших, их особым статусом либо с вариативностью погребального обряда. Не исключена также неточность антропологических определений.

Достаточно сложно выделить эталонный набор предметов сопроводительного инвентаря, характерный для детских погребений. В четырех погребениях этой группы вместе располагались нож, тесло, пронизки и нашивки, в трех отмечены разнотипные подвески. Предметы, характерные только для детских погребений, не выявлены, напротив, инвентарь в них имеет универсальный характер. Вопрос присутствия в детских могилах оружия требует дополнительного рассмотрения.

Женские погребения

Всего на могильнике было зафиксировано 4 одиночных женских погребения (№ 18, 42, 45, 87), вес обломков кремнированных костей составляет от 0,9 до 1,9 кг. Набор погребального инвентаря включает от 11 до 72 предметов: орудия труда, украшения, оружие и посуду. В двух погребениях зафиксировано 11 предметов, в погребениях № 45 и 87 отмечено по 54 и 72 предмета соответственно, при этом большая их часть представлена пронизками, нашивками и накладками.

Во всех погребениях этой группы были найдены ножи, кресала, пронизки, нашивки, в трех случаях встречены подвески. В двух случаях отмечены тесла, пряжки, скобы, бусы, височные кольца. Единичными находками являются рыболовные крючки, накладки, скребок, детали поясной гарнитуры, держатель кистей. Предметы вооружения в женских погребениях встречены дважды. В погребении № 18 был найден массивный тесак, а в захоронении № 42 — втульчатый наконечник копья и тесак. Вопрос присутствия в женских погребениях оружия неоднозначен, это может быть связано как с возможным наличием в данных погребениях костей мужчины (погрешность антропологических определений), так и с особенностями погребальной обрядности и социального положения умерших.

Сопроводительный инвентарь в женских погребениях по составу близок к инвентарю в детских, наиболее устойчивый набор предметов — нож, кресало, пронизки и нашивки. Необходимо отметить, что в данной группе погребений представлены достаточно разнообразные категории украшений, включая редкие, «престижные» предметы (например, держатель кистей из погребения № 87).

Мужские погребения

К этой группе относится 7 одиночных мужских погребений (№ 2, 5, 13, 46, 48, 64, 76), вес кальцинированных костей варьируется от 0,8 до 2,4 кг. Количество предметов сопроводительного инвентаря различно и составляет от 4 до 47, в трех случаях набор включает от 21 до 32 предметов.

Среди универсальных категорий вещей чаще всего встречены ножи (6 погребений), кресала (4 погребения), пронизки (6 погребений), нашивки (5 погребений), роговые ложечковидные подвески (4 погребения), бусы (3 погребения), оселки (3 погребения), керамические сосуды

(3 погребения), детали поясных наборов (3 погребения). В двух случаях отмечены иглы и подвески, одиночными находками являются подвеска, скребок, серьга.

Предметы вооружения встречены во всех погребениях, где отмечены мужские останки. Разнотипные наконечники стрел (от 1 до 6 экз.) зафиксированы в шести погребениях, в четырех — тесаки, в трех случаях — концевые накладки на кибить лука и Y-образные предметы, также было найдено одно копье.

Набор предметов вооружения в мужских погребениях различен. В двух случаях (погребения № 13, 76) зафиксировано совместное залегание наконечников стрел, концевых накладок на кибить лука, ножа, кресала, пронизок и нашивок. В двух погребениях (№ 5, 48) вместе найдены тесак, наконечники стрел, ножи, пронизки, нашивки и детали поясной гарнитуры. Еще в двух погребениях (№ 2, 46) зафиксированы тесаки, ножи и пронизки, оружия дистанционного боя в этих случаях не отмечено. В мужских погребениях различные комбинации предметов вооружения дополнялись наиболее распространенными предметами (ножом, кресалом и другими вещами), только в мужских погребениях встречены детали конской упряжи.

Таким образом, эталонный набор мужских погребений представлен различными категориями оружия, а также универсальными предметами: ножами, кресалами, подвесками, пронизками. В целом для этой группы погребений характерно разнообразие категорий инвентаря.

Коллективные погребения

Эта группа погребений наиболее сложная как для антропологического анализа, так и для других исследований. Тем не менее некоторые наблюдения все же можно обобщить. Было выделено несколько групп погребений: двое мужчин, мужчина и женщина, женщина и ребенок, мужчина и ребенок. Коллективные погребения, в которых пол и/или возраст одного из похороненных не определен, для данного анализа не привлекались.

Парное погребение мужчин. Отмечено лишь одно такое погребение (№ 86), вес костей из которого составляет 1,2 кг, возраст определен в пределах juvenis — maturus. Погребальный инвентарь представлен 11 предметами, среди которых Y-образный предмет, нож, подвеска, пронизки и нашивки.

Парные погребения мужчины и женщины. Антропологические исследования позволили выявить два таких погребения — № 78 и 90, вес кальцинированных костей составляет 1,6 и 0,7 кг соответственно. Данные захоронения отличаются большим количеством инвентаря: в погребении № 78 найдено 67 предметов, в погребении № 90 — 54, при этом категории находок разнообразны.

В обоих погребениях отмечены ножи, серьги, подвески, нашивки, пряжки и пронизки. В погребении № 78 также были зафиксированы тесак, наконечник копья, две стрелы, фрагменты концевых накладок на кибить лука, в погребении № 90 оружия не найдено. В данном погребении находились украшения (цепь, держатель кистей, застежка), представленные на могильнике единичными экземплярами, все они отличаются высоким качеством исполнения и являются предметами «импорта».

Погребения данной группы существенно отличаются по составу инвентаря, он разнообразен. Половозрастная характеристика захороненных в таких погребениях возможна только с привлечением антропологического анализа, поэтому выделение подобных комплексов из общего массива могильника без консультации специалистов невозможна.

Погребение женщины с ребенком. Было зафиксировано только одно погребение (№ 68) женщины с ребенком, вес кальцинированных костей составляет 0,87 кг. Инвентарь погребения представлен семью предметами: два тесла, железная игла, оплавленные бронзовые нашивки. Подобные находки характерны для групп одиночных детских и женских погребений.

Погребения мужчины с ребенком. К данной группе было отнесено восемь погребений (№ 7, 21, 49, 52, 61, 63, 73, 81), вес костей из которых варьируется в пределах от 0,268 до 4,8 кг. Количество инвентаря также различно — от 7 до 129 предметов, представленных предметами вооружения, орудиями труда, разнообразными украшениями, деталями конской сбруи.

Оружие встречено во всех погребениях данной группы, кроме одного случая. Из предметов вооружения были найдены наконечники стрел (7 погребений), тесаки (5 погребений), наконечники копий (5 погребений), Y-образные предметы (5 погребений), накладки на лук (4 погребения). Из других категорий предметов стоит выделить ножи (7 погребений), кресала (6 погребений), пронизки (6 погребений), детали поясной гарнитуры (4 погребения). В трех случаях были зафиксированы застежки, нашивки, подвески, роговые ложечковидные подвески; дважды были

Особенности погребальной обрядности средневекового населения Северного Приангарья...

встречены серьги, височные кольца, сосуды. Единичными находками представлены удила, оселок, зубило, тесла, скребок, рыболовные крючки, напильники, бусы, скобы и цепи.

В данной группе выделяются четыре погребения (№ 7, 21, 73, 81), в каждом из которых было найдено 90 и более предметов. В них представлен наиболее значительный набор оружия, включающий в себя тесак, копье, лук, стрелы и Y-образный предмет. Этот набор дополняется деталями поясной гарнитуры. В этих четырех погребениях встречены предметы, которые представлены на могильнике единичными находками. В погребении № 7 были найдены железные напильники, колчаные крючки и двое удил, кроме того, здесь зафиксированы детали двух наборных поясов «монгольского» типа [Сенотрусова, Мандрыка, 2012]. К категории «престижных» предметов относится и серебряный поясной набор из погребения № 21.

Из приведенного видно, что для парных погребений мужчины и ребенка характерно присутствие в составе сопроводительного инвентаря предметов вооружения, среди них выделяется группа погребений с наиболее «богатым» и «престижным» инвентарем.

Корреляция антропологических и археологических данных для могильника Проспихинская Шивера IV затруднена вероятностным или не всегда полным характером определений и большим числом коллективных погребений. Тем не менее инвентарь выделенных нами трех основных групп показал наличие некоторых присущих им особенностей. В детских и женских погребениях он включает в себя универсальные категории предметов, такие как нож, тесло, пронизки, нашивки, кроме того, в женских погребениях присутствуют кресала. «Престижные» вещи в них встречаются редко.

Напротив, в мужских захоронениях, а также в коллективных погребениях мужчин и детей оружие встречено в 14 из 15 могил, в них чаще присутствуют детали наборных поясов, редкие и «импортные» предметы. В каждой группе были отмечены случаи исключения (женские и детские погребения с оружием, захоронения мужчин без него), что может быть связано со статусом этих людей либо с особенностями погребального обряда, но скорее всего — с ограничениями антропологического анализа, которые обусловлены исключительно плохой сохранностью костного материала.

Таким образом, полученные половозрастные определения практически всегда подтверждаются археологическими данными, что показывает в определенной степени «потенциал» такого источника, как кальцинированные кости. В частности, возможно получение вероятностных половозрастных характеристик погребенных в коллективных могилах. Так, например, в погребении № 4 зафиксированы останки трех человек, из которых двое определены как дети, а учитывая наличие в погребении предметов вооружения (копье, тесак, наконечники стрел, роговые накладки на кибить лука) с большой долей вероятности можно предполагать, что третий погребенный — мужчина. По всей видимости, останки мужчины зафиксированы в погребении № 8, где был найден полный набор вооружения, шумящая и колоколовидная подвески финно-угорского облика, а также пояс «монгольского» типа. Подобных примеров можно привести еще несколько, при этом разнообразные предметы вооружения и богатые поясные наборы являются наиболее четкими маркерами мужского пола умерших. При малом количестве инвентаря и его невыразительности предположения о поле и возрасте погребенных не всегда правомерны.

В результате антропологических исследований, кроме половозрастной характеристики умерших, были получены сведения об особенностях кремации и захоронении на могильнике Проспихинская Шивера IV. Практически для всех половозрастных категорий людей костные фрагменты из погребений относятся к разным отделам скелета: кости черепа, туловища, верхних и нижних конечностей, поэтому установлено, что сжигали тела или скелеты людей полностью, а не их отдельные части. Наличие мелких костей (кости стоп и кистей) указывает на то, что в момент кремации некоторые из них или все были объединены мягкими тканями. В детских одиночных захоронениях сохранность материала значительно хуже и поэтому среди идентифицированных остатков представлены не все отделы скелета. Но это не следует связывать с какой-то закономерностью, а необходимо учитывать, что детские кости, которые в этом возрасте характеризуются небольшими размерами и несформированностью, наверняка практически полностью сгорали в условиях, равноценных кремации взрослого человека.

Температурный режим кремации, установленный по цвету обломков, имеет большой разброс — от 200 до 1000 °С для каждого захоронения. Можно предположить, что сжигание проводилось в открытом костре, что обусловило неравномерный термический режим и неоднородный обжиг. Исключение составляют погребения № 57 и 80, для них зафиксированы температуры

горения 900–1000 и 400 °С соответственно. Погребение № 57 не выделяется ни по составу сопроводительного инвентаря, ни по особенностям могильной ямы, но погребение № 80 имеет некоторые особенности. Над могильной ямой была зафиксирована полукруглая кладка из пяти камней, в заполнении выявлено два уровня, разделенных листом бересты. Среди инвентаря выделяются ажурная подвеска «сростинского» типа, бронзовые цепочки, детали поясной гарнитуры и железная сабля, не имеющая аналогов в материалах Северного Приангарья.

Рис. 3. Сломы на длинных костях из погребения № 49:
1 — правая плечевая кость; 2 — кости правого предплечья

Интересен факт наличия в четырех погребениях (№ 49, 59, 63, 73), наряду с кремированными останками, костей, которые не подверглись воздействию огня. Каких-либо закономерностей в распределении сгоревших и не сгоревших частей тела не зафиксировано. Но учитывая, что все эти погребения являются коллективными, можно предположить, что часть костей не успела сгореть во время кремации. В погребении № 49 на длинных костях, которые не горели, зафиксированы намеренные сломы (сколы не термические и не свежие современные). При этом кости правого предплечья обломаны на одну длину; возможно, они были сломаны, пока находились в анатомическом сочленении (рис. 3).

Длительность горения, установленная по размеру обломков, варьируется от периода менее одного часа до двух часов. Вероятно, некоторые обломки подвергались повторному воздействию огня. То есть не исключено, что тела кремировали в костре в несколько приемов: сначала одно тело, затем обломки и пепел убирали и на этом месте сжигали следующее тело. Судя по трещинам и деформирующим изгибам или их отсутствию, сжигались как скелетированные (сухие) останки, так и кости с мягкими тканями. Закономерность распределения этой особенности также не зафиксирована. Возможно, сжигали тела, различные отделы которых находились на разных стадиях разложения. Особенно сложно интерпретировать этот факт по результатам исследования коллективных захоронений.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о наличии в погребениях кальцинированных костей животных; они были зафиксированы в 47 могилах. При этом в 34 погребениях видовая принадлежность костей животных не установлена. В трех случаях отмечены кости птиц, в одном погребении они определены как останки птицы из семейства воробьиных. В двух погребениях выявлены кости косули, в одном — зуб лошади, в четырех — мелкие обломки костей рыб. Все кости животных подверглись воздействию огня, побывав в погребальном костре. Исключение составляет погребение № 7, в котором на дне могильной ямы в анатомическом порядке залежали тазовая кость и первая фаланга северного оленя без следов воздействия огня. Нали-

Особенности погребальной обрядности средневекового населения Северного Приангарья...

чие костей животных в погребениях отражает обрядовые представления людей. Обращает на себя внимание, что кости домашних животных (лошади) найдены только в одном случае, хотя коневодство в этом районе известно еще с раннего средневековья [Князева и др., 2011, с. 197].

Заключение

Таким образом, по результатам исследования с большой осторожностью и только в качестве предположения можно восстановить некоторые элементы погребальной обрядности, характерной для населения, оставившего могильник. Могильник Проспихинская Шивера IV являлся некрополем, в котором регулярно хоронили умерших женского и мужского пола всех возрастных групп, отдельные сектора для детей, женщин и мужчин не выделены. Обряд можно обозначить как сжигание (кремация) на одной площадке за пределами изученной части памятника, поэтому можно сделать лишь некоторые предположения о ходе кремации. Сжигали трупы разной стадии разложения: одни имели мягкие ткани на костях, другие — без таковых, высохшие. Сожжение проводилось на открытом костре, в течение разного времени. Вероятно, сожжение проводилось на одном месте, после очередной кремации обломки и пепел убирала и на этом же месте сжигали следующее тело. В некоторых случаях отмечены свидетельства неполной кремации, при этом длинные кости намеренно ломали, возможно, чтобы они соответствовали размерам погребальной емкости. Примерно в половине погребений отмечены кальцинированные кости животных, что свидетельствует о каких-то действиях с кусками мяса от них, например о сопровождении умерших пищей. Фрагменты кремированных костей, пепел, уголь и вещи помещали в погребальные емкости (коробки, туеса, ящики, мешки или еще какие-нибудь емкости из органических материалов) и хоронили. При этом состав погребального инвентаря для различных категорий умерших был различен, что связано с особенностями половозрастной структуры и обрядности средневекового общества Северного Приангарья. Наиболее разнообразный и богатый инвентарь характерен для мужских и коллективных погребений.

В целом погребальный обряд на могильнике единообразен и устойчив, он находит аналогии в других средневековых некрополях Нижней Ангары и Среднего Енисея [Привалихин, 1993; Мандрыка, 2006, Леонтьев и др., 2005] По всей видимости, это подтверждает наличие в эпоху развитого средневековья на территории южно-таежной зоны Средней Сибири единой сформированной этнокультурной общности. Для населения этого региона характерны одинаковый погребальный обряд, схожий инвентарь, комплексное хозяйство с развитой металлургией железа, а также широкие культурные контакты [Сенотрсова, Мандрыка, 2012].

Благодарности

Авторы выражают огромную благодарность Д.И. Ражеву за неоценимую помощь в работе с кремированным палеоантропологическим материалом и Н.Д. Оводову за выявление и определение в погребениях кальцинированных костей животных.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеев В.П. Остеометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 251 с.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 127 с.
- Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е. Новое погребение железного века в Северном Приангарье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. С. 257–261.
- Зубов А.А. Одонтология: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 189 с.
- Князева Е.В., Мандрыка П.В., Сенотрсова П.О., Оводов Н.Д. Поселение раннего железного века и средневековья Проспихинская Шивера IV на Ангаре: Палеоэкономический аспект // Древние культуры Монголии и Прибайкальской Сибири. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011. Вып. 2. С. 193–198.
- Козловская В.М. К вопросу о возможностях исследования кремированных костей // Историческая экология человека: Методика биологических исследований. М., 1998. С. 174–181.
- Леонтьев В.П., Дроздов Н.И., Макулов В.И. К истории северного Приангарья в эпоху средневековья // Археология Южной Сибири: Идеи, методы, открытия. Красноярск: РИО КГПУ, 2005. С. 129–131.
- Мандрыка П.В., Сенотрсова П.О. Средневековый могильник Проспихинская Шивера-IV на Ангаре // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. Т. XVI. С. 550–554.

П.О. Сенотрусова, П.В. Мандрыка, О.Е. Пошехонова

Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О., Бирюлева К.В. Результаты работ на ансамбле археологических памятников Шивера Проспихино на Ангаре // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. Т. XVII. С. 432–436.

Мандрыка П.В. Позднесредневековое погребение по обряду трупосожжения на стороне в енисейской тайге // Енисейская провинция. Красноярск: Краснояр. пед. ун-т, 2006. Вып. 2. С. 150–158.

Привалихин В.И. О погребальной обрядности таежного населения Северного Приангарья в начале II тыс. н.э. // Культурогенетические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1993. С. 101–103.

Ражев Д.И. Исследование антропологического материала из могильника Ендырского I // А.П. Зыков, С.Ф. Кокшаров. Древний Эмдер. Екатеринбург: Волот, 2001. С. 233–247.

Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В. Монгольский компонент в культуре средневекового населения Северного Приангарья // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. Вып. 3. С. 426–432.

Синельников Р.Д. Атлас анатомии человека. Т. 1: Учение о костях, суставах, связках и мышцах. М.: Медицина, 1967. 460 с.

Holck M.D., Holck Ph.D. Cremated Bones: A Medical-Anthropological Study of an Archaeological Material on Cremation Burials. Anatomical Institute, University of Oslo. Oslo, 2008. 160 p.

Lovejoy C.O. Dental wear in the Libben Population: Its Functional Pattern and Role in the Determination of Adult Skeletal Age at Death // Amer. J. of Phys. Anthropol. 1985. No 68. P. 47–56.

Meindl R.S., Lovejoy C.O. Ectocranial suture closure a revised method for the determination of skeletal age at death based on the lateral-anterior sutures // Amer. J. of Phys. Anthropol. 1985. No 68. P. 57–66.

Walker Ph. L., Miller K. P. Time, temperature, and oxygen availability: An experimental study of the effects of environmental conditions on the color and organic content of cremated bone // Amer. J. of Phys. Anthropol. 2005. No 126. Suppl. 40. P. 222.

Ubelaker D.H. Human skeletal remains: Excavation, analysis, interpretation. Chicago, Aldine. 1978. 312 p.

**Красноярск, Сибирский федеральный университет
pollina1987@rambler.ru
pmandryka@yandex.ru
**Тюмень, ИППОС СО РАН
ethno@ipdn.ru*

Basing on the outcome of an archaeological and anthropological study regarding materials from the burial site of Prospikhino Shivera-IV, subject to determination being sex-and-age characteristics of the departed, particulars of the burial rite (temperature of cremation, its duration, the availability of animal bones), as well as «standard» sets of objects in the accompanying inventory for certain groups of the buried. The authors undertake reconstruction of certain ritual actions under funerals of people during the developed Middle Ages on the territory of the taiga zone of North Low Angara basin.

North Low Angara basin, the Middle Ages, archaeology, burial site, cremation, burial rite, craniology, osteology.

ЭТНОЛОГИЯ

ПОХОД 1483 г. И ЕГО МЕСТО В ИСТОРИИ РУССКО-СИБИРСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Д.Н. Маслюженко, Е.А. Рябина

Статья посвящена русскому походу на вогульские и югорские княжества в 1483 г. Выявлены основные противоречия в историографии этого события. Вопреки сложившейся традиции, авторы считают, что этот поход напрямую не связан с московско-тюменскими отношениями. Он отражает стремление Москвы поставить под свой контроль бывших данников Новгорода и зауральские источники меховой торговли, в том числе используя методы христианизации. Особое внимание уделено маршруту похода, что позволило определить границы некоторых позднесредневековых политических объединений Западной Сибири.

Московское княжество, Пелымское княжество, Тюменское ханство, хан Ибрахим, Сибирская земля.

Поход 1483 г. в Сибирь вызывал и продолжает вызывать интерес исследователей. К нему обращались С.М. Соловьев, А.А. Дмитриев, В.В. Каргалов, А.И. Плигузов, А.Т. Шашков, отчасти в своих исследованиях затрагивали и авторы этой работы, а также А.В. Парунин. В последнее время некоторые события этого похода были пересмотрены Д.М. Исаковым. Неоднократное обращение исследователей к этому событию вполне объяснимо. Согласно замечанию А.И. Плигузова, этот поход, по сути, ознаменовал третий период «русского открытия Сибири», который завершился ее присоединением к Московскому государству [1987, с. 47]. Учитывая возникшие в литературе дискуссии, необходимо вновь вернуться к обсуждению имеющейся источниковой базы.

Летописные сообщения о походе 1483 г.

Прежде всего, необходимо остановиться на имеющихся источниках. Об этом походе имеются сообщения только в русских летописях: Вологодско-Пермской, Устюжском летописном своде, Никоновской, Холмогорской и Вычегодско-Вымской. Авторами во всех случаях выступают священнослужители православной церкви, что важно для дальнейшего изложения.

В наиболее ранней форме об этом походе сообщается в Вологодско-Пермской летописи, древнейший свод которой был составлен между 1499–1502 гг. непосредственно при дворе пермского епископа Филофея. Имеющиеся здесь известия отличаются чрезвычайной подробностью и содержат информацию, полученную от непосредственных участников похода [Буганов, 1975, с. 280–281]. Летопись, несомненно, отражает и точку зрения самого Филофея и его окружения.

О самом походе здесь написано следующее: «В лето 6991. Отпустил князь великий с Москвы на князя на Вогульского на Асыку воеводу своего Ивана Ивановича Салтыка, а с ним своих детей боярских до Вологжан. А другого воеводу князя Феодора Купрьского, а с ним своих детей боярских да Устюжан, да Вычегжан, да Вымич, да Великопермцев. И поидоша в судах с Вологды, Иван Иванович Салтык, месяца апреля 25, и приидоша на Вогуличи месяца июля в 29, и бои бысть. И побегоша Вогуличи, Асыка и сын его Юмшан, и поидоша оттоле воеводы великого князя в Сибирь и повоеваша Сибирскую землю, и поидоша оттоле на великую реку Обь... и поимаша князя Молдана на реце Оби, и княжих Екмычевых дву сынов поимаша. И прииде Иван Иванович Салтык на Вологду ноября в 9» [ПСРЛ, 1959, с. 275–276]. К этому необходимо добавить, что Б.М. Клосс, анализируя краткие вологодско-пермские летописцы XV в., выявил в одном из них информацию, которая датируется 6992 г.: «И бися Юмшан и убежа в лес, и побивша многих татар Тюмеских и Сибирь плениша и одолеша» [1976, с. 270].

Близка к нему информация Устюжской летописи, датируемая первой четвертью XVI в. В ней отражаются как общерусские события, так и участие в них местного населения, причем по-

следние сообщения отличаются оригинальностью, что говорит об использовании информации от непосредственных участников похода. По мнению Н.К. Сербиной, записи этих известий совершали устюжские священники, которые в том числе могли быть и участниками походов [1985, с. 10]. В летописи указывается: «В лето 6991. Князь великий Иван Васильевич посла рать на вогулич и на угру, на Обь великую реку. А воеводы великого князя были князь Федор Курбский Чорной да Иван Иванович Салтыков Травин, а с ними устюжане, и вологжане, вычегжане, вымечи, сысоличи, пермяки. И бысть бои с вогуличи на усть реки Пелыни. И на том бою устюжан убили семь человек, а вогулич паде много, а князь вогульский убежал. А воеводы великого князя оттоле пошли по Тавде реце мимо Тюмень в Сибирь. И Сибирскую землю воевали, идучи, добра и полону взяли много. А от Сибири шли по Иртишу реце вниз, воюючи, да на Обь реку великую, в Югорскую землю, князеи Югорских воевали и в полон повели. А пошла рать с Устюга мая в 9 день, а на Устюг пришла на Покров пресвятая Богородицы» [ПСРЛ, 1982, с. 49]. Кстати, отметим, что согласно летописям поход 1465 г. на Югру также отправился именно 9 мая [Там же, с. 91].

В относящемся к этому же циклу Архангелогородском летописце, в целом дублирующем приведенную информацию, кроме замены даты 9 мая на 2 мая, после указания о возвращении уточняется, что «А в Югре померло вологжан много, а устюжане все вышли». Также уточняется, что рать была послана на вогульского князя Асыку [ПСРЛ, 1982, с. 95], что подтверждается и в Вологодско-Пермской летописи. В поздней редакции Устюжского свода, известной как «Летописец Льва Вологодина» и датируемой второй половиной XVIII в., после фразы «мимо Тюмень в Сибирь» уточняется: «и, по пути идучи, многия села и деревни разорили и многия тысячи плену получили» [Там же, с. 136]. На наш взгляд, данная фраза отражает беллетризированный характер позднего летописца. Как видим, описание похода в Устюжской летописи практически полностью схоже с приведенным в Вологодско-Пермском. Коренные различия видны прежде всего в изменении или, точнее, расширении целой фразы (вместо конкретного вогульского князя указывается и Югра, расположенная на Оби), а также указываются данные о потерях русских.

Еще одним источником о походе 1483 г. является Никоновский летописный свод, созданный в конце 1520-х гг. при дворе митрополита всея Руси в Москве. Информация в летописи исчерпывается следующими данными: «Воевод же своих великий князь послал, князя Федора Романовича Курбского и Ивана Ивановича Салтыка Травина, на Ясыку и Юзшана. Они же, шедшее с Вологжаны и с Юстьюжаны, приидоша на Юзшана; он же немного бився с ними и побеже в непроходимая места и стремнины» [ПСРЛ, 1901, с. 215]. Представляет интерес краткость известия о самом походе, хотя одним из источников послужил Устюжский летописный свод [Клосс, 1980, с. 5]. Также присутствует ошибка в датировке похода: он относится к 1484 г. — «в лето 6992», кстати, имеющаяся и в упомянутой выше краткой Вологодско-Пермской летописи. Кроме того, в самом описании похода не назван пелымский князь Асыка при упоминании его сына Юмшана, хотя поход был организован против обоих князей.

Обращает на себя внимание, что московские летописцы, скорее всего, черпали данную информацию именно из северовеликорусских летописей, это может свидетельствовать об отсутствии необходимых данных в самой Москве, в результате чего появляется ошибка и в датировке похода. Интересно, что информации об этом походе нет и в Разрядных книгах. Краткость известий, ограниченность его цели («О посылке воевод на Ясыку и Юзшана») и отсутствие данных о дальнейших посольствах от угорских князей может свидетельствовать и об изначальной маловажности этого похода для Москвы, в отличие от более выраженных интересов пермского епископа Филофея, о чем подробнее далее.

Одним из источников о походе 1483 г. является Холмогорская летопись, созданная в середине XVI в. Причем информация, относящаяся к периоду с 1397 по 1499 г., была взята из Вологодско-Пермской летописи [ПСРЛ, 1977, с. 4]. Интересующие нас события практически дословно повторяют описываемые в упомянутой летописи, но без указания конкретной хронологии похода и с небольшими дополнениями, касающимися состава участников похода: «сына боярского Ивана Ивановича Салтыка воеводу, да с ним детей боярских, двор свой, да вологжана...» [Там же, с. 124]. Отметим, что только в этой летописи имеется фраза «двор свой», которая, по мнению В.В. Каргалова, указывает на государственный характер похода [1983, с. 178]. Однако в таком случае мы должны либо предположить неизвестный независимый источник этого сообщения, либо объяснить причину отсутствия этой фразы в более ранних по времени создания летописях.

Поход 1483 г. и его место в истории русско-сибирских отношений

Среди источников, содержащих информацию о данном походе, необходимо упомянуть Вычегодско-Вымскую летопись, создававшуюся с конца XVI до начала XVII в. в Усть-Вымской Архангельской пустыни. Создание летописи в г. Усть-Вымь было связано с тем, что в этот период он являлся центром обширной Пермской епархии и необходимо было уделить особое внимание ее истории. По мнению историка Б.Н. Флоря, источниками для ранних событий данной летописи послужили в том числе Устюжская летопись и недошедшая Пермская владычная летопись [1967, с. 227–231]. В трактовке событий повторяется Устюжская летопись, за исключением некоторых уточняющих деталей, которые в ней отсутствуют. В том числе это касается упоминания вогульского князя Асыки как основной цели похода и расширенного списка участников похода, где, помимо прочих, указываются белозерцы и чердынцы. Кроме того, в летописи не упоминается Тюмень, но зато конкретизируется информация о бегстве после битвы вогульского князя Юмшана и взятие в плен югорского «большого» князя Молдана: «Лета 6991 князь великий Иван посла рать на Асыку на вогульсково да на Югру на Обь Великую с воеводы с Федором Курбским да с Иваном Салтык-Трава, с ними вологжаны, устюжаны, белозерцы, вычегжаны, вымичи, сысолечи и чердынцы. И бысть им бой с вогуличи на устьи реки на Пелыни, князь вогульский Юшман утекл со своим со всем. Воеводы князя великова оттуль поиде вниз по Тавде реке в Сибирскую землю воевали идучи, а от Сибири по Иртышу вниз идучи на Обь реку Великую землю Югорскую воевали, князя их Молдана большово в полон вели, добра и полону взяли многие» [Вычегодско-Вымская... летопись, 1958, с. 262–263].

По сути, этими сообщениями ограничивается имеющаяся у исследователей информация, которая, на наш взгляд, в основном следует из вологодско-пермских и устюжских летописных традиций. Кроме этого, сохранилась датированная 1483 г. духовная грамота воеводы И.И. Салтыка Травина, возглавлявшего русскую рать, с упоминанием о том, что он составил грамоту, «идучи на службу великого князя на Вогуличи» [Каргалов, 1983, с. 177].

Поход 1483 г. в историографической традиции: оценка роли тюменского хана Ибрахима в событии

Иная имеющаяся в работах исследователей информация исходит из исторических трактовок этих немногочисленных источников и зачастую зависит от видения ими русско-татарских отношений в целом. Для полноты анализа считаем необходимым разбить ее на условные подтемы: 1) причины и цели похода; 2) возможные маршруты пути и 3) роль похода в истории тюменской и сибирской государственности позднего средневековья.

Первая обозначенная проблема вызвала значительные дискуссии среди исследователей. Можно выделить несколько точек зрения по этой проблеме.

Значительная часть исследователей связывает причины и цели похода с формированием некоего единого агрессивного антимосковского фронта позднесолотоордынских татарских государств Джучидов, и в частности с агрессивной политикой Тюменского ханства, границы которого активно продвигались на север. Авторы, например А.Т. Шашков, указывали, что Ибрахим-хан не только пытался превратить вогульских и остяцких князей в своих «мурз», но и прямо провоцировал своего «вассала» Асыку на нападения против владений Московского княжества [Каргалов, 1983, с. 117–182; История Урала..., 1989, с. 148–149; Шашков, 2001, с. 13]. Исходя из этого поход 1483 г. был призван «приостановить дальнейшую экспансию Ибака или ослабить ее», в том числе с помощью достижения вассальной зависимости вогульских и остяцких правителей от Москвы [Каргалов, 1983, с. 178]. В одной популярной работе В.В. Каргалов пошел дальше: «перед сибирскими “народцами” стоял выбор: попасть под власть “тюменского царя” Ибака или искать покровительства России. Последнее по многим причинам было предпочтительнее» [Каргалов, электронный ресурс].

Скорее всего, этой агрессии, тем более в плане складывания общей оппозиции Джучидов, в начале 1480-х гг. не могло существовать, в отличие от более позднего времени. Данный факт хорошо виден на примере как произошедшего за три года до рассматриваемых событий столкновения между ханом Большой Орды Ахмедом и тюменско-ногайской коалицией во главе с Ибрахим-ханом, так и последовавших позднее тюменских походов на Астрахань. Очевидно, что общей коалиции Джучидов в тот период не существовало, и ее создание в условиях степных войн было невозможно до тех пор, пока московские князья сами ее не спровоцировали вмешательством в казанские дела в 1487 г. Отметим, что продвижение границ Тюменского ханства Ибака к северу также не находит прямого подтверждения в источниках и по большей части яв-

ляется исследовательским конструктом [Маслюженко, 2009, с. 237–257]. Не менее спорна и сама возможность прямого давления тюменского хана на пелымского князя Асыку, возглавлявшего независимое Пелымское княжество, о вассалитете которого Тюмени нам неизвестно. Значительная часть интересов Ибрахим-хана сосредоточивалась в это время в степной зоне, где его власть опиралась на поддержку ногайской аристократии. В этой связи резонно отметить, что, по сути, мы не знаем, чем он занимался в период между 1481 (разгром Ахмед-хана) и 1489 (посольство Чюмгура в Москву) годами. Очевидно, что в 1481 г. он увел захваченный у Ахмеда орду-базар именно в Тюмень (Чинги-Туру татарских источников), рассматривавшуюся как столица его политического объединения [Там же, с. 243–244]. Реконструкция его якобы имевшей место северной политики строится на аналогичных примерах политики его потомка сибирского хана Кучума, который стремился подчинить себе угорские территории, в том числе для контроля над торговлей пушниной.

Не менее популярна в историографии и обратная точка зрения, рассматривающая причины этого похода как следствие взаимных договоренностей московского князя Ивана III и тюменского хана Ибака, возникшие как результат союза этих правителей против Ахмад-хана. Еще в 1812 г., когда Н.М. Карамзин работал над описанием времени правления Ивана III, он упоминал «шибанских татар», подчиненных тюменскому хану Ибрахиму: они «...являются действующими в нашей истории и в сношениях с Москвой, нередко служа орудием ее политике» [1998, с. 472]. Более подробно близкую точку зрения обосновал А.И. Плигузов, писавший о том, что властителями Сибирской земли были Тайбугиды, противники тюменского хана, т.е. русская дружина нанесла удар по врагам своего союзника [1993, с. 145]. Этот взгляд в 1995 г. был поддержан А.Т. Шашковым в коллективной монографии «Очерки истории Коды»: он уточнил, что русские воеводы «...разгромили сибирские улусы соперников Тюмени — князей Мара и его сына Адера из династии полулегендарного Тайбуги» [Морозов и др., 1995, с. 78]. Как и в предыдущем случае, в этой позиции есть ряд противоречий.

Прежде всего, точная хронология правления Тайбугидов может быть построена только на основании косвенных источников. В период создания самого Тюменского ханства беки из этой династии выступали союзниками Ибака, о чем свидетельствует и свадьба князя Мара Тайбугида с дочерью тюменского хана, которая была организована еще отцом Мара Ходжой. При этом представители Тайбугидов из племени буркутов долгое время являлись хакимами Чинги-Туры, а следовательно, этот союз был необходим хану Ибрахиму для закрепления на юге Западной Сибири. По сути, Тайбугиды могли выполнять здесь роль по аналогии со степными союзниками тюменского правителя — ногаями (подробнее см.: [Маслюженко, 2010, с. 17–18]). Возможно, отношения между Ибаком и Тайбугидами укрепились именно в «темный» период истории ханства между 1481–1489 гг. [Маслюженко, 2009, с. 247]. Разрыв между Шибанидами и Тайбугидами произошел после убийства Ибаком князя Мара, причины и время которого установить точно не представляется возможным. Следовательно, говорить о Тайбугидах как об однозначных противниках Ибака и тем более правителях Сибирской земли на момент 1483 г. по меньшей мере недостаточно обоснованно. При этом кажущееся укрепление этой династии и степень ее реальной независимости после убийства Ибака между 1493–1495 гг. при одновременном отступлении в Искер также подвергается критике исследователями (подробнее см.: [Маслюженко, 2010]). В частности, возникает вопрос о причинах отсутствия мести за убийство хана со стороны его родственников, в том числе брата Мамука, претендовавшего не только на тюменский, но и на казанский престол.

Но если забыть об этом, мог ли на самом деле поход 1483 г. рассматриваться как выполнение Москвой союзных обязательств? На наш взгляд, для этого необходимо прежде всего обосновать само наличие этого союза (историографию вопроса см.: [Парунин, 2010а]). Как известно, в январе 1481 г. Ибак с союзниками Мусой и Ямгурчи напали на ханскую ставку Ахмеда на Северском Донце, где и убили лидера Большой Орды. Данное событие произошло через полтора месяца после отступления последнего с реки Угры с изможденной и изголодавшейся армией. Столь малый срок между этими событиями, по мнению некоторых авторов, наводит на мысль о наличии московско-тюменского союза [Нестеров, 2003, с. 114; Парунин, 2010б, с. 168]. В отсутствии документального подтверждения этого договора в источниках, в то же время вполне допустима и альтернативная точка зрения о том, что Ибрахим мог воспользоваться ухудшением положения Ахмеда после неудачного «стояния на реке Угре». Недаром Ю.Г. Алексеев указывал, что выступление Ибака против Ахмада было следствием борьбы Чингизидов за золотоор-

Поход 1483 г. и его место в истории русско-сибирских отношений

дынское наследие [1989, с. 136]. При этом сам Ибак пришел к ногаям лишь с тысячей «казачков», т.е. сомнительна необходимость значительного времени на их сборы, а остальные войска состояли из ногаев [ПСРЛ, 1982, с. 95].

Даже если допустить наличие этого союза, то не ясно, какие именно плюсы мог получить от русского похода тюменский правитель. Ведь очевидно, что даже в отсутствии точных данных о северной политике Тюмени проникновение сюда русских войск и потенциальный вассалитет угорских князей уменьшали экономические возможности Тюменского ханства, которые могли бы потребоваться в условиях провала степной политики Ибака. В таком случае достаточно прагматичный хан, правивший в Тюмени почти три десятилетия, предстает перед нами как политик, который не может предсказать последствия своих действий. К этому необходимо добавить, что авторами этих версий не учитывается упомянутое выше указание Б.М. Клосса на гибель в походе также тюменских татар, т.е. относящихся к владениям самого Ибака. Как нам кажется, идею А.К. Бустанова о том, что «в Москве слабо представляли, какую роль может играть Сайид Ибрагим», можно распространить не только на период непосредственно после 1481 г. [Бустанов, 2011, с. 22], но и на время организации похода 1483 г. С учетом того, что в русских посольских документах Ибрахима называли «ногайским царем», в Москве, видимо, крайне слабо представляли границы его территории на юге Западной Сибири.

Скорее всего, ближе всех к решению вопроса о причинах и целях подошли авторы, которые условно объединены нами в третью группу. Еще В.А. Оборин писал о том, что поход 1483 г. был ответом на набег на Пермь Великую пелымского князя Асыки ([1990, с. 80]; см. также: [Martin, 1986, р. 96]). Кстати, В.В. Каргалов также в качестве главной цели похода указывал Пелымское княжество, но затем «увлекся» рассмотренным выше «глобальным замыслом» [1983, с. 178]. Длительная история противостояния вогульских и остяцких князей русскому проникновению в Сибирь хорошо представлена в историографии. Новгородские, а затем и московские походы в этом направлении провоцировались заинтересованностью русских купцов в торговле пушниной, спрос на которую в Европе постоянно рос [Слезкин, 2008, с. 29–30]. Уже во второй половине 1550-х гг. путь в Югру был частично перекрыт московскими владениями в Перми и Печоре, а политика христианизации местного населения спровоцировала первые нападения Асыки [История Урала..., 1989, с. 146]. И.В. Побережников, как кажется, правильно связал московские походы за Урал, «на полуночные страны», со стремлением великих князей переориентировать основные торговые пути на восток и потенциальных данников в свои руки от потерпевшего поражение Новгорода [На стыке..., 1996, с. 18].

Так, например, деятельность пермского епископа Питирима спровоцировала нападение со стороны вогулов на город Усть-Вымь на Вычегде в 1455 г. и убийство епископа. Причем это нападение было продолжением предыдущих набегов 1445 и 1448 гг. Хотя в летописях не во всех случаях упоминают конкретное имя вогульского князя, можно согласиться с тем, что это был именно пелымский князь Асыка [Martin, 1986, р. 94–95]. Особенно если учесть, что против Асыки и в дальнейшем предпринимались карательные походы. В частности, поход вятчей и пермяков в 1467 г., в результате которого «вогуличь воивали, а князя вогульского Асыку и на Вятку привели» [ПСРЛ, 1982, с. 91]. Интересно, что, по версии Вологодско-Пермских летописей, Асыка сбежал из-под Вятки «и князя их Асыку в полон взяли да от Вятки упустили» [Вычегодско-Вымская... летопись, 1958, с. 261–262].

Московские князья пытались перехватить источник пополнения казны пушниной у новгородцев и ранее. В 1465 г. был организован первый московский поход за Камень. Очевидно, что походы в Югру в географическом плане шли именно через территорию Пелымского княжества, что также служило дополнительной причиной агрессии Асыки [История Урала..., 1989, с. 146–148]. По сути, московские князья после победы над Новгородом в 1471 г. завершили присоединение земель Великой Перми, получив в наследство вместе с этим весь клубок противоречий в «сибирском вопросе». Таким образом, более обоснована точка зрения о том, что этот поход был изначально призван подчинить именно Асыку и его сына Юмшана, давних противников русских, постоянно беспокоивших пермские владения, как об этом писал еще С.М. Соловьев [1993, с. 80–81]. В конечном итоге это должно было обеспечить доступ к югорской пушнине, которая вообще имела доминирующее значение в русско-сибирских отношениях [Martin, 1986, р. 93–96]. Роль последней в причинах этого похода подтверждается и фактом участия в дальнейших мирных переговорах Ф.Г. Ховрина, казначея Ивана III, ведшего широкие торговые операции [Плигузов, 1993, с. 148]. Одновременно с этим для определения целей и причин похода

следует также учитывать и стремление пермского владыки Филофея к расширению миссионерской деятельности за Камень [Плигузов, 1987, с. 47]. На «крупную роль» Филофея в подчинении племен Сибири русской власти указывал и С.В. Бахрушин [1955, с. 114–115].

Заинтересованность пермского владыки Филофея не только в подчинении угорских княжеств проявляется и в описании организации дальнейших угорских посольств в Москву. В частности, все они организовывались непосредственно через пермского владыку, именно к нему приходили за посредничеством, он посылал в Москву с просьбой об «опасе» для посланцев угорских князей и ходатайствовал об их освобождении. Некоторые оговорки в летописях позволяют высказать предположение, что Филофей, возможно, отчасти действовал и из личных побуждений, рассчитывая на повышение своего положения или в расчете на благодарность со стороны Москвы. Так, в Вологодско-Пермской летописи по поводу посольства угорских князей в 1485 г., которое сопровождал лично владыка Филофей, упоминается, что «князь же великий тогда жаловал владыку, почтив велми, а Юмшана жаловал же, и с великою честью владыку отпустил и Юмшана» [ПСРЛ, 1959, с. 277]. В дальнейшем в летописи под 1491 г. упоминается передача пермской кафедры во главе с Филофеем вологодских земель [Там же, с. 288].

Таким образом, обзор историографии показывает, что придание этому походу неких глобальных целей как в рамках агрессивных, так и союзнических отношений между Тюменью и Москвой не подтверждается источниками. С гораздо большей долей объективности источники позволяют реконструировать цели похода как локально-конкретные, связанные с длительным противостоянием между Новгородом и затем Москвой с вогульскими и остяцкими князьями, в частности пелымским лидером Асыкой, в основном из-за вопросов пушной торговли и отчасти по причине расширения христианизации [Рябина, 2007, с. 37].

Маршрут, причины и движущие силы похода 1483 г.

Исходя из отмеченных выше целей следует рассмотреть маршрут похода. Бесспорно, что в наилучшем виде он был реконструирован в работах В.В. Каргалова. Маршрут похода, нашедший отражение в летописях, условно можно считать изначально predetermined московским князем Иваном III. В Устюжском летописце и летописце Льва Вологодина встречаются следующие упоминания: «Князь великий Иван Васильевич посла рать на вогулич и на Угру, на Обь великую реку» [ПСРЛ, 1982, с. 49]. При этом в остальных летописях, например в Архангелогородском летописце, уточняется, что рать была послана «на Асыку, на вогульского князя, да и в Югру на Обь великую реку» [Там же, с. 95], а в Вологодско-Пермской летописи, Вологодско-Пермских летописцах и Холмогорской летописи Асыка выступает главной целью похода: «на князя на Вогульского на Асыку» [ПСРЛ, 1959, с. 275; Клосс, 1976, с. 275; ПСРЛ, 1977, с. 124]. Кстати, в упомянутой выше духовной грамоте И.И. Салтыка Травина в качестве основной цели также указываются «вогуличи». Кроме Асыки, упоминается в одной из редакций Вологодско-Пермских летописцев сын пелымского князя Юмшан, который играет активную роль в дальнейших переговорах [ПСРЛ, 1959, с. 276]. Интересно, что в официальной Никоновской летописи о походе говорится как «о посылке воевод на Ясыку и Юзшана» [ПСРЛ, 1901, с. 215]. Причем в данной летописи нет упоминаний о каких-либо других направлениях похода, также не упоминаются дальнейшие посольства угорских князей, кроме Юмшана.

Интерес в этом отношении представляет и судьба пелымского князя Асыки. Как уже сказано, он упоминается в летописях при рассказе о походе 1467 г. и нападении на Чердынь в 1481 г. Однако что касается похода 1483 г., то его имя встречается только в Вологодско-Пермской и Холмогорской летописях в связи с бегством после битвы вместе с сыном. В иных источниках называется либо только Юмшан, либо неопределенно обозначается «вогульский князь». Характерно, что в дальнейшем посольства, которые организовывались при посредничестве владыки Филофея, также проходили от лица именно Юмшана без упоминания самого Асыки [ПСРЛ, 1959, с. 276–277]. На это обратил внимание еще А.И. Плигузов, который назвал его «непримиримым» [1993, с. 147]. Но вполне вероятно, что к этому времени Асыка был уже в преклонном возрасте, чтобы участвовать в битве, либо его уже не было в живых, и поэтому он упоминался только в летописях, где его фигура как давнего врага могла быть использована в качестве одной из символических целей похода.

Если вспомнить цели похода, обозначенные в летописях,— разгром вогульских княжеств, точнее, Пелымского княжества и подчинение югорских земель, то представляются не совсем понятными мотивы похода в Сибирскую землю. Можно предположить, что изначально поход

Поход 1483 г. и его место в истории русско-сибирских отношений

был организован непосредственно в виде карательной акции против пелымского князя Асыки и его сына Юмшана, причинявших много беспокойства пермским владениям, в частности того же владыки Филофея: «а лиха от него бывало и от отца его много» [ПСРЛ, 1959, с. 277]. Дальнейшее же продвижение, частности в Сибирь, можно попытаться объяснить попыткой поймать Юмшана, бегство которого описывается в большинстве летописей. Скорее всего, дальнейшее продвижение в южном направлении не носило характер запланированного похода. Географическое описание «Югры» в более позднем источнике «Книга Большого Чертежа» указывает ее местоположение по Сысве и Сосьве [Бахрушин, 1955, с. 87]. Для перехода с Пелыма в Югру не было необходимости «делать крюк» по Тавде, Тоболу и Иртышу, который мог быть спровоцирован только личной заинтересованностью воевод.

В связи с этим уточнения требует указание двух географических пунктов: «Тюмень» и «Сибирская земля»/«Сибирь».

Обратим внимание на то, что, поскольку используемые нами летописи были созданы внутри православной церкви, их авторы должны были исходить из ряда традиций именно русского летописания. Это замечание чрезвычайно важно по причине использования здесь термина «земля», по крайней мере в отношении «Сибирской земли» и «Югорской земли». А.А. Горский справедливо указал, что в русском летописании «землями» именовались независимые государства, для которых также могли использоваться этнонимические названия (например, «Русская земля»/«Русь», «Угорская земля»/«Угры») [2004, с. 80]. На наш взгляд, упомянутые в летописях о походе 1483 г. наименования стоят в этом же ряду. Если эта версия верна, то речь идет именно о наименованиях независимых политических объединений, а не их столиц с аналогичными названиями, как это предполагает Д.М. Исхаков [2010, с. 386–388]. Кстати, на поздний характер появления городища Искер (Сибирь) указывают и материалы раскопок этого памятника А.П. Зыковым, который самый ранний слой связывает с событиями после 1495 г. [Зыков, 1998, с. 23]. Летописное направление «в Сибирь и повоеваша Сибирскую землю» явно указывает именно на территориальное образование, так же как «в Нагаи». В случае упоминания направлений на городские пункты в летописях используется предлог «на», как, например, при походе Асыки 1481 г. «на Чердыню» [Вычегодско-Вымская... летопись, 1958, с. 261].

Помимо этого, в летописях упоминается приход в составе посольства к Ивану III «сибирских князей» (в Устюжском летописном своде) и «сибирского князя Лятика» (в позднем Архангелогородском летописце) [ПСРЛ, 1982, с. 49, 95]. Источник этих сообщений неизвестен, а в иных летописях данные об участии сибирских князей в переговорах отсутствуют. Скорее всего, есть резон согласиться с мнением А.И. Плигузова о том, что «это известие малодостоверно, ибо в ранних источниках речь идет о послах пелымских вогулов, а не о делегации “Сибирской земли”» [Плигузов, 1993, с. 153, прим. 32]. На наш взгляд, в этом отношении весьма заметно отсутствие этих князей в самой ранней Вологодско-Пермской летописи, составленной при дворе Филофея, казалось бы заинтересованного в преувеличении результатов похода. В таком случае само существование Сибирского княжества в 1480-х гг. как независимого политического объединения не подлежит сомнению, и в этом авторы вполне солидарны с Д.М. Исхаковым [2010, с. 386–388]. Однако этническая характеристика его лидера (предположительно установленная Д.М. Исхаковым как тюркская) и населения остается под вопросом.

В этом отношении иной контекст приобретает и «Тюмень», которая должна рассматриваться не как город (Чинги-Тура), а как наименование политического объединения Ибрахим-хана [Белич, Ярков, 2006]. В таком случае становится понятным, почему воеводы прошли «мимо Тюмень» по Тавде, хотя известно, что этот город располагался на Туре. Нет необходимости здесь исправлять или комментировать летописцев, как это сделали А.А. Дмитриев или Н. Абрамов [Абрамов, 1858, с. 714; Дмитриев, 1894, с. 60]. Летописцы здесь имели в виду, что русские войска прошли мимо Тюменского ханства, т.е. за пределами его северо-восточной границы, которая, видимо, располагалась именно по Тавде, а далее к востоку располагалась уже «Сибирская земля». Кстати, это позволяет нам установить условную, согласно взглядам русских летописцев, границу владений Ибака и в дальнейшем использовать ее для разделения тюменских владений Шибанидов и сибирских владений Тайбугидов. В связи с этим возникает вопрос об участии «тюменских татар» в этих событиях. Прежде всего, укажем, что, по нашему мнению, в этой группе следует видеть население Тюменского ханства в широком смысле слова. Так, например, Г.Х. Самигулов для этнокультурной ситуации более позднего времени указывает: «Выражения “тюменский татарин”, “уфимский татарин” или “тобольский татарин” означало

не татар, живших в Тюмени, Уфе или Тобольске, а тюрков, плативших в эти города ясак» [2011, с. 128]. В рассматриваемом контексте эта группа татар упоминается дважды. В 1481 г. отряд устюжанина Андрея Мишнева, догоняя отступающих из-под Чердыни вогулов Асыки, «посек» на Каме тюменских татар [Вычегодско-Вымская... летопись, 1958, с. 262]. На этом основании можно было бы предположить, что тюменцы поддерживали Асыку, однако контекст летописи говорит только о том, что они лишь оказались на Каме в то же время, и не соотносит их с пелымским князем. Во второй раз тюменские татары упоминаются в кратком Вологодско-Пермском летописце, где указывается, что они были побиты и пленены русскими воеводами при переходе в Сибирь [Клосс, 1976, с. 270]. По всей видимости, использование этнонима «татары тюменские» с позиции летописца связывает их именно с Тюменским юртом Ибрахим-хана, но не позволяет рассматривать в контексте отношений с пелымским князем Асыкой.

Заключение

Таким образом, анализ летописных источников о походе 1483 г. показывает, что он прежде всего связан с противостоянием между Московским великим княжеством и остяцкими и вогульскими объединениями, в особенности Пелымским княжеством Асыки. При этом поход в Сибирскую землю во многом носил случайный характер, и его нельзя рассматривать в русле русско-тюменских отношений, где он не оставил следов ни до этого в виде якобы имевшегося договора Ибрахим-хана и Ивана III, ни после этого в виде формального подчинения сибирского князя, реальность фигуры которого вызывает сомнения. В то же время летописные источники позволяют выявить основные политические объединения Западной Сибири в 1480-х гг., а также определить некоторые их условные границы. Одновременно московские князья, хотя и стали упоминать Югру в своей титулатуре, по всей видимости, рассматривали новые приобретения как в целом бесперспективные, поскольку в условиях постзолотордынского окружения последней четверти XV в. реально не могли их удержать. Поэтому пленных угорских князей охотно отпустили на прежние владения при условии данничества и номинального подчинения Русскому государству. При этом они должны были давать клятву «з золота воду пили», а в летописях всячески подчеркивалось, что «дотоле не давали дани» [ПСРЛ, 1959, с. 277; 1977, с. 125].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абрамов Н. Город Тюмень // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 50. Отдел II. Часть неофициальная. С. 712–715.
- Алексеев Ю.Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л.: Наука, 1989. 219 с.
- Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Науч. тр. Т. III: Избранные работы по истории Сибири XVI–XVIII вв. Ч. 2. История народов Сибири в XVI–XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 86–151.
- Белич И., Ярков А. О Тюмени до 1586 г. // Тюмень между прошлым и будущим. Ч. 1: Возвращение к истокам: Науч.-худож. изд.: В 3 ч. Тюмень: Кронос, 2006. С. 7–23.
- Буганов В.И. Отечественная историография русского летописания: (Обзор советской литературы). М.: Наука, 1975. 344 с.
- Бустанов А.К. Деньги и письма сибирских ханов: Опыт источниковедческого исследования. Saarbrücken: Lambert Acad. Publishing, 2011. 60 с.
- Вычегодско-Вымская (Михаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сб. Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 257–271.
- Горский А.А. Русь: От славянского расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Дмитриев А. Покорение угорских земель и Сибири: Пермская старина. Пермь, 1894. Вып. V. 219 с.
- Зыков А.П. Городище Искер: Исторические мифы и археологические реальности // Сибирские татары: Материалы I Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 1998. С. 22–24.
- История Урала с древнейших времен до 1861 г. / Под ред. А.А. Преображенского. М.: Наука, 1989. 608 с.
- Исхаков Д.М. О летописных сообщениях 1483–1484 годов относительно «Сибирской земли» и «Сибирского князя» // Тумашевские чтения: Актуальные проблемы тюркологии: Материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. Тюмень: Изд-во «Печатника», 2010. С. 386–388.
- Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Рипол Классик, 1998. Т. IV–VI. 656 с.
- Каргалов В.В. Сибирский поход 1483 года и его последствия // Вопр. истории. 1983. № 11. С. 177–182.
- Каргалов В.В. «Покоритель» Сибирского царства? [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.moskva.ru/publications/publication_121.html.

Поход 1483 г. и его место в истории русско-сибирских отношений

Клосс Б.М. Вологодско-Пермские летописцы XV в. // Летописи и хроники. 1976: М.Н. Тихомиров и летописеведение. М.: Наука, 1976. С. 264–282.

Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М.: Наука, 1980. 312 с.

Маслюженко Д.Н. Легитимизация Тюменского ханства во внешнеполитической деятельности Ибрагим-хана (вторая половина XV в.) // Тюркологический сб. 2007–2008: История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М.: Востлит, 2009. С. 237–257.

Маслюженко Д.Н. Сибирская княжеская династия Тайбугидов: Истоки формирования и мифологизация генеалогии // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань: Ихлас, 2010. Вып. 2. С. 9–21.

Морозов В.М., Пархимович С.Г., Шашков А.Т. Очерки истории Коды. Екатеринбург: Волот, 1995. 192 с.

На стыке континентов и судеб: Этнокультурные связи народов Урала в памятниках фольклора и исторических документах. Екатеринбург: Екатеринбург, 1996. Ч. 1. 236 с.

Нестеров А.Г. Формирование государственности у тюркских народов Урала и Западной Сибири в XIV–XVI вв. // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. М.: ИСАА при МГУ, 2003. С. 109–121.

Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI — начале XVII века. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1990. 166 с.

Парунин А.В. Дипломатические контакты Московского великого княжества и Тюменского ханства в 1480-е — начало 1490-х гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань: Ихлас, 2010а. Вып. 2. С. 266–274.

Парунин А.В. К вопросу об обстоятельствах смерти хана Большой Орды Ахмата в 1481 году // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3 / Под ред. И.М. Миргалеева. Казань: «Фэн» АН РТ, 2010б. С. 166–172.

Плигузов А.И. Первые русские описания Сибирской земли // Вопр. истории. 1987. № 5. С. 38–49.

Плигузов А. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М.; Ньютонвилль: Археогр. центр, 1993. 156 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 12: Патриаршая, или Никоновская, летопись. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1901. 266 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 26: Вологодско-Пермская летопись. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 416 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 33: Холмогорская летопись. Л.: Наука, 1977. 256 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 37: Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л.: Наука, 1982. 235 с.

Рябинина Е.А. Сибирский поход 1483 г.: К проблеме взаимоотношений России с Тюменским ханством // Емельяновские чтения: Материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Курган: Изд-во КурГУ, 2007. С. 37–38.

Самигулов Г.Х. Тюрки Южного Зауралья в конце XVI — первой половине XVIII века: Консолидация/разделение — к постановке вопроса // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Курган: Изд-во КурГУ, 2011. С. 127–131.

Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Нов. лит. обозрение, 2008. 516 с.

Сербина К.Н. Устюжское летописание XVI–XVIII вв. / Отв. ред. В.И. Буганов. Л.: Наука, 1985. 136 с.

Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 3: История России с древнейших времен. Т. 5–6. М.: Голос, 1993. 724 с.

Флоря Б.Н. Коми-Вымская летопись // Новое в прошлом нашей страны: Памяти М.Н. Тихомирова. М.: Наука, 1967. С. 227–231.

Шашков А.Т. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург: Волот, 2001. С. 8–51.

Martin J. Treasure of the Land of Darkness. The fur trade and its significance for Medieval Russia. Cambridge: Univ. Press, 1986. 288 p.

Курганский государственный университет
denmas13@yandex.ru

The article is devoted to a Russian campaign against Vogul u Yugor princedoms in 1483. Subject to identification being basic contradictions in the historiography of this event. Contrary to the conventional tradition, the authors believe that this campaign was not directly connected with Moscow-Tyumen relations, but reflects Moscow's intention to control the former Novgorod tributaries and Trans-Ural sources of fur trading, among others using methods of Christianization. A special attention being paid to the route of the march, which allowed to determine borders of certain late medieval political alliances of West Siberia.

Moscow princedom, Pelym princedom, Tyumen khanate, khan Ibrahim, Siberian land.

СЕЛЬКУПЫ ВЕРХНЕГО ТАЗА: МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ И ПУТИ СООБЩЕНИЯ С НАСЕЛЕНИЕМ СОСЕДНИХ РЕЧНЫХ БАССЕЙНОВ В XVIII–XX вв.

В.Н. Адаев

Рассмотрен круг культурных связей и путей сообщения селькупов Верхнего Таза с населением соседних речных бассейнов Енисея, Ваха и Пура в XVIII–XX вв. Уточнено местонахождение Караконской волости, к которой относилось население Верхнего Таза до начала XX в., а также обоснована версия о локализации селения Караконское в окрестностях современного п. Кикки-Акки.

Северные селькупы, Верхний Таз, Караконская волость, пути сообщения, водораздельные территории, межэтнические взаимодействия.

Исторически северные селькупы являются потомками нарымских селькупов, мигрировавших в XVII–XVIII вв. в двух направлениях: 1) на Вах и оттуда в верховья р. Таз; 2) на Енисей и далее в бассейн р. Турухан (см. подробнее: [Мифология селькупов, 2004, с. 36; Пелих, 1981, с. 8–74]). Известно, что в формировании северных селькупов большое значение имели их вековые контакты с ваховскими хантами, енисейскими кетами и эвенками. Особенно тесными были эти связи в верховьях Таза. Тем не менее до настоящего времени вопрос установления конкретных маршрутов, по которым население переходило на смежные территории в бассейнах других рек, оставался вне внимания исследователей.

Верхнетазовские селькупы выделяются лингвистами в качестве носителей особого говора [Казакевич, Будянская, 2010, с. 3]. Ареал их расселения простирается в бассейне Верхнего Таза от р. Ратта до р. Толька. Данная локальная группа известна по русским документам XVIII–XIX вв. как караконские остяки (караконцы) или каралькупы — жители Караконской волости (позднее — инородческой управы). В задачи настоящей работы входит представление круга связей и путей сообщения населения Верхнего Таза с территориями соседних речных бассейнов. Кроме того, учитывая противоречивость информации о местонахождении Караконской волости в XVIII–XIX вв., предполагается систематизировать имеющиеся сведения по локализации данной волости и ее административного центра. Основными источниками исследования послужили опубликованные историко-этнографические данные, архивные документы, а также полевые материалы, собранные летом 2013 г. во время археолого-этнографической экспедиции ИГОС СО РАН под руководством О.Е. Пошехоновой.

Караконская волость

Административным центром Караконской волости являлось селение (станок¹) Караконская, по которому местное селькупское население и именовалось караконскими остяками. По сведениям, полученным русской администрацией со слов местных князцов в ходе ревизии 1762–1763 гг., общая численность караконских остяков оценивалась в 209 чел. (140 мужчин и 69 женщин), в 1782 г. тот же показатель составлял 256 чел. (135 и 121 соответственно). Брачные связи караконцев в основном заключались с жителями Тымской волости [ГУТО ГА в Тобольске, ф. И154, оп. 8, л. 273 об.–284 об.]. Тымская волость, как сообщает Г.Ф. Миллер, в первой половине XVIII в. располагалась в верховьях р. Вах на участке от р. Кулынигол до р. Комсесьёган. Немецкий ученый также отметил, что остяки Тымской волости и живущие по р. Таз говорят на одном языке [Сибирь XVIII в. ..., 1996, с. 211].

По мнению известного исследователя истории и этнографии селькупов, Г.И. Пелих, Караконская (Караконская) волость в XVII в., в момент ее образования, находилась на Оби, в XIX в. — на территории Сургутского уезда, на р. Вах, и лишь позднее оказалась в бассейне Таза [1981, с. 30–

¹ Станком (т.е. мелким населенным пунктом, на жителях которого лежала обязанность перевозить почту) данное селение названо в списке населенных мест Енисейской губернии за 1893 г. [Волости..., 1895, с. 20]. В XVIII в. Караконская, скорее всего, представляла собой «ясачное зимовье» (см. пример: [Сибирь XVIII в. ..., 1996, с. 114]) — сезонное инородческое поселение, в которое местные жители должны были прибывать к назначенному сроку для сдачи ясака.

Селькупы Верхнего Таза: межкультурные связи и пути сообщения...

31]. Однако архивные материалы вносят существенные коррективы в высказанную томским исследователем гипотезу. Приведенные выше сведения ревизии 1782 г. предваряются записью, что переписное население относится к Тазовскому уезду Караконской волости, причем в преамбуле одного из двух списков непосредственно указано, что остяки проживают по рекам Тазу, Григорке и Часолке² [ГУТО ГА в Тобольске, ф. И154, оп. 8, л. 273 об., 279]. В документах Тобольской духовной консистории за 1792 г. сохранился отчет о поездке протопопа Н. Попова в Караконскую волость, где он встречался с волостным князем Ильяковым. В рассказе протопопа прямо указывается, что волость находится в «тазовской стороне», и упомянуты соответствующие местные реки, по которым проходил путь (Коралка, Таз, Рата³ и др.) [Там же, ф. И156, оп. 4, д. 1687, л. 1]. Таким образом, не остается сомнений, что в конце XVIII в. Караконская волость находилась уже именно в бассейне р. Таз.

На географических картах первой четверти XIX — начала XX в. населенный пункт Караконская (Караковская) также расположен не в бассейне р. Вах, а на правом берегу р. Таз, недалеко от впадения в нее р. Корулькы (что приблизительно соотносится с местонахождением нынешнего п. Кикки-Акки) (рис. 1). Хорошим комментарием к приведенным картографическим данным является ремарка, сделанная статистиком рубежа XIX–XX вв. С.К. Паткановым: «В переписном материале по Туруханскому краю мы встречаем в районе верхнего Таза два кочевья с подобными названиями: коч. Караль-кы и Поколыкы с населением 91 д. (48 м.), расположенные у одноименных речек. Первое из этих кочевий нанесено и на 40 верст[ной] карте Енисейской губернии (Военно-топографическ. отдела) под названием сел. Караковского при рч. Каральке» [1911, с. 127]. Обращает на себя внимание также некоторое сходство названий поселения Караконская (Караковская) и реки Корулькы. На это, в частности, указывал финский исследователь М.А. Кастрен, посетивший р. Таз в середине XIX в. Он сообщал, что караконские остяки относились к так называемой группе Лимбель-гум (орлиные люди). Исходя из их названия, караконские, он предполагал происхождение данной группы с р. Karalg, или Karol-ki, т.е. Журавлиной реки (современная р. Корулькы. — В. А.) [Кастрен, 1999, с. 178].

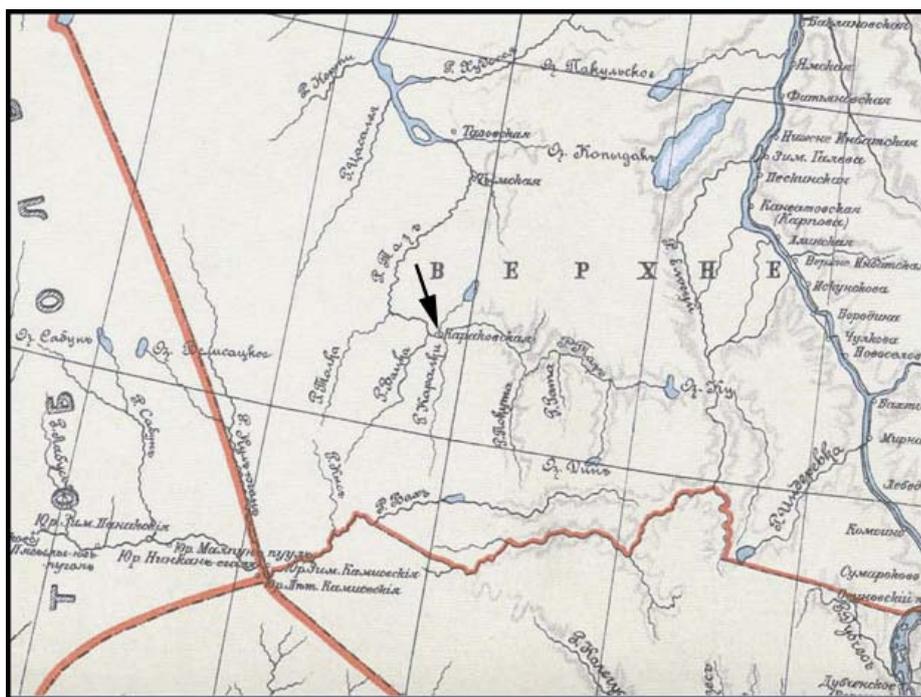

Рис. 1. Фрагмент карты Енисейской губернии 1914 г. с отмеченным на р. Таз селением Караковская (Караконская)

² Судя по косвенным данным, приведенным Г.Ф. Миллером в описании р. Григорка (см.: [Сибирь XVIII в. ..., 1996, с. 211]), под этим названием скорее всего значилась р. Печалька. Часолка в современном наименовании — Часелька. Обе реки — крупные притоки Таза, впадающие в него ниже п. Толька.

³ В современном варианте названия перечисленных рек выглядят следующим образом: Корулькы, Таз, Ратта.

Итак, мы имеем явное указание на то, что селение Караконская в XIX в. находилось близ устья р. Корылькы, а следовательно, могло совпадать по расположению с современным п. Кикки-Акки. Данный поселок находится на правом берегу Таза немногим выше устья р. Корылькы. Расстояние до ближайших населенных пунктов: до п. Толька — около 75 км вниз по р. Таз, до п. Ратта — около 150 км вверх по течению. Кикки-Акки появился в первой половине 1930-х гг. на месте родовых угодьев селькупов Каргачевых. В 1931 г. этого поселка еще не существовало. Исследователь В.Н. Скалон привел в 1931 г. описание действовавшего маршрута на участке Верхнего Таза от устья р. Мотылькы до устья р. Вэттылькы с перечислением приметных мест в качестве ориентиров. Последним из них перед р. Вэттылькы он назвал урочище Кичей акка на правом берегу р. Таз [Скалон, 1931, с. 74]. Можно предполагать, что под этим названием значилось сезонное поселение местных селькупов на месте будущего поселка Кикки-Акки. В материалах переписи населения 1936 г. на территории Верхне-Тазовского туземного совета уже отмечен населенный пункт Кикки-Акки с населением 101 чел. [«Судьба Ямала...»]. В настоящее время Кикки-Акки — небольшой населенный пункт, где осталось менее 10 жилых домов. По данным Толькинской сельской администрации, население п. Кикки-Акки на 2010 г. составляло 54 чел. [Паспорт населенных пунктов, 2010, л. 2]. Все жители — селькупы. На постоянной основе в поселке живет всего несколько семей, остальные в основном приезжают на летне-осенний сезон.

Среди местных жителей не удалось зафиксировать воспоминаний о былом населенном пункте Караконская, они лишь смогли сообщить, что на месте п. Кикки-Акки ранее находилось летнее селькупское стойбище. Тем не менее можно высказать еще некоторые соображения по поводу вероятности локализации селения Караконская именно на этом участке, где, что немало важно, по результатам экспедиции ИПОС СО РАН 2013 г. обнаружено значительное средоточие археологических объектов позднего средневековья. Первое основание — это удобное расположение близ устья Корылькы, реки, являвшейся путем сообщения с бассейном р. Вах, через который в прошлом проходил маршрут, связывающий территорию с уездным центром в Сургуте. Второе — наличие подходящих ландшафтных условий (высокая, незатопляемая в половодье терраса, примыкающая к месту рыбная старица с протокой) и вероятная близость богатых рыболовных угодий. Последнее можно предполагать, так как в настоящее время непосредственно напротив п. Кикки-Акки находится один из лучших по уровню улова неводных песков, кроме того, сама р. Корылькы считается наиболее богатой рыбой среди соседних притоков Таза.

По всей видимости, именно селение Караконская описывал Г.Ф. Миллер около 1740 г., когда сообщал об остяцком поселке близ устья р. Корылькы, где русские казаки занимаются приемом ясака. Исследователь привел и другие важные для нас сведения: 1) к указанному остяцкому поселку выходит дорога вдоль р. Корылькы, которой следуют с Ваха сборщики ясака; 2) поселок стоит в 5 верстах ниже устья Корылькы, на правом берегу Таза, у курьи⁴, называемой по-остяцки Киге; 3) в одном дне пути от р. Киге находится р. Вачка (Вэттылькы. — В. А.), впадающая в Таз с левой стороны [Сибирь XVIII в. ..., 1906, с. 211]. Современный поселок Кикки-Акки расположен примерно в 8 км выше впадения р. Корылькы в Таз и на первый взгляд по своему географическому положению не соответствует приведенным условиям, тем более что на отрезке между рр. Корылькы и Вэттылькы в Таз с правой стороны впадает еще одна небольшая река — Топырмачилькике.

Тем не менее есть веские доводы, которые поддерживают состоятельность версии о локализации исчезнувшего селения в окрестностях п. Кикки-Акки. Во-первых, это явное многократное изменение места впадения р. Корылькы в Таз за минувшие столетия, о чем свидетельствует большое количество стариц и протоков, примыкающих к устью этой реки. Некоторые из них находятся в нескольких километрах выше п. Кикки-Акки. Во-вторых, приведенное Г.Ф. Миллером расстояние от речки, на которой находился остяцкий поселок, до р. Вэттылькы довольно значительно — его преодоление занимало один день. Основываясь на несложных расчетах, можно заключить, что в среднем день пути на маршруте вдоль русла Таза у Г.Ф. Миллера составляет 15–20 км. Даже с учетом возможного смещения устья Вэттылькы с течением времени, этим показателям лучше всего соответствует п. Кикки-Акки, который находится примерно в 20 км от впадения указанного притока (для р. Топырмачилькике то же расстояние составляет всего 6 км). И наконец, в-третьих, в пользу п. Кикки-Акки говорят приведенные немецким исследователем название и описание реки, у которой располагалось старое поселение. В варианте

⁴ Курья — старица.

«Киге» почти без сомнения было записано селькупское слово «кика», имеющее значение «ручей». Оно присутствует в составе многих мелких селькупских гидронимов, в том числе в вариантах Топырмачилькике и Киккэоккэ (небольшая река, на которой стоит поселок Кикки-Акки). Но у последней, что немаловажно, слово «кика» вынесено в начало, а следовательно, имело больше шансов закрепиться в качестве укороченного имени водоема. Кроме того, полное название водного объекта, Киккэоккэ переводится как «ручей старицы», что является почти калькой со сделанного Г.Ф. Миллером описания: остяцкий поселок находится на курье (старице), называемой по-остяцки Kige (ручей).

Приведем еще некоторые статистические данные по караконским осяткам за период XIX — первой четверти XX в. Статистики, как правило, фиксировали суммарную численность жителей двух волостей — Караконской и Тымской, причем варианты написания волостных названий были довольно разнообразны. Так, по данным 1859 г., тымно-карасинские осятки, кочующие по Тазу, Каральке и Худосею, насчитывали мужского полу — 261 чел., женского — 194 (общее количество — 455) [Список населенных мест..., 1864, с. 60]. На основании материалов переписи 1897 г. С.К. Патканов пишет, что у Тымско-Караконского остяцкого рода число хозяйств составляет 92+1, количество мужчин — 279, женщин — 240 (общее количество — 519) [1911, с. 290]. В 1925 г. Тымско-Караконский род, занимавший систему верховий р. Таз, насчитывал 804 души обоих полов при 142 хозяйствах [Доброва-Ядринцева, 1925, с. 10; Тугаринов, 1927, с. 5]. Таким образом, статистические данные говорят о существенном росте численности тымско-караконских селькупов на протяжении известной по письменным источникам истории. Если оставить в стороне материалы XVIII в., о степени полноты и достоверности которых судить трудно (учитывая, что они составлены со слов самих плательщиков ясака), то численность населения волостей за период с 1859 по 1925 г. возросла почти в два раза. Это высокие показатели для коренных народов Севера Западной Сибири того времени. Привести ключевые причины данного роста численности (изменение волостных границ, повышение качества учета, естественная прирост населения или миграции) без углубленного изучения вопроса пока не представляется возможным.

Общую картину хозяйственных занятий караконских осятков и направлений их ежегодных кочевий наглядно представляют сведения, собранные в 1920-е гг. этнографом Л.Н. Добровой-Ядринцевой. С началом весны тымско-караконские осятки спускались на мелкие озера и речки, где по высокой воде промышляли для собственного потребления рыбу, используя пушальни (ставные сети), котцы и запоры. В это же время велась массовая добыча перелетной птицы. В июне жители переходили на более крупные реки (Таз, Худосей, Елогуй), отдельные семьи спускались на пески в низовья Таза, где занимались неводьбой рыбы в целях сбыта промышленным предприятиям. Олени в течение лета выпасались на ближайших крупных болотных угодьях («тундрах»). После спада воды, в сентябре, осятки возвращались на места весеннего промысла, где заготавливали для себя рыбные запасы на зиму. С ноября начинался промысел белки по близлежащим борам. В феврале промысловики отправлялись в «большую дорогу» за сотни километров от весенне-осенних стойбищ, чтобы добывать по хвойным лесам левобережья Таза белку и дикого оленя. Что немаловажно, исследователь особо отмечает устойчивый характер мест кочевий и промысла у караконских осятков: *«не только место кочевания (речка, яр, озеро), но и место промысла — бор, тундра, указываются вполне определенно, т.к. у них из года в год имеется “свое место”. Указывая место кочевания, осятак Тымско-Караконской управы определяет два пункта — речку, озеро, где он веснует и летует и даже зимует, и район промысла, куда он уходит за белкой или за диким оленем. Т.о., в общем, если не считать периода промысла, связанного с передвижением, осятак мало подвижен»* [Доброва-Ядринцева, 1925, с. 74]. В целом можно предполагать, что данный хозяйственный комплекс (с присущей ему системой кочевий) в общих чертах соответствовал существовавшему на этой же территории в XVII–XVIII в., когда пушной промысел уже приобрел у тазовских селькупов выраженное товарное значение.

Культурные связи верхнетазовских селькупов

Верхнетазовские селькупы на протяжении нескольких веков поддерживали брачные и культурные контакты с ваховскими хантами, енисейскими кетами и эвенками. Кроме того, на начальном этапе освоения бассейна р. Таз, после напряженной борьбы за новые территории, селькупы частично ассимилировали и включили в свой состав местное самодийское население из бассейна Среднего и Верхнего Таза — лесных энцев (см. подробнее: [Мифология селькупов, 2004, с. 36]).

Северные селькупы называют древних насельников своей земли ненцами (*кхалак*), не делая различия между энцами и ненцами. По воспоминаниям верхнетазовских селькупов, в легендарной войне с *кхалак* им помогли эвенки (*помпа*) из верховьев Таза и красноярские селькупы: «Селькупы начали воевать с ненцами, ненцы хотели отобрать эту землю — чернолесье⁵ наше, и эвенки заступились, помогать нам начали» [ПМА, 2013]. На расстоянии около 30 км ниже по течению от п. Кикки-Акки, на левом берегу р. Таз, находится урочище Кхале-мачи (Ненецкий бор). По преданию, именно на этом месте селькупы в союзе с эвенками одержали окончательных верх над ненцами и изгнали их с Верхнего Таза.

Победе предшествовал долгий период военных столкновений. В семье Мороковых из п. Кикки-Акки был записан на русском языке вариант легенды об известном селькупском герое Немаль-Поркы-иры (Старик-Заячья-Парка), который хитростью победил боевой отряд ненцев. Враги были приглашены к старику-селькупу в землянку, а после закрыты в ней и сожжены [ПМА, 2013]. По всей вероятности, фольклорный сюжет отражает воспоминания селькупов о раннем периоде истории их проживания на Верхнем Тазу, когда группы кочевых ненцев (энцев) совершали военные набеги на зимние стоянки селькупов, пользуясь тем, что основная часть мужского населения уходила на охотничий промысел и в селениях оставались в основном старики, женщины и дети.

Современные селькупы рассказывают о торгово-обменных отношениях с ненцами в середине XX в. — на пушнину и рыбу они выменивали у последних оленей и оленегонных лаек. Для обмена верхнетазовские селькупы выезжали на оленьих упряжках в Вэнгапур, Тарко-Сале и Харампур, причем маршрут пролегал обычно через р. Толька и Чертовы озера. Поездка занимала несколько месяцев, договаривались о ней заранее, сообщая о своих намерениях через третьих лиц (отправляли «словесное письмо»). Интересно, что верхнетазовские селькупы очень ценят рабочие качества ненецких оленегонных лаек (*кхали-канак* — ненецкая собака) и раньше с успехом использовали этих небольших собак даже для охотничьего промысла. В то же время ненецкие олени считались плохо приспособленными для местных условий выпаса. Все информаторы склоняются к тому, что данные обменные отношения с ненцами начались лишь в советский период, «с появлением колхозов». Добавим, что уже в 1930-е гг. биолог В.Н. Скалон отмечал проникновение породы ненецкого оленя в пределы Верхнего Таза, по причине его приобретения как самими селькупками, так и оленеводческими организациями [1931, с. 76, 77]. Как бы ни было, можно предполагать, что представленный выше маршрут с Верхнего Таза на территорию проживания лесных ненцев в бассейне р. Пур имеет давнее происхождение.

Давние устойчивые связи существовали у верхнетазовских селькупов и с Туруханским краем (бассейн р. Енисей), территорией проживания кетов и эвенков. Еще в XVII в. Сургутская уездная администрация периодически отмечала уход своих караконских плательщиков ясака на Енисей (см. подробнее: [Пузанов, 2004, с. 55–61]). В этой связи интересно, что в Туруханском крае остяков Тымско-Караконской управы даже в XX в. нередко называли сургутами [Доброва-Ядринцева, 1925, с. 9]. Интенсивные контакты населения верховьев Таза с территорией Енисея и перемещение жителей двух бассейнов продолжались в первой половине XX в. Так, этнограф Л.Н. Доброва-Ядринцева писала, что в 1920-е гг. в состав остяко-самоедов Тымско-Караконской управы была включена группа енисейцев из 18 семей, носящих родовое имя Ириковых [1925, с. 10]. Охотовед Ф.Р. Штильмарк в 1960-е гг. отмечал существование в недавнем прошлом группы селькупских и кетских оленеводов, кочевавших на пространстве низинной тайги между Енисеем и Тазом и позднее осевших на р. Пакулиха ближе к Енисею [2003, с. 203–204].

Далее приведем зафиксированные маршруты, связывавшие Верхний Таз с Туруханским краем, в порядке их следования с севера на юг. У современных селькупов сохранились воспоминания о дороге на Енисей, проходившей через р. Ширта (правый приток Таза), конечным пунктом на Енисее был п. Верещагино, где имелся магазин и можно было недорого приобрести продукты. Дорога эта активно использовалась в 1950-е гг. К этому же периоду времени относятся сведения о последнем известном случае приезда кетов на Таз, чтобы сватать селькупскую девушку — невеста была найдена в п. Ратта и увезена в Красноярский край.

Близким к вышеприведенному был маршрут, связывавший поселки Ратта (на Тазу) и Сургутиху (на Енисее). На середине пути находилось оз. Налимье, из которого берет исток р. Пакулиха. На этом рыбном озере, по рассказам современных жителей Верхнего Таза, стояла факто-

⁵ Популярный местный термин для обозначения ландшафта. Селькупы понимают под ним смешанный лес в низинах, отличный от сухих боровых участков.

рия, и там с давних времен встречались селькупы и кеты: *«Там есть Налимье озеро в верховьях, потуда ездили. За невестами туда ездили. У меня же бабка оттуда, дед оттуда ее привез. Они тоже сюда ездили. С ними, да, дружили. И дорога же была через Ратту — там муку возили в сторону Красноярска туда, на Енисей. Пушкину туда сдавать ездили. На Налимье озеро туда ездили, там фактория была»* [ПМА, 2013].

По сведениям В.Н. Скалона 1930-х гг., существовал еще один популярный маршрут на Енисей. Он проходил от устья р. Мотыльки (правый приток Таза, примерно в 150 км выше п. Кикки-Акки) к р. Артюгина (приток Енисея) и далее к ст. Алинская на Енисее. Зимняя дорога для оленьих упряжек на участке русла между реками Мотыльки и Вэттыльки была очень хорошо наезженной и имела многочисленные ответвления к притокам. Исследователь отмечал, что точно такая же хорошая дорога имелась ниже по Тазу на отрезке от р. Толька до с. Церковенского (современный п. Красноселькуп). Однако участок между этими двумя дорогами оставался мало используемым: *«Пути эти в конечном пункте сходятся очень близко, но не соединяются, так как отсутствие деловых сообщений между жителями соседних родовых советов не вызывает необходимости в частых проездах. Проезжая по этому промежутку, приходится обычно “топтать дорогу”, не видя даже следа санок»* [Скалон, 1931, с. 74].

Похоже, что тем же маршрутом с Енисея в бассейн Верхнего Таза через устье р. Мотыльки предполагалось передвижение переписчика Приполярной переписи 1926–1927 гг. Во всяком случае, приводимые в инструкции для переписчика ориентиры данному маршруту соответствуют: от селения Верхне-Инбатское на Енисее, минуя р. Елогуй, через факторию⁶, *«что находится по неизвестной речке, на середине пути между Елогуем и Тазом, в том месте, где перекрещиваются кочевые тропы нескольких туземных орд»* [ГАКК, ф. Р769, оп. 1, д. 303, л. 36–39]. Известно, что в первой половине XX в. окрестности селения Верхне-Имбатского посещались тазовскими селькупами и в летнее время. По сообщению Л.Н. Добровой-Ядринцевой, в течение июня происходил массовый выход остяко-самоедов Тымско-Караконской управы на остяцкую ярмарку, которая устраивалась на Поповой речке в 8 верстах от села Верхне-Имбацкого [1925, с. 79].

Еще один путь, связывавший Верхний Таз с Енисеем, зафиксировал Г.Ф. Миллер в путешествии 1739 г. Он указал, что енисейские остяки поднимались на лодках по р. Елогуй и ее притоку Кыкса, далее выходили к оз. Тында, от которого было недалеко до верховьев р. Таз [Сибирь XVIII в. ..., 1996, с. 115]. Спустя 220 лет известный отечественный этнограф Р.Ф. Итс во время полевых исследований на территории Красноярского края в 1958–1961 гг. вновь записал информацию об этом маршруте, но уже в его зимнем варианте. Он отметил, что верхнетазовские селькупы из п. Ратта и кеты из п. Келлог, расположенного по р. Елогуй, ежегодно встречаются зимой на своеобразный сбор у оз. Тында, лежащего на полпути от одних к другим, причем встречи эти носили регулярный характер на протяжении около века. Во время встреч между представителями двух народов заключались браки, происходил обмен оленями и собаками [Итс, 1986, с. 160–172].

Хороший путь на Енисей для оленьих упряжек представляло и междуречье рек Таз и Вах. Выезжали к нему по левым притокам Верхнего Таза — рр. Корыльки, Покальки, Вэттыльки, Ратта. Показательно, что название одной из этих рек, Покальки, переводится с селькупского как «переходная река». Учитывая, что в зимнее время значительная часть населения проживала в верховьях южных притоков Таза, дорога по ваховско-тазовскому водоразделу становилась для них кратчайшим путем в сторону Енисея. По словам современных жителей, поездки данными маршрутами не были редкостью в 1970-е гг., целью выездов являлось посещение поселковых магазинов на Енисее, встреча с родственниками и знакомыми, сватовство невест у кетов: *«Некоторые раньше на оленях на Енисей ездили, невест своих брали. Вот один старик зимой вечно ездил. В верховьях Коральки дорогу до сих пор видно»* [ПМА, 2013]. Одним из кетских родов на Енисее, с которым верхнетазовские селькупы часто вступали в брачные связи, был род Дибиковых.

Закономерным итогом столь интенсивных контактов северных селькупов и кетов явилось значительное сходство их духовной и материальной культуры. Как пишет известный исследователь самодийских народов Л.В. Хомич, данное сходство объясняется не только общностью современной среды обитания, но и формированием этих черт культуры на общей территории [Хомич и др., 2002, с. 20]. Несмотря на воспоминания о былом военном союзе с эвенками, куль-

⁶ Предположительно имеется в виду артель Артюгино, располагавшаяся на упомянутой выше одноименной реке.

турные заимствования от них у верхнетазовских селькупов оказались не столь значительны. Вероятным препятствием были выраженные отличия традиционного хозяйственного комплекса и кочевого ритма эвенков от селькупского. Даже проживая на сопредельной с селькупскими территориями, эвенки тяготели к другим природным комплексам, более труднодоступным и удаленным от административных центров,— верховьям притоков Таза и водораздельным болотам. Брачные контакты верхнетазовских селькупов с эвенками, тем не менее, не были редкостью (особенно с родом Баякиных), современные потомки от этих браков в большинстве своем относят себя к селькупам. Яркой иллюстрацией близости всех трех указанных народов является миф о возникновении созвездия Большой Медведицы, версии которого записаны у кетов и селькупов. Согласно нему, три звезды, составляющие ручку ковша,— это охотники селькуп, кет и эвенк, вместе преследующие лося [Алексеенко, 1976, с. 85; Мифология селькупов, 2004, с. 172–173].

Из хантов (*лангаль-кумыт*) верхнетазовские селькупы поддерживали отношения главным образом с жителями бассейна р. Вах. Очевидно, что данное направление связей для селькупского населения Верхнего Таза имело самую давнюю историю, начавшуюся с этапа миграции селькупов на север и установления широких брачных контактов с жителями Тымской волости. По полевым материалам известно, что в 1960–1970-е гг. ваховские ханты приезжали в гости к селькупским оленеводам, кочевавшим в бассейне р. Корыльки. Не были редкостью и поездки самих верхнетазовских селькупов на Вах за невестами, однако никаких сведений о конкретных хантыйских фамилиях, с которыми поддерживались брачные связи, местные жители привести не смогли. Наиболее известный в районе п. Кикки-Акки маршрут на р. Вах пролегал по р. Корыльки через верховья р. Сабун к п. Корлики (это было самое ближнее селение на Вахе). По рассказам, до него с верховьев Корыльки доезжали на оленях всего за полдня. Обращает на себя внимание явное сходство наименований р. Корыльки и хантыйского селения Корлики (в селькупском варианте — Корый-кы). Подобные совпадения названий в бассейнах разных рек нередко являются свидетельством существовавших устойчивых маршрутов, волоков, которые соединяли две территории (см. об этом: [Адаев, 2012, с. 118]). Кроме поселка Корлики, современным верхнетазовским селькупам хорошо известен на Вахе и Ларьяк, который также посещался их предками.

К р. Вах селькупы выходили на оленьих упряжках и по течению других левых притоков Таза — по рр. Вэттылькы, Покалькы и Ратта [Хомич и др., 2002, с. 51]. Тем не менее именно маршрут через р. Корыльки использовался в XVIII в. русской уездной администрацией в Сургуте для поездок по сбору ясака у остяков Караконской волости, этой же дорогой выезжали на р. Таз священники уездной консистории. Путь из Ларьяцкой волости до юрт Корыльских, по разным источникам XVIII в., занимал от 8 до 20 дней [ГУТО ГА в г. Тобольске, ф. И156, оп. 4, д. 1687, л. 1; ф. И156, оп. 1, д. 1413, л. 8; Сибирь XVIII в. ..., 1996, с. 210–211]. Наиболее обстоятельно дорога вдоль р. Корыльки, которой выходили к Тазу русские сборщики ясака, описана у Г.Ф. Миллера. Путь начинался с продвижения вдоль русла северного притока Ваха, р. Колынигол, далее сворачивал на впадающую с севера р. Локонтоёган, по ней и через некую р. Ilkasar через 1,5 дня добирались до Манина озера. От озера за 2,5 дня выходили вновь к руслу р. Колынигол и шли далее на север, оставляя исток реки справа. За 10–12 дней преодолевали водораздел между Вахом и Тазом и выходили к р. Корыльки примерно в середине ее течения. Оставив ее извилистое русло по правую руку, продвигались на север и через 5 дней достигали р. Таз. Место выхода, как указывалось выше, находилось в 5 верстах ниже р. Корыльки [Сибирь XVIII в. ..., 1996, с. 210–211].

Зимой 1913 г., когда в верховьях р. Таз побывал финский этнограф К. Доннер, контакты жителей Таза и Ваза были достаточно ограниченными. На спорных территориях междуречья промысловики двух рек подчас встречали друг друга стрельбой. К. Доннер с некоторым трудом разыскал проводника, который некогда ездил на юг к хантам. Сам путь занял продолжительное время (почти месяц), так как с дороги постоянно сбивались. Маршрут, по которому провели исследователя, шел с р. Покылькы на р. Колынигол и по ней — к п. Ларьяк [Доннер, 2008, с. 100–106].

Общая картина выявленных маршрутов представлена на рис. 2. Многие из путей сообщения обозначены довольно схематично, в силу ограниченности установленных ориентиров. Нужно отметить, что большинство дорог через водораздельные территории использовалось верхнетазовскими селькупами в зимнее время, и перемещение по ним осуществлялось, как правило, на оленьих упряжках. Летние переходы тоже были возможны, но совершались значительно реже. В этих случаях основную часть пути обычно преодолевали на лодках-долбленках, пере-

Селькупы Верхнего Таза: межкультурные связи и пути сообщения...

таскивая их через длинные мысы, участки речных завалов и водораздельные волокни. На интенсивно используемых маршрутах имелись привычные места стоянок, но жесткой привязки к ним при передвижениях не было. Нередко местами ночевки в дороге могли служить сезонные поселения и стойбища. Вполне обычной была ситуация, когда неблагоприятные погодные условия (метель или резкая оттепель) становились причиной вынужденной остановки на несколько дней. Поэтому зимой в длительные поездки селькупы брали с собой чум и существенный запас продуктов.

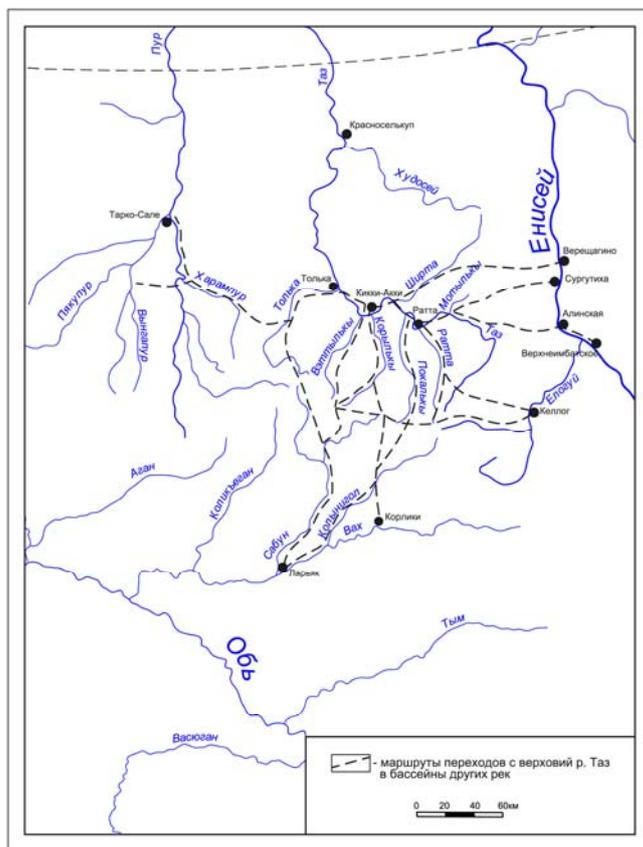

Рис. 2. Схема существовавших путей перехода с верховий Таза на сопредельные территории

В заключение подведем основные итоги.

Изученные архивные материалы позволяют говорить о нахождении Караконской волости в бассейне р. Таз как минимум с последней четверти XVIII в.

На основании опубликованных и неопубликованных письменных источников, а также картографических данных и полевых этнографических материалов выдвинута и обоснована версия о возможной локализации существовавшего в XVIII–XIX вв. селения Караконская в окрестностях современного п. Кикки-Акки. Дальнейшее изучение архивных документов, а также археологические исследования в районе данного поселка, возможно, позволят верифицировать предложенную версию в ближайшие годы.

Собранная и систематизированная информация по путям сообщения, связывавшим селькупское население с территориями соседних речных бассейнов, послужила основой для создания общей схемы маршрутов передвижения. Главными направлениями внешних контактов верхнетазовских селькупов на протяжении нескольких веков были рр. Енисей (кеты, эвенки, туруханские селькупы), Вах (ханты) и Пур (ненцы), причем связи с населением последней реки были развиты в значительно меньшей степени. Дороги прокладывались вдоль русел рек, конечными точками маршрутов были крупные населенные пункты. Основной целью поездок являлись торгово-обменные отношения (на всех трех направлениях) и заключение брачных контактов (Енисей, Вах). В перспективе предполагается продолжение исследовательской работы по данной теме, причем наиболее информативным источником, скорее всего, станут архивные

материалы, так как селькупы Верхнего Таза в последние десятилетия почти прекратили практику переходов в соседние речные бассейны. Часть маршрутов перестала использоваться 50 и более лет назад.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

ГАКК. Ф. Р769. Оп. 1. Д. 303.

ГУТО ГА в Тобольске. Ф. И154. Оп. 8. Д. 44; Ф. И156. Оп. 1. Д. 1413; Ф. И156. Оп. 4. Д. 1687.

Паспорт населенных пунктов муниципальных образований муниципального образования Красноселькупский район за 2010 г. в Ямало-Ненецком автономном округе. 2010. 85 л.

Полевые материалы автора. Красноселькупский район, 2013 г.

Литература

Адаев В.Н. Болотные маршруты: Пути и способы сообщения народов Нижнего Прииртышья через водораздельные территории в XVIII–XX вв. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 3 (18). С. 110–119.

Алексеевко Е.А. Представления кетов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.). Л.: Наука, 1976. С. 67–105.

Волости и населенные места 1893 года. Вып. 11: Енисейская губерния. СПб., 1895. 40 с.

Доброва-Ядринцева Л.Н. Туземцы Туруханского края: Опыт исследования экономического положения / Под ред. В. Лаврова. Новоиколаевск: Изд. Сибревкома, 1925. 82 с.

Доннер К. У самоедов в Сибири. Томск: Ветер, 2008. 276 с.

Итс Р.Ф. Века и поколения: Этнографические этюды. Л.: Лениздат, 1986. 236 с.

Казакевич О.А., Будянская Е.М. Предисловие // Диалектологический словарь селькупского языка: (Северное наречие) / Под ред. О.А. Казакевич. Екатеринбург: Баско, 2010. С. 3–4.

Кастрен М.А. Соч. в двух томах. Т. 2: Путешествие в Сибирь (1845–1849 гг.). Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 352 с.

Мифология селькупов / Н.А. Тучкова, А.И. Кузнецова, О.А. Казакевич и др.; Науч. ред. В.В. Напольских. Томск: ИТУ, 2004. 382 с.

Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. II (Тобольская, Томская и Енисейская губернии). СПб., 1911. 432 с.

Пелих Г.И. Селькупы XVII в.: Очерки социально-экономической истории. Новосибирск: Наука, 1981. 176 с.

Пузанов В.Д. Военно-административные проблемы развития Сургутского уезда в XVII–XVIII веках // Северный регион: Наука, образование, культура. 2004. № 1. С. 55–61.

Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1996. 310 с. (История Сибири: Первоисточники; Вып. VI).

Скалон В.Н. Оленеводство в бассейне реки Таза (Туруханский край) // Сов. Север. 1931. № 3–4. С. 70–87.

Список населенных мест по сведениям 1859 года. Т. LI: Енисейская губерния. СПб., 1864. XLIII с., 74 с.

«Судьба Ямала в судьбах красноселькупцев», посвящается 80-летию юбилею Ямало-Ненецкого автономного округа [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://selkup.info/?path=/state/state_41/.

Тугаринов А.Я. Туземцы Приенисейского Севера // Библиотека Приенисейского краеведа. Красноярск, 1927. № 16. С. 1–14.

Хомич Л.В., Ириков С.И., Аюпова Г.Е. Тазовские селькупы: Очерки традиционной культуры. СПб.: Фиалиал изд-ва «Просвещение», 2002. 150 с.

Штильмарк Ф.Р. Из прошлого: (Охотэкспедиция по Туруханскому району в 1963 г.) // Охотничьи просторы. 2003. № 3. С. 199–210.

Тюмень, ИПОС СО РАН
whitebird4@yandex.ru

The article considers a range of cultural contacts and routes of communication between Selkups of the Upper Taz and population of the neighboring river basins of Yenisei, Vakh and Pur in XVIII–XX cc. Subject to clarification being the location of the Karakon Volost' to which the population of the Upper Taz belonged up to early XX c., also grounding a version of localizing Karakon settlement in the vicinity of modern settlement of Kikki-Akki.

Northern Selkups, Upper Taz, Karakon Volost', communication routes, watershed territories, inter-ethnic relations.

ДЕТСКАЯ СМЕРТНОСТЬ У КОМИ-ЗЫРЯН НИЖНЕГО ПРИТОБОЛЯ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

А.Х. Машарипова

На основе данных метрических книг проанализирован уровень детской смертности у коми-зырян Ивановской волости Ялуторовского уезда Тобольской губернии в конце XIX — начале XX в. Рассмотрены основные причины смерти и половозрастной состав умерших.

Коми-зыряне, детская смертность, Ялуторовский уезд, Ивановская волость, Тобольская губерния

Детская смертность является одним из важных показателей уровня жизни населения и, как демографический процесс, зависит от биологических и социальных факторов [Демография, 2004, с. 134]. Рассматривая демографическое поведение населения дореволюционной России, многие исследователи затрагивали вопрос о смертности. Ими было замечено, что на протяжении XVIII — начала XX в. смертность среди православного населения России находилась на очень высоком уровне, в том числе за счет детской смертности [Голикова, 2007, с. 68; Миронов, 2001, с. 190; Сагайдачный, 2000, с. 96]. Так, по мнению Б.Н. Миронова, резкое преобладание смертей было обусловлено экзогенными факторами, т.е. факторами среды, связанными с образом жизни, местожительством и высокой рождаемостью [2001, с. 193–199]. А.Н. Сагайдачный, анализируя демографические процессы у локальной группы населения Тарского уезда, выделяет следующие причины, повлиявшие на высокий уровень смертности: низкий уровень экономического развития, плохие санитарные и бытовые условия, наличие большого количества болезней, что было характерно для «традиционного» общества [2000, с. 96].

Цель нашего исследования — рассмотреть уровень детской смертности и ее причины у коми-зырян Ивановской волости Ялуторовского уезда Тобольской губернии в период с 1876 по 1918 г.¹ Для этого нами были проанализированы материалы церковного учета населения — метрические книги православных приходов сел Бердюгинского, Ивановского и Покровского, хранящиеся в Государственном архиве Тюменской области г. Тюмени [ГБУ ГАТО, ф. И255, оп. 3, 7], в данном случае III часть — «об умерших», в которой содержатся персональные сведения о смерти человека в хронологическом порядке: дата смерти и погребения, сведения об умершем и причина, приведшая к смерти.

Коми население Ивановской волости Ялуторовского уезда Тобольской губернии выбрано объектом анализа не случайно. Ивановская волость была одним из основных центров проживания коми переселенцев на юге Западной Сибири и объединяла несколько населенных пунктов (с. Ивановка, дд. Александровка, Большое Тихвино, Малое Тихвино и небольшие выселки). Эти коми поселения были основаны переселенцами из Вологодской, Пермской и Вятской губерний [Повод, 2008, с. 142]. По данным первой Российской переписи населения 1897 г., в Александровке было 132 домохозяйства, где проживало 604 чел., в том числе коми-зырян — 567 чел. (295 мужчин и 272 женщин) и русских — 27 чел., в с. Ивановка было 114 дворов, в которых числилось 492 чел., в д. Большая Тихвина — 69 дворов и 247 жителей, д. Малая Тихвина — 47 дворов и 218 жителей [Патканов, 1911, с. 114–115]. В 1912 г. число жителей Ивановской волости составило 1893 чел. [Ворсина, Попов, 1986, с. 7]. До 1892 г. жители с. Ивановского и дд. Большое и Малое Тихвино за неимением своей церкви посещали приход Николаевской церкви с. Бердюгинского Томиловской волости Ялуторовского уезда, а жители д. Александровской являлись прихожанами Покрово-Богородицкой церкви с. Покровского Гилево-Липовской волости Тюменского уезда.

Для анализа детской смертности возрастные группы были разделены по полу и пятилетним интервалам. В свою очередь, младенческая смертность была рассмотрена более подробно по

¹ Сведения приведены за 36 лет (1876–1918 гг.). Не учтены данные по Покрово-Богородицкой церкви за 1876, 1895, 1900, 1909, 1911, 1917–1919 гг., по Иоанно-Предтеченской церкви за 1878, 1885, 1894–1895, 1900, 1903–1904, 1906–1907, 1916 гг. из-за отсутствия метрических книг.

А.Х. Машарипова

пяти периодам: от рождения до 7 дней, с 8 дня до конца месяца, от 2 до 3 мес., от 4 до 6 мес., от 7 мес. до года. В результате было выявлено, в каком возрасте дети входили в группу повышенного риска и что могло послужить причиной их смерти.

В рассматриваемый нами промежуток времени (за 36 лет) в метрических книгах было зарегистрировано 1279 случаев детской и подростковой смертности в возрасте от рождения до 16 лет. Характеризуя динамику детской смертности, стоит отметить, что наибольшие показатели имеет младенческая смертность — у детей в возрасте до года (917 случаев, или 72 %). Из них 131 чел. (10 %) умерло на первой неделе после рождения, у 192 чел. (15 %) смерть наступила на первом месяце жизни, т.е. в возрасте от 8 дней до месяца. Максимальные показатели случаев смерти были отмечены у детей в возрасте от 2 до 3 мес. (255 чел., 20 %) и от 4 до 6 мес. (206 чел., 16 %). После шести месяцев жизни происходило постепенное снижение смертности, и в возрасте от 7 мес. до года количество умерших составило 133 чел (10 %) (рис. 1). Таким образом, число умерших детей до года оставалось на высоком уровне, особенно в группу риска входили дети в возрасте 2–3 мес. Это так называемый «парадокс» детской смертности — если для взрослого с возрастом вероятность умереть увеличивалась, то для ребенка она, наоборот, падала [Голикова, 2001, с. 90].

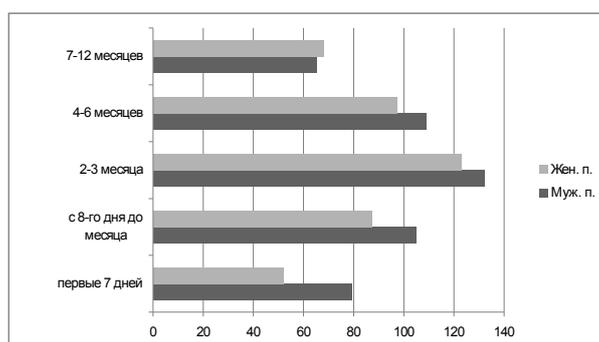

Рис. 1. Половозрастная структура младенческой смертности у коми Ивановской вол. Ялуторовского уезда Тобольской губернии в 1876–1918 гг.

Детская смертность значительно уменьшалась в возрасте от 1 года до 5 лет и не превышала 23 % (293 чел.). По мере взросления, в возрасте 6–10 лет (35 чел., 3 %) и 11–15 лет (30 чел., 2 %), уровень смертности становился наиболее низким по сравнению с другими возрастными группами и к 16 годам сводился к минимуму (6 чел., 1 %) (рис. 2).

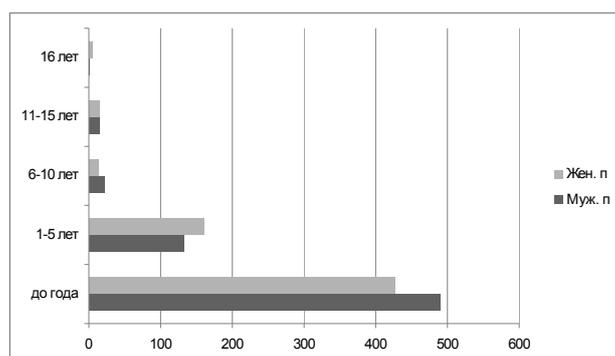

Рис. 2. Половозрастная структура умерших в возрасте от рождения до 16 лет у коми Ивановской вол. Ялуторовского уезда Тобольской губернии в 1876–1918 гг.

При анализе полвозрастной структуры детской смертности в возрасте от рождения до года было выявлено, что в большинстве случаев уровень смертности среди мальчиков был выше (490 чел.), чем у девочек (427 чел.), а в возрасте от 1 года до 5 лет — наоборот, 132 случая среди мальчиков и 161 случай среди девочек. В возрасте от 6 до 10 лет смертность среди мальчиков снова увеличивалась (21 чел. муж. п., 14 чел. жен. п.) (рис. 1). В подростковом возрасте от 11 до 15 лет

Детская смертность у коми-зырян Нижнего Притоболья в конце XIX — начале XX в.

смертность среди мальчиков и девочек оставалась на одном уровне (15 чел. муж. п. и 15 чел. жен. п.). В возрасте 16 лет зафиксировано только 6 случаев (1 чел. муж. п. и 5 жен. п.) (рис. 2).

Наибольшее количество смертей было выявлено в тех населенных пунктах, где численность коми населения была выше. Так, с 1876 по 1918 г. число умерших составило: в д. Александровке — 441 чел. (225 муж. п. и 216 жен. п.), с. Ивановском — 423 чел. (216 муж. п. и 207 жен. п.), д. Малое Тихвино — 185 чел. (90 муж. п. и 84 жен. п.) и д. Большое Тихвино — 174 чел. (89 муж. п. и 96 жен. п.) [ГБУ ГАТО, ф. И255, оп. 3, 7]. С 1876 по 1882 г. 48 случаев смерти было выявлено в выс. Тихвинском (25 муж. п. и 23 жен. п.) [Там же, оп. 3, д. 440–446] и с 1912 по 1918 г. — 8 случаев смерти в выс. Чашинском (6 муж. п. и 2 жен. п.) [Там же, д. 464, 466, 467, 468, 471, 473, 475].

Структура детской смертности зависела не только от возраста и пола, но и от многих факторов, которые носили сезонный характер [Машарипова, Титов, 2005, с. 156]. Максимальное количество умерших приходится на летний период — 470 случаев (37 %): в июне — 135 чел., в июле — 142 чел., а пик детской смертности выпадает на август — 193 чел. (рис. 3). В остальное время года количество случаев детской смертности мало отличалось. Осенью — 20 % (262 случая): в сентябре — 105 чел., октябре — 80 чел., ноябре — 77 чел.; зимой — 21 % (267 случаев): в декабре — 75 чел., январе — 92 чел., феврале — 100 чел.; и весной — 22 % (280 случаев): в марте — 101 чел., апреле — 97 чел., мае — 82 чел. (рис. 3).

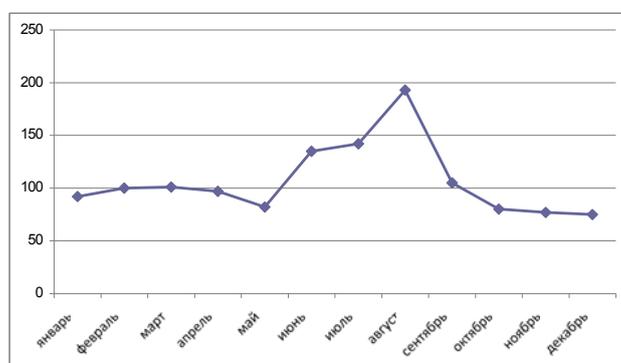

Рис. 3. Сезонность детской смертности (1876–1918 гг.) у коми Ивановской вол. Ялуторовского уезда Тобольской губернии

Анализ данных по детской смертности с 1876 по 1918 г. свидетельствует, что наиболее частыми причинами летального исхода являлись желудочно-кишечные и инфекционные заболевания, которые были характерны для детей в возрасте от рождения до 5 лет. В большинстве случаев в III части метрических книг было записано, что ребенок умер «от поноса» (483 чел.) (рис. 4). Эти же симптомы были основными среди причин, приведших к смерти детей в летний период. К примеру, в с. Ивановское от поноса умерло 140 чел., в д. Александровке — 192 чел., в д. Большое Тихвино — 60 чел., в д. Малое Тихвино — 73 чел., в д. Тихвино — 16 чел., в выс. Чашинском — 2 чел.

Часто младенческая смертность в возрасте от рождения до 3 мес. связана со «слабостью» новорожденных. Считалось, что если ребенок умер через несколько часов, дней или недель после рождения, то он родился «слабым». В таком случае в метрических книгах писалось, что ребенок умер «от слабого рождения», «от слабости» или, реже, — «недоносок». Таких случаев было выявлено 158 (рис. 4): в с. Ивановское — 60, д. Александровке — 56, д. Большое Тихвино — 22, д. Малое Тихвино — 19, д. Тихвино — 1. К примеру, в семье крестьян из с. Ивановского Гришина Иоанна Борисова и Матроны Емельяновой 1 мая в 1876 г. родились две дочери: Пелагея и Марфа, которые прожили только 2 недели, причиной смерти в обоих случаях было указано — «недоносок» [ГБУ ГАТО, ф. И255, оп. 3, д. 440, л. 267]. В семье Огудова Филиппа Наумова из д. Малое Тихвино дочь Анастасия умерла от «слабого рождения», прожив лишь 3 часа [Там же, д. 91, л. 373]. В 1902 г. в метрической книге Иоанно-Предтеченской церкви с. Ивановского была зафиксирована смерть новорожденных тройняшек (это был единственный случай рождения тройни). В семье запасного рядового Николая Леонтиева Данщикова и его жены Евдокии Михайловны 30 апреля на свет появились две девочки и мальчик, которые умерли по причине «слабого рождения» (Ирина умерла 1 мая 1902 г., Пелагея — 2 мая 1902 г., Тимофей — 8 мая) [Там же, д. 92, л. 209].

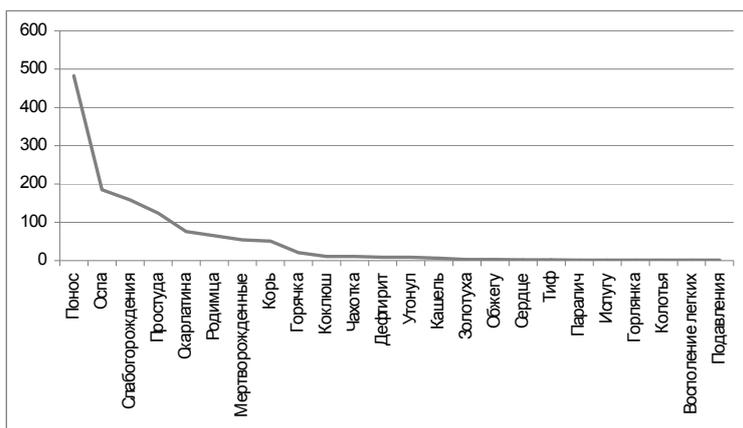

Рис. 4. График причин детской смертности в 1876–1918 гг. у коми Ивановской вол. Ялуторовского уезда Тобольской губернии

Отмечена и такая причина смерти, как родимец, от которого умерло 65 чел.: в с. Ивановском — 31 чел., д. Большое Тихвино — 9 чел., д. Тихвино — 9 чел., д. Малое Тихвино — 14 чел., д. Александровке и выс. Чашинском — по 1 чел. (табл. 4). Только в 1884 г. от «родимца» умерло 10 детей в возрасте от 5 дней до 6 мес. [Там же, д. 449, л. 301–324]. Никогда не записывались в III части метрических книг дети, родившиеся мертворожденными, они упоминались только в I части, так как обряд крещения над мертворожденными не проводился, — 54 случая; из них 27 случаев — в с. Ивановском, 12 — в д. Большое Тихвино, 7 — в д. Малое Тихвино, 5 — в д. Александровке, 2 — в д. Тихвино и 1 — в выс. Чашинском.

Особую опасность для детей представляли инфекционные заболевания: оспа (185 чел.), скарлатина (76 чел.), корь (51 чел.), коклюш (11 чел.) и дифтерит (9 чел.). Случаи смерти от оспы были характерны для всего календарного года, но число умерших от этой болезни увеличивалось в период с февраля по июнь. Только в 1886 г. в Ивановской волости от эпидемии оспы умерло 49 чел. в возрасте от 5 недель до 11 лет: в с. Ивановское — 21 чел., д. Александровке — 23 чел., д. Большое Тихвино — 1 чел., д. Малое Тихвино — 5 чел. [Там же, оп. 3, д. 450, л. 371–386, оп. 7, д. 139, л. 499–552]. Нередко в одной семье умирало сразу несколько детей. Так, в марте 1886 г. у крестьянина Мишарина Матвея Никитина от оспы умерли сын Михаил четырех лет и дочь Дарья одного года [Там же, оп. 7, д. 139, л. 499]. В мае этого же года в семье Жангурова Петра Ильича от оспы погибли двое детей: Варвара трех лет и Евдокия двух лет [Там же, л. 508]. Вне зависимости от времени года от скарлатины в Ивановской волости умерло 76 чел. Наиболее уязвимыми к этому заболеванию оказывались дети в возрасте от 2 мес. до 5 лет (71 чел.), менее восприимчивыми — дети от 6 до 10 лет (4 чел.). Наибольшее количество случаев смерти от скарлатины относится к 1915 г. (40 чел.). В метрической книге Иоанно-Предтеченской церкви первый случай смерти от этого заболевания был отмечен 27 мая, но настоящая эпидемия началась в октябре и продолжалась до декабря [Там же, оп. 3, д. 468, л. 249–260; оп. 7, д. 151, л. 79]. Среди причин детской смертности за отдельные годы в меньшей степени указываются такие заболевания, как корь, коклюш и дифтерит. Как правило, корь выпадала на зимние и весенние месяцы. Вспышки кори были зарегистрированы лишь в 1876 г. (10 чел.) и 1913 г. (13 чел.) [Там же, д. 440, л. 261–276; Там же, оп. 7, д. 150, л. 338–362]. В остальные годы корь не носила массового характера. От коклюша умерли 11 детей в осенне-зимний период: 8 чел. в возрасте до года и 3 чел. — от 1 года до 5 лет (д. Александровка — 10 чел. и с. Ивановское — 1 чел.).

Помимо вышеперечисленных причин в метрических книгах упоминаются случаи смерти от простудных и легочных заболеваний. Так, в осенне-зимние месяцы среди распространенных причин смерти у детей в возрасте от 2 мес. до 5 лет была простуда (124 чел.). Однако высокая смертность для этого сезона не отмечена. Случаи смерти от горячки (21 чел.), чахотки (11 чел.) и кашля (6 чел.) были характерны для детей в возрасте от года до 10 лет и не относятся к столь распространенным.

Редким явлением была «неестественная» смерть. В 9 случаях с мая по сентябрь указана причина смерти — «утонул»: Ивановка — 2, Александровка — 3, Большое Тихвино — 1, Малое

Детская смертность у коми-зырян Нижнего Притоболья в конце XIX — начале XX в.

Тихвино — 2, Тихвино — 1 случай. В мае 1892 г. утонуло два мальчика (10 и 9 лет) из д. Малое Тихвино, их похоронили 1 июня. В этом случае имеется запись, что они были отпеты по отношению земского заседателя второго участка Ялutorовского округа от 28 мая 1892 г. за № 2205 [Там же, оп. 3, д. 456, л. 269]. От «обжогу» погибло 3 ребенка: в с. Ивановское — 1 и в д. Малое Тихвино — 2; а в 1914 г. 1 июля умер сын псаломщика Ивановской церкви «от подавления костью» [Там же, д. 476, л. 280]. Также в метрических книгах встречаются единичные записи с указанием заболеваний, приведших к смерти: воспаление легких, горлянка, золотуха, испуг, колотья, паралич, сердце и брюшной тиф. Все дети, вне зависимости от причин смерти, хоронились на приходском кладбище.

Таким образом, анализ детской смертности по данным метрических книг показал, что в конце XIX — начале XX в. для коми-зырян Ивановской волости была характерна высокая детская смертность, это соответствовало ситуации и в других регионах России [Миронов, 2001, с. 199; Сагайдачный, 2000, с. 96]. Число детей, умерших в первый год жизни, превышало число умерших детей в других возрастных группах, особенно в первые полгода; это свидетельствует, что дети в первые месяцы жизни не получали должного ухода. Основными причинами их смерти являлись желудочно-кишечные и инфекционные заболевания (понос, оспа, скарлатина, корь и т.д.), обострившиеся в летнее время года. Второе место среди причин занимали простудные заболевания, наблюдаемые в большем количестве в осенне-зимний период. На третьем месте — редкие случаи смерти «по неосторожности» (утопление, ожог, подавление костью). В большинстве несчастных случаев погибали мальчики, и в целом уровень смертности среди мальчиков был выше.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Коллекция метрических книг по Ялutorовскому уезду // ГБУ ГАТО. Ф. И255. Оп. 3, 7.

Литература

Ворсина Л.Ф. Попов В.Е. Наши села сто лет назад: (Статистический сборник). Рукопись. С. Ивановка, 1986. 12 с.

Голикова С.В. Семья горнозаводского населения Урала XVIII–XIX веков: Демографические процессы и традиции. Екатеринбург: УрО РАН, 2001. 196 с.

Голикова С.В. Опыт изучения детской смертности врачами пореформенного Урала // Историческая демография. М., Сыктывкар, 2007. С. 68–70.

Демография: Учеб. пособие / Под ред. проф. В.Г. Глушковой. М.: Кнорус, 2004. 304 с.

Машарилова А.Х., Титов А.С. Демография коми-зырян Ялutorовского уезда Тобольской губернии (конец XIX — начало XX в.) // Словоцковские чтения-2005: Материалы XVII Всерос. науч.-практ. конф. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005. С. 155–156.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дм. Буланин, 2001. Т. 1. 548 с.

Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Т. 2: Тобольская, Томская и Енисейская губернии. СПб., 1911. 436 с.

Повод Н.А. К вопросу о влиянии структуры расселения на этнические процессы мигрантов (на примере коми Западной Сибири) // Академический вестн. № 1. Тюмень: Тюм. гос. ин-т мировой экономики, управления и права, 2008. С. 127–132.

Сагайдачный А.Н. Демографические процессы в деревне Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX века. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. 142 с.

Тюмень, ИПОС СО РАН
esenewka@yandex.ru

Basing on data of metric books, subject to analysis being a level of infant mortality by the example of Komi-Zyryans from Ivanovo Volost', Yalutorovsk Uyezd, Tobolsk Guberniya late in XIX — early XX c. The author considers key reasons of mortal cases, as well as sex-and-age composition of the departed.

Komi-Zyryans, infant mortality, Yalutorovsk Uyezd, Ivanovo Volost', Tobolsk Guberniya.

К ВОПРОСУ О РИТУАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ КОМИ ОЛЕНЕВОДОВ СЕВЕРНОГО ЗАУРАЛЬЯ

Н.А. Лискевич

На основе анализа полевых данных рассмотрены набор действий и предписаний, связанных с проведением оленеводов на летние пастбища, апотропеические ритуалы, почитаемые территории в горах, некоторые приемы метеорологической магии, негативные предзнаменования и способы их нейтрализации, описано использование оберегов для облегчения выпаса оленей.

Коми Северного Зауралья, оленеводство, обряды ухода, сакральные территории, Нер-Ойка, кресты, метеорологическая магия, промысловый культ.

Одним из основных хозяйственных занятий ижемской группы коми является крупнотабунное оленеводство отгонного типа. У ижемских оленеводов, расселившихся у восточных склонов Приполярного и Полярного Урала, практиковался вертикальный тип кочевания с переходом на горные пастбища в летний период [Головнев, 1993, с. 82]. Система ведения оленеводческого хозяйства складывалась в течение нескольких столетий, определялись сроки и маршруты сезонных перекочевок, проходные пути и перевалы через реки, кормовые ресурсы пастбищных угодий, места для длительных сезонных стоянок, вырабатывались технологические навыки выпаса и передвижения со стадом в условиях высокогорья. Отдельные аспекты изменения маршрутов кочевания и динамики поголовья оленьих стад у обских коми отмечены Н.Д. Конаковым и О.В. Котовым [1991, с. 77–78, 83], маршруты и сроки перекочевок ижемцев севера Западной Сибири, особенности оленьего транспорта рассмотрены в работе В.А. Козьмина [2003, с. 85–94]. Вопросы происхождения и развития крупнотабунного оленеводства у коми, состав оленьих стад, хозяйственный годовой цикл, технологические навыки и знания, практика производственной деятельности освещены Н.Д. Конаковым [2004, с. 149–173], существенно дополнены и подробно проанализированы К.В. Истоминым [2004].

В исследованиях, посвященных оленеводству ижемцев, как правило, освещаются рациональные знания и действия, связанные с ведением оленеводческого хозяйства. Знание территории, ее восприятие, практика передвижения формировались на основе запаса сведений предыдущих поколений и корректировались в процессе получения личного опыта. Этот дорожный опыт, усвоенный алгоритм движения позволял оленеводам преодолевать огромные расстояния, в том числе по незнакомой территории. При этом нужно отметить, что деятельность оленеводов была сопряжена с каждодневной потенциальной опасностью и экстремальными ситуациями, представлявшими угрозу как для людей, так и для животных. Это было связано с трудностью прохождения через перевалы в горах, где случались обвалы и сходы лавин, туманы и шквалистые ветра, переправами через стремительные горные реки, нападением хищников, внезапными эпизоотиями, из-за которых можно было потерять все стадо, и пр. Коми считают, что сохранение поголовья оленей зависит не только от желания, воли и качества работы оленевода, но и от «оленего счастья»: «у кого как — кому на ладонь идет, кому — нет. Там хоть как старайся, если у тебя нету этого — все!» (ПМА, Шурышкарский р-н).

Можно предположить, что поведение и общение оленеводов в кризисных или пограничных ситуациях было ритуализировано, они могли использовать в своей практике и приемы так называемой промысловой (или производственной/хозяйственной) магии [Токарев, 1990, с. 477–491], направленные на обеспечение защиты пастухов и членов их семьи, а также безопасность и прирост стада. Промысловая магия и промысловый культ становились предметом исследования в работах, посвященных характеристике присваивающих видов хозяйства у коми, прежде всего охоты и рыболовства, при анализе религиозного мировоззрения промыслового населения [Конаков, 1983, с. 182–214; 2001; Традиционная культура..., 1994, с. 143–151]. Н.Д. Конаков отмечал, что промысел всегда был связан с риском неудачи, поэтому в промысловой среде существовал целый ряд всевозможных примет, запретов, поверий, заговоров [2001, с. 216–218]. В практике оленеводческой культуры ненцев зафиксированы приемы хозяйственной магии, к примеру обряды посвящения и жертвоприношения оленей Илебям'пэрта (Покровителю оленей)

К вопросу о ритуальных практиках коми оленеводов Северного Зауралья

с целью сохранения стада, размножения и облегчения выпаса [Костиков, 1930, с. 121–122]; в качестве оберега и для увеличения плодовитости важенок использовали комок оленьей шерсти *тыяб* — «оленье счастье», находимый под кожей на шее убитого оленя; оберегом от хищников служили небольшие скульптурные изображения волка; семейные духи-покровители, выполнявшие множество функций, способствовали и успехам в оленеводстве [Хомич, 1977, с. 14–16, 21–22].

Во время полевой работы в Шурышкарском районе Ямало-Ненецкого автономного округа (2008, 2009 г.), Березовском и Белоярском районах Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (2009, 2012 г.) одной из задач у нас был сбор материала, связанного с «дорожными» обычаями у коми, в том числе с обеспечением безопасности оленеводов во время калаша и на месте длительных стоянок. При подготовке структуры интервью и выборе тем обсуждения с информантами мы ориентировались на разработанную Т.Б. Щепанской методологию изучения культуры дороги в русской мифоритуальной традиции [2003], а также исследование А.В. Матвеева традиционной культуры путешествия населения Среднего Прииртышья [2012]. Нашими основными собеседниками были жители с. Мужы, Горки (Шурышкарский р-н), Саранпауль и Казым (Березовский, Белоярский р-ны), которые родились и выросли в семье оленеводов и в последующем сами работали в оленеводстве. К сожалению, во время бесед мы не были нацелены на сбор информации и не поднимали вопросы о способах получения/привлечения «оленьего счастья», возможностях существования и использования приемов иррациональной защиты домашних оленей, облегчения способов ухода за ними. Хотя небольшие сюжеты об этом удалось услышать, но специальное внимание развитию темы не уделялось. Цель нашей статьи — обобщение материалов полевых исследований по специфике передвижения коми оленеводов Северного Зауралья и приемам обеспечения безопасности в дороге.

Несмотря на присутствующий коми в целом стереотип оседлости [Конаков, Котов, 1991, с. 25–32], у ижемских оленеводов была установка на кочевой быт, жизнь в состоянии постоянного передвижения («мы — кочевники», «короли тундры!»), ими был создан комплекс обычаев, связанных с культурой дороги, одним из стереотипов поведения стала быстрая ориентация в пространстве [Там же, с. 40]. Такая установка подтверждает тезис А.В. Головнева, что для кочевой культуры путь как преодоление расстояния — смысл и основа обыденности [2009, с. 32].

Оленеводы Северного Зауралья зиму проводили в предгорных, лесных районах, более защищенных от холодных ветров и снега, лесотундры предгорий и Приобской полосы равнины использовались для весенне-осенних и переходных пастбищ, а на западных и восточных склонах Урала располагались летние и переходные пастбища [Лискевич, Шубница, 2012, с. 108]. Зимой оленеводы калашили в районе постоянных поселений, имели возможность увидеться со своими родственниками перед уходом в горы на долгое время, а также запастись продуктами на весь период кочевания с весны до осени. Переход с зимних пастбищ на летние начинался в апреле. У коми практиковались некоторые ритуалы, входящие в систему обрядов ухода, — «комплекс ритуальных и ритуализованных (символических, сценарно организованных) действий перед отправлением в путь» [Щепанская, 2003, с. 51]. Для отправления в дорогу старались выбрать благоприятный день. Нельзя было начинать новые дела в понедельник, церковные праздники, воскресенье, неблагоприятным считался день недели, на который выпадало Благовещение (7 апреля): «В этом году было во вторник — вот во вторник весь год ничего начинать новое не стоит, в дорогу нельзя новую в первый раз вступать» [ПМА, Шурышкарский р-н]; «Вот в Благовещение в дорогу не выходить, в Благовещение чум не ставить. На дорогу не езжать. Если придут с чумом на новое место, опять уже считают день, на какой приходят они. Это так. Благовещение — это 7 апреля. Весь год в день, на который оно пришлось, считают. Нельзя большое дело начинать в этот день» [ПМА, Березовский р-н]. Чтобы дорога была благополучной, перед поездкой рекомендовалось подержать во рту взятые из церкви просфоры [ПМА, Шурышкарский р-н]. О благополучии дороги загадывали «на сон»; вещами считались сны, приснившиеся с четверга на пятницу [Там же].

Собравшиеся в дорогу перед выходом молились, были специальные «дорожные молитвы»: «У Бога просили благословления, если куда-то ехать собирались: благослови меня ехать, чтобы благополучно, живым и здоровым... Можно к Пантелеймону общаться, или к Николе, надо перекрещаться и сказать, Господи, благослови» [ПМА, Белоярский р-н]. Брали с собой в дорогу и «дорожные» иконы.

Выезжать в дорогу старались, как правило, утром: «Свекор всегда говорил: вечером солнце садится, никогда на дорогу не выезжайте. Ложитесь спать. В четыре часа встанете, в пять выезжайте. На ночь никогда не разрешал нам никуда выезжать» [ПМА, Березовский р-н]. Перед выходом могли устраивать «застолье» — «вся родня придет», пили чай с родственниками, при этом уборка посуды при уезжающих табуировалась: «Чай попили, а мы не будем ждать, когда посуду уберут, а мы уходим, мы говорим: *пызан кутны*¹ ‘стол держи’. Чтоб в следующий раз стол тоже накрытый был, полный, для этого» [ПМА, Березовский р-н]. Обычным пожеланием было *бур туй* ‘хорошей дороги’. «Мы когда одни оставались, а родители в чум уезжали, они говорили: *олѳм благословясь* — “живите, благословясь”. Это самые главные слова, когда уходят. Или когда уезжают, им тоже говорят *мунѳм благословясь* — “езжайте, благословясь”. Это самые главные слова, которые испокон веков всегда говорят» [ПМА, Березовский, Шурышкарский р-ны]. Перед самым выходом из дома был обычай посидеть «на дорожку» [ПМА, Шурышкарский р-н].

Признаком невезения перед уходом была встреча с женщиной, что усугублялось наличием у нее пустого ведра. Для нейтрализации вреда рекомендовалось проходить мимо с *кукишем* [Там же]. Плохой приметой было возвращение с дороги по каким-либо причинам, в таком случае лучше было остаться дома и выехать снова на следующий день [ПМА, Березовский р-н]. Такая примета была характерна и для других групп коми, необходимость перенести дату выезда мотивировалась тем, что «в чем-нибудь да не будет удачи» [Абрамов, 1914, с. 66].

Родственники могли провожать отъезжающих на весенние пастбища оленеводов до окраины села, где выпивали немного спиртного: «Помню, они на речку спустятся, и вот уже бутылку открывают, колокольчик у оленя с шеи снимают, в колокольчик наливают по чуть-чуть — и на дорожку все выпивают. Это был такой обычай. Обязательно из колокольчика. И сейчас так делают — «по обычаю предков» [ПМА, Березовский р-н]. После расставания провожающие возвращались домой и продолжали чаепитие: «И возвращаемся и говорим: ну что, пойдёмте, там еще чай попьём, ну, чтоб все было хорошо» [Там же].

В течение дня оставшиеся соблюдали определенные ограничения: после проводов нельзя заходить в чужой дом, надо было сразу пойти к себе домой; в этот день нельзя было мыться в бане, мыть пол, выносить из дома мусор и стирать одежду уехавших, «чтобы они снова похорошему вернулись. Всё было чтобы хорошо» [ПМА, Шурышкарский р-н]. Родители, родственники молились за уехавших членов семьи, чтобы все было благополучно: «Они молитву читали, как я в командировку в оленстада еду, отец в основном все читал молитву, без меня, уже когда меня нет. Мама мне всегда говорит: Бог тебя бережет, отец, говорит, читает за тебя. Молитва “Живые помощи вышнего”» [ПМА, Шурышкарский р-н].

Оленеводы, проехав небольшое расстояние (около 8–10 км), делали остановку для отдыха оленей: «А у оленеводов есть такое определенное расстояние — *дадь уу дугдыл* (‘остановить упряжку’). Это отрезок по расстоянию и по времени, олени сами знают, они проехали такое расстояние, и им обязательно нужно отдых» [ПМА, Березовский р-н]. На первой стоянке также практиковалось ритуальное распитие спиртного. У саранпаульских оленеводов такая остановка называлась *Пьяный пень*. «Во время отъезда оленеводы всегда делали привал, и до сих пор делают. По Ясунтской дороге есть такое место, его называют *Пьяный пень*, там всегда снимают колокольчик, нальют и немного выпьют и на дорогу брызнут»; «А когда уезжаешь, первая остановка — там обязательно пить надо. Возле Ясунта была пьяная остановка — *Пьяный пень*. Это обычай такой» [Там же]. Оленеводы с. Мужа делали подобную остановку в урочище *Кресты*, возле установленного там большого деревянного креста, они «молились, приносили жертву (хлеб, спиртное) и пили водку из медных колокольчиков, снимая их с оленей» [Голубкова, 2006, с. 102].

Употребление спиртного было редким явлением у оленеводов. Алкоголь с собой брали, но в очень ограниченном количестве, и часто случалось так, что непригодившийся спирт везли обратно. В основном его использовали в медицинских целях: «У оленеводов всегда была (бутылка. — Н. Л.) на всякий случай. Мало ли что, перелом или еще что-то, спирт — это же лекарство от всех случаев» [ПМА, Березовский р-н]. Кроме того, практиковалось символическое угощение спиртным при встрече с другими оленеводами, особенно если давно их не видели: «Когда уезжают и в дороге встречаются, при встрече, там же рюмок нету, снимают с оленя коло-

¹ Здесь и далее для написания и определения значения терминов использованы словари: [Безносикова и др., 2009; Лыткин, Гуляев, 1970; Словарь мужевского говора..., 2010].

К вопросу о ритуальных практиках коми оленеводов Северного Зауралья

кольчик и наливают. Это я точно знаю. Потому что муж мой с Андреем Васильевичем до Хош-лога не доезжая, там такое место есть, валун какой-то, там встретились, мы 8 месяцев не виделись. Они едут туда, а мы сюда. Тут же сразу спирт достаем, четушку спирта обязательно. Это с гор, которую мы увозили, привезли — угощаем. Не они нам наливают, а мы наливаем, что это мы с гор привезли [Там же].

У каждой оленеводческой бригады, основу которой обычно составляла семья, был свой маршрут для перехода на соответствующие сезонные пастбища. В пути ориентировались в основном по географическим объектам: «Оленеводы дорогу знают, все знают, они по деревьям, по всем определяли, по местности»; «Для нас все кругом ориентир, мы с детства там все проездили. Я 19 лет в стаде был дак. По деревьям, по холмам, по речкам ориентировались. Реки мы все знали, просеки знали, сколько лет там дак» [ПМА, Шурышкарский р-н]. По мнению К.В. Истомина, у коми использовался тот же механизм ориентировки, как и у городских жителей при перемещении в хорошо знакомом им городском районе: «Этот механизм основан лишь на знании местности и взаимного расположения элементов рельефа, без привлечения каких бы то ни было других способов ориентирования (по звездам, по солнцу и т.д.), знание которых так часто предполагают за ними жители городов и поселков» [2004, с. 62].

В контексте традиционного мировосприятия пространство реального мира не было однородным, выделялись «плохие» места, которые считались обиталищем зловредных сверхъестественных существ (лешего, водяного, бесов и пр.). По мнению Н.Д. Конакова, мир духов существовал параллельно обычному земному миру, но, тем не менее, эти миры были взаимопроницаемы. У коми, хозяйственная жизнь которых во многом была связана с лесом и водой, лес не воспринимался антагонистичным миру людей, а занимал рубежное положение: «...выступает не столько средой обитания представителей “чужого”, потустороннего мира, сколько пространством, где человек регулярно встречается с ними» [Конаков, 1996, с. 51]. Особое отношение было к соймам², поросшим хвойным лесом, — их считали «дорогой лешего», «пристанищем бесов». В таких местах легко можно было потерять ориентацию — человек в лесу терял направление движения, «крутился на одном месте», это объяснялось тем, что человек попал в «плохое» место, где леший «водит». Для того чтобы сориентироваться, нюхали табак — считалось, что леший боится этого запаха; более действенным способом ориентации было перемена стелек в обуви: «Вынули и перевернули ее наоборот»; «Стелька у них из сена бывает, если заблудится, повернет ее — и тогда его приведет» [ПМА, Березовский, Шурышкарский р-ны]. Также помогало чтение молитв: «По лесу когда хожу и заблужусь, всегда Богородицу читаю, помогает»; «Его, говорит, крутили, и крутили, и крутили, но все же он вылез какими-то молитвами, и говорит, последнюю молитву он пропел “Преображенскую”» [Там же]. Представители поколений коми, выросших в эпоху идеологии атеизма и не знающих текстов молитв, в трудной ситуации своими словами просили бога о помощи: «говоришь — помогите мне выйти обратно, и все». В самых безысходных ситуациях обращались к св. Николаю Угоднику («Николасу») и, как свидетельствуют рассказы о примерах из жизни односельчан, получали скорую помощь: «Тоже утонул, утонул, да руки только вышли обратно, самого уже не было видать. И как будто его кто-то выбросил обратно. Он только сказал: Никола, помоги! И как будто его кто-то вытолкнул, и он выплыл. Это действительно» [ПМА, Березовский р-н]. Для поддержки вспоминали также св. Пантелеймона. Жители с. Саранпауль особо почитали этого целителя, до 1930-х гг. на берегу Ляпина «во второй деревне» стоял «крест большущий. Пантелеймонова, Пантелеймону. И все туда ходили в праздники, к Пантелеймону-то» [Там же]³.

Во время каслания оленеводы соблюдали комплекс обычаев и ритуалов апотропеического характера. На каждом перевале было особое место — жертвенный камень, обычно большой валун. «Они по дороге лежат, возле них обязательно останавливались, стоянку делали. Не пили, не видела, чтобы пили. Едешь, в дороге остановишься, поклон даешь, дань даешь Хозяину гор. Если ничего нету, хоть пуговицу оторви и положи. Вот это мы должны, обязаны делать. Это большой камень, на Нер-Ойке был возле берега. Эти камни испокон веков были»; «Касляли, там ручей такой, узкий, его пересекаешь и вверх поднимаешься. Я почему-то хорошо это помню. Остановились, че-то положили. И нарты привязали, чтобы сильно не скользило»; «На Ко-

² Сойма — старица, овраг с крутыми стенами, поросшими лесом.

³ Г.М. Дмитриев-Садовников отмечал, что в 1919 г. посреди Саранпауля стоял большой разукрашенный крест с иконами, он был под крышей и обнесен оградой [2000, с. 16].

жиме на Николай-шоре есть такой камень большой, и там столько монет набросано. Николай-шор — это ручей такой. Там большой камень на переправе примерно, и там монеты бросают. Камень метра полтора высотой. Он перед переправой, бросают, чтобы переправиться. С озера Зейка идет Кобыла-ю, она впадает в Щекурью» [ПМА, Березовский р-н]. «По-зырянски этот ритуал называется *манюку пуктысян*, *манюку* — это глыба каменная, *пуктысян* — надо что-то положить» [Там же]. *Манюку* — «большой заросший мхом камень (в Уральских горах)»; *пуктыны* — «ставить, класть, давать» [Словарь мужевского говора..., 2010, с. 108, 141]. Е.И. Шубницина отмечала, что ритуалы с приношением даров у жертвенных камней на водоразделе Главного Уральского хребта, где проходят пути оленеводов из Тюменской области на летние пастбища западных склонов Урала, сохраняются и в настоящее время: «Мужчины кладут к подножию камня топоры и ножи, женщины — домашнюю утварь, дети — игрушки» [2006].

Сакральные территории в горах в основном были связаны с духовными практиками коренного населения, но все оленеводы уважительно относились к почитаемым объектам. В народной культуре материализованными маркерами сакральной географии Урала являются культовые места, места захоронений, из православных объектов — кресты. Одним из самых почитаемых мест было святилище у г. Нёр-Ойка, расположенное возле оз. Зейка на мысу, образованном ручьями, идущими с Зейки и Додо: «На той стороне мыс, манси делали там жертвоприношение» [ПМА, Березовский р-н]. «Дань» предназначалась хозяину гор — Нёр-Ойке, проведение обряда было приурочено к Ильину дню: «Раньше манси со всех маленьких деревень что-то выделяли свое — теленка, петуха, покупали овечку, шли по три дня пешком отсюда (от Саранпауля. — Н. Л.), и пока это мясо они не съедали полностью, они не выезжали. Это вот дань действительно, там на много километров до сих пор кости валяются» [Там же]. Эта практика продолжается и в наши дни, но, по словам местных жителей, жертвенные дары стали скромнее.

Нёр-Ойка считается владыкой Приполярного Урала, самым значимым и почитаемым [Слинкина, 2011, с. 90–91], его называли «Старик-Камень», «Старик Урал», «Хозяин гор» и др. [Матвеев, 1984, с. 89]. От его отношения зависело благополучие людей, его настроение определяло погоду. «Нёр — это горы. А по-зырянски — *Старик*, *Старик-из*; *из* — “камень”. Вкладывается понятие “Пожилый мужчина”, “Хозяин гор”, “Старик”. Говорили: хозяин старый сердится. Это и старик, старый человек, и хозяин — старый хозяин. Если Он услышит, да рассердится, то нам покажет! В этом смысле слово “Старик” все включает. Старый хозяин — самый главный» [ПМА, Березовский р-н].

От метеоусловий во многом зависел успех перехода и безопасность людей, особенно по перевалам, поэтому прогнозирование погоды было необходимо. По степени облачности над Нёр-Ойкой и видимости вершины горы судили о перспективах погоды. «У нас здесь говорят: *тАрик-из ки кыас*; *тАрик-из тай ис ты да* — “Старика сегодня видно”. По нему, по этой горе, определяли какой сегодня день будет. Нёр-Ойка — это Хозяин гор. По нему определяли, тучи или нет, какая погода дальше будет» [Там же]. Помимо наблюдения за вершиной Нёр-Ойки существовали и другие способы прогнозирования: «У них очень много примет было. И по деревьям, и по птицам, и по речкам. По всему, даже о чем и не подумаешь. Выйдет, на улицу посмотрит: ой, через неделю вот то-то будет. Они на неделю даже могли вокруг посмотреть и знать, какая будет погода» [Там же].

Если надо было куда-то срочно ехать во время непогоды, то практиковались приемы метеорологической магии. Для улучшения погоды делали 40 зарубок на палке, вспоминая (считая) при этом 40 плешивых (лысых) стариков. После эту палку ставили против ветра либо вешали, чтобы она «болталась — и ветер все равно стихнет» [ПМА, Шурышкарский р-н]. Поворачивая старый топор, с зазубринами на лезвии, в сторону тучи, сокращали время дождя: «Если туча, то туча сразу раскалывается. Это я сам заметил. Только надо не острым поворачивать, а зубчиками» [Там же]. Для вызывания ветра нужно было три раза крикнуть — *тöла*, *тöла*, *бабе кулом* («Ветер, ветер, бабушка умерла»), «и начинает ветер дуть. Ветерок, хоть немного, но будет. Так ветер звали» [ПМА, Березовский, Шурышкарский р-ны]. Такая практика вызывания ветра применялась у детей оленеводов, особенно в жаркие летние дни, когда было много мошкары.

В горах от погодных условий в буквальном смысле зависела жизнь людей. У саранпаульских оленеводов известно место гибели семьи бригадира Филиппова Ф., попавшей под снежную лавину на перевале возле р. Хобею. Это было 14 мая 1952 г., несколько недель не кончался буран, который переживали, так как в горы подняться было сложно: «Подниматься не можем, там подъем здоровый, а надо поднимать, там вещи всё». Когда буран в конце концов утих и

появилась возможность для перехода, одна из нарт попала под обвал: «Смотрим, а этот обвал, ходили там несколько раз на оленях, и вдруг развалился, покатился, и туда, метров 3 был высота, внизу были они. Там было трое детей, одна нянька и жена. Вот они туда попали, а маленького она вверх бросила. Его быстро нашли» [ПМА, Березовский р-н]. Филиппова К.А., двое ее детей, нянька — девушка, жившая в их семье, были заживо погребены под снежной лавиной, их удалось откопать, и 22 мая все были похоронены в с. Саранпауль [Давыдова, 2013]. В августе 2012 г. по инициативе Канева И.Н., крестного сына погибшей и знатока Приполярного Урала, это место было отмечено памятным знаком в виде металлической таблички с информацией, закрепленной на собранном из камней постаменте, рядом с которым собрали остатки нарт и утвари, сохранившихся на месте трагедии. Раньше оленеводы могли хоронить покойных на месте смерти, обозначая место захоронения грудой камней; если была возможность, то ставили небольшой крест из подручных материалов [ПМА, Березовский р-н].

С захоронениями местные жители связывают название перевала Кресты: «перевал Кресты так называется, наверное, из-за похороненных, там могилы. Кресты, где переправа, там тонули»; «есть перевал Кресты около Щекурьи, там на переправе очень много людей погибло. Некоторые уходили и не возвращались. Из-за этого и Кресты назвали. Лет 65–70 так называют это место. Я маленький был, так называли» [ПМА, Березовский р-н]. А.К. Матвеев считает, что перевал Крест и хребет Перна-Из могли получить название из-за поставленного большого деревянного креста на проходившем там Сибиряковском тракте [1984, с. 93]. Более точные данные о местонахождении креста в конце 1920-х г. дает А.Н. Алешков — на перевале между р. Нанг-Сори-я и Сертыньей на Сибиряковской дороге [1931, с. 271]. А.О. Кеммерих отмечал, что большой деревянный крест в истоках р. Сертынья на перевале Крест, где проходил Сибиряковский тракт, сохранился «до наших дней», т.е., вероятно, до конца 1960-х гг. [1970, с. 102]. Местные жители об этом кресте уже не помнят: «Крест на перевале не ставили, никогда такого не было»; «Не было мест, где крест стоял»; «Крестов-оберегов тут не было». По данным Т.Д. Слинкиной, крест был установлен на вершине Нёр-Ойки, еще в 1940-х гг. его было хорошо видно со стороны р. Щекурья [2011, с. 93–94]. У мужевских коми-ижемцев с последней четверти XIX в. известен крест, расположенный на дороге Сарантуй, неподалеку от с. Мужы [Голубкова, 2006, с. 102–103; Ермакова, Лискевич, 2011, с. 168–172]. В честь 1000-летия христианства на Руси в 1998 г. был поставлен большой деревянный крест с надписью «Спаси и сохрани» на седловине Народы [Рундквист]. Установленные в горах кресты, как правило, были высокими и хорошо видимыми издали, они являлись прежде всего оберегами и ориентирами в пути, выполняя функцию придорожных охранительных крестов [Щепанская, 2003, с. 245–252, 264–275].

У оленеводов существовал набор примет, предвещавших плохие новости. Очень плохой приметой считалось запутывание ног оленя в деталях упряжи во время каслания: «Вот едут, и если упряжь у оленя, которая тянет-то, запутается в ногах оленя, то жди неудачи, несчастье какое-то» [ПМА, Березовский р-н]. В этом случае надо поплевать через левое плечо: «тьфу, тьфу, тьфу и все, или фигУшки показывать» [Там же]. Рассказывали, что перед несчастьем на перевале возле р. Хобею в конце 1940-х гг. у впереди идущей нарте как раз запуталась нога у оленя: «...тянется-то — саяс, как постромки, нога завернулась. Завернется за ногу — это плохое, говорят. И она остановилась, чтобы поправить. А тем временем другая обогнала ее. Это всегда к нехорошему. Тогда фигушку показывали, прямо к ноге. Или говорили “Господи, благослови”. А вот она матом заругалась, да еще ударила палкой, бойкая она была. И эта возилась, и осталась, а те попали (под обвал. — Н. Л.)» [Там же]. Трагедия, которой предшествовало знаковое событие, в последующем подробно анализировалась односельчанами, которые даже спустя более чем 60 лет поминутно восстанавливали все события, предшествующие гибели людей, интерпретировали их в контексте причинно-следственной связи. Вероятно, представление о возможном вреде от случайного, по сути, запутывания ног оленя в деталях упряжи базировалось на идее переноса нарушения хода оленя, помехи в дороге на течение жизненного пути человека или семьи в целом. Противоположностью этому могло быть два варианта действий — либо символическое принижение и обесценивание (плевки, кукиш), заменяющие обценную лексику, либо обращение к покровительству бога. Использование кукиша (фиги) в качестве оборонительного средства, для замены бранных слов с целью принизить, оскорбить противника, минимизировать вред широко практиковалось у пермских и славянских народов [Голева, 2011, с. 137; Левкиевская, 2004, с. 26–27; Топорков, 2011, с. 271]. Реальное сквернословие, как в данном случае, усугубляло негативное предвещание знака.

Предвестницей плохого была сорока (*катша*): «Если в предгорье прилетела сорока, значит это плохую весть принесла. Потому что в предгорье сороки нету. Прилетела сорока — плохую весть принесла. Это уж сто процентов!» [ПМА, Березовский р-н]. Представление о демонологическом характере сороки было традиционным для коми [Голубкова, 2009, с. 226–242]. Громкие, резкие звуки, издаваемые птицами, также могли расцениваться как знак скорого получения плохих новостей, возможно о смерти близких [ПМА, Березовский р-н]. Вероятно, эта примета могла быть связана с архаичными представлениями, зафиксированными О.В. Голубковой у обских коми, о невидимой птичке *вычкан*, которая громкими криками предвещает смерть [2009, с. 248–254].

Крайне негативное отношение у коми оленеводов было к ящерице. Считалось, что она переходила дорогу перед человеком к неудаче, ее появление в чуме предвещало большие негативные изменения: «У нас на чум зазали ящерицы. Сказали: всё! Это к плохому. И у нас зима пришла, и папино стадо расформировали»; «и Андрей лежит такой, руку под голову, и она залезла — воис тай. И уже ничего сделать нельзя, она уже залезла к нему на палец. Вот такой вот длины. Это примета плохая. Предвестник. А зимой стадо расформировали» [ПМА, Березовский р-н]. Чтобы предотвратить или нейтрализовать идущий от ящериц вред, ни в коем случае нельзя было допускать соприкосновения с телом человека, увиденное пресмыкающееся нужно было убить особым, ритуальным способом. Уничтожение ее позволяло «избавиться от грехов». Для этого расщепляли палочку, в полученный расщеп зажимали ящерицу и подвешивали, чтобы она засохла. «А я помню с детства, мы вот едем, и ящерица дорогу перешла, а как-то умудрились эту ящерицу быстренько поймали, и веточку сломали, и эту ящерицу вот этой веточкой сломанной прищемили ее, и повесили на дерево, и она засохла. Она к неудаче. Дорогу перешла — и ее надо засушить. Ударили чем-то, и она окочурилась. Потом взяли веточку прямую, ее сломали, в переломе эту ящерицу положили, и повесили, она высохнет сама так. Ящерица — *дзодзув*, а мы говорим *дедю*. Засушить — *косьтыны*. Я хорошо помню, что так делали. Делали-делали, много делали» [ПМА, Березовский р-н]. «Это А.А.К., он только этим и занимался. Если ящерицу увидели, возьмет палочку, вот так наполовину разломает и поймает, и вот так прижмет и повешает. Говорит: за три года грехи смыл. Говорил: ой, я уже безгрешный стал. Он сильно много ящериц высушил» [Там же]. Такое отношение к ящерице не случайно, по традиционным представлениям коми, ящерица — существо хтоническое, прикосновение к ней может вызвать кожные и глазные заболевания [Ильина, 1997, с. 81–82; 2008, с. 72–73]. В полевых материалах О.В. Голубковой, собранных на широкой территории расселения коми в Западной Сибири, дополняется, что встреча с ящерицей около дома, ее взгляд, видение пресмыкающегося во сне — к смерти, якобы это «чья-то душа на тот свет манит» [2009, с. 150–154]. Сходен и ритуал убийства и последующего засушивания ящерицы с помощью расщепленной палки у разных групп коми [Там же, с. 52; Ильина, 2008, с. 72].

Для предотвращения потенциальной опасности для женщины от встречи с медведем ляпинские коми практиковали «мансийский способ» защиты: «Если след медведя найдешь, чтобы он не напал, надо волос спереди (с челки) выдернуть и в медвежий след положить. Это мне 12 лет было (т.е. в 1950 г. — *Н. Л.*), бабушка рассказывала. Щекурьинская, манси. Они-то знающие. А я своим подсказываю. Говорили: иди по своей дороге, не попадайся нам» [ПМА, Березовский р-н]. Вероятно, это считалось символическим жертвоприношением медведю. Н.Л. Гондатти описал подобный обычай, зафиксированный им у коренного населения в бассейнах Северной Сосьвы и Ляпина в 1885 г.: «Если женщина случайно набредет на медвежьи следы, то она должна их обойти или же положить что-нибудь на следы в виде жертвы; если же нет ничего, то вырвать хоть несколько волос» [1888, с. 70].

По полевым данным, в прошлом отдельные ижемские оленеводы могли получать особую помощь при выпасе оленей, заметно облегчающую работу пастуха. Такую помощь они получали от «кукол»: «Куклы самодельные, просто тряпочки. Это как зырянские куклы. Куклы акани просто. Как их делали — не знаю, мы маленькие еще были. Наверное, сам делал» [ПМА, Березовский р-н]. «Раньше, говорят, был мужчина, ходил со своими оленями, одиночник был, у него куклы были сделаны. Он мог в Саранпауль приехать, ночью спит, спит, и, видимо, куклы ему какой-то знак что ли дают, он встает, ой, говорит, росомахи в стадо пришли. Или: о, волки пришли, идут. Он по ним узнает, что росомахи в стадо пришли. Собирается и едет. Он сам один живет в чуме, пожилой уже. Придет кто-нибудь в гости, спят, а тоже говорят, ночью проснется, говорит, волки пришли, наверное, в стадо. Пошел» [Там же]. «И женщина одна тоже в своей нарте всегда таких кукол возила, чтобы все было хорошо. Это зыряне» [Там же]. Этих кукол возили в *ван-*

К вопросу о ритуальных практиках коми оленеводов Северного Зауралья

деях — «это нарта грузовая, в которой постельное возят, самые хорошие вещи», в том числе иконы, т.е. они имели достаточно высокий сакральный статус. «Куклы» расценивались «как оберег какой-то и в то же время как предвестник», предполагалось, что они «подавали знак, и, видимо, он начинал чувствовать». Практика использования «кукол» расценивалась как заимствование от ненцев — «обычай-то ненецкий, мы же не знаем всех обычаев» [Там же]. Вероятно, этих «кукол» приравнивали к антропоморфным изображениям семейных духов-покровителей у ненцев, которые в том числе способствовали успехам в оленеводстве [Хомич, 1977, с. 21–22; 2006, с. 62].

Таким образом, у коми оленеводов Северного Зауралья существовали ритуальные практики, выразившиеся в индивидуальных или коллективных действиях, направленных на обеспечение благополучия и защиту людей во время календарных праздников. Эти практики разворачивались как в рамках православного мировоззрения, с использованием обращения к святым, молитвы, креста, так и в контексте традиционных верований, связанных с культом гор, апотропеической магией, набором примет, предзнаменований, предвещающих в основном негативные события. В прошлом могли применяться приемы для облегчения выпаса оленей, защиты от хищников, которые можно отнести к элементам производственной магии. Вероятно, могли быть и ритуальные действия для повышения поголовья стада, чтобы «шло на ладонь»

Информанты:

Ануфриев Анатолий Васильевич, коми, 1948 г.р., с. Мужы Шурышкарского р-на ЯНАО.
Ануфриева Грасковья Николаевна, коми, 1922 г.р., с. Восяхово Шкрышкарского р-на ЯНАО.
Артеев Иосиф Васильевич, коми, 1929 г.р., с. Мужы Шурышкарского р-на ЯНАО.
Витязев Василий Георгиевич, коми, 1945 г.р., с. Горки Шурышкарского р-на ЯНАО.
Вокуев Иван Николаевич, коми, 1948 г.р., с. Саранпауль Березовского р-на ХМАО — Югра.
Канев Александр Алексеевич, коми, 1936 г.р., с. Казым Белоярского р-на ХМАО — Югра.
Конева Таисия Владимировна, коми, 1925 г.р., с. Мужы Шурышкарского р-на ЯНАО.
Канева Фелицата Федуловна, коми, 1922 г.р., с. Казым Белоярского р-на ХМАО — Югра.
Рокина Агния Егоровна, коми, 1944, с. Саранпауль Березовского р-на ХМАО — Югра.
Рокина Александра Егоровна, коми, 1947 г.р., с. Саранпауль Березовского р-на ХМАО — Югра.
Семяшкина Агафья Ивановна, коми, 1936 г.р., с. Мужы Шурышкарского р-на ЯНАО.
Филиппов Андрей Вячеславович, коми, 1932 г.р., с. Саранпауль Березовского р-на ХМАО — Югра.
Филиппова Анна Александровна, коми, 1938 г.р., с. Саранпауль Березовского р-на ХМАО — Югра.
Хозяинова Анна Федоровна, коми, 1925 г.р., с. Мужы Шурышкарского р-на ЯНАО.
Чупров Иван Иосифович, коми, 1938 г.р., с. Мужы Шурышкарского р-на ЯНАО.
Шуганова Александра Ефимовна, коми, 1937 г.р., с. Казым Белоярского р-на ХМАО — Югра.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абрамов К.Е. В Зырянском крае. М.: Товарищество типография Мамонтова, 1914. 136 с.
- Алешков А.Н. По Северному Уралу: (Предварительный отчет Североуральской экспедиции Академии Наук и Уралплана за 1928 г.). С. 265–291. (Изв. Географического о-ва. 1931; Т. LXIII. Вып. 4.)
- Алешков А.Н. Обзор деятельности Уральской ледниковой экспедиции и характеристика Народно-Сабельного района // Урал. Приполярные районы. Комитет СССР по проведению II международного полярного года при Центральном Управлении ЕГМС. Л.: Редиздат ЦУЕГМС, Ленингр. отд-ние, 1935. 316 с. (Тр. ледниковых экспедиций / Под ред. С.В. Калесника; Вып. IV).
- Безносикова Л.М., Забоева Н.К., Коснырева Р.И., Айбабина Е.А. Русско-коми словарь. Коми-роч кывчукор. Сыктывкар: Титул, 2009. 672 с.
- Голева Т.Г. Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков. СПб.: Маматов, 2011. 272 с.
- Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. 204 с.
- Головнев А.В. Антропология движения: (Древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН: Восток, 2009. 496 с.
- Голубкова О.В. Этнокультурное взаимодействие северных коми-зырян и русских в сфере сакрального символизма // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 3. С. 101–111.
- Голубкова О.В. Душа и природа: Этнокультурные традиции славян и финно-угров. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 304 с.
- Гондатти Н.Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. М.: Тип. Е.Г. Потапова, 1888. 91 с.
- Давыдова Ф.Т. Клавдия // Музейное дело: Науч. ист.-краевед. газ. Ханты-Мансийск, 2013. № 24–25, ноябрь.
- Дмитриев-Садовников Г.М. Экскурсия по р. Сосьве и др.: Дневник экспедиции // Лукич. 2000. Ч. 4. С. 6–63.

Н.А. Лискевич

- Ермакова Е.Е., Лискевич Н.А. Сакральная география ижемцев Нижнего Приобья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 1 (14). С. 168–176.
- Ильина И.В. Народная медицина коми. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1997. 120 с.
- Ильина И.В. Традиционная медицинская культура народов Европейского Северо-Востока. Сыктывкар: Изд-во КНЦ УрО РАН, ИЯЛИ, 2008. 225 с.
- Истомин К.В. Этноэкологическая характеристика коми-ижемского оленеводства: Дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2004. 202 с.
- Кеммерих А.О. Приполярный Урал: Путеводитель. М.: Физкультура и спорт, 1970. 156 с.
- Козьмин В.А. Оленеводческая культура народов Западной Сибири. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 236 с.
- Конаков Н.Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX — начале XX в. М.: Наука, 1983. 248 с.
- Конаков Н.Д. Традиционное мировоззрение народов коми: Окружающий мир. Пространство и время. Сыктывкар: Изд-во КНЦ УрО РАН, 1996. 132 с.
- Конаков Н.Д. Религиозное мировоззрение промыслового населения народа коми // Христианство и язычество народа коми. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2001. С. 196–228.
- Конаков Н.Д. Традиционная система природопользования и хозяйственные занятия коми // Зырянский мир: Очерки о традиционной культуре коми народа. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. С. 65–181.
- Конаков Н.Д., Котов О.В. Этноареальные группы коми: Формирование и современное этнокультурное состояние. М.: Наука, 1991. 232 с.
- Костиков Л. Боговы олени в религиозных верованиях хасово // Этнография. 1930. № 1–2. С. 115–133.
- Левкиевская Е.Е. Кукиш // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 3. М.: Международный. отношения, 2004. 693 с.
- Лискевич Н.А., Шубница Е.И. К вопросу о маршрутах кочевания оленеводов Уральского Севера в XIX — первой половине XX века // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 4 (19). С. 106–117.
- Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 388 с.
- Матвеев А.В. Традиционная культура путешествия населения Среднего Прииртышья (XIX — первая четверть XX века). Омск: Наука, 2012. 196 с.
- Матвеев А.К. От Пай-Хоя до Мугоджар. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1984. 272 с.
- Рундквист Н. Сто дней на Урале: (Отчет о пешеходном туристском спортивном походе V к.с. по Приполярному Уралу 20.07 — 09.08.2006 г., руководитель: Некрасов С.А.) // Скиталец: Сервер для туристов и путешественников [Электрон. расерс]. Режим доступа: www.skitalets.ru/foot/2007/ural_nekrasov06/.
- Слинкина Т.Д. Мансийские оронимы Урала. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2011. 480 с.
- Словарь мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка / Под ред. А.И. Кузнецовой. Екатеринбург: Баско, 2010. 320 с.
- Токарев С.А. Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. 622 с.
- Топорков А.Л. Кукиш // Славянская мифология: Энцикл. словарь. Изд. 2-е. М.: Международный. отношения, 2011. 512 с.
- Традиционная культура народа коми: Этнографические очерки. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1994. 272 с.
- Хомич Л.В. Религиозные культы у ненцев // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX вв.). Л.: Наука, 1977. С. 5–28. (СМАЭ).
- Хомич Л.В. Ненцы: Традиционная культура. Хозяйство. СПб.: Дрофа, 2006. 75 с.
- Шубница Е.И. Сакральные объекты на территории национального парка «ЮгыД ВА» // Материалы Второй Междунар. междисциплинар. конф. по дикой природе «Трибуна — 12», посвященной памяти Ф.Р. Штильмарка / Под ред. В.Е. Борейко. Киев, 13–15 мая 2006 г. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ecoethics.ru/old/b80/30.html>.
- Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003. 528 с.

Тюмень, ИПОС СО РАН
povod_n@mail.ru

Basing on analysis of field data, the article considers a number of actions and prescriptions connected with a farewell ceremony of reindeer-breeders to summer pastures, as well as apotropeic rites, revered territories in the mountains, certain methods of meteorological magic, negative omens and methods of their neutralization, together with a description of using amulets for facilitating reindeer pasturing.

Komi of North Trans-Urals, reindeer-breeding, rites of a farewell ceremony, sacral territories, Nyor-Ojka, crosses, meteorological magic, trapping cult.

САКРАЛЬНАЯ ТОПОНИМИЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ И ЕЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЯХ РУССКОГО СЕВЕРА, УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Д.Д. Петров

Рассматривается отражение народной религии жителей Республики Коми в системе географических названий (природных объектов, населенных пунктов, а также мест, где остались следы пребывания древнего населения). Источниками материала послужили данные Государственного водного реестра РФ, топонимических словарей, перечней археологических памятников, полевых материалов автора. Полученная картина сопоставляется с сакральной топонимией соседних и родственных народов. На основе исследованного материала сделаны выводы о ряде аспектов верований коми-зырян.

Республика Коми, коми, топонимия, ономастика, святые места, народная религия, сакральная география.

Сакральная география является важной частью духовной культуры любого народа, ее исследование немыслимо без фиксации и анализа географических названий, маркирующих те или иные религиозно значимые объекты. Сакральных названий значительно меньше, чем тех, что отражают реалии природной среды, хозяйственной деятельности, повседневной социальной жизни и т.д. Такие названия составляют массив сакральной топонимии, которая при тщательном рассмотрении предоставляет внушительный объем информации о верованиях изучаемой этнической группы. Сакральная топонимия довольно давно привлекает к себе внимание как топонимистов, так и исследователей народной традиции и семиотики народной культуры. В.В. Иванов и В.Н. Топоров стремились почерпнуть из топонимического материала аргументацию для своей концепции основного славянского мифа [1976]. Б.А. Рыбаков выделял топонимию как один из источников сведений для реконструкции древнерусского язычества [1994, с. 372]. Эту мысль дополняет Т.Н. Дмитриева, считая, что топонимы, связанные с религиозно-мифологическими представлениями и нашедшие отражение в фольклоре, позволяют оценить огромную роль этих представлений в создании традиционной картины мира и организации топонимического пространства [2005, с. 413]. А.А. Иванова, В.Н. Калуцков и Л.В. Фадеева отмечают, что топонимы, маркирующие святые места, являются существенной составляющей морфологии исследуемых священных объектов [2009, с. 31]. Е.Л. Березович, анализируя отражение народной религии в северно-русской топонимии, считает возможным: «1) выявить информацию о религии и верованиях крестьян Русского Севера по данным топонимии; 2) определить специфику топонимической версии репрезентации мировоззренческого фонда народной религии; 3) охарактеризовать концепцию ирреального пространства в русской топонимии» [2010, с. 9].

В фокусе настоящего исследования — сакральная топонимия коми-зырян. Сведения о ней можно почерпнуть из топонимических словарей, а также из ряда работ, посвященных духовной культуре коми и коми географическим названиям. Едва ли не единственной на данный момент работой, специально посвященной сакральной топонимии коми, является статья А.Г. Мусанова [2002]. Автор предлагает систематизацию рассматриваемых названий по четырем группам: связанные с обрядностью; отражающие религиозные верования; связанные с календарной обрядностью; отражающие легенды и предания [2002, с. 165–166].

Настоящая работа ставит своей задачей продолжить начатое А.Г. Мусановым исследование сакральной топонимии коми, расширив по возможности охват материала. Также будет применен иной способ группировки материала: по топонимическим апелляциям. Некоторые из них будут представлены в виде рядов апеллятивов, близких по смыслу. Затем отдельно будет рассмотрен ряд единичных топонимов. Отметим, что, вслед за Е.Л. Березович, считаем актуальным понятие «народная религия» [2010, с. 12–13] для характеристики мировоззрения, отраженного в сакральной топонимии. Проблема разделения в ней языческих и христианских черт остается за пределами данного исследования. Так же как и Е.Л. Березович, нам представляется правильным исключить из исследования топонимы, производные от наименований культовых

объектов (речь идет о названиях сел по расположенным в них церквям: Богородск и др.), «поскольку они не содержат прямой связи с именами персонажей народной религии» [Там же, с. 13].

Выявление своеобразия сакральной топонимии коми и ее общих черт с ономастикой других этнических групп требует сопоставления с материалом соседних и родственных народов. С этой целью были привлечены работы по сакральной топонимии вепсов [Муллонен, 1993], карел [Мамонтова, 1991], манси [Власова, 1980; Слинкина, 2011], русских Севера [Березович, 2010], удмуртов [Кириллова, 1992], ханты [Дмитриева, 2005; Тяботов, 1991] и общеуральский топонимический словарь [Матвеев, 2008]. Также привлечен южно-уральский башкирский материал [Камалов, 1994]. Необходимо учесть и тот факт, что на территории Республики Коми широко представлены ненецкие, прибалтийско-финские и русские географические названия, что связано с пестротой этнической картины и насыщенностью этнической истории региона. Разноэтничный характер свойственен и сакральной топонимии, что также будет отражено в настоящей работе.

Основным источником материала исследования послужили топонимические словари. Также был задействован электронный каталог Государственного водного реестра РФ [ГВР]. Часть данных была получена посредством введения в поисковую систему ГВР рассматриваемых апеллятивов. Особым источником являются перечни и описания археологических памятников, нередко содержащие информацию об окрестной микротопонимии. Интерес для нашей темы представляет тот факт, что с древними городищами и могильниками часто связаны мистические представления местных жителей: предания о чуди, обычаи поминовения предков и рассказы об обитании нечистой силы. Подробнее данный аспект сакральной топонимии будет рассмотрен далее. В качестве источников информации об археологических памятниках были использованы Список археологических памятников Коми АССР (на 1961 г.) [Атлас Коми АССР, 1964, с. 107] и Аннотированный список археологических памятников Коми АССР (1984 г.) [АК Коми АССР, 1984, с. 42–113]. Также в работе использовались полевые материалы автора, собранные в рамках Северо-русской этнографической экспедиции МГУ в июле — августе 2010 г.

Балбан. Коми бџлбан (на картах: балбан, болван) — заимствованное из русского языка обозначение языческого идола: *Болбанская*, р., *Болбан-ель*, р. — «ручей идолов» [ГВР], *Балбанью* (*Бџлбанью*), р. — «река идолов» [Афанасьев, 1996, с. 26; Туркин, 1986, с. 10], *Ичџт Бџлванаиз*, гора — «малая гора идолов», *Ичџт* и *Ыдждьд Бџлбанты*, оз. — «малое и большое озера идолов» — озера, через которые протекает р. *Балбанью* [Туркин, 1986, с. 11]. Также известны названия оз. *Балбанты*, руч. *Балбаншор*, р. *Балбанью* (приток р. *Хулга*) и двуязычное р. *Пупую* (от манс. *пупыг* — «идол» и коми *ю* — «река») на территории Ханты-Мансийского АО [Квашнин, 2011, с. 158]. Впрочем, истоки обеих рек с названием *Балбанью* находятся в относительной близости друг к другу (около 45 км), по разные стороны водораздельного хребта.

Происхождение названия хребта *Ичџт Бџлванаиз*, имеющего идентичное мансийское название *Мџнь-пупыг-нер* («малая гора идолов»), связано с особенностями рельефа. А.К. Матвеев приводит мансийские предания об окаменевших «великанах-самоедах», образовавших данную горную систему [2008, с. 46]. А.П. Афанасьев высказал версию, по которой и *Болбанью* получила свое название потому, что «на этой реке прибрежные скалы напоминают *истуканов*» [1996, с. 26]. Согласно другим версиям, данный и аналогичные топонимы связаны с расположением у этих рек и озер ненецких или обско-угорских языческих святилищ с идолами [Афанасьев, 1996, с. 26; Квашнин, 2011, с. 158; Туркин, 1986, с. 10]. Эти версии не являются строго противоречащими друг другу, поскольку выдающиеся формы ландшафта нередко оказываются связаны с религиозным почитанием. Весьма показательным, что названия от термина *бџлбан* в Березовском р-не ХМАО присутствуют компактно на сравнительно небольшой территории. Названия озера, реки и ручья также имеют эквиваленты у манси с формантом *ялпынг* — «святой» [Слинкина, 2011, с. 35]. Данная территория имеет у манси также название *Пирлахтын ма* — «святылище» [Там же]. Таким образом, здесь коми *бџлбан* выступает в роли топонимического маркера для целого природного сакрального комплекса. Известен также ненецкий топонимический эквивалент одной из рек *Балбанью* — *Хэяха* («река идолов») [Матвеев, 2008, с. 29].

Апеллятив *балбан* имеет параллели в русской топонимии (см.: бол. *Идолово* [Березович, 2010, с. 17], д. *Болваньково* в Московской обл. [Поспелов, 2007, с. 157–158], два урочища с названием *Болвановка* в Москве [Шилов, 2006, с. 52], а также мыс *Болванский* в Ненецком АО). У прибалтийско-финских народов указание на языческие культовые места может передаваться «элементом *hiz* (основа *-hide*) <...> с широким спектром значений (от «черт, леший» до «языче-

ское святилище, священная роща»)» [Муллонен, 1993, с. 11]. Удмуртские понятия, связанные с языческой культовой деятельностью, не отождествляются с разгулом нечистой силы, чертей и тому подобными «негативными» явлениями, в отличие от народов, в большей степени подвергшихся христианизации. В удмуртском топонимиконе святилища обозначаются апеллятивом *куа*: *Буззын куа* — «общеродовое святилище», а места проведения языческих молений — *вӧс*: *Бусывӧс* — «место моления в поле», *Дэмэнвӧс* — «место коллективного моления» [Кириллова, 1992, с. 136].

Схожим по смыслу является апеллятив *поганый*, достаточно широко распространенный на Русском Севере в значении «связанный с нечистой силой» и «языческий, связанный с языческой культовой деятельностью» [Березович, 2010, с. 26, 28]: г. *Поганая Горка*, р. *Поганца* и т.д. [Там же]. В Республике Коми апеллятив представлен в названии мыса *Поганый Нос* на р. *Печоре* напротив устья р. *Ижмы*. Здесь были обнаружены средневековые железные орудия и «серебряное изображение» [Атлас Коми АССР, 1964, с. 107]. Наличие следов пребывания древнего населения могло повлиять на сложение корпуса местных преданий, обусловивших название данного мыса, как это произошло с *Бесовым Носом* в Карелии, получившим свое название по расположенным на нем неолитическим петроглифам.

Вежа. Коми вежа — «святой»: *Вежавад*, оз. — «святое озеро», *Вежавож*, р. — «святой приток», *Вежай*, р. — вероятно, искаженное *Вежаю* (см.), «святая река», *Вежайка*, р. — приток р. *Вежай*, в названии русский уменьшительный суффикс *-ка*, *Вежаю*, р. (*Вежа ю*, *Вежа-Ю*) — «святая река» [Афанасьев, 1996, с. 38], *Веждин*, ур. — «у святого (места)», *Вежшор*, руч. — «святой ручей» [Мусанов, 2007, с. 25]. Также известна д. *Веждин* (*Веждино*), ныне вошедшая в Эжвинский район Сыктывкара. А.П. Афанасьев приводит названия *Вежкуръя* и *Вежью*, этимологизируя их от коми веж — «зеленый», т.е. «зеленый залив» и «зеленая река» [1996, с. 38]. Однако и здесь вероятно происхождение от коми вежа — «святой» (ср. выше *Веждин*, *Вежшор*). Заслуживает упоминания и ойконим *Вежакары* на территории Ханты-Мансийского АО: «Название Вежакары «Священный городок» является прямым переводом на язык коми обско-угорских названий этого селения (хант. *Ем вош* и манс. *Ялп ус*)» [Квашнин, 2011, с. 154]. *Вежакары* упоминает и А.К. Матвеев [2008, с. 55–56]. Также важен факт, что на территории Республики Коми протекает минимум пять рек с названием *Вежаю* (притоки рек *Вымь*, *Вычегда*, *Лымва*, *Касьян-Кедва*, *Коин*) и две *Вежа-Ю* (притоки рек *Ева*, *Мезень*) [ГВР]. Рассматриваемый апеллятив встречается и у коми-пермяков, например *Вежаты*, оз. — «святое озеро» (Пермский край), две реки с названием *Вижай* (ср. *Вежай* выше) в Пермском крае и Свердловской обл. [Матвеев, 2008, с. 58].

На территории Республики Коми известно еще два топонима, которые, возможно, были образованы от понятия «святой». Их возводят к иноэтничному топонимическому субстрату. Это р. *Емва* (рус. *Вымь*): «Коми *Емва* результат переосмысления хант. ойконима *Емвош* из *емынг вош* “священный город”, где *емынг* “святой, священный”, *вош* “город”. По преданию, близ устья р. *Вымь* стояла *священная береза со святилищем* язычников. По-видимому, именно это место носило имя *Емвош*» [Афанасьев, 1996, с. 51–52]; «Мы склонны считать, что гидроним *Вымь* — *Емва* обско-угорского происхождения: хант. *емынг* “святой, священный” <...> Хантыйский ойконим *Ем-вош* имеет параллельное коми название *Вежакар* “священный город”...» [Туркин, 1986, с. 21–22]. В гидрониме *Емва* можно также предположить сочетание субстратной (хантыйской?) топоосновы с распространенным речным коми формантом *-ва* («вода»). Тогда, если основу *ем-* этимологизировать от хантыйского *ем* — «запрет», «табу» [Матвеев, 2008, с. 86] или *емынг* — «святой», то гидроним может означать «святая (запретная) река». Второй гидроним этой группы — р. *Пысса* (*Пыисью*): от саам. *пысса*, *поис*, *пыис* — «святой, священный», коми *ю* — «река» [Афанасьев, 1996, с. 129; Туркин, 1986, с. 97]. Впрочем, А.П. Афанасьев выдвигает и альтернативную этимологию: «более древняя форма написания гидронима (Пыса, XVII в.) дает повод для поисков его смыслового значения в коми языке, ср. *пыс* “отверстие”, “игольное ушко”. Возможно, *Пыс* ю осмысливается как “узкая река” или “узкий проход” на водно-волоковом пути из бассейна Вашки в бассейн Мезени» [1996, с. 129]. Однако если бы название относилось к географическим свойствам объекта, можно предполагать, что оно не было бы единичным в коми топонимии.

Апеллятив *вежа* («святой») встречается чаще прочих в сакральной топонимии коми. Из охваченного материала большая часть топонимов с основой *вежа* (12 из 14 по Республике Коми) относится к названиям водных объектов. Частотность и тяготение к воде «святых» топонимов находят параллели в северно-русской топонимической системе: «*Святые* названия являются

одними из наиболее частотных обозначений локусов, связанных с религией и верованиями (по распространенности они уступают только *чертовым* топонимам); <...> Объектная соотнесенность этих названий обнаруживает четкие закономерности: 75 % от общего числа наименований (130 топонимов) приходится на долю обозначений гидрообъектов...» [Березович, 2010, с. 30, 31]. При этом если в корпусе названий, собранных Е.Л. Березович, преобладают непроточные водоемы: озера [Там же], то на материале коми явно выделяются реки и ручьи (11 из 14). «Проточность» включена Е.Л. Березович (со ссылками на наблюдения других исследователей) в число сущностных характеристик «святых» гидрообъектов. С проточной водой связаны представления русских о живой воде, жизненной силе, избавлении от невзгод [Там же, с. 37].

Термины, которые с некоторыми оговорками можно перевести как понятия «святой», «священный», широко распространены в топонимии финно-угорских (и шире: уральских) народов. У вепсов: *Pyhäjarv* («святое озеро»), *Pyhäoja* («святая река») [Муллонен, 1993, с. 8]; у карел: *Pyhädarvi* («святое озеро»), *Pyhäjoki* («святая река») [Мамонтова, 1991, с. 105]; у манси: *Ялпинг-нер* («священный горный хребет») [Слинкина, 2011, с. 34–41], *Йальпэнг-йа* («священная речка»), *Эльпен-тур* («священное озеро») [Власова, 1980, с. 59; Матвеев, 2008, с. 29, 31]; у ненцев: *Хэбидя я* (название о. Вайгач, «святая земля») [Матвеев, 2008, с. 53]; у ханты: *Емьеган* («святая река») [Там же, с. 86], *Емынглор* («святое озеро»), *Емынпухыр* («святой остров») [Тяботов, 1991, с. 114]. Помимо русских и финно-угров, данный апеллятив встречается и у башкир: *әулиә* — «святой» (также наиболее частотен в употреблении среди сакральных топонимов) [Камалов, 1994, с. 149]. Расшифровка приводимых понятий у некоторых народов указывает на явление амбивалентности сакрального, когда понятие «святой» может иметь не только «положительный» сакральный смысл, но и ассоциироваться со страшным, опасным, нечистым. Так, у манси *ялпинг* — «святой», «священный», «запретный», «недозволенный», «опасный» [Слинкина, 2011, с. 35]. У ханты *емынг* — «святой», «грешный», «страшный» [Тяботов, 1991, с. 114]. Схожий «амбивалентный» сюжет отражен и в удмуртской топонимии, например: оз. *Кылчинты*, где *кылчин* — ангел, нечистая сила» [Кириллова, 1992, с. 135]. На проявляющуюся время от времени соотнесенность «святых» топонимов с «негативным» полюсом сакральности на Русском Севере у местного русского населения указывала и Е.Л. Березович [2010, с. 38–40].

Ен. Ен — имя главного бога коми пантеона, одного из двух братьев-демиургов. После крещения коми стали называть христианского бога Еном. В качестве топонимического апеллятива «Ен» встречается в названии двух рек: *Енва* и *Енью* [Афанасьев, 1996, с. 60]. Оба названия можно перевести как «божья река», «святая река» или «река Ена». А.И. Туркин выдвинул версию этимологии названия *Енва* от «коми *ен* “сильный, крепкий”», трактуя название как «сильная река», река с быстрым течением [1986, с. 33]. Все же более вероятной выглядит «божественная» версия этимологии и звучание названия именно как *Енва*, а не *Ена*.

Имя верховного божества, демиурга встречается в топонимии и других финно-угорских народов: карел. *Уккозеро*, *Укк-ручей* (возможно, от верховного бога карел Укко) [Мамонтова, 1991, с. 108]; манс. *Торэм-кан-воль* («плес божественного места») [Власова, 1980, с. 62]; хант. *Тромьеган*, р. и *Туромлор*, оз. [Тяботов, 1991, с. 122] — от имени верховного бога обских угров Нуми-Торума. Интересно, что у удмуртов (топонимический материал, собранный Л.Е. Кирилловой), культурно и исторически близких коми, имя верховного бога Инмара не встречается. На северо-русском материале прослеживается определенное распространение топонимов от апеллятива *бог*, но они лишь изредка относятся к гидрообъектам, причем речь идет о непроточных водоемах: 1 озеро и 2 болота [Березович, 2010, с. 16], тогда как на нашем материале оба названия — речные. Впрочем, нельзя исключать вероятность того, что более масштабное использование материала коми микротопонимии могло бы изменить данную картину, так как «божьи» топонимы, собранные Е.Л. Березович, относятся именно к микротопонимии [Там же].

Куль (мор, събрт). Для обозначения черта, нечистой силы коми могут использовать слова *куль*, *мор*, *събрт*: *Морью*, р. — «чертова река» [Афанасьев, 1996, с. 107]; *Куль кар*, ур. — «чертово городище», *Събрт*, ур. — «урочище Черт» [Мусанов, 2002, с. 166]. Не все эти имена относятся исключительно к персонажам «низшей мифологии»: в коми-пермяцком пантеоне *Куль* является, наряду с небесным богом Еном (см. выше), одним из двух демиургов — распорядителем нижнего мира. В коми-зырянских верованиях ему соответствует Омоль, а иногда Леший, персонаж, заимствованный из русской мифологии [Айхенвальд и др., 1982, с. 171]. Известно название сопки *Леший Мыльк* — «холм лешего» [Афанасьев, 1996, с. 89]. Здесь, впрочем, судя

по именуемому объекту, леший скорее занимает место своего зырянского «аналога» лесного духа вёрса, а не одного из демиургов.

Заметна сравнительно малая распространенность «чертовых» топонимов в сопоставлении с соседними и родственными народами. У прибалтийско-финских народов нечисть в топонимии обозначается апеллятивом *hiz* (*hide-*) — «злой дух, леший, черт, дьявол, бес» [Мамонтова, 1991, с. 104], например: *Hizarv*, *Hizoja*, *Hidnem*, *Гижозеро*, *Ижлахта* — у вепсов [Муллонен, 1993, с. 11]; *Hiizjarvi*, *Гижезеро*, *Гижино*, *Гижनावолок*, *Чертова Лахта*, *Чертов Стул* — у карел [Мамонтова, 1991, с. 104]. У русских Севера апеллятивы *бес* и *черт* являются одними из наиболее популярных в сакральной топонимии [Березович, 2010, с. 47]: *Бесов Наволок*, *Бесова Гора*, *Чертов Мост*, *Чертов Мыс* и т. д. [Там же, с. 14, 48]. А.К. Матвеев пишет о многих урочищах с названием *Чертово городище* на Урале [2008, с. 311].

У народов, в меньшей степени испытавших христианизацию, в топонимии часто отражено имя «нижнего» демиурга: *Куль* у ханты — *Кульеган*, *Куляхэн*, *Куль-Вузан-Лор* [Тяботов, 1991, с. 115–116] и у манси — *Кульметнер*, *Куль-ур* [Слинкина, 2011, с. 105–107, 108–109]; Керемет у удмуртов — *Кэрэмэтгурэз*, *Кэрэмэтнур*, *Кэрэмэтошмэс* [Кириллова, 1992, с. 136] и у башкир — *Кирэмэт ауылы*, *Кирэмэт афаслыфы*, *Башкорт Кирэмэт тауы* [Камалов, 1994, с. 148]. Возможно, картина сравнительно редкого использования в коми топонимии названий, связанных с нечистой силой или божеством нижнего мира, может претерпеть значительные изменения при более масштабном привлечении микротопонимического материала.

В эту же смысловую категорию стоит поместить названия *Дьяволиз* — «гора дьявола» (рус. *дьявол*, коми *из* — «камень, гора») в Березовском р-не Ханты-Мансийского АО [Матвеев, 2008, с. 81], а также реку *Большая Шайтановка*, приток Печоры (от тюрк. *шайтан* — «черт») [Афанасьев, 1996, с. 30], по которой, по всей вероятности, названы близлежащие починок *Шайтановка* и деревня *Шайтановка*. Близ деревни расположено Канинское пещерное святилище, где культовая деятельность производилась на протяжении 2,5 тыс. лет — со второй половины II тыс. до н.э. по XIII в. н.э. [АК Коми АССР, 1984, с. 64]. Возможно, именно это «соседство» повлияло на появление топонима, поскольку места языческой культовой деятельности нередко переосмысливаются христианизированным населением как обиталища нечистой силы. В ареале проживания коми-пермяков также имеется река *Шайтановка* — приток Кувы в Кудымкарском р-не Пермского края. У соседей коми-зырян, ханты, известен почитаемый «языческий идол» — «*белогорский шайтан*» [Матвеев, 2008, с. 35]. Апеллятивы *дьявол* и *шайтан* встречаются и в северо-русской топонимии (являясь, впрочем, нераспространенными). В Архангельской области известны покос *Шайтаны* и порог *Шайтан* [Березович, 2010, с. 56]. Причем Е.Л. Березович считает неслучайной их территориальную близость к Республике Коми, где, по информации исследовательницы, образ шайтана активен в мифологическом обиходе [Там же]. Тем же автором упоминается и покос *Дьявоново* [Там же, с. 22]. По А.К. Матвееву, на Урале *шайтан* — продуктивная топооснова, от которой образованы названия ряда горных хребтов, рек и озер. По мнению автора, как правило, такие названия маркируют культовые места манси сквозь призму их восприятия местным тюркским и русским населением. В данном случае весьма показательны мансийские названия ряда «шайтанских» объектов — р. *Шайтанка/Иелпинг я* («святая река»), оз. *Шайтанское/Илпынг-то* («святое озеро»). Однако, по А.К. Матвееву, в ряде случаев такие названия могут маркировать собственно тюркские «нечистые места» [2008, с. 317–318].

Возможно, к топонимам, связанным с деятельностью нечистой силы следует отнести часть названий, образованных от коми апеллятива *лек* — «плохой, худой». А.И. Туркин выделяет у *лек* значение «левый» в географическом смысле: реки *Леккэм* и *Буркэм* в значении левый и правый *Кэм* [1986, с. 88]. А.П. Афанасьев характеризует *лек* как географический термин, означающий «малый, маловодный, непроходимый» [1996, с. 90]. Т.Н. Дмитриева зафиксировала в верхнем течении левого притока Надыма — реки с хантыйским названием *Лонгьеган* (или *нецким Хейгияха*) — «Река духа» приток *Лекью*, что на языке коми означает «Плохая река» [2005, с. 449]. Данные характеристики географического объекта в северо-русской топонимии часто связываются с деятельностью черта [Березович, 2010, с. 49]. Ср: ур. *Чертище* — «Худое место, чертовое...» [Там же, с. 48], *Худой мост* близ д. Чуласа на р. Вашка, овеванный рассказами о ломавшихся там телегах и служивший местом установки обережных крестов [ПМА: Опарина М.Ф.]. На угорском материале известна река *Атымья*. Один из вариантов расшифровки ее названия — «Плохая река», «Злая река» (от хант. *атым* — «плохой», «злой») [Матвеев, 2008, с. 22]. На Южном Урале заслуживает упоминания *Еманзелга* — башк. «плохая («злая», «серди-

тая») река» [Там же, с. 86]. В Республике Коми известны: реки *Лёк-Воркута*, *Лёк-Елец*, *Лёкью*, озеро *Лёкты* [Афанасьев, 1996, с. 90–91], гряда *Лёк-Из* в Печоро-Илычском заповеднике, ур. *Лёкчойди*, а также ручьи *Худой* и *Худой-Ель*. Утверждать, какие именно из этих названий можно зачислить в разряд сакральных, затруднительно.

Перна (крес, крест, креш). Коми перна — «крест, намогильный крест, нательный крест, обетный крест». Наряду с коми вариантом местные жители часто используют для именовании географических объектов и русский вариант: крест, а также искаженные варианты его произношения: крес, креш. А.Г. Мусанов приводит топонимы с данными апеллятивами: *Кресдин йёр*, ур. — «загон рядом с крестом (рядом с церковью)»; *Крес чой*, гора — «гора у церкви», *Креш шор*, руч. — «ручей у церкви», *Перна ёль*, руч. — «ручей с крестом» [2002, с. 165]. Также следует упомянуть: *Крестовка*, р. и д. — «возможно... (деревня) у перекрестка (р. Печоры)» [Афанасьев, 1996, с. 81], *Кресты*, ур. [Ермакова, Лискевич, 2011, с. 168] и *Пернашор*, руч. — «ручей с намогильным крестом» [Туркин, 1986, с. 88]. Известны еще как минимум три названия: р. *Перна*, руч. *Пернашор* (приток р. *Кывтан*) [ГВР] и р. *Перный-ю* [АК Коми АССР, 1984, с. 47].

Название реки *Крестовка*, по-видимому, дано не коми, а местным русским населением, издавна компактно проживающим в Усть-Цильме и окрестностях. Приведенные выше расшифровки названий, данные рядом авторов, связывающих их с церковью, перекрестком, а также намогильным или нательным крестом, требуют уточнения. На Русском Севере распространен обычай установки обетных крестов в случае тех или иных кризисных ситуаций в жизни человека. Обычай установки крестов, в том числе большими группами, распространен и у коми [Голубкова, 2009, с. 41; Терехин, 1993, с. 206–207]. Обетные кресты нередко маркируются соответствующими топонимами. На *Вашке* известны два *Крестовых ручья* (близ деревень Олема и Карашелье). Оба получили свои названия по расположенным на них крестовым группам [ПМА: Осипова Л.А.]. Географическая и культурная близость этой части Лешуконья к рассматриваемому нами региону позволяет провести определенные параллели. Название *Крестовый ручей* полностью соответствует коми вариантам *Перна ёль*, *Перна шор*, *Креш шор* (также ср. упомянутая выше р. *Крестовка*). Связь данных названий с обетными крестами, установленными на берегах водоемов, представляется более вероятной, чем указанные выше интерпретации. Что касается топонимов, связанных с церковью, то они маркируются апеллятивом *вичко* — «церковь»: *Вичкодор*, ур. [Мусанов, 2002, с. 166]. В качестве подтверждения нашего предположения может выступить название урочища *Кресты* близ коми-ижемского с. Мужы, данное именно по обетному кресту [Ермакова, Лискевич, 2011, с. 168–172]. «Крестовые» названия, как и «святые», нередко относятся к проточным водоемам (ручьям или небольшим речушкам). Большинство групп обетных крестов, исследованных нами на р. *Вашке*, располагались у небольших ручьев, вода из которых считается целебной [ПМА: Осипова Л.А.]. Таким образом, есть основания предполагать связь традиции установки обетных крестов с обычаями «водопочитания».

«Крестовые» названия, связанные со схожими религиозными явлениями, известны и у других финно-угорских народов, например у карел: *Ristupetajat* — «крестовые сосны», *Ristanmagi* — «крестовая гора» (ср. *Крес чой*) и др. [Мамонтова, 1991, с. 107–108]. У русских также известен ныне нежилой поселок *Крестная* в Мезенском р-не Архангельской обл., получивший название по расположенным здесь поклонным крестам [Окладников, 2012, с. 246]. Ныне о данном сакральном локусе напоминают топонимы изба *Крестная* и болото *Крестовое* [Архангельская обл., 2006, с. 7].

Чудь. С чудью связан обширный корпус преданий и верований, распространенных во всем северном регионе. Образ чуди сочетает в себе представления о «колдовском народе» с воспоминаниями о древних насельниках северных краев. По мнению Л.П. Лашука, само понятие чуди было заимствовано коми от русских, однако их отношение к чуди имеет особенности. Так, если у русских в ходу предания о вооруженной борьбе с чудью, то у коми не ощущается столь враждебного отношения, а легендарные святыне места чуди заслуживают почитания [Лашук, 1972, с. 10]. Известны две реки с названием *Чудью* — «река чуди» — притоки рек *Тимшера* и *Ухты* [Афанасьев, 1996, с. 157, 158], а также оз. *Чуддинты* — «озеро в месте, прилегающем к реке *Чудью*» близ первой из рек (*Чудью* — приток *Тимшера*).

В связи с «чудской» проблематикой заслуживает внимания и апеллятив *кар* — «город, городище»: *Важкар*, ур. — «старое городище» [АК Коми АССР, 1984, с. 55], *Карашор*, руч. — «ручей городища» [АК Коми АССР, с. 56], *Карвуджём*, д. — «деревня, расположенная по обе стороны от городища» [Афанасьев, 1996, с. 71], *Каргорт*, д. — «деревня на городище» [Там же], *Кардор*, ур. — «у городища» [АК Коми АССР, с. 55], *Карувшор*, руч. — «нижний ручей городища»

[там же], *Карыбйыв*, д. — «вершина возвышенности с городищем» [Туркин, 1986, с. 43], *Каръяг*, ур. — «бор городища» [Атлас Коми АССР, 1964, с. 107].

Сам по себе апеллатив *кар* к сакральным не относится, однако часто маркирует местоположение старинных городищ, с которыми у местного населения нередко связаны предания и былички. У коми-пермяков известна традиция почитания «древнего народа» (*важ отыр*), или чуди. Обряды производились на «древних местах» (*важ местаэз*) [Грибова, 1964, с. 1], где, по мнению Л.С. Грибовой, в древности располагались языческие святилища [там же, с. 3]. Исследователь также отмечает, что «чудские городища» почитанием не пользуются, однако овеяны множеством местных преданий. Таково, например, городище Курэг-Кар в Кочевском р-не Пермского края [там же, с. 3, 4–5]. О верованиях, связанных с древними городищами у населения Слободского р-на Кировской обл. (в культуре местных жителей заметно влияние удмуртского этнического субстрата) пишет Н.И. Шутова: «...для окрестных жителей городище (Подчуршинское городище. — прим. Д. П.) служило своеобразной сакральной ценностью. С ним связаны многочисленные легенды и предания о богатырях, которые будто бы насыпали его, основали его, жили на нем, зарыли там заветный клад. <...> В XIX в. местные крестьяне боялись ходить по городищу, считая его заветным, заколдованным. На городище стояла часовня. Прежде к этому месту посылали пробежаться в гору ребятишек, чтобы скорее росли» [Шутова и др., 2009, с. 19]. На коми-зырянском материале известна легенда, что д. *Карыбйыв* находится на месте «чудского городища» [Туркин, 1986, с. 43].

Тесно переплетаются с легендами о чуди и народные представления о нечистой силе, отразившиеся в названии урочища *Куль кар* (см. выше) — «чертово городище». Данное название уместно сравнить с московским *Проклятым местом* — городищем железного века [Шилов, 2006, с. 57]. На Русском Севере также наблюдается связь топонимов-меморативов, присвоенных местам древних поселений, с представлениями о чертях и чуди: «Мотив городища, остатков поселения связывает образ черта с образом мифических древних обитателей изучаемой территории — чуди, в структуре которого этот мотив оказывается магистральным. Симптоматично указание одного из вышеприведенных контекстов: “Там какие-то чуди шли, чертяки”» [Березович, 2010, с. 53]. Также топонимия городищ может быть связана с апеллативом *поганый*, что, согласно Е.Л. Березович, может указывать на связь с «объектами культовой языческой деятельности», что выражается в существовании «коррелятивных пар» топонимов: р. *Поганца* — д. *Городецк*; овраг *Поганый Лог* — гора *Городище* (обе — Архангельская обл.) и т.д. [там же, с. 28] (ср. выше мыс *Поганый нос*). Вероятно, у коми мы можем наблюдать схожие тенденции.

Шойна (кладбишö). Коми шойна — «могила, кладбище», этим словом также называют старинные могильники. Кладбище — основное место, связанное с культом предков. А.Г. Мусанов приводит три названия, связанных с кладбищами: *Кладбишшö чой*, гора — «кладбище на горе», *Оградасай вör*, ур. — «лес за оградой (кладбища)», *Шойна яг*, ур. — «сосновый бор с могилами» (Прилузский р-н) [2002, с. 165]. Известны также оз. *Шойнаты*, получившее название по соседнему бору *Шойна яг* [Туркин, 1986, с. 108] в Корткеросском р-не и ур. *Шойна яг* в Сыктывдинском р-не.

Поверья, обычаи и обряды, связанные с захоронениями предков, а также чужими и древними могилами можно отнести к культурным явлениям общечеловеческого характера. В Кочевском районе Пермского края известно культовое место *Важ Шойна* — «старый могильник», почитавшийся и за пределами прилегающих к нему территорий, и южными и северными коми-пермяками. [Грибова, 1964, с. 4, 5]. Здесь будет уместно вспомнить, что с оз. *Шойнаты* связана быличка о проживавшей там чуди и кровавой битве с ее участием [Туркин, 1986, с. 108]. Коми-ижемское происхождение, по всей вероятности, имеет название поселка *Шойна* в Ненецком АО.

В Республике Коми известны и названия ненецкого происхождения, связанные с культом мертвых. Данная группа названий имеет топооснову от нен. *хальмер* — «покойник», и топоформанты коми происхождения: *Хальмервож*, *Хальмеръэль*, *Хальмершор*, *Хальмер-Ю* — обозначают коми географические термины, характеризующие небольшие реки и ручьи [Туркин, 1986, с. 125]. По мнению А.И. Туркина, такое положение вещей связано с размещением ненецких кладбищ на водораздельных возвышенностях [там же]. Отметим также названия горы *Хальмерсале* — «кладбищенский мыс» и берущей на нем исток р. *Хальмеръя* [там же]. А.И. Туркин, приводя расшифровки названий, сближает слово «покойник, мертвец» с понятием «кладбище»: «кладбищенский приток», «кладбищенская речка» и т.п. Т.Д. Слинкина также приводит для *хальмер* значения «покойник; место захоронения», расшифровывая *Хальмер-Ю* как «Река с захоронением» [2011,

с. 45] У А.П. Афанасьева присутствуют наряду с этими варианты «река мертвых», «ручей мертвых» [1996, с. 152]. Можно предположить, что в ряде случаев подобные названия могут быть связаны не с захоронениями, а с представлениями о являющихся живым душах покойников, покинувших место смерти или захоронения. Представления о возможности явления мертвецов в мир живых широко известны в рассматриваемом регионе.

Почитание мест захоронений отразилось и в топонимии и обрядности удмуртов: «Сведения о местоположении удмуртских языческих могильников (*шай*) XVI — начала XIX в. и их почитание как мест захоронения предков были распространены как у северных, так и у южных удмуртов. Даже после прекращения захоронений отношение к таким кладбищам как сакральным объектам сохранялось вплоть до середины XX в.» [Шутова и др., 2009, с. 25]. У вепсов известны урочища с названием *Panad* от *panda* (*maha*) — «хоронить» [Муллонен, 1993, с. 10]. Также к «покойницкой» тематике может относиться часть приведенных выше вепских и карельских названий от *hiz* (*hide*) и *hiisi* соответственно, поскольку одним из значений этих полисемантических терминов является «кладбище» [Мамонтова, 1991, с. 105].

Несколько особняком от рассмотренных выше групп названий стоит топоним *Шудаяг* — «счастливый бор» [Афанасьев, 1996, с. 159]. Название, возможно, связано с определенными свойствами, приписываемыми роще (ср. выше *Худой мост*, *Худой ручей* и т.д.). Также следует упомянуть р. *Парнокаю*, чье название этимологизируют как «ведьмина река» [Там же, с. 121]. Конкретная мотивировка данного названия автору настоящей работы неизвестна, однако связь ее с религиозными верованиями (в случае, если расшифровка верна) несомненна. Подобный гидроним не единичен на финно-угорском материале (ср. р. *Нойда* на Кольском п-ве [ГВР], от саам. *нойд* — шаман, колдун).

Рассмотрим также название р. *Вёрыква* в Княжпогостском р-не Республики Коми. А.П. Афанасьев приводит следующий вариант этимологии топонима: рус. диалектное «ворок, ворак “ограда”, “хлев”, “рыболовный садок”, коми *вёрык*, *вёрёк* “овин”, *ва* “река”, “вода”. Гибридное рус.-коми *Вёрыква* “река — рыболовный садок”, “река, обильная рыбой» [1996, с. 49]. Однако *Вёрыква* в коми мифологии фигурирует как своеобразная участница пантеона. Причем сущность ее, ввиду скудости данных, не вполне ясна. К.Ф. Жаков пишет о ней: «Жители по реке Выми рассказывают, что они и теперь, когда приезжают на реку или на озеро для рыбной ловли, намазывают кусок хлеба маслом и бросают его в воду со словами: Вёрык-ва матушка, носи нас здоровыми, смотри за нами, храни нас и дай нам много рыб, добычу на целую лодку» [1901]. По мнению К.Ф. Жакова, здесь отразился обычай жертвоприношения самой воде, а не водяному, а имя может расшифровываться как «лесная вода» (коми *вёрысь* — «из лесу») [Там же]. П.Ф. Лимеров также приводит рассказ о жертвоприношении «Лесу-воде» (*Вёр валы*), предполагая, что это имя могло относиться к Богине Матери, чей образ размылся и почти исчез из коми фольклора [2009, с. 192]. Вероятно, именно этот персонаж коми мифологии дал имя реке в Княжпогостском районе.

Переходя к выводам исследования, стоит отметить, что сакральная топонимия коми наглядно иллюстрирует широкую распространенность и важность представлений о «святой» воде. Данный аспект народной религии коми имеет множество параллелей у соседних и родственных народов. Особенностью коми является тяготение «святых» названий к проточным водоемам. Достаточно широко отражен в топонимии культ обетных крестов, до сих пор занимающий заметное место в быту не только коми, но и прочих сельских жителей Русского Севера. Коми топонимия запечатлела таких мифологических персонажей, как Ен, Вёрыква, чудь и куль (черт, бес, нечисть). При этом можно отметить разительно меньшее, чем у многих соседних народов, количество названий, связанных с «нечистой» силой. Эта картина может измениться в результате более масштабного привлечения в будущих исследованиях микротопонимического материала. Напротив, народные представления о святости выражены в топонимии достаточно заметно. Однако, интерпретируя собранный материал, необходимо учитывать «амбивалентность сакрального» (подробнее см. выше), нередко присущую народному взгляду на святые объекты. Нашел заметное отражение в географических названиях от слов «могильник», «кладбище» и «покойник» культ мертвых местного коми и ненецкого населения, что также характерно для северного региона в целом. Кроме того, топонимия несет в себе народную память о старых и/или иноэтничных языческих культовых местах. В свете вышесказанного не будет преувеличением утверждать, что сакральная топонимия является полноправным источником информации о духовной культуре народа коми и его соседей и что, в свою очередь, в исследованиях по то-

Сакральная топонимия Республики Коми и ее параллели в географических названиях...

понимии Республики Коми (как это особенно наглядно видно на примере р. *Ворыква*) должны приниматься во внимание верования местного населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- АК Коми АССР — Аннотированный список археологических памятников Коми АССР // Археологическая карта Коми АССР. М.: Наука, 1984. 127 с.
- Архангельская обл. — Архангельская область/Ненецкий автономный округ. Общегеографический атлас. Карта масштаба 1 : 500 000. М.: ФГУП «439 ЦЭВКФ» МО РФ, 2006.
- Атлас Коми АССР — Список археологических памятников Коми АССР (на 1961 год) // Атлас Коми Автономной Советской Социалистической республики / Глав. упр. геодезии и картографии. М., 1964.
- Афанасьев А.П. Топонимия Республики Коми. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996. 207 с.
- ГВР — Государственный водный реестр РФ [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://textual.ru/gvr/>.
- Матвеев А.К. Географические названия Урала: Топонимический словарь. Екатеринбург: Сократ, 2008. 352 с.
- Мусанов А.Г. Словарь географических названий Прилузья. Сыктывкар: ГУ Редакция журнала «Арт», 2007. 104 с.
- ПМА — По материалам автора. Дневник Северно-русской этнографической экспедиции МГУ лета 2010 г. Информанты: Опарина Мария Федоровна, 1938 г.р., д. Чуласа Лешуконского р-на Архангельской обл.; Осипова Людмила Александровна, 1927 г.р., д. Олема Лешуконского р-на Архангельской обл.
- Туркин А.И. Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1986. 144 с.

Литература

- Айхенвальд А.Ю., Петрухин В.Я., Хелимский Е.А. К реконструкции мифологических представлений финно-угорских народов // Балто-славянские исследования. 1981. М.: Наука, 1982. С. 162–192.
- Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Мифопоэтический образ пространства. М.: КомКнига, 2010. 240 с.
- Власова Д.Д. Топонимы, отражающие религиозные представления кондинских манси // Вопр. ономастики: Собственные имена в системе языка. Свердловск: УрГУ, 1980. С. 57–63.
- Голубкова О.В. Душа и природа: Этнокультурные традиции славян и финно-угров. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 304 с.
- Грибова Л.С. Культ «древних» у коми-пермяков. М.: Наука, 1964. 9 с.
- Дмитриева Т.Н. Топонимия бассейна реки Казым. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. 508 с.
- Ермакова Е.Е., Лискевич Н.А. Сакральная география ижемцев Нижнего Приобья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 1 (14). С. 168–176.
- Жаков К.Ф. Языческое мирозерцание зырян [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://foto11.com/коми/ethnography/>. Источник: Науч. обозрение. СПб., 1901. № 3. С. 68–84.
- Иванов В.В., Топоров В.Н. Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян // Вопр. этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М.: Наука, 1976. С. 109–128.
- Иванова А.А., Калуцков В.Н., Фадеева Л.В. Святые места в культурном ландшафте Пинежья. М.: ОГИ, 2009. 512 с.
- Камалов А.А. Башкирская топонимия. Уфа: Китап, 1994. 301 с.
- Квашнин Ю.Н. Коми топонимия на севере Западной Сибири: К вопросу о границах расселения коми-ижемцев // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 1 (14). С. 154–161.
- Кириллова Л.Е. Микротопонимия бассейна Валы: (В типологическом освещении). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. 318 с.
- Лашук Л.П. Формирование народности коми. М.: Изд-во МГУ, 1972. 290 с.
- Лимеров П.Ф. Образ богини-матери в мифологии коми: К проблеме реконструкции // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. С. 184–200. (Гуманитарные исследования; Вып. 2).
- Мамонтова Н.Н. Отражение религиозных представлений и древних верований в топонимии Карелии // Номинация в ономастике. Свердловск: Изд. УрГУ, 1991. С. 102–110.
- Муллонен И.И. О «святых» топонимах и некоторых следах древних верований в вепсской топонимии // Родные сердцу имена: (Ономастика Карелии). Петрозаводск, 1993. С. 5–11.
- Мусанов А.Г. Отражение религиозных верований, легенд и преданий в коми топонимии // Коми-зырянская культура XX века и финно-угорский мир. Сыктывкар, 2002. С. 164–167.
- Окладников Н.А. Мезенские деревни: Исторические очерки. Архангельск: Правда Севера, 2012. 370 с.
- Поспелов Е.М. Географические названия Московской области: Топонимический словарь. М.: АСТ: Астрель, 2007. 600, [8] с.

Д.Д. Петров

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1994 (репринт изд. 1981 г.). 609 с.

Слинкина Т.Д. Мансийские оронимы Урала. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2011. 480 с.

Теребихин Н.М. Сакральная география Русского Севера: Религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры. Архангельск: Изд-во Помор. педуниверситета, 1993. 220 с.

Тяботов М.А. Об отражении в топонимии религиозных и мифологических представлений ханты // Номинация в ономастике. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991. С. 111–125.

Шилов А.Л. Топонимические свидетельства языческого прошлого Москвы // Вопр. ономастики. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2006. № 3. С. 52–64.

Шутова Н.И., Капитонов В.И., Кириллова Л.Е., Останина Т.И. Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона / Науч. ред. Н.И. Шутова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2009. 244 с.

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
buh1@yandex.ru*

The article considers reflection of folk religion among residents of Komi Republic in a system of geographical names (natural objects, settlements, as well as places with left traces of ancient population). Subject to information sources being data of State Water Register of Russian Federation, toponymy glossaries, lists of archaeological sites, and field materials by the author. The obtained picture being correlated with sacral toponymy of neighbouring and kin peoples. Basing on the investigated material, the author draws conclusions on certain aspects of beliefs with Komi-Zyryans.

Komi Republic, Komi, toponymy, onomastics, holy places, folk religion, sacral geography.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И ФОРМИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО МАГИКО-МЕДИЦИНСКОГО ОПЫТА В ПРАКТИКЕ НАРОДНОГО ЦЕЛИТЕЛЬСТВА

В.Я. Темплинг

На основе концепта «жизненный путь» анализируются частные случаи складывания целительского опыта, раскрывается механизм его формирования, формулируется идея о дисперсном существовании магико-медицинских знаний как об условии их сохранения во времени.

Народная медицина, целительство, магико-медицинский опыт, знахари, жизненный путь.

Народная медицина — настолько многогранное явление, что исследовать все ее стороны даже в объемных трудах представляется делом весьма сложным, требующим усилий ученых многих специальностей: этнографии, фольклористики, истории, естественно-научных дисциплин, медицины. За рамки компетенции автора статьи выходят, в частности, вопросы оценки — положительной или отрицательной — применяемых в народной медицине средств и способов лечения, их практической эффективности, определения истинности или ложности тех или иных знаний. Основное внимание сосредоточено на выявлении зависимостей между событиями, разворачивающимися в жизни информанта, формированием магической части и индивидуальными особенностями его лечебного опыта.

В современном российском целительстве распространены самые разнообразные практики, в том числе весьма экзотичные, импортированные из других культур. Рассуждая о различиях между отечественной магико-медицинской практикой и современным целительством, В.И. Харитонова говорила о различном базисе этих практик. Первая из них основывается на «собственном этнокультурном многовековом традиционном опыте», а другая «склонна пользоваться методами и способами чужих традиционных практик». Исследователь также обращала внимание на возможное негативное воздействие на организм человека чужеродных элементов [Харитонова, 1995, с. 27]. В связи с этим важным является исследование традиционного народного целительского опыта сквозь призму индивидуального опыта, не искаженного новомодными экзерсисами.

Личностный подход к изучению народного медицинского опыта впервые системно применила В.И. Харитонова. Преследуя цель максимально объективного описания заговорно-заклинательного акта как целостного действия, она выделила несколько типов носителей традиционных знаний (в данном случае магико-медицинских) [Харитонова, 1993]. Уникальный характер имеет использование Е.Е. Ермаковой личностно-ориентированного подхода при публикации полевых материалов конца XX — начала XIX в. [2005]. Она же впервые указала на стадийность в приобщении информантов к магико-медицинской практике, выделив период детства и момент материнства [Ермакова, 2008, с. 17–18]. К биографическим аспектам носителей сакрального знания обратились в последние годы и этнографы [Мазалова, 2011; Публичук, Топорков, 2012].

Одним из основных критериев, использованных В.И. Харитоновой при типологизации носителей традиции, являлось качество владения магическими текстами. Нас же будет интересовать не этот критерий, не богатство и разнообразие репертуара и выразительных форм, а то, как складывался опыт, т.е. темпоральный аспект формирования магико-медицинского багажа: под влиянием каких обстоятельств это происходило; в чем проявлялись зависимости; чем мотивировались инкорпорации новых знаний, каковы были источники; каково соотношение традиции, транслируемой внутри семьи, благоприобретенной внешней и личной. Представляется, что ответы на поставленные вопросы требуют смены аналитического ракурса. Наиболее продуктивным для решения задачи может быть использование не просто биографического метода, а концепта «жизненного пути», позволяющего рассматривать личную историю человека/целителя в динамике.

В современной психологии под жизненным путем понимается «последовательность событий жизни человека, его формирование как личности и субъекта деятельности в конкретном социальном и историческом контексте» [Гришина, 2007, с. 81]. Важно отметить, что событие — это не

просто свершившийся и застывший факт в жизни человека, но своеобразная площадка, на которой разворачивается действие. Факт болезни, смерти или жизненной неудачи порождает целый спектр последствий. Это и эмоции, и размышления, и поиск оптимальных решений, и активизация целевых коммуникаций, и, безусловно, действия. На протяжении всей жизни человеку постоянно приходится соотносить себя со множеством социальных условий, форм и структур жизни, ее явных и скрытых принципов и механизмов, определяя свою траекторию движения в них. С принятием того или иного решения в определенной ситуации человек сам определяет на более или менее длительный период дальнейший жизненный путь [Абульханова-Славская, 1991, с. 17]. В этом смысле субъектом своей жизни можно быть в разной степени — от фактического отсутствия в выстраивании жизненного пути, ограниченного адаптацией к существующим обстоятельствам, до способности создавать свой жизненный мир. В условиях аграрного общества (а все наши информанты сельские жители) и тоталитарного политического режима возможности для построения своего жизненного мира, конечно, были ограничены. Тип разворачивания их жизненного пути ближе к адаптивному. Но и в этом случае приспособление к наличным обстоятельствам и ситуациям имеет индивидуальные особенности.

За годы полевых исследований нам приходилось встречаться с большим числом информантов, как правило, женщин, которые в той или иной степени занимались лечебной практикой. Более того, наш опыт общения позволяет утверждать, что почти каждая женщина является носителем хотя бы минимальных лечебных знаний, не только рационально-практических, но и магических. Именно женщины являются основными хранительницами традиций, обычаев и, безусловно, врачебных знаний. При этом целительство — не главное их занятие, обращение к этой практике диктуется определенными, совершенно конкретными запросами, обстоятельствами жизни. Но именно они обеспечивают непрерывное броуновское движение знаний, не дают им прерваться вместе со смертью какого-нибудь целителя. Это они в трудный жизненный момент подскажут соседке или родственнице, что нужно делать, если ребенок беспокойный, не спит. Или расскажут, как они сами лечили своих детей, поделятся опытом общения с N, известной знахаркой. Вспомнят, чему учили их мама или бабушка. Сюжеты о колдунах, знахарях, чудесных исцелениях — излюбленные темы неторопливых деревенских бесед, в которых активное участие принимают все присутствующие [Темплинг, 2005а, с. 20, 25–28]. Опыт каждой из них индивидуален и одновременно в чем-то универсален.

Статья посвящена описанию магиико-медицинского опыта Зои Никаноровны Т. и Таисии Савельевны К. Двух обычных представительниц сибирского сельского социума, в жизни которых целительство — не главный вид деятельности. Встреча с Зоей Никаноровной состоялась летом 1992 г. в старинном притрактовом селе под Тюменью. Судьба этого человека обычна и даже заурядна. Родилась Зоя Никаноровна в 1921 г. в д. Дроновой Заводоуковского района в обычной небогатой, но по-сибирски крепкой крестьянской семье. В родительском хозяйстве было два коня, двухлемешной плуг, куклеотборник для сортировки зерна, молотилка. Отец вернулся инвалидом после Первой мировой войны и не мог работать в поле, поэтому нанимали двух работников. Умер он рано, когда Зое было всего 6 лет, как раз накануне коллективизации, что, может быть, и спасло семью от раскулачивания. Далее — все как у многих советских женщин поколения 1920-х гг.: начальная школа, ранняя, с 13 лет, тяжелая работа в колхозе за бесплатные трудодни. В 16 лет — первое замужество, первый ребенок, недолгая семейная жизнь, прерванная войной, на которой муж погиб. Второго ребенка он уже не увидел. Затем последовало второе замужество. Детей приходилось поднимать в очень тяжелых условиях военного времени. От работы никто не освобождал, сидеть с детьми не разрешалось, они часто болели, полноценного питания не было. Один из сыновей, Иван, болел рахитом и не ходил до трех лет. И в дальнейшем судьба к Зое Никаноровне не была благосклонной. Самая страшная для любой матери боль — несвоевременная кончина сына — дополнилась тяжелой неизлечимой болезнью дочери.

Таким образом, три ключевых жизненных момента (события) предопределили специфику небольшого магиико-медицинского багажа Зои Никаноровны: болезни детей; тяжелейшие условия военного и послевоенного времени, на которое пришлось их становление; безвременный уход из жизни сына. Всего было записано 10 текстов: пять из них — от детских болезней, три — от тоски и два хозяйственных. Беседа с Зоей Никаноровной оказалась уникальной еще и в том отношении, что в ней раскрывается темпоральный аспект формирования заговорного репертуара информанта.

Жизненный путь и формирование индивидуального магико-медицинского опыта в практике...

Первые магические тексты, с которыми вынужденно познакомилась в своей жизни Зоя Никаноровна, закономерно были от детских болезней. Репертуар их обычный: от «куриного рева» (когда ребенок ночью не спит), «от щекотухи», от испугов и уроков, «собачьей старости» (рахита). К этой группе условно можно отнести и заговор от «чирья и любой боли». Во время беседы он упоминался в контексте детских заболеваний. Источник этих заговоров — бабушка Агафья Петровна, которая помогала внучке пестовать детей, передавала ей свой опыт и знания: «Если ребенок с вечера уснет, а ночью не спит. Надо носить ребенка под куриное седло (где курицы сидят ночью), когда курицы уже сидят на седле. Это я от своей бабушки научилась Агафьи Петровны. У нас ведь больница в 20 километрах была — не набегаешься, такие заговоры все женщины знали» [Темплинг, 2005б, с. 133–134].

Один из текстов (заговора от испугов и уроков) Зоя Никаноровна получила от бабушки-соседки: «Если на ребенке боязнь. Когда ребенку было 5 лет, уснул на губчике, спал и закричал “боюс, боюс”, я его разбудила, за стол посадила, а он все кричит. Я тогда не знала [к] Ефросинье Андроновне [пошла] у нее жили платники на квартире, она и научила». А лечить рахит («собачью старость») ее научила свекровь [Там же, с. 132, 133].

Как видим, это не специфические знания, это — необходимый минимальный объем сведений, входивший в орбиту интересов информанта под давлением внешних обстоятельств, который давал возможность поддерживать здоровье младенца в ситуации неясной этиологии заболевания и отсутствия врачебной помощи. Именно поэтому знахарки часто делятся ими с молодыми мамами [Ермакова, 2008, с. 13]. Об этом же говорила и наша собеседница: «такие заговоры все женщины знали».

Заговор от тоски вошел в круг знаний Зои Никаноровны уже в зрелом возрасте, после смерти сына. Это произошло здесь, под Тюменью, куда переехали жить и трудиться дети. Источником магической информации в данном случае выступает «здешняя старушка», которая в тяжелейший момент жизни пришла на помощь безутешной матери.

Цикл хозяйственных заговоров представляет собой тот же минимально необходимый набор знаний, касающийся жизненно важных для любой крестьянской семьи элементов хозяйства, которыми еще могли распоряжаться советские крестьяне с позволения властей: коровы-кормилицы и куриц. Это фундамент личного подсобного хозяйства, часто — единственный источник доступных продуктов питания. Значимость коровы для советской крестьянки отразилась в рассуждениях Зои Никаноровны о «великих грехах», среди которых грех «забирать у коровы молоко» стоит на втором месте после греха покушения на жизнь плода в утробе матери: «Великий грех: ребеночка из живота женщины забирать — душу губить, и второй грех — у коровы молоко забирать. А третий грех не помню. Ведь это плохо — хозяин безвинно корову сгубит из-за молока» [Темплинг, 2005б, с. 134–135]. Это соотношение отражает жизненную реальность. В условиях полунатурального хозяйства советской колхозной деревни, в годы войны, когда у крестьян изымалось почти все, корова была опорой семьи, без которой выжить и поднять детей было просто невозможно.

Зоя Никаноровна не является профессиональной целительницей. Она не трудится целенаправленно над расширением своих знаний в этой сфере, не рефлексировала по поводу механизмов воздействия на пациента: «помогает что-то», — заключает коротко информант. Она не охраняет ревниво свои знания. Несмотря на то, что беседа проходила без посторонних лиц, в отдельной комнате (Зоя Никаноровна, выросшая в деревне, так и не смогла привыкнуть к жизни в каменном доме, поэтому специально для нее был сделан деревянный пристрой), при обсуждении возможности публикации текстов она с готовностью выразила согласие и полагала даже, что это необходимо, так как кому-нибудь ее знания помогут. В этом отношении она осталась верна традиции: бескорыстно помогая родным и соседям, она готова делиться своим опытом в назидание и помощь всему миру.

Не занималась профессионально лечением и другая наша героиня — Таисия Савельевна К., жительница с. Червишево Тюменского района. Летом 2007 г. в распоряжение автора попала небольшая коллекция рукописей, принадлежавших ей. С информантом мне приходилось встречаться неоднократно, но в силу свойств характера близких и доверительных бесед не получалось. Т.С. принадлежала к той породе сибиряков, путь к внутреннему миру которых занимает немалое время. Поэтому основным источником при характеристике жизненного пути Таисии Савельевны являлись сведения, не только почерпнутые из личных бесед, но и сообщенные ее близкими родственниками, а также материалы коллекции. Возможно, особенности ее характера формировались под влиянием

не только жизненных тягот, коих выпало немало на долю советских женщин ее поколения, но и старообрядческих корней. В этом смысле судьба Таисии Савельевны — еще один пример типичной судьбы советской сибирской крестьянки, пережившей ужасы войн, коллективизации, репрессий.

Родилась Т.С. в 1913 г. в Исетском районе, была первым ребенком в семье, кроме нее было еще семеро. Жили хорошо, добротой и даже зажиточно. Итог — закономерный для советской эпохи: раскулачивание. По семейным рассказам, дети были разлучены с родителями, отец — Савва Афанасьевич Вешкурцев¹ — расстрелян в 1938 г. Мать умерла при родах. Так получилось, что Т.С. пришлось поднимать своих братьев и сестер. Замуж вышла в с. Онохино. Однако счастливая семейная жизнь не удалась. С первым мужем расстались из-за сложных отношений со свекровью. Инициатором развода была сама Т.С. Не склонная к компромиссам, она не прощала обид, отношения рвала раз и навсегда. Второй муж умер рано, оставив на руках Т.С. двух малолетних сыновей. Вся оставшаяся жизнь прошла в трудах и заботах о благополучии детей и внуков. Дети получили высшее образование, но и у них не всегда ладилась семейная жизнь. Много переживаний было связано со старшим любимым внуком, который в лихие 1990-е гг. не ладил с законом и несколько лет провел в местах лишения свободы. Пришлось пережить нашей героине и самую страшную материнскую трагедию — раннюю смерть старшего сына. Умер он в возрасте 40 лет от рака. Жизненный путь и его перипетии, без сомнения, отразились на характере Т.С. От природы крепкая, физически сильная, волевая, она была немного замкнутая, недоверчивая, трудно сходилась с людьми, иногда — суровая и непримиримая, всю жизнь беспрестанно и много трудившаяся, немногословная, не склонная к сантиментам.

Таким образом, раскулачивание, потеря родителей, несчастливая личная жизнь, проблемы в семейной жизни сыновей, внуков, натянутые отношения с сыном в последние годы жизни, совпавшие с тяжелыми годами перестройки и «дикого» капитализма, преждевременная смерть старшего сына — вот тот фон, на котором формировался индивидуальный магический опыт Т.С. И он в полной мере отражает особенности жизненного пути и характера нашей собеседницы. Об этом ярко свидетельствует репертуар магических текстов.

Всего коллекция рукописей насчитывает 30 документов пяти почерков, в которых зафиксировано 53 текста. Подавляющая часть из них (44 из 53) принадлежит руке Т.С. Сразу бросается в глаза обилие магических формул охранительного направления. В общей массе таких текстов насчитывается 17. Наряду с традиционными оберегающими формулами «от врагов», «от опасности», «чтобы неоколдовали (в другом варианте — не испортили) огород», значительную часть составляют молитвы (разной сохранности), в том числе «Воскресная молитва» (псалом 90), «Пресвятая Богородица, заступница небесная...». К этой же группе можно причислить 8 текстов полифункционального «Сна богородицы» (из них только три принадлежит руке Т.С.). К сфере регулирования человеческих отношений можно отнести и семейные заговоры («чтоб мир был в семье», наговор на чай, присушку «как дитя не может...», «если дома у вас скандалы») и такие, редко встречающиеся, как «на суд», «на украденную вещь», «кто обидит». Таким образом, в коллекции имеется 27 магических формул (66 %!), направленных на поддержание социального здоровья человека. Лечебные же тексты занимают весьма скромное место, их насчитывается всего 12 (из них 10 записаны Т.С.).

Если говорить о собственно лечебных навыках Т.С., то, по-видимому, они были не очень обширными и в основном ограничивались знаниями методов лечения общераспространенных заболеваний. Лечила она своих внуков и деревенских детей. Знания передала младшему внуку 1975 г.р., который одно время успешно практиковал.

Весьма интересно проследить источники магических знаний Т.С. Сейчас уже нельзя доподлинно узнать, какие тексты, когда именно и от кого вошли в магический обиход Т.С., но одно несомненно: часть из них была почерпнута из публикаций, в обилии выплеснувшихся на прилавки книжных магазинов в 80–90-е гг. XX в. Доказательства этому есть здесь же, в материалах коллекции. В ней сохранились вырезки из газет, журналов, календарей с рецептами, текстами заговоров. В обычную ученическую тетрадь, озаглавленную «Варить и жарить», содержащую рецепты приготовления блюд и несколько магических формул, вложены вырезки из газет, настенного календаря и неизвестного сборника магических сведений. Листки отрывных календа-

¹ Вешкурцев Савва Афанасьевич, 1891 г.р., д. Таловка Исетского р-на. Сторож Онохинского леспромхоза. Арестован 3 июня 1938 г. Осужден «тройкой» Омского УНКВД 11 июня 1938 г. Расстрелян в Тюмени 16 июня 1938 г. Реабилитирован 7 августа 1989 г. См.: [Книга расстрелянных..., 1999, с. 39]. Расхождение в именовании отца и отчества нередкое для отечественной учетной системы явление.

рей датируются 1983 и 1984 гг. (18 мая, 16 и 29 октября) и объединены сюжетами рубрики «Строки любви». Прямого отношения к магическому опыту они не имеют, но значимы с точки зрения характеристики внутреннего мира нашей героини, тех проблем, которые ее волновали. Главная из них — натянутые отношения с младшим сыном, обладателем весьма сложного характера, отсутствие теплоты во внутрисемейных отношениях.

Вырезка из газеты «Труд» с публикацией текста заговора фурункула, присланного читательницей, датируется рубежом 1980-х — 1990-х гг. И наконец, небезынтересно содержание фрагмента из сборника магических сведений. Он представлен двумя страницами — 175 и 176, с наговорами и описанием ритуалов: лечения перхоти, «чтоб зубы перестали крошиться», «заговорить больное нутро», «зелье жизни (это тайное зелье жизни колдунов)», «наказать убийцу», «наказание на обидчика».

В группу лечебных входят широко известные тексты заговоров как от детских болезней: грыжи (два текста), испуга (родимца), так и от вневозрастных («от укуса змеи», на кровь, лечение фурункула). Особенностью этого сектора в репертуаре заговоров Таисии Савельевны является относительно высокая доля текстов, применяемых в лечении взрослых. Например, это заговоры от бессонницы, от паралича (два текста), «чтобы зубы перестали крошиться», «лечить рак». Тематический набор довольно типичен, а источники поступления формул, по-видимому, множественны. Наличие нескольких текстуально различных заговоров от одной и той же болезни явно свидетельствует о разных источниках их поступления. Некоторую специфичность сообщают ему тексты заговоров от паралича и от рака. Но их присутствие вполне объяснимо: старший сын Таисии Савельевны был болен этой страшной болезнью, а сама Т.С. — человек замкнутый — предпочитала скрывать свои эмоции, что приводило ко временным частичным затруднениям в движениях.

Знания наших собеседниц представляют собой ту часть народного лечебного опыта, который условно можно назвать бытовым (или обыденным), в смысле общеизвестности, распространенности, доступности и повседневной практируемости среди основной массы жителей деревни [Бромлей, Воронов, 1976, с. 6–8]. Репертуар знаний формировался, как видим, под воздействием личных жизненных обстоятельств, и в этом его уникальность. Если бы линия судьбы Зои Никаноровны была другой, то, быть может, мы не услышали бы из ее уст наговора от тоски, возможны были бы и другие вариации. Пониженная социальная адаптивность, по-видимому, определила и своеобразие магического репертуара Таисии Савельевны К. Наши собеседницы были ограничены в выборе вариантов построения своего жизненного пути. Они не стояли перед выбором — выходить замуж и создавать семью или получать образование. Таисии Савельевне, кроме того что происходила она из «неблагополучной» по советским меркам семьи, пришлось участвовать в судьбе своих младших братьев и сестер. Зоя Никаноровна — уже «продукт» советской колхозной системы, вырваться из которой было не так просто. Но как выстроить семейные отношения — это уже всецело зависело от индивидуальной стратегии поведения, умения налаживать отношения с близкими людьми. Второе замужество Зои Никаноровны было более или менее благополучным, а вот Таисия Савельевна большую часть своей жизни так и провела в одиночестве, посвятив себя детям, и понятны ее переживания по поводу сложных отношений с младшим сыном.

Отношение к происходящим событиям тоже сугубо индивидуально по своей сущности. Обеим нашим героиням пришлось пережить одну и ту же материнскую трагедию. Но если уход из жизни сына спровоцировал в Зое Никаноровне глубокую печаль («тоску»), то Таисия Савельевна, безусловно тяжело переживавшая смерть сына, склонна была видеть причины жизненных неурядиц вовне. Репертуар зафиксированных магических текстов свидетельствует о явных различиях в локализации проблемных для наших информантов зон. Безусловно, что центральной для обеих являлась тема детей, их здоровья и благополучия. Однако проблемная модальность была различной для каждой из них. Для Зои Никаноровны — это физическое здоровье маленьких детей, для Таисии Савельевны — скорее социальное здоровье и благополучие детей, но уже взрослых. Всеми силами она старалась оградить своих детей от бед, переписывала сама обереги, привлекала к этому свою сноху, апокриф «Сон богородицы» вшивала в одежду, головные уборы. Тем не менее наблюдения над механизмом формирования, условно говоря, «врачебного» сектора знаний Зои Никаноровны Т. и Таисии Савельевны К. позволяют сделать вывод о некоторых закономерностях, характеризующих механизмы функционирования магических знаний в народной культуре, обеспечивающих непрерывность трансляции знания от одного поколения к другому.

Суть этого механизма сводится к тому, что знания как бы растворены в народном сознании. При их дисперсном существовании каждый человек представляет собой атомарную единицу, своеобразную ячейку коллективного мозга, в которой хранится какая-то часть информации, в данном случае лечебной. «Конфигурация» знаний в отдельной такой ячейке (т.е. индивидуальный опыт) всецело зависит от человека, его жизненного опыта, разворачивания жизненного пути, включенности в социальные процессы, приоритетов, ценностей и, конечно, способностей. Знания не статичны, они существуют в движении, постоянно перетекают из одной ячейки в другую, дополняются новой информацией, обновляются. События (болезни, жизненные ситуации) создают предпосылки, формируют мотивацию для инкорпорации в жизненный/лекарский опыт человека новых знаний. Материалы исследований также свидетельствуют о том, что в подавляющем числе случаев источники, из которых черпали знания знахари, множественны. Это можно считать доказанным как на историческом, так и на современном материале [Темплинг, 2010, с. 186–187; Ермакова, 2005]. Характер применения этих знаний весьма различен. Для одних пользователей такие знания актуализируются только в кризисные моменты и в дальнейшем за ненадобностью либо не пополняются, либо постепенно совсем забываются. Для других они составляют важную, но отнюдь не определяющую часть жизни, и лишь некоторые способны аккумулировать в себе значительный объем информации, который и определяет их образ жизни. Но это уже иной объем знаний, иное отношение к ним, иной характер использования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 302 с.
- Бромлей Ю.В., Воронов А.А. Народная медицина как предмет этнографических исследований // СЭ. 1976. № 5. С. 3–18.
- Гришина Н.В. Психология жизненного пути // Психологический журн. Т. 28, № 5. 2007. С. 81–88.
- Ермакова Е.Е. Сибирская заговорная традиция (конец XX — начало XXI вв.): В 2 т. Тюмень: Издатель Пашкин, 2005. Т. 1. 204 с.; Т. 2. 380 с.
- Ермакова Е.Е. Заговорно-заклинательная традиция Тюменской области: (Тексты заговоров в записях 1980–2000-х годов). М.: ИЭА РАН, 2008. 394 с.
- Книга расстрелянных: Мартиролог погибших от руки НКВД в годы большого террора (Тюменская область): В 2 т. Т. 1. / Сост. Р.С. Гольдберг. Тюмень: Тюменский курьер, 1999. 512 с.
- Мазалова Н.Е. Этнографические аспекты изучения личности «знающего» (XIX — начало XXI в.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011. 304 с.
- Публичук Е.В., Топорков А.Л. «Где-то что-то есть»: Знахарка из Андомы о жизни, о вере и об опыте целительства // О своей земле, своей вере, настоящим и пережитом в России XX–XXI вв.: (К изучению биографического и религиозного нарратива) / Под ред. Е.Б. Смилянковой. М.: Индрик, 2012. С. 233–260.
- Темплинг В.Я. «Военная тайна» краеведения // Лукич. 2005а. № 1. С. 19–34.
- Темплинг В.Я. Индивидуальный магиико-медицинский опыт: (К характеристике вертикальной структуры традиционной народной медицины) // Культурное пространство региона: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., 14–15 апр. 2005. Тюмень: Мандр и Ка, 2005б. С. 127–135.
- Темплинг В.Я. Сельские врачеватели в сибирском социуме // Живая традиция заговора Сибири: Сакрально-ритуальный дискурс знахарской практики. СПб.: Алетейя, 2010. С. 174–199.
- Харитонова В.И. Заговорно-заклинательный акт в народной культуре восточных славян // ЭО. 1993. № 4. С. 91–106.
- Харитонова В.И. Традиционная магиико-медицинская практика и современное народное целительство: к проблеме воздействия на реципиента // В.И. Харитонова. Традиционная магиико-медицинская практика и современное целительство: Статьи и материалы. М., 1995. С. 27–54.

Тюмень, ИПОС СО РАН,
templ@mail.ru

Basing on the «course of life» concept, subject to analysis being special cases regarding development of healing experience, disclosing mechanism of its shaping. The author gives an idea of dispersion existence of magic-and-medical knowledge as a condition of its existence in time.

Folk medicine, healing, magic-and-medical experience, healers, course of life.

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

АРХЕОБОТАНИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСАДА СТАРОТУРУХАНСКОГО ГОРОДИЩА

О.М. Корона*, М.А. Рудковская**

Проведен палеокарпологический анализ образцов почвы из раскопа № 1, расположенного на посаде Старотуруханского городища. Исследование позволило охарактеризовать состав растительности бассейна р. Турухан до освоения этой территории русским населением, определить степень воздействия антропогенного фактора на флору на протяжении XVII — начала XVIII в. Исследованы возможности растениеводства жителей Туруханска-Новой Мангазеи и роль в хозяйстве местных растительных ресурсов.

Старотуруханское городище, город Туруханск, город Новая Мангазея, XVII в., начало XVIII в., палеокарпологический метод.

Введение

Старотуруханское городище расположено на левом берегу р. Турухан в 5 км от впадения ее в протоку р. Енисей, на левобережном высоком останце протоки Шар. В 1604 г. (1607 г.) на этом месте было основано первое русское зимовье в низовьях Енисея. Поселению в 1672 г. придали статус уездного города — центра Мангазейского уезда, сменившего в этой роли старую Мангазею.

Заселяя новые территории, человек не только приспосабливается к природно-климатическим условиям, но в той или иной степени изменяет их в соответствии со своими нуждами. Одной из задач данного исследования является изучение растительности Старотуруханского городища и ее изменения в результате антропогенного влияния на протяжении XVII — начала XVIII в.

Традиционная русская культура — земледельческая; в процессе адаптации к суровым условиям приарктической зоны население смогло увеличить в пищевом рационе долю рыбно-мясного компонента, но полностью отказаться от растительной пищи, и особенно от хлеба, было невозможно. Именно поэтому одной из насущных проблем сибирской колонизации являлись поиски благоприятных мест для пашни. Приполярные территории изначально непригодны для земледелия: нет плодородных земель и слишком короток период положительных температур для вегетации растений. Первая проблема со временем разрешается благодаря активному развитию придомового скотоводства. В современной деревне Старо-Туруханск, расположенной на территории памятника — на земле, интенсивно унавоженной за четыре века, процветает огородничество. Ответ на вопрос, насколько было развито земледелие у жителей Туруханска XVII — начала XVIII в., представляет вторую задачу настоящего исследования. И наконец, еще одна задача, тесно связанная с предыдущей, — выяснение интенсивности использования местных растительных ресурсов населением Туруханского ясачного зимовья — города Новая Мангазея.

Методика исследования

В ходе археологических раскопок Старотуруханского городища в 2011 г. из культурного слоя памятника был отобран материал для палеокарпологического анализа: 6 образцов из почвенной колонки (табл. 1) и 11 образцов из разных участков раскопа, содержащих растительные остатки. В данной статье представлены результаты анализа почвенной колонки, характеризующие состав растительности в хронологической перспективе исследуемого периода.

Материал просеивали и просматривали на колонке сит (минимальный диаметр ячейки 0,25 мм). Отобранные макроостатки анализировались с использованием эталонных коллекций плодов и семян ИЭРИЖ УрО РАН и определителей [Доброхотов, 1961; Кац и др., 1965; Ленков, 1931]. Макроостатки — это плоды, семена, и другие поддающиеся морфологическому определению остатки растений (хвоинки, укороченные побеги, чешуи шишек и целые шишки хвойных

растений, побеги листостебельных мхов, мелкие листочки вересковых, берез и других мелколистных растений) [Никитин, 1969].

Результаты палеокарпологического анализа представлены в табл.

Видовой состав и количество растительных макроостатков из образцов культурного слоя Старотуруханского городища. 2011 г., кв. Г5/1, южная стена раскопа

Номер образца	P3	P4	P5	P6	P7	P8
Глубина, см	-264...-253	-253...-234	-234...-208	-208...-186	-186...-162	-162...-142
Слой	Темно-коричневая щепка над материком	Навоз	Навоз со щепой и гумусированным суллинком	Темно-серая щепка с навозом	Темно-серая щепка	Коричневая щепка
Соотношение со строительным ярусом	—	I	II	III	IV	V
Абсолютная датировка	I пол. — сер. XVII в. — 1649	1649–1667	1667–1676	1676–1700	1700–1709	1709–1718
Объем, л	5,0	4,2	5,5	4,0	3,9	4,3
Культурные злаки						
Овес посевной (<i>Avena sativa</i>)	1+1*	5*	+	12*ч.	1+9*	1+4*
Ячмень обыкновенный (<i>Hordeum vulgare</i>)					2	
Сумма макроостатков	2	5	+	12	12	5
Культивируемые растения						
Конопля (<i>Cannabis sativa</i>)	18*	7*	11*	2+25*	5*	4*
Хмель обыкновенный (<i>Humulus lupulus</i>)	17+38*	4*	2+12*	2+3*	1*	2+17*
Сумма макроостатков	73	11	25	32	6	23
Пищевые растения						
Брусника (<i>Vaccinium vitis idaea</i>)			1		1 л.	
Кедр, сосна сибирская (<i>Pinus sibirica</i>)	3*	4*	1*	11*	2*	18*
Клюква (<i>Oxycoccus</i> sp.)	1	4 л.				
Княженика (<i>Rubus arcticus</i>)	8+1*		2+1*	1		
Морошка (<i>Rubus chamaemorus</i>)	6+2*		2	1+1*		5*
Слива (<i>Prunus</i> sp.)		1*				
Смородина (<i>Ribes</i> sp.)	1	1			2	
Черемуха обыкновенная (<i>Padus avium</i>)			3*	3*		1*
Сумма макроостатков	22	10	10	17	5	24
Сорные травы						
Горец развесистый (<i>Persicaria lapathifolia</i>)	1	2	2	1		2
Гречишка вьюнковая (<i>Fallopia convolvulus</i>)	32*	3*	2+10*	5*	1+5*	14*
Звездчатка средняя, мокрица (<i>Stellaria media</i>)	7	10	23	30	11	7
Крапива двудомная (<i>Urtica dioica</i>)	25	6	43	12	1	26
Лебеда (<i>Atriplex</i> sp.)	2	3		3		14
Марь белая (<i>Chenopodium album</i>)	20+16*	8+5*	26	17+7*	12	8
Марь красная (<i>Chenopodium rubrum</i>)	33	4	3	7		2
Марь сизая (<i>Chenopodium glaucum</i>)	10+6*		4	3	6	5
Пикульник (<i>Galeopsis</i> sp.)	6*		2*		6*	
Спорыш птичий (<i>Polygonum aviculare</i>)	51	3	20	13	13	38
Спорыш (<i>Polygonum</i> sp.)	603	65	11		6	76
Шавель малый, щавелек (<i>Rumex acetosella</i>)			1		1	1
Ярутка полевая (<i>Thlaspi arvense</i>)	3*	1	1			1
Яснотка (<i>Lamium</i> sp.)		1	6	1	1*	
Сумма/кол-во таксонов	815/12	111/11	154/13	99/10	63/10	194/12
% от общего количества	72	29	27	6	12	16
Деревья и кустарники						
Береза (<i>Betula</i> sect. <i>Betula</i>)	1				1	1
Бузина (<i>Sambucus</i> sp.)	2*					
Ель сибирская (<i>Picea obovata</i>)	2*в. +20*хв.	18 хв.	3*в. 1*ч. 35*хв.	14*в. +790 хв.	1+6*в. +1*ч. +110*хв.	1*в. +20*хв.
Кедр (<i>Pinus sibirica</i>)	+	+	+	110*хв.	+	+
Лиственница сибирская (<i>Larix sibirica</i>)					1+2 ук.п	3 ук.п +2*ук.п.
Ольха (<i>Alnus</i> sp.)	1*ч.					
Пихта сибирская (<i>Abies sibirica</i>)	10*хв.	16*хв.	16*хв.	50*хв.	7*хв.	23*хв.
Сосна (<i>Pinus sylvestris</i>)						2* хв.
Черемуха (<i>Padus avium</i>)			+	+		+
Сумма/кол-во остатков пищевых растений	36/3	34/4	16/4	964/14	129/2	52/19
Луговые, болотные и лесные травы						
Бодяк огородный (<i>Cirsium oleraceum</i>)	4	1	10	3	1	3
Болотница болотная (<i>Eleocharis palustris</i>)					1	
Борщевик (<i>Heracleum</i> sp.)	6	4	19	4	1	3
Василисник желтый (<i>Thalictrum flavum</i>)	8			2		
Василисник малый (<i>Thalictrum minus</i>)		10	6	1	1	4
Василисник простой (<i>Thalictrum simplex</i>)			4			
Василисник (<i>Thalictrum</i> sp.)			1	2*		
Горец перечный (<i>Persicaria hydropiper</i>)						1
Горец (<i>Persicaria</i> sp.)				16		
Канареечник тростниковидный (<i>Phalaroides arundinacea</i>)		12	35	30		1
Дудник (<i>Angelica</i> sp.)			1			
Жерушник болотный (<i>Rorippa palustris</i>)	1					
Звездчатка (<i>Stellaria</i> sp.)	2					
Злаки (Poaceae gen. indet.)	1	3				
Калужница болотная (<i>Caltha palustris</i>)				3		1
Камыш (<i>Scirpus</i> sp.)	1					

Археоботаническое исследование посада Старотуруханского городища

Окончание т а б л .

Номер образца	P3	P4	P5	P6	P7	P8
Глубина, см	-264...-253	-253...-234	-234...-208	-208...-186	-186...-162	-162...-142
Слой	Темно-коричневая щепа над материком	Навоз	Навоз со щепой и гумусированным суглинком	Темно-серая щепа с навозом	Темно-серая щепа	Коричневая щепа
Соотношение со строительным ярусом	—	I	II	III	IV	V
Абсолютная датировка	I пол. — сер. XVII в. — 1649	1649–1667	1667–1676	1676–1700	1700–1709	1709–1718
Объем, л	5,0	4,2	5,5	4,0	3,9	4,3
Капустные (<i>Brassicaceae</i> gen. indet.)	8	3+5*	5		1	
Кубышка малая (<i>Nuphar pumila</i>)				1		
Купырь лесной (<i>Anthriscus sylvestris</i>)	2	1	1	1		2
Лапчатка (<i>Potentilla</i> sp.)						1
Лисохвост (<i>Alopecurus</i> sp.)	3*	40	12	13		5
Лобазник вязолистный (<i>Filipendula ulmaria</i>)		1	9	1		1
Лютик едкий (<i>Ranunculus acris</i>)						7
Лютик золотистый (<i>Ranunculus auricomus</i>) и лютик ползучий (<i>Ranunculus repens</i>)	50+10*	31	159+34*	243	132+48*	480+250*
Лютик ядовитый (<i>Ranunculus sceleratus</i>)						2+3*
Мерингия (<i>Moehringia</i> sp.)						1
Незабудка (<i>Myosotis</i> sp.)	3		2			1
Овсяница (<i>Festuca</i> sp.)		11	1			
Осока двусемянная (<i>Carex disperma</i>)		1	3		7	31
Осоки (<i>Carex</i> spp.)	44	3	6	23	11	17
Смолевка (<i>Silene</i> sp.)	4	2	6		1	1
Фиалка (<i>Viola</i> sp.)						1
Шавель (<i>Rumex</i> sp.)		3*		2*		10+3*
Сумма/кол-во таксонов	147/15	131/16	314/18	345/16	204/10	829/21
% от общего количества	13	34	55	22	39	68
Мохообразные (Bryophytes)						
Зеленые мхи (Bryophyta)	40*в.	55*в.	10*в.	70*в.	100*в.	80*в.
Сфагнум (<i>Sphagnum</i> sp.)		25*в.				
Общее количество макроостатков растений	1135	382	568	1539	519	1207

Примечание. Так как плоды и семена кедра и черемухи люди использовали в пищу, то эти растения в табл. приведены в двух группах — «пищевые растения» и «деревья и кустарники». Соответственно в итоговой графе по остаткам древесных растений указано и количество остатков пищевых.

Условные обозначения: цифра — количество плодов или семян; цифра* — количество их фрагментов; + — остатки присутствуют в небольшом количестве; в. — веточка; л. — лист; хв. — хвоя; ук.п. — укороченный побег; ч. — чешуя.

Почвенная колонка из шести образцов взята из южной стены раскопа в квадрате Г5/1, где отражена стратиграфия межжилищного пространства (рис. 1). Слои и постройки раскопа № 1 довольно точно датируются корреляцией стратиграфического и дендрохронологического методов [Визгалов, Рудковская, 2011]. Это дает возможность датировать взятые образцы с точностью до нескольких лет.

Образец P3 взят из нижнего слоя темно-коричневой щепы, расположенной над материком. В первые годы существования зимовья (с 1604 г. до середины XVII в.) место исследования не было занято постройками, но, скорее всего, оно было вытопано, так как является удобным взвозом на высокий останец. Это обстоятельство позволяет датировать образец P3 временем от начала основания Туруханского зимовья до 1649 г. — года начала строительства на этом месте.

Образец P4 — из слоя навоза, с уровня первой постройки (№ 9), соответственно относится ко времени I строительного яруса и датируется около 1649–1667 гг.

Образец P5 — из слоя, основу которого составляет навоз со значительной примесью щепы и гумусированного суглинка, с уровня первоначального этапа существования постройки № 8 (II строительный ярус), датируется около 1667–1676 гг.

Образец P6 взят из слоя темно-серой щепы с включениями навоза, соотносится с постройкой № 7 (III строительный ярус) и датируется около 1676–1700 гг.

Образец P7 — из слоя темно-серой щепы, одновременен постройке № 2 IV строительного яруса, датируется около 1700–1709 гг.

Образец P8 взят из верхнего из непереотложенных слоев раскопа — коричневой щепы. Слой соотносится с постройкой № 1а V строительного яруса, датируется 1709–1718 гг.

Слои раскопа, расположенные выше, не представлены в выборке. Эти слои испытали значительное влияние в процессе хозяйственной деятельности XX в., поэтому велика вероятность их загрязнения остатками современных растений.

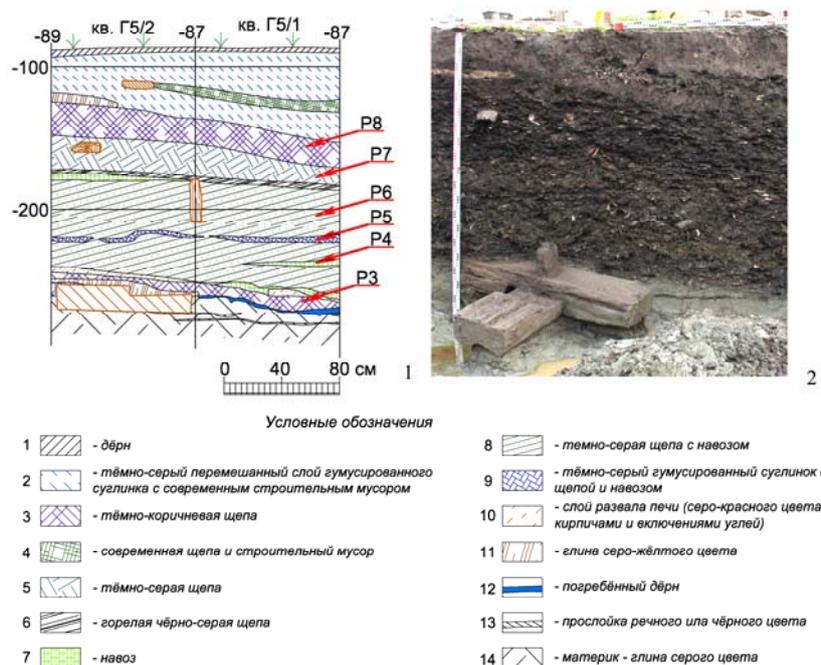

Рис. 1. Стратиграфия южной стенки раскопа № 1, кв. Г5/1, Г5/2:
 1 — стратиграфическая колонка с указанием места отбора образцов; 2 — южная стенка раскопа в кв. Г5/1, Г5/2. P3–P8 — место отбора образцов для палеокарпологического анализа

Обсуждение результатов

В результате анализа образцов из почвенной колонки отобрано более 5 тыс. остатков плодов и семян, 69 таксонов растений, для каждого образца получены видовые списки (семенные комплексы) растений, макроостатки которых встречаются в культурном слое Старотуруханского городища (рис. 2). В табл. эти растения разделены на группы в соответствии с их ролью в жизни людей и экологическими условиями произрастания.

Культурные злаки. В первую группу выделены остатки культурных злаков, которые в небольших количествах обнаружены во всех образцах. Овес встречается в виде зерновок, их фрагментов и чешуй. К сожалению, в образце P5 сохранность фрагментов такова, что не позволяет провести их количественный учет, поэтому можно говорить лишь о наличии остатков овса в этом слое (II строительный ярус). Кроме овса в образце P7 обнаружены 2 фрагмента зерновок ячменя (IV строительный ярус).

Несмотря на более благоприятные по сравнению с Мангазеей климатические условия, способствовавшие занятию скотоводством, данные палеокарпологического анализа не дают оснований полагать, что жители Старотуруханского городища выращивали культурные злаки, так как макроостатки этих растений встречаются единично. По данным таможенных книг, с середины XVII в. ячмень, овес, пшеницу и рожь в Туруханск завозили из Енисейска [Копылов, 1965, с. 40–89].

Заведение собственной пашни, которая удовлетворяла бы потребности разрастающихся сибирских острогов и городов, было одной из самых острых проблем колонизации Сибири XVII в. Поэтому на Енисейск в связи с его расположением возлагали в этом отношении большие надежды. И действительно, земледелие здесь возникло вскоре после основания Енисейского острога в 1619 г., а к концу XVII в. крестьяне стали самой многочисленной группой населения [Копылов, 1965, с. 37]. Известно, что к 1640-м гг. в Туруханском зимовье образовался «большой торг» — ежегодная ярмарка, на которую свозили для торговли и обмена со всего Мангазейского уезда меха и рыбу, основной же статьей продаж енисейских купцов был хлеб. Более того, путь хлебных поставок на Мангазею из Тобольска по Оби и Обской губе стал невыгоден уже с середины 1630-х гг., и хлеб стали завозить из Енисейска через Туруханск [Александров, 1964, с. 27]. Одной из главных причин переезда населения «на вечное житье» из Мангазеи на Турухан стала

Археоботаническое исследование посада Старотуруханского городища

«хлебная скудость». Но и в Туруханске продовольственная проблема оставалась острой на всем протяжении XVII в. Сохранились данные 1668 г. о принудительном переселении 30 семей ссыльных людей и тобольских переведенцев в Енисейск со специальной задачей организации хлебного производства в Енисейском уезде на нужды Мангазейского уезда [Копылов, 1965, с. 40]. «Хлебная скудость» была привычным явлением в Туруханске, часто выливаясь в голодовки. Даже местные служилые люди, обеспеченные систематическими хлебными окладами, получали их не полностью и постоянно жаловались на угрозу «голодной смерти» [Александров, 1964, с. 73]. Архивные данные находят подтверждение в результатах палеокарпологического анализа: малое количество обнаруженных в раскопе макроостатков культурных зерновых говорит об отсутствии собственной пашни в Туруханске-Новой Мангазее.

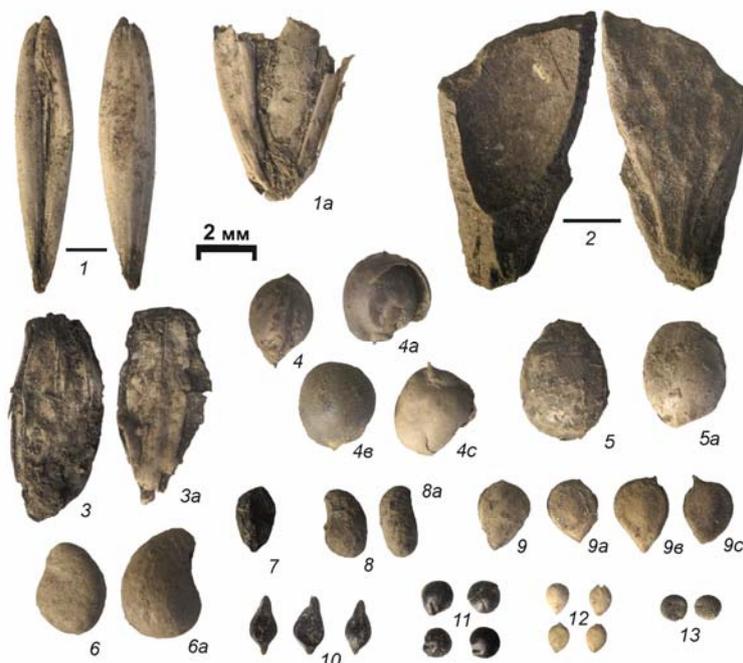

Рис. 2. Растительные макроостатки из отложений Старотуруханского городища:

1, 1a — зерновки овса (*Avena sativa*); 2 — фрагмент косточки сливы (*Prunus* sp.); 3, 3a — зерновки ячменя (*Hordeum vulgare*); 4–4c — плоды хмеля (*Humulus lupulus*); 5, 5a — орешки конопли (*Cannabis sativa*); 6, 6a — косточки моршкови (*Rubus chamaemorus*); 7 — косточка смородины (*Ribes* sp.); 8, 8a — косточки княженики (*Rubus arcticus*); 9–9c — орешки лютиков (*Ranunculus auricomus*, *R. repens*); 10 — орехи спорыша (*Polygonum* sp.); 11 — семена мари белой (*Chenopodium album*); 12 — семена крапивы (*Urtica dioica*); 13 — семена звездчатки средней (*Stellaria media*)

Культивируемые растения. В эту группу входят конопля и хмель. Область распространения конопли чрезвычайно обширна и занимает почти всю Северную Евразию. Эту культуру выращивают на полях, и она встречается как сорное растение около жилья, на пашнях, близ дорог, на береговых обрывах. Хмель как дикорастущее растение широко распространен в лесной зоне умеренного климата Евразии. Он растет по берегам рек и их островам, в зарослях ив и других кустарников, по тенистым оврагам, сыроватым лесам. Оба вида широко культивируются и очень легко дичают, поэтому естественные ареалы их довольно трудно выделить. Однако можно утверждать, что северные границы ареалов этих растений в Западной Сибири отмечаются значительно южнее Старотуруханского городища и не выходят за 59° с.ш. [Крылов, 1930]. Конопля в небольших количествах обнаружена во всех образцах. Она часто сохраняется в виде фрагментов плодов, находки целых единичны. Возможно, это связано с тем, что орешки довольно крупные, очень питательные (до 35 % жира) и хорошо поедаются различными животными и птицами, к примеру мышами. Поскольку естественный ареал конопли расположен южнее, семена этого растения, очевидно, были завезены людьми для выращивания в качестве прядильной культуры. Географические формы конопли посевной подразделяют на три группы: северную, среднерусскую и южную. Северную коноплю издавна возделывали в северных и северо-

западных районах европейской части России, включая Архангельскую область. Благодаря холодоустойчивости и короткому вегетационному периоду (сумма активных температур составляет около 1400 °С) этой культуры можно получать здесь удовлетворительный урожай [Аринштейн, 1973]. Не исключено также, что коноплю завезли с целью разведения, а затем она одичала и распространилась на территории поселения уже как сорное растение.

По данным архивных источников, первые сведения о выращивании русскими переселенцами конопли в Енисейске относятся к первой половине XVII в. В качестве технической культуры коноплю стали выращивать на личных крестьянских пашнях и приусадебных участках посадских людей [Копылов, 1965, с. 75]. Енисейские воеводы XVII в. жаловались, что пенька у приезжих людей в привозе бывает редко, а у крестьян ее можно купить в ограниченном количестве. К концу века положение несколько улучшилось — в таможенных книгах отмечаются явки крестьянами на продажу и на вывоз уже не только пеньки, но и пеньковой пряжи [Там же, с. 90].

Пенька и веревочные изделия были особенно необходимы для Туруханска, как опорного пункта снаряжения северных морских экспедиций. Поэтому коноплю, являющуюся менее прихотливой, чем зерновые, культурой, жители Туруханска могли разводить на приусадебных участках-конопляниках.

Макроостатки еще одного культивируемого растения — хмеля встречаются в небольшом количестве во всех образцах. Интересно, что больше всего их обнаружено в самом нижнем образце (первая половина — середина XVII в.). Так как хмель произрастает значительно южнее, вероятно, жители Старотуруханского городища завозили его, чтобы затем использовать в хлебопечении, пивоварении, а также для окраски тканей или в лечебных целях (оказывает успокаивающее, мочегонное и противовоспалительное действие).

Хмель завозили в виде высушенных соплодий (шишек), содержащих семена. При использовании в хлебопечении, пивоварении шишки погружали в жидкий продукт для придания особых свойств, а после использования целиком удаляли из конечного продукта, выбрасывали. Так семена хмеля, который произрастает значительно южнее, могли попасть в культурный слой данного памятника.

Пищевые растения. Ягоды брусники, клюквы, княженики, морозики, смородины, черемухи и семена кедра человек издавна употребляет в пищу. Макроостатки пищевых растений (всего 8 таксонов) встречаются в небольшом количестве во всех образцах. Примечательна находка небольшого фрагмента скорлупы косточки сливы (образец Р4, I строительный ярус). Наиболее вероятно, что слива была завезена в сушеном виде, а так как для сушки более пригодны южные сорта слив, то предположительно из Средней Азии или с Кавказа [Культурные растения СССР, 1978]. К примеру, по данным таможенных книг 1633, 1635 гг. известно, что на Мангазею завозили чернослив, косточки которого вместе с косточками вишни и скорлупой ореха лещины находили в культурном слое Мангазеи [Визгалов, Пархимович, 2008, с. 115].

Остальные макроостатки принадлежат местным видам растений, кроме пищевой ценности их плоды обладают лечебными свойствами, поэтому, несмотря на небольшое количество остатков, они играли важную роль в рационе людей, особенно в голодные годы, когда енисейская пашня, расположенная в зоне рискованного земледелия, из-за неурожая не могла обеспечить хлебом жителей Туруханска. К примеру, в челобитной 1696 г. местные жители писали, что в Туруханске не оказалось «в приплавле ни единого пуда» хлеба и приходится питаться «рыбой и травой» [Александров, 1964, с. 73], имея в виду в том числе дикие ягоды и орехи.

Сорные травы. Всего обнаружено 1436 макроостатков 14 таксонов сорных растений. Все эти растения и в настоящее время распространены на данной территории. Большинство остатков принадлежат растениям из группы рудеральных сорняков, произрастающих на мусорных местах, вдоль дорог, близ жилья людей. Макроостатков исключительно сеgetальных сорняков не обнаружено, хотя некоторые растения (марь белая, ярутка полевая), встречаются в посевах, на полях. Наиболее «засоренным» (72 % от общего количества макроостатков) оказался самый нижний образец за счет максимального количества семян спорышей. Эти растения устойчивы к вытаптыванию, произрастают по берегам рек, вытоптаным пустырям, во дворах, на тропинках, вдоль дорог, на выгонах, около жилищ. Также в этом образце много семян различных марей (красной, белой и сизой), крапивы и гречишки вьюнковой; семена и плоды других сорных растений встречаются единично. В вышележащих слоях (Р4 — 29 % и Р5 — 27 %) количество сорняков резко снижается, в образце Р6 достигает минимума — 6 %, а к верхним слоям немного увеличивается (Р7 — 12 %, Р8 — 16 %).

Археоботаническое исследование посада Старотуруханского городища

Количество и разнообразие остатков сорных растений свидетельствует об интенсивном антропогенном воздействии, которому подвергались почва и растительность близлежащей территории. Особенно активно заселение сорными растениями происходило на уровне нижнего образца (РЗ, датирующегося серединой XVII в.), когда под действием вытаптывания и разрушения почвенного покрова произошла замена луговой растительности на сорно-рудеральную, характерную для территорий населенных пунктов, участков вокруг жилья человека. Затем процесс стабилизировался, возникли устойчивые растительные группировки из рудеральной растительности и происходили только некоторые изменения в численности тех или иных растений, а иногда замена одних видов другими, более приспособленными к конкретным условиям окружающей среды. Это проявляется в изменении количества макроостатков различных видов сорных растений в разных слоях.

Следующие две группы растений характеризуют растительность окрестностей поселения в изучаемый период.

Деревья и кустарники. Географически данная территория относится к Приенисейской провинции Западной Сибири, в настоящее время Старотуруханское городище расположено в подзоне северотаежных лесов [Западная Сибирь, 1963, с. 207–208]. В лесах подзоны участвуют ель, кедр, сосна и береза, а также лиственница сибирская и местами пихта. Макроостатки всех перечисленных деревьев встречаются в исследуемых образцах. Непосредственно в окрестностях Старотуруханского городища из этих растений не произрастает сосна. Два фрагмента хвои сосны обнаружены в самом позднем образце (Р8, датирующемся 1709–1718 гг.). Возможно, они попали в слой вместе с завезенным с более южных территорий строительным материалом, что подтверждают данные определений древесины построек Старотуруханского городища¹.

Кроме того, в самом нижнем слое (середина XVII в.) обнаружены макроостатки ольхи и бузины. Эти кустарники встречаются под пологом темнохвойных и смешанных лесов, распространены в пределах южной и средней подзон тайги, заходя на север до 63°. Появление этих видов на 66-й параллели, вероятно, обусловливается отепляющим влиянием большой реки, текущей с юга на север (Енисей). Так и северная граница ареала пихты, сосны и ели резко поворачивает на север и по берегам Енисея заходит за Северный полярный круг [Западная Сибирь, 1963, рис. 52]. В образцах Р5, Р6 и Р8 встречаются фрагменты скорлупы косточек черемухи, которая могла расти не только в пойменных зарослях, но и на территории поселения, что наблюдается в Старотуруханске и в настоящее время. Это справедливо и в отношении бузины, которая также тяготеет к населенным пунктам.

Луговые, болотные и лесные травы. Эта группа остатков характеризует травянистую растительность окрестностей Старотуруханского городища. Большинство растений этой группы распространены на лугах, в разреженных лесах, на опушках, многие приурочены к влажным местообитаниям. В эту группу входят макроостатки 33 таксонов растений, из них только один вид является настоящим водным растением, в образце Р6 (III строительный ярус) обнаружено 1 семя кубышки малой, обитающей в воде озер, прудов, стариц. Сама находка водного растения не удивительна, поскольку рыбная ловля была одним из основных источников пропитания жителей Туруханска. Остатки водных и прибрежных растений, а также эфиппий дафнии на территорию городища занесли вместе с рыбой и орудиями лова.

Из представителей этой группы больше всего обнаружено плодов лютиков золотистого и ползучего, причем их максимальное количество обнаружено в позднем образце. Оба эти вида встречаются на лугах, лесных полянах и опушках, но лютик ползучий приурочен к более влажным местообитаниям. Наиболее разнообразно среди травянистых представлены растения влажных местообитаний, которые отмечаются по берегам рек и ручьев, на влажных лугах. Это бодяк огородный, калужница, василистники, жерушник, болотница, канареечник, лобазник, лютики едкий и ядовитый, дудник, горец перечный, камыш, осоки.

Мохообразные (различные зеленые мхи и сфагнумы), веточки которых встречаются во всех образцах, также являются растениями сырых местообитаний. Эти растения приносились на

¹ Дендрохронологическое датирование и ксилотомический анализ проведены д.и.н. В.С. Мыгланом (лаборатория естественно-научных методов в археологии и истории Института естественных и гуманитарных наук Сибирского федерального государственного университета, г. Красноярск). Из 96 образцов построек из раскопа только 4 образца оказались из сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris*). Все 4 образца от досок, причем их не удалось исследовать методом перекрестного датирования. Доски явно были вторичного использования, из древесины, привезенной или сплавленной по Енисею из более южных районов.

поселение намеренно, для заполнения зазоров между венцами стен построек, что фиксируется в раскопе практически во всех строениях.

Значительно меньше обнаружено остатков трав, растущих в разреженных лесах, на опушках (борщевик, купырь лесной). Макроостатки некоторых растений удалось определить только до рода (горец, звездчатка, лапчатка, лисохвост, незабудка, овсяница, смолевка, фиалка, щавель). Большинство видов из этих родов являются обычными представителями лугового разнотравья.

Выводы

Результаты анализа полученного палеокарпологического материала в сопоставлении с данными стратиграфии раскопа и дендрохронологического датирования с привлечением известных сведений из архивных источников позволяют сделать следующие выводы:

1. На месте расположения населенного пункта — на останце протоки наиболее заметные антропогенные изменения растительности произошли в первые годы заселения. Это демонстрирует самый ранний образец (РЗ), взятый из нижнего надматерикового слоя, датированного 1604–1649 гг. В результате вытаптывания и разрушения почвенного покрова произошла замена луговой растительности на сорно-рудеральную, характерную для территорий населенных пунктов, участков вокруг жилья человека. Затем процесс стабилизировался, возникли устойчивые растительные группировки из рудеральной растительности, приспособленной к новым условиям окружающей среды. Активному антропогенному влиянию подверглась территория населенного пункта и близлежащая к нему. Однако в окрестностях поселения сохранились естественные луговые и лесные растительные сообщества.

2. Соседство места расположения Туруханского зимовья — Новой Мангазеи с большой рекой положительно сказывалось на микроклимате данной территории. Это преимущество позволяло местным жителям XVII — начала XVIII в. заниматься выращиванием конопли, которая распространена значительно южнее. Данные палеокарпологического анализа подтверждают сведения архивных документов об отсутствии собственного зернового производства и о поставках из Енисейска ячменя, овса и других зерновых культур, а также хмеля.

3. В XVII — начале XVIII в. в окрестностях Туруханска были распространены разреженные северотаежные леса из ели, кедра, лиственницы с примесью березы и пихты, по берегам р. Турухан, проток и ручьев встречались заросли ольхи, черемухи. На территории населенного пункта около домов росли черемуха и бузина. В окрестностях поселения была широко распространена разнообразная луговая растительность, в том числе влажных и лесных лугов.

4. Жители использовали растительные ресурсы близлежащей территории, собирали ягоды и кедровые орехи, луговые растения широко использовали в хозяйстве — сено заготавливали на корм скоту, на травяные подстилки и т.п., мхом конопатили стены. Возможно, использовали в лечебных целях различные растения местной флоры (крапива, спорыш, лобзаник, горец перечный, мари). Не исключено, что вначале люди невольно способствовали широкому распространению некоторых сорных растений, а затем начали применять их как лекарственные (спорыш) или даже как хлебно-крупяные (марь белая).

5. Зажиточность населения Новой Мангазеи демонстрирует находка сливовой косточки — в качестве деликатесов до приполярного города доходили среднеазиатские (или кавказские) сухофрукты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Александров В.А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край) // Тр. ИЭ АН СССР. М.: Наука, 1964. Т. 87. 302 с.

Аринштейн А.И. Конопля // БСЭ. 3-е изд. М.: Сов. энцикл., 1973. Т. 13. С. 35–36.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: Новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. 296 с.

Визгалов Г.П., Рудковская М.А. Постройки на территории посада Старотуруханского городища (Новой Мангазеи) // Культура русских в археологических исследованиях: Междисциплинарные методы и технологии. Омск: Изд-во Омск. ин-та (филиала) РГТЭУ, 2011. С. 226–227.

Доброхотов В.Н. Семена сорных растений. М.: Сельхозиздат. 1961. 464 с.

Западная Сибирь. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 320 с.

Кац Н.Я., Кац С.В., Кипиани М.Г. Атлас и определитель плодов и семян, встречающихся в четвертичных отложениях СССР. М.: Наука, 1965. 367 с.

Археоботаническое исследование посада Старотуруханского городища

Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII в.: Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. Новосибирск: Редакционно-издательский отдел СО АН СССР, 1965. 297 с.

Крылов П.Н. Флора Западной Сибири. Томск, 1930. Вып. IV. С. 719–980.

Культурные растения СССР: Справочник-определитель. М.: Мысль, 1978. 336 с.

Леньков П.В. Семена кормовых трав. М.; Л., 1931. 104 с.

Никитин В.П. Палеокарпологический метод. Томск: Изд-во ТГУ, 1969. 82 с.

* Екатеринбург, ИЭРиЖ УрО РАН

korona@ipae.uran.ru

** ООО «НПО «Северная археология-1»

marykar@yandex.ru

The authors undertook a paleocarpological analysis of soil samples from excavation № 1 on the territory of a trading quarter of Staroturukhansk hillfort. The investigation enabled to describe vegetation composition of the Turukhan river basin before the development of this territory by Russian population, and to determine the impact extent of anthropogenic factor upon the flora over XVII — early XVIII cc. Subject to investigation being a potential of plant cultivation with Turukhansk — New Mangazeya residents and a role of the local vegetation resources in the economy.

Staroturukhansk hillfort, Turukhansk, New Mangazeya, XVII c., early XVIII c., paleocarpological method.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

«Вестник археологии, антропологии и этнографии» публикует на своих страницах работы теоретического, научно-исследовательского и информационного характера по вопросам археологии, антропологии, этнографии и смежных научных дисциплин. Направляемые для публикации материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в настоящем издании.

1. Содержание статьи должно соответствовать тематике и рубрикации «Вестника...». Основные разделы журнала — «Археология», «Антропология», «Этнология», «Палеоэкология» — включают как аналитические работы, так и статьи, представляющие собой исчерпывающие публикации материалов конкретных археологических памятников, антропологических серий, этнографических коллекций и т.д. В отдельные номера журнала включаются рубрики «Рецензии» и «Хроника». Иные материалы могут быть опубликованы в «Вестнике...» только по специальному решению редакционной коллегии. Ограничивать тематику публикуемых работ в территориальном и хронологическом отношениях редколлегия в ближайшем будущем не намерена. Однако при прочих равных условиях приоритет будет отдаваться работам, написанным на материалах Тюменского региона, Западной Сибири, Урала и сопредельных областей.

2. Рукопись должна быть представлена в редакцию «Вестника...» в печатном и электронном (на диске) вариантах. И печатный, и электронный варианты рукописи должны включать:

- а) основной текст статьи (рекомендуется выделять введение, основную часть, обсуждение результатов, заключение);
- б) библиографический список;
- в) иллюстрации и подрисуночные подписи, вставленные в текст после ссылок на рисунки (если рукопись снабжена иллюстрациями);
- г) список сокращений;
- д) аннотацию;
- е) список ключевых слов;
- ж) сведения об авторе (авторах) статей с обязательным указанием ФИО (полностью), места работы, должности, телефона, e-mail.

Непременным условием принятия рукописи к публикации является абсолютная идентичность ее печатного и электронного вариантов. Печатный вариант статьи направлять по адресу: 625003, а/я 2774, ИПОС СО РАН, редколлегия журнала. Статьи, отправленные только на электронный адрес, без дублирования печатного текста по обычной почте, не рассматриваются.

3. Общий объем рукописи (включая основной текст статьи, таблицы, иллюстрации, библиографический список) не должен превышать 1 авт. л. (40 тыс. знаков) для основных разделов «Вестника...» и 0,3 авт. л. для разделов «Рецензии» и «Хроника». Статья должна содержать не более 5 иллюстраций. Одна иллюстрация размером 160×225 мм приравнивается к 1/8 авт. л. Рукописи объемом свыше 1 уч.-изд. л. не рассматриваются.

4. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

5. Не допускается:

- производить табуляцию;
- выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);
- форматировать заголовки, текст, делать принудительные переносы, пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона;

6. В качестве иллюстраций к статье могут выступать графические изображения (рисунки, чертежи и т.д.), черно-белые и цветные фотографии (последние будут воспроизведены в черно-белом виде), а также графики, диаграммы. **Номера позиций на рисунках набираются курсивом.**

Фотографии должны быть контрастными, с хорошо проработанными деталями.

Все прилагаемые к рукописи иллюстрации должны иметь общую нумерацию в соответствии с порядком их расположения в тексте статьи (рис. 1, 2, 3 и т.д.). На обороте каждой иллюстрации следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. На обратной стороне иллюстраций с неясной ориентацией необходимо уточнить, где находится их верхняя часть, а где — нижняя.

В подрисуночных подписях необходимо расшифровать все условные обозначения на иллюстрациях, соблюдая точное соответствие обозначений и нумерации на рисунках, в подрису-

ночных подписях и основном тексте рукописи. Иллюстрации не должны быть перегружены текстовыми пояснениями.

7. Таблицы должны быть представлены без разрывов при переходе с одной страницы на другую. Все таблицы должны иметь общую нумерацию арабскими цифрами и заголовок. Диагональное членение ячеек в таблицах не допускается.

8. Сноски к тексту статьи следует размещать внизу соответствующих страниц. Нумерация сносок сквозная, арабскими цифрами.

9. Библиографический список приводится в алфавитном порядке, при этом первыми в нем должны стоять работы, изданные на кириллице. В этот же список при необходимости включаются под заголовком «Источники» публикации документов, архивные материалы, отчеты о полевых исследованиях. Труды одного автора располагаются в хронологической последовательности, а вышедшие в одном и том же году — в алфавитном порядке с добавлением к году издания данной работы соответствующих литер: а, б, в и т.д. **Для работ, опубликованных в течение последних десятилетий, обязательно указываются издательство и страницы.**

Ссылки на использованную литературу приводятся в тексте рукописи в **квадратных скобках** в алфавитном порядке (например: [Деревянко и др., 2000, с. 24; Древние культуры..., 1994, с. 115; Зданович, 1984б, с. 201; Морозов, 1976]).

При оформлении списка литературы следует придерживаться следующего порядка библиографического описания книг, статей и отчетов (ФИО авторов или название работы набираются курсивом, в инициалах авторов между именем и отчеством пробел не ставится):

Анисимов А.Ф. Космогонические представления народов Севера. М.; Л.: Наука, 1966. 243 с.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цзвэндорж Д. и др. Многослойная пещерная стоянка Цаган Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 23–36.

Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / А.П. Деревянко, В.И. Молодин, Д.Г. Савинов и др. Новосибирск: Наука, 1994. 224 с.

Зах В.А., Скочина С.Н. Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. С. 4–11 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

Зданович Г.Б. К вопросу об андроновском культурно-историческом единстве // КСИА. 1984а. Вып. 177. С. 29–37.

Зданович Г.Б. Относительная хронология памятников бронзового века Урало-Казахстанских степей // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: БашГУ, 1984б. С. 3–23.

Ковалева В.Т., Варанкин Н.В. Новые памятники на озере Андреевском // АО 1976 г. М.: Наука, 1977. С. 204–205.

Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988. 34 с.

Морозов В.М. Отчет об археологических работах, произведенных в Тюменской области в 1975 г. Свердловск, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1, № 5278.

Budd P. Alloying and metallworking in the copper age of Central Europe // Bull. of the Metals Museum. Sendai, 1992. Vol. 17. P. 3–14.

Radivojevic M., Rehren T., Pernicka E. et al. On the origins of extractive metallurgy: new evidence from Europe // Journ. of Archaeol. Science. 2010. № 37. P. 2775–2787.

10. В аннотации средним объемом 500 печатных знаков необходимо четко сформулировать цели, главные положения и результаты работы. Для облегчения перевода аннотаций на английский язык следует пояснить, от каких географических названий образованы встречающиеся в тексте наименования археологических культур, периодов, типов и т.п., приведя после наименований в скобках соответствующие топонимы в именительном падеже единственного числа. **В конце аннотации необходимо привести ключевые слова.**

11. Плата за публикацию статей аспирантов не взимается.

12. **Текст статьи должен быть тщательно выверен и подписан каждым из авторов.**

Полное соблюдение правил оформления статей будет способствовать максимально быстрому выходу в свет присылаемых материалов.

Адрес редакции:

625003, Тюмень, а/я 2774, ИПОС СО РАН

Тел. (345-2) 22-93-60; 68-87-68. E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru (с указанием в теме письма раздела «Вестника археологии, антропологии и этнографии»)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР — Академия наук СССР
БСЭ — Большая советская энциклопедия
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ГАКК — Государственный архив Красноярского края
ГБУ ГАТО — Государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Тюменской области»
ГУТО ГА в г. Тобольске — Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»
ДВО РАН — Дальневосточное отделение РАН
ИА РАН — Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИА УрО РАН — Институт истории и археологии УрО РАН
ИИС — Из истории Сибири
ИИФиф СО АН СССР — Институт истории, филологии и философии СО АН СССР
ИПОС СО РАН — Институт проблем освоения Севера СО РАН
ИЭ АН СССР — Институт этнографии АН СССР
ИЭА РАН — Институт этнологии и антропологии РАН
ИЭРиЖ УрО РАН — Институт экологии растений и животных УрО РАН
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
ЛАЕНМ — лаборатория археологии и естественно-научных методов
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ПМА — Полевые материалы автора
РА — Российская археология
РАН — Российская академия наук
САИ — Свод археологических источников
СБАО — Северный берег Андреевского озера
СВКНИИ ДВО РАН — Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН
СВНЦ ДВО РАН — Северо-Восточный научный центр ДВО РАН
СО РАН — Сибирское отделение РАН
СЭ — Советская этнография
ТОКМ — Тюменский областной краеведческий музей
ТюмГНГУ — Тюменский государственный нефтегазовый университет
УИВ — Уральский исторический вестник
УрО РАН — Уральское отделение РАН
ХМАО — Югра — Ханты-Мансийский автономный округ — Югра
ЧГИГН — Чувашский государственный институт гуманитарных наук
ЮАО — Южный берег Андреевского озера
ЯНАО — Ямало-Ненецкий автономный округ

Журнал

Вестник археологии, антропологии и этнографии

№ 1 (24)

2014

Редактор	Е.М. Зах
Верстка	М.В. Крашенинина, С.А. Иларионова
Художник	С.А. Иларионова
Перевод на английский	Г.В. Коротаева

ЛР ИД № 03056 от 18.10.2000. Подписано в печать 17.03.2014. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Усл. печ. л. 18,5. Уч.-изд. л. 20,9. Формат 84×108 1/16. Гарнитура «Arial». Тираж 300 экз.
Заказ №

Издательство Института проблем освоения Севера СО РАН.
625026, Тюмень, ул. Малыгина, 86.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Сибирском предприятии «Наука» АИЦ РАН.
630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25.